

Японские дома и их окрестности

Эдвард Сильвестр Морз

Japanese Homes and Their Surroundings

Edward Sylvester Morse

Электронная книга проекта Гутенберга о японских домах и их окрестностях

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Японские дома и их окрестности

Автор: Эдвард Сильвестр Морс

Дата выхода: 21 августа 2016 [Электронная книга № 52868]

Язык: Английский

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЯПОНСКИЕ ДОМА И ИХ ОКРЕСТНОСТИ" ***

ЯПОНСКИЕ ДОМА И ИХ ОКРЕСТНОСТИ

С иллюстрациями автора

Эдвард С. Морс

Директор Академии наук Пибоди; Покойный профессор зоологии Токийского университета, Япония; Член Национальной академии наук; член Американской академии искусств и наук; И т.д.

Harper & Brothers, Франклин-сквер, Нью-Йорк,
1889

Содержание

- ПРЕДИСЛОВИЕ
 - Введение
 - ГЛАВА I.
 - ГЛАВА II. ТИПЫ ДОМОВ.
 - ГЛАВА III. Интерьеры
 - ГЛАВА IV. ИНТЕРЬЕРЫ (Продолжение).
 - ГЛАВА V. ВХОДЫ И ПОДХОДЫ.
 - ГЛАВА VI. САДЫ.
 - ГЛАВА VII. ПРОЧИЕ ВОПРОСЫ.
 - ГЛАВА VIII. ДРЕВНИЙ ДОМ.
 - ГЛАВА IX. СОСЕДНИЙ ДОМ.
 - Глоссарий.
 - Сноски
-

Иллюстрации

- Рис. 1. Вид Токио с магазинами и жилыми домами. (Скопировано с фотографии).
- Рис. 2. Вид Токио с храмами и садами. (Скопировано с фотографии).
- Рис. 3. Вид на Эносиму (скопировано с фотографии).
- Рис. 4. Боковое обрамление.
- Рис. 5.—Сбивание камней фундамента.
- Рис. 6.—Камни фундамента.
- Рис. 7.—Сечение каркаса.
- Рис. 8.—Обрамление.
- Рис. 9. Торцевой каркас Большого здания.
- Рис. 10. Каркас крыши Большого здания.
- Рис. 11.—Каркас крыши Куры.
- Рис. 12. Каркас обычного двухэтажного дома.
- Рис. 13.—Внешние фигурные скобки.
- Рис. 14. Внешняя скоба.
- Рис. 15. Декоративная скоба.
- Рис. 16.—Способ распила древесины для отделки дома.
- Рис. 17.—Секция стойки с канавкой для перегородки.
- Рис. 18.—Связка досок.
- Рис. 19.—Сечение потолка.
- Рис. 20.—Потолок-стропила временно поддерживаются.
- Рис. 21. Способ подвешивания потолка, если смотреть сверху.
- Рис. 22. Потолочная доска, утяжеленная камнями.

- Рис. 23.Потолочная доска в шкафу.
- Рис. 24.Способ извлечения досок из пачки для сохранения однородности зернистости.
- Рис. 25.Расположение квадратных плиток на боковой стороне дома.
- Рис. 26. Японские плотницкие тиски.
- Рис. 27.— Обычные плотницкие инструменты.
- Рис. 28. Японская корзинка для ногтей.
- Рис. 29.—Столярная разметочная щетка из дерева.
- Рис. 30.—Суми-Цубо.
- Рис. 31.—Японский отвес.
- Рис. 32. — Древний плотник (скопирован со старой картины).
- Рис. 33.—Улица в Канда-Ку, Токио.
- Рис. 34.—Улица в Канда-Ку, Токио.
- Рис. 35.Квартал дешевых многоквартирных домов в Токио.
- Рис. 36.—Вид улицы жилого дома в Токио.
- Рис. 37.—Вид на Жилище из сада, Токио.
- Рис. 38.—Жилище недалеко от Кудана, Токио.
- Рис. 39.Загородная гостиница в Рикузене.
- Рис. 40.Загородная гостиница в Рикузене.
- Рис. 41.—Дом недалеко от Морорана, Езо.
- Рис. 42. —Эркер, деревня Одзука, Рикузен.
- Рис. 43.—Трехэтажный дом в Рикучиу.
- Рис. 44.—Улица в пригороде Мориоки.
- Рис. 45. Старый фермерский дом в Кабутьяме.
- Рис. 46.—Вход во внутренний двор Старого дома в Киото.
- Рис. 47.—Старый дом в Киото. Вид со двора.
- Рис. 48.Старый дом в Киото, вид на сад.
- Рис. 49.—Дом в Токио.
- Рис. 50.—Вид со второго этажа жилого дома в Имадо, Токио.
- Рис. 51.—Старая гостиница в Мисиме, Суруга.
- Рис. 52.—Деревенская улица в Насайке, Ямасиро.
- Рис. 53.Берег Осуми.
- Рис. 54. Фермерские дома в Мототару—Мидсу, Осуми.
- Рис. 55. Рыбацкие хижины в Хакодате.
- Рис. 56. Рыбацкие хижины в Эносиме.
- Рис. 57.—Кура в Токио.
- Рис. 58.—Кура, или Противопожарные здания в Токио.
- Рис. 59.—Старый дом в Хакодате.
- Рис. 60.—Хисаси.
- Рис. 61.Связка дранки, гвоздей и молотка.
- Рис. 62.Рука Шинглера.
- Рис. 63.Бамбуковые полосы на черепичной крыше.
- Рис. 64.—Крыша с частично уложенной черепицей.

- Рис. 65. Гребень на черепичной крыше в Мусаси.
- Рис. 66.—Водовод.
- Рис. 67.—Конек черепичной крыши.
- Рис. 68.Декоративное покрытие плиток.
- Рис. 69.Декоративное покрытие плиток.
- Рис. 70.Декоративное покрытие плиток.
- Рис. 71.—Карниз черепичной крыши.
- Рис. 72. Черепичная крыша Нагасаки.
- Рис. 73. Хон—гавара, или Настоящая плитка.
- Рис. 74.—Карниз Эдо-гавара, или Эдо-черепица.
- Рис. 75.—Карниз из французской плитки.
- Рис. 76.—Плитка Итами для конька.
- Рис. 77.—Каменная крыша.
- Рис. 78. Соломенная крыша и орудия труда тэтчера.
- Рис. 79.Конец крыши в Фудзите, Иваки.
- Рис. 80.Черепичный гребень соломенной крыши в Иваки.
- Рис. 81.Черепичный гребень соломенной крыши в Мусаси.
- Рис. 82.Бамбуковый гребень соломенной крыши в Мусаси.
- Рис. 83.— Соломенная крыша, недалеко от Токио.
- Рис. 84.— Соломенная крыша, недалеко от Токио.
- Рис. 85. Конек соломенной крыши в Кабутояме, Мусаси.
- Рис. 86. Гребень соломенной крыши в Оми.
- Рис. 87. Черепица и бамбуковый гребень соломенной крыши, Такацуки, Сэцу.
- Рис. 88. Гребень соломенной крыши в Микаве.
- Рис. 89. Гребень соломенной крыши в Киото.
- Рис. 90. Гребень соломенной крыши в Микаве.
- Рис. 91.Гребень соломенной крыши в Киеве.
- Рис. 92. Соломенная крыша в Тотоми.
- Рис. 93.Гребень соломенной крыши в Киеве.
- Рис. 94. Гребень соломенной крыши в Исе.
- Рис. 95.Мощеное пространство под карнизом соломенной крыши.
- Рис. 96.Комната для гостей в Хачи—иши.
- Рис. 97.—План жилого дома в Токио. Р, Гостиная или гостевая комната; S, Гостиная; D, столовая; L, библиотека, St, Кабинет, SR Комната для прислуги; В, спальня, К, кухня, Н, холл; V Вестибюль; С, Чулан; Т Токонома; Sh, Святилище, U и L, Уборная.
- Рис. 98.—План жилого дома в Токио. Р - Гостиная или комната для гостей; В - Спальня; К - Кухня; SR - комната для прислуги; BR- ванная комната; Е, Е- Боковые входы; V Вестибюль; Н - Холл; WR - комната ожидания; С - Кладовка; Т Токонома; U и L - Уборная.
- Рис. 99.План части резиденции дайме.
- Рис. 100.—Мат.
- Рис. 101.Расположение ковриков в комнатах разного размера.
- Рис. 102.Положение женщины в положении сидя.

- Рис. 103.—Секция, проходящая через веранду и гостевую комнату.
- Рис. 104.Тростниковыйэкран.
- Рис. 105.—Раздвижная панель.
- Рис. 106.—Хикитэ.
- Рис. 107.—Хикитэ.
- Рис. 108.—Хикитэ.
- Рис. 109.—Хикитэ.
- Рис. 110.Хикитэ со шнуром.
- Рис. 111.Выпрямление рамы сиди.
- Рис. 112.Сиди с орнаментальной рамкой.
- Рис. 113. Часть Токо—Баширы.
- Рис. 114, 115, 116 и 117. Гвозди с декоративными головками.
- Рис. 118.—Полки, контрастирующие с обычным рисунком тумана или облаков.
- Рис. 119—Комната для гостей.
- Рис. 120.Комната для гостей с нишами по углам.
- Рис. 121.Комната для гостей с круглым окном.
- Рис. 122.Комнатадлягостей с письменным столом.
- Рис. 123.Гостевая комната с широкой токономой.
- Рис. 124.—Небольшая комната для гостей.
- Рис. 125.—Гостевая комната жилого дома в Токио.
- Рис. 126. Гостевой дом в Киемидзу, Киото.
- Рис. 127.Гостевая комната жилого дома в Токио.
- Рис. 128.Гостевая комната загородного дома.
- Рис. 129.Угол гостевой комнаты.
- Рис. 130.Чайная комната в храме Нань—эн-дзи, Киото.
- Рис. 131.Чайная комната в керамике Фудзими, Нагоя.
- Рис. 132.Чайная комната в Миядзиме.
- Рис. 133.—Кухонный гарнитур для чайных принадлежностей.
- Рис. 134.Чайная комната в Имадо, Токио.
- Рис. 135.—Угол чайной комнаты, показанный на рис. 134.
- Рис. 136. Комната на втором этаже старого здания в Кавагое, Мусаси.
- Рис. 137. Комната в куру, переоборудованная под библиотеку, Токио.
- Рис. 138.—Каркас для драпировки комнаты в куру.
- Рис. 139. Пространство между жилым помещением и курой, перекрытое и используемое как кухня в Токио.
- Рис. 140.Дверной проем старой куры в Киото.
- Рис. 141.Ключ от куры и связка ключей.
- Рис. 142.—Навесной замок на куру.
- Рис. 143. Потолок, обшитый панелями.
- Рис. 144. Рамма в деревне Хаконе.
- Рис. 145.Бамбуковая рама.
- Рис. 146.Фарфоровая рама в Токио.

- Рис. 147. Рамка из бамбука и перфорированная панель.
- Рис. 148. Резная деревянная рамма в деревне Годзио, Ямато.
- Рис. 149. Резная деревянная рама в городе Яцусиро, Хиго.
- Рис. 150. Рамма, составленная из двух тонких досок, в Нагое, Овари.
- Рис. 151. Седзи для окна.
- Рис. 152. Седзи—оконная рама.
- Рис. 153. Седзи—рама для окна.
- Рис. 154.—Окно.
- Рис. 155. Бийо—бу, или складная ширма.
- Рис. 156. Кованое металлическое крепление рамы экрана.
- Рис. 157. Экранная коробка.
- Рис. 158. Опора для грохота.
- Рис. 159.—Фуросаки Бие-бу.
- Рис. 160. Модель цуй—тате в керамике.
- Рис. 161.—Цуй-тейт.
- Рис. 162. Бамбуковые занавески.
- Рис. 163. Бамбуковая занавеска.
- Рис. 164.—Шторный экран.
- Рис. 165. Шторы с бахромой.
- Рис. 166. Разрезанная занавеска.
- Рис. 167. Кухня в старом фермерском доме в Кабутояме.
- Рис. 168.—Кухонная плита.
- Рис. 169. Кухонная плита с дымоотводом.
- Рис. 170. Кухня в городском доме.
- Рис. 171.—Жаровни.
- Рис. 172. Бамбуковая подставка и футляр для ножей.
- Рис. 173.—Цзи-цзай
- Рис. 174. Камин в загородном доме.
- Рис. 175.—Лучший камин.
- Рис. 176. Регулируемое приспособление для поддержки чайника.
- Рис. 177.—Кухонный шкаф, выдвижные ящики, буфет и лестница вместе взятые.
- Рис. 178.—Перила лестницы.
- Рис. 179. Ступени на веранду.
- Рис. 180.—Ванна с боковой духовкой.
- Рис. 181. Ванна с внутренним дымоходом.
- Рис. 182.—Ванна в разрезе, с духовкой снаружи помещения.
- Рис. 183. Ванна с наружной нагревательной камерой.
- Рис. 184. Ванна с железным основанием.
- Рис. 185. Туалет в загородном отеле.
- Рис. 186. Туалет в частном доме.
- Рис. 187. Туалет, скопированный из японской книги.
- Рис. 188-192.—Формы полотенецсушителей.

- Рис. 193. Формы подушек общего пользования.
- Рис. 194.—Показано положение головы на подушке.
- Рис. 195.Устройство обогрева в полу.
- Рис. 196—Подлокотник.
- Рис. 197.—Обыкновенный хибачи.
- Рис. 198.—Хибачи.
- Рис. 199.—Хибачи.
- Рис. 200.Хибачи, приготовленный для компании.
- Рис. 201.—Табако-бон.
- Рис. 202.—Табако-бокс.
- Рис. 203.—Табако-бокс.
- Рис. 204.Поддон для хранения горящих древесных углей.
- Рис. 205.Железный подсвечник.
- Рис. 206.—Лампа.
- Рис. 207.—Лампа.
- Рис. 208. Лампа и лакированная подставка.
- Рис. 209.—Настенный светильник.
- Рис. 210.—Лампа.
- Рис. 211.Керамическая лампа.
- Рис. 212.Керамическая лампа.
- Рис. 213.Керамический подсвечник.
- Рис. 214.Стационарный уличный фонарь.
- Рис. 215.—Домашняя святыня.
- Рис. 216.—Ласточкины гнезда в частном доме.
- Рис. 217.Внутреннее убранство уборной.
- Рис. 218.— Вход в гостиницу в деревне Хачи-иши, Никко.
- Рис. 219. Уборная, соединенная с домом торговца в Асакусе.
- Рис. 220.Интерьер уборной в Асакусе.
- Рис. 221.—Главный вход в дом.
- Рис. 222.План вестибюля и холла.
- Рис. 223.—Шкаф для обуви.
- Рис. 224.—Полка для фонарей в прихожей.
- Рис. 225.—Решетчатый вход с раздвижной дверью.
- Рис. 226.—Пол веранды.
- Рис. 227.Веранда старого дома Киото.
- Рис. 228.Балконные перила.
- Рис. 229.Балконные перила и перфорированные панели.
- Рис. 230.Балконные перила.
- Рис. 231.Балконные перила.
- Рис. 232.Балконные перила.
- Рис. 233.—Замок дождевой двери снят.
- Рис. 234.—Замок дождевой двери закрыт на засов.

- Рис. 235. Ручка для дождевой двери.
- Рис. 236. Угловой ролик для дождевой двери.
- Рис. 237. Веранда с изображением распашного шкафа для защиты от дождя, а также Чодзу—бачи.
- Рис. 238.—Чодзу-бачи.
- Рис. 239.—Чодзу-бачи.
- Рис. 240.—Чодзу-бачи.
- Рис. 241. Чодзу—бачи и Хисаши-йен.
- Рис. 242. Ворота в здании ясики.
- Рис. 243. Ворота городского дома изнутри.
- Рис. 244.—Задвижка-погремушка.
- Рис. 245.—Засов для маленькой раздвижной двери в шлюзе.
- Рис. 246. Ворота в городскую резиденцию.
- Рис. 247. Ворота в городскую резиденцию.
- Рис. 248. Ворота близ Токио.
- Рис. 249.—Шлюз.
- Рис. 250. Ворота в деревенском стиле.
- Рис. 251. Ворота в деревенском стиле.
- Рис. 252. Садовая калитка в деревенском стиле.
- Рис. 253. Садовые ворота.
- Рис. 254.—Обычный деревянный забор.
- Рис. 255.—Забор из кольев.
- Рис. 256. Бамбуковая изгородь.
- Рис. 257.—Забор в деревне Хаконе.
- Рис. 258. Загородка в загородном стиле.
- Рис. 259. Содэ—гаки.
- Рис. 260. Содэ—гаки.
- Рис. 261. Содэ—гаки.
- Рис. 262. Зарешеченный проем в заборе.
- Рис. 263.—Садовая табличка.
- Рис. 264. Иши—доро в Токио
- Рис. 265. Иши—доро в Миядзиме
- Рис. 266. Иши—доро в Сирако, Мусаси.
- Рис. 267. Иши—доро в Уцуномии.
- Рис. 268.—Каменный пешеходный мост.
- Рис. 269.—Каменный пешеходный мост.
- Рис. 270. Садовый ручей и пешеходный мостик.
- Рис. 271.—Летний домик в частном саду, Токио.
- Рис. 272.—Летний домик в императорском саду, Токио.
- Рис. 273.—Оформление в загородном стиле в летнем доме, Кобе.
- Рис. 274.—Деревенский проем в летнем домике, Оказаки.
- Рис. 275.—Различные формы садовых дорожек.

- Рис. 276.—Деревянное корыто для растений.
- Рис. 277. Горшок для растений из старой доски.
- Рис. 278.—Карликовая слива.
- Рис. 279.—Карликовая сосна.
- Рис. 280. Сосна с необычной дрессировкой.
- Рис. 281.—Карликовая сосна.
- Рис. 282.—Кусты, укутанные на зиму соломой.
- Рис. 283. — Показаны подходы к дому. (Воспроизведено по японскому произведению “Тикусан тэйдзодэн”.)
- Рис. 284. Небольшой сад— принадлежащий священникам буддийского храма. (Воспроизведено по японскому произведению “Тикусан тэйдзодэн”.)
- Рис. 285. — Сад торговца. (Воспроизведено по японскому произведению “Тикусан тэйдзодэн”.)
- Рис. 286. Сад даймио. (Воспроизведено по японскому произведению “Тикусан тэйдзодэн”.)
- Рис. 287.—Древняя форма колодезного бордюра.
- Рис. 288. Каменный бордюр колодца в частном саду.
- Рис. 289. Деревянный каркас колодца.
- Рис. 290. Каркас колодца в деревенском стиле.
- Рис. 291.—Водохранилище акведука в Миядзиме, Аки.
- Рис. 292.—Акведуки в Миядзиме, Аки.
- Рис. 293.—Колодец в Кага Ясики, Токио.
- Рис. 294. Подвесная подставка для цветов из бамбука.
- Рис. 295. Подвесной держатель для цветов корзиночной работы.
- Рис. 296. Дешевый кронштейн для цветочных горшков.
- Рис. 297. Любопытная комбинация ведерок для цветов.
- Рис. 298. Картина в рамке с подставками.
- Рис. 299.—Хашира какуши.
- Рис. 300.—Письменный стол.
- Рис. 301. Установка на крыше дома с ведром и щеткой.
- Рис. 302. Ящик для транспортировки предметов.
- Рис. 303. Малайский дом недалеко от Сингапура.
- Рис. 304. Гребень крыши в Чолоне, Анам.
- Рис. 305. Интерьер малайского дома, показывающий спальное место. Сингапур.
- Рис. 306.—Дом Айно, Езо.
- Рис. 307.—Дом Айно, Езо.

Уильяму Стерджису Бигелоу, доктору медицины, В память о восхитительных впечатлениях, полученных в “Сердце Японии”, АВТОР с любовью подписывает этот том.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В чрезвычайно интересной статье профессора К. Мицукури о раннем изучении голландского языка в Японии, ¹ автор имеет случай сослаться на дядю одного из трех известных японских ученых, который перевел на японский язык голландскую книгу по анатомии. Он говорит, что этот дядя “Мияда был почти эксцентричен по своему характеру. Он считал своим священным долгом изучить любое искусство или достижение, которое, возможно, уходит из мира, а затем описать его так полно, чтобы оно могло быть сохранено для потомков”. Племянник был верен наставлениям своего дяди, и “хотя по профессии он увлекался медициной, он взял на себя труд выучить ‘хитойогири’ — определенный вид музыки, который был почти забыт, — и даже зашел так далеко, что изучал своего рода драматическую игру”.

Хотя я и не был воодушевлен духом Мияды, когда взялся за сбор материала, воплощенного в этой работе, теперь я чувствую, что труд был не совсем напрасным, поскольку это может привести к сохранению многих деталей японского дома, — возможно, некоторых из них тривиальных, — которые через несколько десятилетий будет трудно, если не невозможно, получить. Независимо от того, было это достигнуто или нет, похвальному честолюбию старого японского ученого вполне мог бы подражать студент—этнолог в своих исследованиях, поскольку ничто не может быть важнее изучения тех наций и народностей, которые проходят через глубокие изменения и перестройку в результате их вынужденного контакта с энергичными, эгоистичными и меркантильными нациями Запада, сопровождаемого с их стороны пропагандой, в некоторых отношениях столь же корыстной.

Благодаря деятельности ряда студентов различных национальностей, работающих на японское правительство, и в особенности благодаря научным *атташе* английского представительства в Японии, было получено много информации об этих интересных людях, которая в противном случае могла быть утеряна. Если исследователи и студенты будут помнить о заповеди Мияды и ухватятся за те черты социальной жизни — формы этикета, рамки, церемонии и другие манеры и обычаи, — которые изменяются в первую очередь при любом контакте с инопланетными расами, то для будущего социолога будет выполнена очень важная работа. Студент-уроженец Японии мог бы оказать величайшую услугу в этой работе, записав у пожилых людей, пока не стало слишком поздно, социальные особенности и привычки своего собственного народа такими, какими они были до поздней революции. В Японии уже произошли глубокие перемены, и другие изменения все еще продолжаются. Как свидетельство быстроты некоторых из этих изменений, можно сослаться на интересные мемуары мистера Макклатчи “Феодалные особняки Эдо”; и хотя они были написаны всего через десять лет после революции 1868 года, он говорит о *ясики*, или укрепленных особняках, где проживала феодальная знать Японии, как о “во многих случаях заброшенных, разрушенных и пришедших в упадок”; и он описывает обычаи и манеры, связанные с *ясики*, такие как “этикет врат”, “обмен ясиками”, “правила, касающиеся разведения костров” и т.д., которые на момент написания книги устарели, хотя и вступили в полную силу всего несколько лет назад.

Я буду особенно благодарен за любые факты, касающиеся японского дома, помимо тех, которые описаны в этой книге или которые, возможно, уже есть в моем распоряжении, а также за исправление любых ошибок, которые, возможно, были неизбежно допущены в тексте. Если потребуется второе издание этой работы, такая новая информация и исправления будут включены в нее с надлежащей благодарностью.

Я хочу выразить свою благодарность доктору У. С. Бигелу, чьим восхитительным обществом я наслаждался во время сбора многих фактов и набросков, содержащихся в этой книге, и чье

сердечное сочувствие и разумные советы оказали мне величайшую услугу. Профессору и миссис Э. Ф. Феноллосе я также выражаю особую благодарность за бесчисленное количество проявлений доброты во время моего последнего визита в Японию.

Здесь я хотел бы также выразить свою благодарность множеству японских друзей, которые в разное время, в сезон и вне сезона, предоставляли мне привилегию делать наброски их домов и осматривать их жилища сверху донизу в поисках материала для этой книги; которые, кроме того, отвечали на вопросы, переводили термины, собирали информацию и многими способами помогали мне, так что можно с уверенностью сказать, что, если бы в этой помощи было отказано, немного из моей специальной работы могло быть выполнено. Любая попытка вспомнить имена всех этих друзей привела бы к неизбежному упущению некоторых; тем не менее, я должен особо упомянуть г-на Х. Такамина, директора Токийской педагогической школы; д-ра Сейкена Такенаку; г-на Цунэдзиро Мияоку; г-на С. Тедзиму, директора Токийского музея образования; профессоров Тояму, Ятабе, Кикутти, Мицукури, Сасаки и Кодзиму, а также г-на Исикаву и других из Токийского университета; г-на Исаву и г-на Кодзу, г-на Фукудзаву, выдающегося преподавателя. и автор: г-н Касиваги, г-н Кохицу и г-н Масуда. Я должен также выразить свою признательность г-ну Х. Като, директору Токийского университета, г-ну Хаттори, заместителю директора, и г-ну Хамао и другим сотрудникам Департамента образования за многочисленные знаки внимания и особые условия проживания во время моего последнего визита в Японию. Я также не могу не упомянуть г-на Тачибану, директора школы для благородных; г-на Киккаву, г-на Тахару, г-на Кинекко, г-на Аригу, г-на Танаду, г-на Накавару, г-на Ямагути, г-на Негиши из Кабutoямы и многих других, которые предоставили мне различные интересные заметки. В этой стране я в особом долгу перед г-ном А. С. Михарой и г-ном С. Фукудзавой за ценную помощь при подготовке текста; и перед г-ном Аракавой, г-ном Сираиси, г-ном Сюджио и г-ном Ямадой из Нью-Йорка за своевременную помощь.

Моя благодарность Совету попечителей Академии наук Пибоди, который, признавая этнологическую ценность работы, которой я занимался, освободил меня от обязанностей директора до тех пор, пока я не смогу завершить ее; и профессору Джону Робинсону, казначею Академии, и мистеру Т. Ф. Ханту за дружеские предложения и проявленный интерес, а также мистеру Персивалю Лоуэллу за многочисленные любезности. Я не должен забыть выразить здесь свою признательность мистеру А. В. Стивенсу, главному корректору University Press, за его неоценимую помощь в литературной части моих трудов и за его добросовестное изучение корректурных листов. В то же время я хочу поблагодарить мисс Маргарет У. Бруксу за большую помощь, оказанную мне в моей работе; моей дочери, мисс Эдит О. Морс, за предварительные прорисовки рисунков из моих дневников; мистеру Л. С. Ипсену, который разработал уникальный и красивый дизайн обложки этой книги; мистеру А. В. С. Энтони за разумный надзор за процессом создания иллюстраций; издательству University Press за превосходное качество печати книги; и Издателям за щедрую поддержку этого начинания. Я только добавлю, что превосходный указатель, который можно найти в конце этой книги, был подготовлен мистером Чарльзом Х. Стивенсом.

ЭДВАРД С. МОРЗ.

Салем, Массачусетс, США
ноябрь 1885 года.

Введение

В течение двадцати лет в нашей стране постепенно появлялось множество японских предметов, выделяющихся своей новизной и красотой, — лаки, керамика и фарфор, формы из дерева и металла, шкатулки необычной формы, причудливая резьба по слоновой кости, ткани из материи и бумаги и ряд других предметов, столь же непонятных по своему назначению, как и надписи, которые на них часто были нанесены. Большинство из них представляли технические детали в своей работе столь же загадочными, сколь и их дизайн, странные причуды в их орнаменте, которые, хотя и нарушали наши доселе признанные правила оформления, удивляли и в то же время восхищали нас. Полезность многих предметов мы не могли понять, но каким-то образом они постепенно обосновались в наших комнатах, даже вытеснив некоторые другие предметы, которые мы привыкли считать декоративными, и наши комнаты выглядели еще красивее из-за их замены. Нам было трудно сформулировать принципы, на которых основывалось такое искусство, и все же мы были вынуждены признать его достоинства. Нарушения перспективы и сочетания цветов, которые раньше мы считали негармоничными, постоянно напоминали нам о Японии и ее любопытном народе. Постепенно наши методы декорирования прониклись этими способами, столь новыми для нас, и в то же время столь многовековыми для людей, среди которых зародилось это искусство. Постепенно, но верно, эти искусства, поначалу столь малопонятные, модифицировали наши собственные методы орнаментации, пока фрески, обои, изделия из дерева и ковры, посуда и скатерти, изделия из металла и обложки книг, рождественские открытки и даже железнодорожная реклама не были украшены, смоделированы и оформлены в японском стиле.

Неудивительно, что многие из наших лучших художников — такие, как Коулман, Веддер, Лафарж и другие, — задолго до этого признали исключительные достоинства японского декоративного искусства. Однако было несколько примечательно, что широкая общественность столь повсеместно признала это, и за столь короткое время. Не только наша собственная коммерческая нация, но и любящая искусство Франция, музыкальная Германия и даже консервативная Англия поддались этому вторжению. Не то чтобы мы разрабатывали новые дизайны; напротив, мы довольствовались прямым заимствованием японского дизайна, часто со смесью несоответствий, которая свела бы японского декоратора Старка с ума. Узоры, подходящие для металлического крепления меча, сверкали на наших потолках; мотивы из тяжелой бронзы легли в основу оформления рассыпчатой керамики; а из легкого крепа были вытканы горячие ковры, по которым можно было ходить. Даже с этой примесью дворяни были облегчением любыми способами изгнать из нашего жилища кошмары и ужасы дизайна, которые мы раньше так кротко переносили, — такие объекты, например, как ребенок из мертвой латуни, стоящий на коленях в вечной мольбе на мертвой латунной подушке, ловко балансируя у него на голове сосудом для керосина; и целый полк столь же чудовищных форм. Наши стены больше не поражали нас рисунками, которые утомляли наши глаза и раздражали наш мозг своей бессмысленностью. Мы больше не были обречены вытирать ноги об амуров, рога изобилия, неугомонных тигров или свитки архитектурных величий. Под благотворным влиянием этого нового духа пришло осознание того, что не всегда обязательно рвать цветок на кусочки, чтобы распознать его декоративную ценность; и что самых простых предметов в Природе — побега бамбука, сосновой шишки, цветущей вишни — в *нужном месте* вполне достаточно, чтобы удовлетворить нашу тягу к прекрасному.

Японская выставка на Столетней выставке в Филадельфии стала для нас новым откровением; и чарующий натиск этой непревзойденной экспозиции завершил нашу победу. Именно тогда повальное увлечение Японией прочно овладело нами. Книги о Японии быстро

множились, особенно книги по декоративному искусству; но было обнаружено, что такое редкое искусство может быть должным образом представлено только самым дорогим образом и с помощью пластин изумительной обработки. То, что японцы могли сделать с помощью своих примитивных методов блочной печати и нескольких красок, требовало высочайшего гения наших художников и хромолитографов; и даже тогда тонкий дух, к которому стремился художник, не мог быть уловлен.

Наиболее сообразительные из наших коллекционеров вскоре поняли, что предметы из Японии разделились на две группы: первая представлена несколькими предметами, обладающими большими внутренними достоинствами, с утонченностью и сдержанностью декора; другая группа, характеризующаяся более витиеватой экспозицией и меньшей деликатностью обращения, образует гораздо большее количество, состоящее в основном из форм из керамики, фарфора, лака и изделий из металла. Последние были изготовлены японцами специально для иностранного рынка, многим из них не нашлось места в их экономике, и, за редким исключением, они были слишком безвкусными и жестокими, чтобы соответствовать японскому вкусу. Наша страна была наводнена ими; даже деревенская бакалея выставляла их бок о бок с товарами, произведенными дома для того же класса покупателей, и столь же неуместными на больших рынках страны. Для нас, однако, эти предметы всегда были красивыми и, более того, были настолько дешевле, со всеми их высокими пошлинами и прибылями импортеров, чем те вещи, к которым мы привыкли, что они удивительно выручали нас на каждое повторяющееся Рождество. Что касается предметов высшего класса, то почти все они изначально предназначались либо для личного использования, либо для украшения, например, застёжки, маленькие фигурки из слоновой кости, секционные лаковые шкатулки, веера и т.д.; Или просто предметы домашнего обихода, такие как подвесные держатели для цветов, бронзовые и керамические вазы, курительницы для благовоний, лакированные шкафчики, посуда и т.д.

Естественно, проснулось большое любопытство узнать больше об общественной жизни этого замечательного народа; и особенно было желательно узнать о характере дома, в котором хранились такие необычные и прекрасные произведения искусства. В ответ на популярный запрос появлялась книга за книгой; но, за некоторыми примечательными исключениями, они повторяли одну и ту же информацию, обычно предваряемую описанием более чем особых привилегий, предоставленных их авторам японским правительством, за которыми следовала история японской империи от ее первого императора до настоящего времени, — по-видимому, достаточно краткая, но бесконечная с ее мифологиями, войнами, упадком, реставрациями и т.д. Затем у нас был отчет о нескольких неделях пребывания в каком-нибудь порту, заключившем договор, или о кратком пребывании в стране, где, чтобы проиллюстрировать храбрость автора, были вызваны воображаемые опасности; дикое предположение об этнической загадке, ошибочные представления о японском характере и обычаях - все это иллюстрировалось набросками, взятыми из предыдущих работ на ту же тему или из японских источников, часто без должной оценки; и, наконец, нам был дан прогноз будущего Японии с отчетом о прогрессе, которого добивается ее население в принятии внешних обычаев, без предупреждения. из актов *харакири* их искусство было бы вынуждено совершать в присутствии стольких влияний, чуждых их природе. В качестве иллюстрации этого, может ли сила абсурда пойти дальше, чем попытка ввести итальянскую школу живописи, — и это в стране Кано; или меланхолический поступок иностранного сотрудника одного из колледжей в Токио, который побудил всех своих учеников носить теплые шерстяные шотландские шапочки, — превратив множество красивых темноволосых мальчиков в изящной и живописной одежде в толпу нелепых обезьян?

В этих книгах о Японии мы тщетно ищем что-либо, кроме самого общего описания того, что такое японский дом на самом деле; даже работа Рейна, столь явно монографическая, на нескольких страницах не описывает дом и сад.² Настоящая работа представляет собой попытку восполнить этот недостаток, описав не только разнообразие жилищ, видимых в Японии, но и более подробно остановившись на разнообразии конструкций, видимых внутри здания.

На следующих страницах случай часто приводил к критике и сравнениям. Помимо любого вопроса о справедливости, может показаться, что критика, чтобы иметь какую-либо ценность, должна быть сравнительной; то есть в любом текущем комментарии о японских обычаях и условиях следует максимально откровенно указывать или, по крайней мере, признавать параллельные способы и условия жизни собственного народа. Когда кто-то приезжает в ваш город, который довольно чист и опрятен, и жалуется на его грязные улицы, предполагается, что улицы его собственного города чистые; и когда обнаруживается, что они грязны сверх всякой меры, ценность жалобы или критики сразу же теряется, а автора немедленно объявляют злостным клеветником. Либо мы должны следовать изречению великого Учителя морали и не решаться увидеть соринку в глазах других, либо, поступая таким образом, мы должны видеть бревно в наших собственных.

Однако выполнение этой обязанности даже для честных и непредубежденных умов становится делом очень трудным. Удивительно, насколько слепым может быть человек к ошибкам и преступлениям своего собственного народа и как неохотно он их признает. Мы поем героические солдатские песни с энергией и энтузиазмом и поражены, обнаружив неодобрение японской аудитории из-за кровавых подвигов, воспеваемых таким ликующим образом. Мы ежедневно читаем в наших газетах подробности самых леденящих кровь преступлений, а часто и самых отвратительных и противоземных; и все же мы не делаем особых размышлений об условиях общества, в которых такие вещи возможны, и не прикладываем особых усилий, чтобы пробудить в людях должное чувство деградации и позора, лежащего на обществе в целом из-за таких вещей. Но мы едем в другую страну и, возможно, обнаруживаем новый вид порока; его новизна сразу же привлекает наше внимание, и мы немедленно вопим о чудовищности преступления и деградации нации, в которой могло произойти такое преступление, отправляем домой самые преувеличенные отчеты, безжалостно клеветаем на людей, а затем разглашаем перед ними о христианском милосердии!

Изучая других людей, следует, по возможности, смотреть сквозь бесцветные очки; хотя, если человек допускает ошибку в этом отношении, лучше бы его очки были розовыми, чем запачканными дымом предрассудков. Изучающему этнологию с точки зрения политики, если он не может занять более великодушную позицию, лучше ошибиться, глядя доброжелательно на народ, привычки и обычаи которого он собирается изучать. Природа человека во всем мире такова, что он сопротивляется враждебной критике; и когда кто-то бродит с глазами, затемненными непрозрачными провинциальными очками, его отталкивают со всех сторон; ему ничего не доступно; он редко может получить более поверхностный взгляд на вещи. Принимая во внимание, что, если он честно пытается найти лучшие качества народа, ему только рады продолжить любое расследование, которое он пожелает провести; даже обычаи и способы, которые кажутся оскорбительными, свободно раскрываются ему, зная, что он не будет умышленно искажать и делать более болезненным то, что с самого начала всеми признано плохим.

Мы повторяем, что к такому расследованию нужно подходить с пониманием, в противном случае многое теряется или понимается неправильно. Это верно не только в отношении

социальных обычаев, но и в отношении исследований в других областях науки. Профессор Фенолоса, крупнейший авторитет в области японской живописи, совершенно справедливо говорит, что “недостаточно подходить к этим нежным детям духа с точки зрения простого любопытства или холодных жестких стандартов чуждой школы. Сердце человека должно быть достаточно большим, чтобы научиться любить, как любит японский художник, прежде чем можно будет приподнять завесу и увидеть все великолепие их скрытой красоты ”.

В этом духе я попытался рассказать о японских домах и их окрестностях. Я мог бы иметь дело только с хижинами беднейших, с убожеством их обитателей и дать скудную картину японской жизни; или же можно было бы провести исследование исключительно домов богатых, которое было бы столь же односторонним. Однако мне показалось, что описание жилищ представителей среднего класса со случайными ссылками на жилища представителей высшего и низшего типов, возможно, дало бы более четкое представление о характере и структуре японских домов, чем если бы я выбрал любой из других путей. Возможно, я допустил ошибку, глядя сквозь розовые очки, но если это так, мне не за что извиняться. Прожив некоторое время среди людей, с которыми у меня были только самые дружеские отношения и которым я до сих пор бесконечно благодарен, только презренный и желчный человек мог бы при таких обстоятельствах писать иначе, чем по-доброму, или не делать великодушной поправки на то, что другим кажется серьезными ошибками и упущениями.

Что касается японских домов, то в них есть много особенностей, которые мне не нравятся; и на обычном языке путешественников я мог бы называть эти дома хижинами и лачугами, холодными и унылыми и т.д., И дать им такое общее описание, которое включило бы в одну категорию все дома тихоокеанского побережья от Камчатки до Явы. Недостатки есть у этих домов; и, критикуя их, я попытался сделать свои размышления сравнительными; и я привел для сравнения многое из того, что вызывает возражения в наших собственных домах, а также работу, выполняемую нашими собственными мастерами. Но, судя по ярости и отвращению, выраженным в некоторых английских публикациях, где один автор говорит о “большей части работы за плату как о положительно отвратительной”, а другой - о страданиях, связанных с ненаучным строителем, мое сравнение может быть законно распространено и на Англию.³

В настоящем томе была предпринята попытка описать японский дом и его непосредственное окружение в целом и деталях. Никто лучше автора не осознает скудость определенных фрагментов этой работы. Однако считается, что благодаря множеству иллюстраций и классификации предмета станет ясно многое из того, что раньше было расплывчатым. Фигуры в каждом случае повторяют один из способов рельефа рисунков автора пером и тушью и, за редким исключением, взяты из его собственных эскизов, сделанных на месте; так что, чего бы им ни не доставало в художественном плане, они восполняют то, что являются более или менее точными рисунками изображенных предметов и черт. Материал почерпнут из иллюстрированного ежедневника, который автор вел во время трех последовательных поездок в эту восхитительную страну, охватывая путешествия по суше от северо-западного побережья Едзо до самых южных районов Сацумы.

Открытость и доступность японского дома являются отличительной чертой Японии, и ни один иностранец, посещающий эту страну, не увозит с собой восхитительных воспоминаний об особенно характерных жилищах японцев. По случаю последнего визита автора в Японию он также посетил Китай, Аннам, Сингапур и Яву и изучил дома этих различных стран, уделяя особое внимание японскому дому и его возможному сходству с другими домами.

ГЛАВА I.

ДОМ.

Вид большого города Японии с высоты птичьего ПОЛЕТА представляет собой вид, совершенно непохожий на то, что представляет собой любое большое скопление зданий у нас дома. Вид на Токио, например, с какой-нибудь возвышенности открывает бескрайнее море крыш - серого цвета черепицы и темного шифера, с тусклыми отблесками от их поверхностей, придающими всему мрачный эффект. Ровное пространство тут и там нарушают огнестойкие здания с их массивными черепичными крышами и гребнями, а также чисто белыми или угольно-черными стенами. Они, хотя и окрашены в мрачный вид, образуют, за исключением висков, одну из наиболее заметных черт в общем однообразии. Храмы действительно бросаются в глаза, поскольку они возвышаются намного выше окружающих их карликовых жилищ. Их огромные черные крыши с массивными гребнями и ребрами, величественными перекладинами и белыми или красными фронтонами делают их поразительными объектами, с какой бы точки на них ни смотрели. Зеленые массы древесной листвы, растущие в многочисленных садах, добавляют немного жизни этому серому морю жилых домов.

Любопытное зрелище - окинуть взглядом огромный город с населением почти в миллион человек и не обнаружить ни одной трубы, из которой по-домашнему струился бы голубой дымок. Здесь, конечно, нет церковного шпиля с его обычными архитектурными нелепостями. Благодаря отсутствию дымоходов и почти повсеместному использованию древесного угля для отопления, в городах царит атмосфера поразительной ясности и чистоты; действительно, атмосфера настолько ясна, что можно окинуть взглядом город и отчетливо увидеть мельчайшие детали пейзажа за его пределами. Огромный, закрывающий солнце покров дыма и испарений, который навсегда окутывает некоторые из наших великих городов, - особенность, к счастью, неизвестная в Японии.

Получив такой вид на один город с высоты птичьего полета, мы увидели их все - незначительные вариации, состоящие, по большей части, в неравномерности участков, на которых они расположены. Вид на Киото, например, открывающийся с какой-нибудь высокой точки, удивительно красив и разнообразен, поскольку дома выползают из-за окаймляющих его холмов. В Нагасаки дома буквально поднимаются ярусами от кромки воды до холмов сразу за ними, сливаясь там с городом мертвых, который венчает их вершины. Вид на Нагасаки из гавани представляет исключительный интерес и красоту. Другие крупные города, такие как Сендай, Осака, Хиросима и Нагоя, имеют такой же одинаковый уровень крыш.

Компактность, с которой в больших и невеликих городах дома сгрудились вместе, едва разделенные узкими улочками и переулками, которые пересекаются подобно нитям во всех направлениях, и особенно легко воспламеняющийся материал, из которого состоит

большинство зданий, объясняют молниеносную быстроту, с которой распространяется пожар, когда он в самом разгаре.

В небольших деревнях дома вытянуты по сторонам единственной дороги, и почти все расположены таким образом,

Рис. 1. Вид Токио с магазинами и жилыми домами. (Скопировано с фотографии).

Рис. 2. Вид Токио с храмами и садами. (Скопировано с фотографии).

иногда простирающийся на милю и более. Редко можно увидеть поперечную улицу или переулок или признаки компактности, за исключением того, что ближе к центру этой длинной улицы дома и магазины часто примыкают друг к другу, в то время как те, что в конце улиц, имеют достаточно места между собой. Некоторые деревни, которые из-за своего положения не имеют шансов на расширение, становятся густонаселенными: таков, например, случай с Эносимой, недалеко от Иокогамы, где главная улица проходит прямо от берега с помощью ряда ступеней через равные промежутки времени к каменным ступеням, которые ведут к храмам и святилищам на вершине острова. Эта улица с обеих сторон окружена холмами; а овраг, центральную ось которого улица образует, густо застроен домами, и это самый узкий из переулков, ведущих к домам в задней части. Однажды начавшийся пожар неизбежно привел бы к разрушению каждого дома в деревне.

Любопытный факт: человек может проехать большое расстояние по сельской местности, не миновав ни единого жилья, а затем внезапно въехать в деревню. Въезд в деревню часто отмечен высокими земляными насыпями по обе стороны дороги, обычно увенчанными деревом; или, возможно, следы старого барьера видны в остатках столбов ворот или каменной стены. Пройдя через деревню, человек снова попадает в сельскую местность с ее рисовыми полями и возделанными участками так же внезапно, как и покинул ее. Деревни сильно различаются по своему внешнему виду: некоторые чрезвычайно опрятны и симпатичны, с аккуратными цветочными площадками перед домами, и повсюду чувствуется вкус и уют; другие деревни представляют собой явные свидетельства бедности, убогие дома, вокруг которых копошатся грязные дети. Действительно, самые разительные контрасты наблюдаются между различными деревнями, через которые проезжаешь во время долгого сухопутного путешествия по Японии.

Трудно представить себе более унылое зрелище, чем вид некоторых из этих деревенских улиц дождливой ночью. Ни одно ярко освещенное окно не радует путешественника; только полосы света пробиваются сквозь щели в деревянных ставнях, которыми каждый дом закрывается на ночь. Приятными вечерами, когда закрыты только бумажные ширмы, поездка верхом по деревенской улице часто становится чрезвычайно забавной из-за гротескных теневых образов, которые обитатели бессознательно проецируют в своих движениях взад и вперед.

Рис. 3. Вид на Эносиму (скопировано с фотографии).

В городах кварталы для более состоятельных слоев населения определены не так четко, как у нас, хотя любовь к приятным видам и красивым пейзажам имеет тенденцию повышать ценность определенных районов и, следовательно, объединять более состоятельные классы. Однако почти во всех городах вы найдете дома богатых в непосредственной близости от жилищ беднейших. В Токио можно найти улицы или узкие переулки, вдоль которых тянется непрерывный ряд самых дешевых убежищ; и здесь живут самые бедные люди. Хотя такие места кажутся японцам убогими и грязными, они безупречны по сравнению с невыразимой грязью и убожеством подобных кварталов почти во всех великих городах христианского мира. Конечно, богатый человек в Японии, как правило, не стал бы скупать землю вокруг своего дома, чтобы держать бедные классы на расстоянии, по той причине, что их присутствие не было бы нежелательным, поскольку бедность в Японии не ассоциируется с невозможными манерами представителей аналогичного класса у себя дома.

Прежде чем перейти к специальному описанию японских домов, общее описание дома, возможно, сделает последующие главы немного более понятными.

Первый взгляд на японский дом, то есть на дом народа, безусловно, разочаровывает. Судя по бесконечному разнообразию и очаровательному характеру их различных произведений искусства, какими мы видели их дома, мы предвкушали новые прелести и сюрпризы в характере дома; при более близком знакомстве мы не были разочарованы. Как американец, знакомый с домами определенных типов, среди которых условия, означающие бедность и беспомощность, и другие условия, означающие утонченность и богатство, я не был компетентен судить об относительных достоинствах японского дома.

Итак, первый взгляд на японский дом разочаровывает; он невзрачен на вид и отличается скудостью красок. Будучи некрашеным, он наводит на мысль о бедности; и это отсутствие краски вместе с серым и часто испачканным дождем цветом досок заставляет сравнивать его с аналогичными некрашеными зданиями у нас дома, — а это обычно амбары и сараи за городом и дома более бедных людей в городе. Глаз, привыкший к ярким контрастам американских домов с их белыми или светлыми крашеными поверхностями; прямоугольным окнам, черным от теней внутри, с отблесками света, отражающегося от стекла; парадной двери с ее вычурными ступенями и портиком; теплым красным дымоходам, венчающим все, и общей опрятности внешнего вида, которая далеко не всегда соотносится с аналогичными условиями внутри, — с самого начала слишком склонен давать низкую оценку японскому дому. Американцу действительно трудно рассматривать такое строение как жилище, когда отсутствует так много элементов, составляющих жилище дома, — ни дверей, ни окон, с которыми он был знаком; ни чердака, ни подвала; ни дымоходов, ни внутри камина, и, конечно, нет обычной мантии; нет постоянно закрытых комнат; а что касается мебели, то здесь нет кроватей, столов, стульев или подобных предметов, — по крайней мере, так кажется на первый взгляд.

Одно из главных отличий японского дома от нашего заключается в обработке перегородок и наружных стен. В наших домах они прочные и постоянные; и когда каркас построен, перегородки являются частью каркаса. В японском доме, напротив, есть две или более сторон, у которых нет постоянных стен. Внутри также есть лишь несколько перегородок, обладающих подобной устойчивостью; вместо них установлены небольшие раздвижные экраны, которые проходят в соответствующих пазах в полу и над головой. Эти пазы обозначают границы каждой комнаты. Ширмы можно открыть, отодвинув их назад, или же их можно полностью убрать, таким образом объединив несколько комнат в одну большую квартиру. Таким же образом вся стена дома может быть открыта для солнечного света и воздуха. Следовательно, для сообщения между комнатами нет необходимости в распашных дверях. Вместо окон наружные экраны, или *седзи*, оклеены белой бумагой, что позволяет свету рассеиваться по дому.

Там, где появляются внешние стены, они сделаны из дерева, неокрашенного или выкрашенного в черный цвет; а если из штукатурки, то белого или темно-сланцевого цвета. В определенных классах зданий наружная стена на высоте нескольких футов от земли, а иногда даже вся стена, может быть облицована плиткой, а промежутки между ними заострены белой штукатуркой. Крыша может быть покрыта легкой черепицей, толстой черепицей или толстым слоем соломы. У нее умеренный уклон, и, как правило, уклон не такой крутой, как у наших крыш. Почти во всех домах есть веранда, которая защищена широко нависающими карнизами крыши или легкой дополнительной крышей, выступающей из-под карниза.

В то время как в большинстве домов высшего класса есть определенное крыльцо и вестибюль, или *генка*, в домах бедного класса этот вход не отделен от гостиной; и поскольку внутрь дома можно попасть с двух или трех сторон, войти в него можно из любой точки. Пол

приподнят на полтора или более фута над землей и покрыт толстыми соломенными циновками прямоугольной формы, одинакового размера, с острыми квадратными краями и настолько плотно подогнанными, что пол, на котором они покоятся, полностью скрыт. Комнаты могут быть квадратными или прямоугольными и спроектированы с учетом количества ковриков, которые в них должны быть. За исключением гостевой комнаты, в нескольких комнатах есть выступы или ниши. В комнате для гостей с одной стороны есть более или менее глубокое углубление, разделенное небольшой перегородкой на два отсека; ближайший к веранде называется *токонома*. В этом месте повесьте одну или несколько картин, а на полу, слегка приподнятом над циновками, поставьте цветочную вазу, курильницу для благовоний или какой-нибудь другой предмет. В дополнительном отсеке есть полки и низкий шкаф. В других комнатах также могут быть углубления для размещения ящиков или полок. Там, где расположены шкафы и буфеты, они отделаны раздвижными экранами вместо распашных дверей. В двухэтажных чайных под лестницей, которая часто ведет наверх из кухни, есть чулан, который обычно закрывается вращающейся дверью.

Уборная находится в одном углу дома, в конце веранды; иногда их две в диагональных углах дома. В загородных домах бедного класса уборная представляет собой изолированное здание с низкой распашной дверью, верхняя половина дверного проема открыта.

В городских домах кухня находится на одной стороне или в углу дома; обычно в форме буквы L, покрыта односкатной крышей. Эта квартира часто выходит окнами на улицу, ее двор отделен от других помещений высоким забором. В сельской местности кухня почти всегда находится под главной крышей. В городе видно мало хозяйственных построек, таких как сараи и амбары. К домам высшего класса примыкают прочные, толстостенные, одно- или двухэтажные, огнестойкие здания, называемые *кура*, в которых хранятся товары и движимое имущество на время пожара. Эти здания, известные иностранцам как “годауны”, имеют одно или два маленьких окна и одну дверь, закрытые толстыми и тяжеловесными ставнями. Такое здание обычно стоит изолированно от жилого помещения, хотя часто и по соседству; и иногда, хотя и редко, его используют как жилище.

В садах высших классов часто встречаются беседки и укрытия деревенского вида миниатюрных размеров. Деревенские беседки также можно увидеть в больших садах. Не редкость специально построенные дома причудливого дизайна и небольшого размера; в них проводятся торжественные чаепития. Высокие заборы из досок или бамбука, или прочные стены из глины или черепицы с каменным основанием окружают дом или ограждают его с улицы. Низкие деревенские заборы окаймляют сады в пригороде. Входы образуют ворота различных стилей, некоторые из которых имеют внушительный дизайн; как правило, они либо простоватые и легкие, либо формальные и массивные.

Все, что является обычным во внешнем виде дома, обращено к улице, в то время как художественное и живописное лицо обращено к саду, который может находиться сбоку или позади дома, — обычно сзади. В этих простых и непритязательных домах часто можно увидеть чудеса изысканной резьбы и совершенство работы шкафов; и удивление следует за удивлением по мере того, как человек более полно знакомится с внутренней отделкой этих любопытных и примечательных жилищ.

В следующих разделах будет предпринята попытка с помощью описаний и эскизов передать некоторое представление о деталях, связанных со структурой и внутренней отделкой японского дома.

В Японии нет объекта, который, кажется, вызывает более разнообразную и враждебную критику среди иностранцев, чем японский дом; это постоянный источник недоумения и

раздражения для большинства из них. В частности, англичанин, которого, по словам Эмерсона, он считает “тем из всех людей, кто тверже всех стоит на своем месте”, признает лишь малую заслугу в кажущейся хрупкой и скоропортящейся природе этих сооружений. Ему, естественно, не нравится аномалия дома самого легкого описания, часто поддерживающего крышу самого тяжелого свойства, и он откровенно ненавидит строение, в котором нет цоколя или, по крайней мере, ферменной конструкции с цоколем; в то время как вопиющая абсурдность дома, который упорно остается вертикальным без фундамента или, по крайней мере, без фундамента такого типа, как у него, приводит его в ярость. Ошибка, которую допускает большинство авторов, критикуя японское домостроение и многие другие вопросы, связанные с этой страной, заключается в том, что эти авторы не рассматривают такие вопросы с японской точки зрения. Они не учитывают, что нация бедна и что массы находятся в бедности; они также не учитывают, что по этой причине японец строит такой дом, какой он может себе позволить, и такой, который, в конце концов, так же тщательно приспособлен к его привычкам и желаниям, как наш - к нашим привычкам и желаниям.

Наблюдение за японцем показало ему, что из поколения в поколение домам его народа удавалось поддерживать себя в порядке; и если в своих путешествиях за границу ему довелось побывать в Англии, он, вероятно, вспомнит тот факт, что за один день в этой добродетельной стране, где нет тайфунов или землетрясений, он увидел больше полуразрушенных многоквартирных домов, полуразрушенных лачуг, фермерских домов с поломанными спинками, потрескавшихся стен и поваленных заборов, чем увидел бы за год путешествия в своей собственной стране.

Когда один из этих иностранных критиков рассматривает каркас японского дома, и особенно поперечные балки крыши, и не находит никаких попыток сделать фермы и скрепления, его охватывает страстное желание отправиться к этим людям в качестве миссионера ферм и скреплений — настолько очевидно, что можно было бы сэкономить много древесины! Однако, что касается каркаса японского дома, то, вероятно, дополнительный труд по изготовлению раскосов и ферм не компенсировал бы разницу в экономии древесины.

Рейн в своей поистине замечательной книге о Японии говорит, что “японскому дому в основном не хватает основательности и комфорта”. Если он хочет комфорта для себя и своего народа, его можно понять; если он хочет комфорта для японцев, то он не имеет ни малейшего представления о том прочном комфорте, который японец получает в своем доме. Рейн также жалуется на неприятный запах из туалетов, хотя его жалобы относятся, в частности, к переполненным гостиницам, которые часто находятся в чрезвычайно грязном состоянии в том, что касается этих необходимых удобств, — и невольно задаешься вопросом, что бы японцы подумали о подобных особенностях в Германии, где в более крупных городах чулан можно увидеть открывающимся прямо в прихожую, а в некоторых случаях даже из столовой! Какими бы плохими ни были некоторые из этих условий в Японии, они мягкие по сравнению с аналогичными условиями в Германии. О грязном состоянии крупных городов в этом отношении может свидетельствовать тот факт, что уровень смертности в Мюнхене несколько лет назад составлял сорок четыре человека, и Каульбах умер в этом городе от холеры в середине зимы! Действительно, наличие определенных предметов в каждой спальне дома и за границей рассматривается каждым японцем как чрезвычайно грязные, какими они и являются на самом деле.

Рейн и другие авторы говорят о недостатке уединения в японских жилищах, забывая, что уединение необходимо только среди вульгарных и дерзких людей, — класса, которого в

Японии минимум, а у так называемых цивилизованных рас - особенно у англичан и американцев — максимум.

Что касается меня, то я нахожу в японском доме многое, чем можно восхищаться, и некоторые вещи мне не по душе. Сидячая поза на полу причиняет боль, пока к ней не привыкнешь; и, естественно, я нахожу, что наши стулья причиняют боль японцам, пока они к ним не привыкнут. Я нахожу японские дома зимой чрезвычайно холодными и неудобными; но я сомневаюсь, что их холодные комнаты зимой не более полезны для здоровья, чем наши квартиры с пылающими печами, раскаленными топками или паровыми обогревателями; а что касается запахов, исходящих из чуланов в некоторых деревенских гостиницах, кто не помнит подобных неприятных черт во многих наших деревенских гостиницах у себя дома, с добавлением неопрятных дворов и вонючих свинарников? Я также задаюсь вопросом, не являются ли эти запахи более вредными для здоровья, чем удушливый воздух из сырого и вонючего подвала, который не только проникает через наши полы, но и часто подается нам горячим через раскаленные печи. Описание загородного дома, сделанное Уиттиером, —

Лучшая комната

Душно от сырости погреба, закрыто от воздуха

Жарким летом,—

это в полной мере относится ко многим нашим американским домам как в сельской местности, так и в городе.

Независимо от того, правильный или неправильный японский дом по своему плану и конструкции, он превосходно соответствует целям, для которых был задуман.

Противопожарное здание, безусловно, не по средствам большинству этих людей, как, впрочем, и нам; и, не имея возможности построить такое жилище, они по необходимости впали в другую крайность и построили дом, сама конструкция которого позволяет быстро разрушить его на пути пожара. Маты, перегородки и даже дощатые потолки можно быстро упаковать и унести с собой. Крыша быстро очищается от черепицы и досок, а оставшийся каркасный каркас лишь медленно разжигает пламя. Усилия пожарных по предотвращению распространения пожара заключаются главным образом в сносе этих регулируемых конструкций; и в этой связи может быть интересно зафиксировать любопытный факт, что часто при пожаре потоки воды направляются не на пламя, а на людей, занятых сносом здания!

Однако улучшения, которые настоятельно требуются в конструкции японского дома, - это такие модификации, которые должны сделать здание менее огнеопасным. В то время как эти легковоспламеняющиеся дома могут быть достаточно удобны в пригородах или в деревнях, они, безусловно, совершенно неуместны в городах; и здесь, действительно, власти имеют право вводить такие ограничения, которые не будут слишком сильно давить на людей.

Японцы должны четко понимать, что при любой попытке изменить стиль своего жилища они столкнутся с непреодолимыми трудностями и что многие из таких предлагаемых модификаций не являются ни разумными, ни желательными. Однако в том, что небольшие изменения в целях безопасности могут быть внесены, не может быть никаких сомнений. С помощью науки могут быть найдены средства, с помощью которых наружные деревянные конструкции можно сделать менее воспламеняющимися — либо с помощью огнезащитной краски, либо с помощью других приспособлений.

Средний путь возникновения пожаров в Токио был гениально рассчитан профессором Ямакавой на основе данных двухсотлетней давности; и на этом пути определенные области могли бы быть с пользой оставлены открытыми. В конечном итоге на этом пути могут быть построены огнестойкие блоки в иностранном стиле, такие, какие сейчас существуют на Гиндзе. После последнего крупного пожара власти Токио определили определенные районы, в пределах которых не допускается устройство гонтовых крыш; а там, где такие крыши существовали, власти вынудили заменить их жестяными, цинковыми или черепичными крышами. Прежде всего, пусть при правительстве будет проведена реорганизация нынешних коррумпированных пожарных команд. Такие изменения, несомненно, приведут к хорошим результатам; но что касается изменения нынешнего плана домостроения и нынешнего образа жизни, то это не только неосуществимо, но почти невозможно. Если такие изменения будут осуществлены, то погибнут многие из лучших черт истинного японского искусства, которое вызывало удивление и восхищение западных народов и в прошлом было невольной причиной тех изменений и деградации, которым оно уже подверглось.

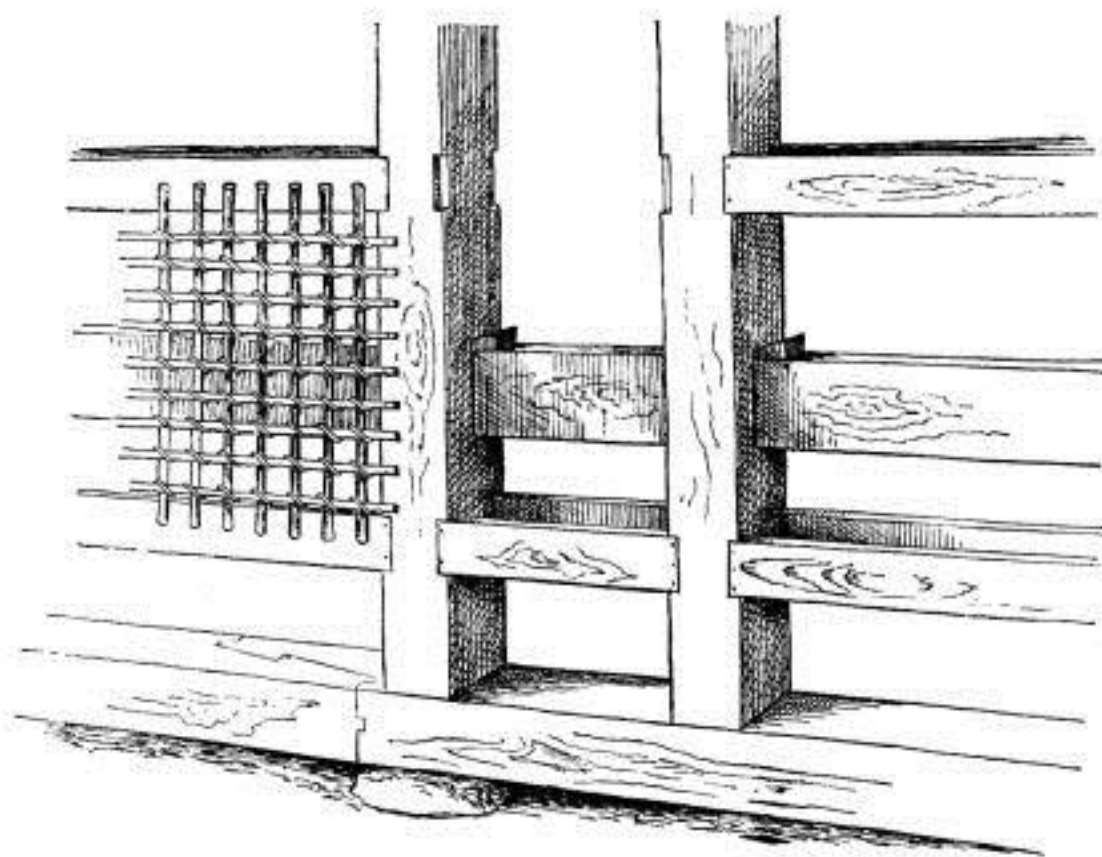

Рис. 4. Боковое обрамление.

Каркас обычного японского жилища прост и примитивен по конструкции; он состоит из ряда вертикальных балок, которые тянутся от земли к поперечным балкам и скатам крыши наверху. Вертикальный каркас удерживается вместе либо короткими полосками, которые вставляются в соответствующие пазы в стойках, к которым крепится бамбуковая обрешетка, либо более длинными полосками дерева, которые проходят через пазы в стойках и надежно закрепляются на месте шпонками или булавками (рис. 4). В больших домах эти стойки удерживаются на месте с помощью каркаса, расположенного близко к земле. Под домом нет подвала или котлована, а также нет сплошного каменного фундамента, как у нас. Стойки опираются прямо и без крепления на отдельные необработанные или грубо отесанные

камни, которые, в свою очередь, опираются на другие, которые были прочно вбиты в землю с помощью огромной деревянной молотки, сработанной несколькими людьми (рис. 5). Таким образом, дом стоит на этих камнях, а пол приподнят по крайней мере на полтора-два фута над землей. В некоторых случаях пространство между стойками заколочено; обычно это наблюдается в домах Киото. В других домах ветер свободно разгуливает внизу; и хотя это открытое состояние делает дом намного холоднее и неудобнее зимой, обитателей никогда не беспокоит зловонный воздух подвала, который, как мы уже говорили, слишком часто проникает в наши дома. Закрытые деревянные заборы более прочного характера возводятся таким образом; то есть нижняя перекладина или подоконник забора опирается непосредственно на камни, расположенные с интервалом в шесть или восемь футов друг от друга. Разрушительное действие многочисленных наземных насекомых, а также личинок и чрезмерная влажность почвы в определенные сезоны года делают этот метод строительства необходимым.

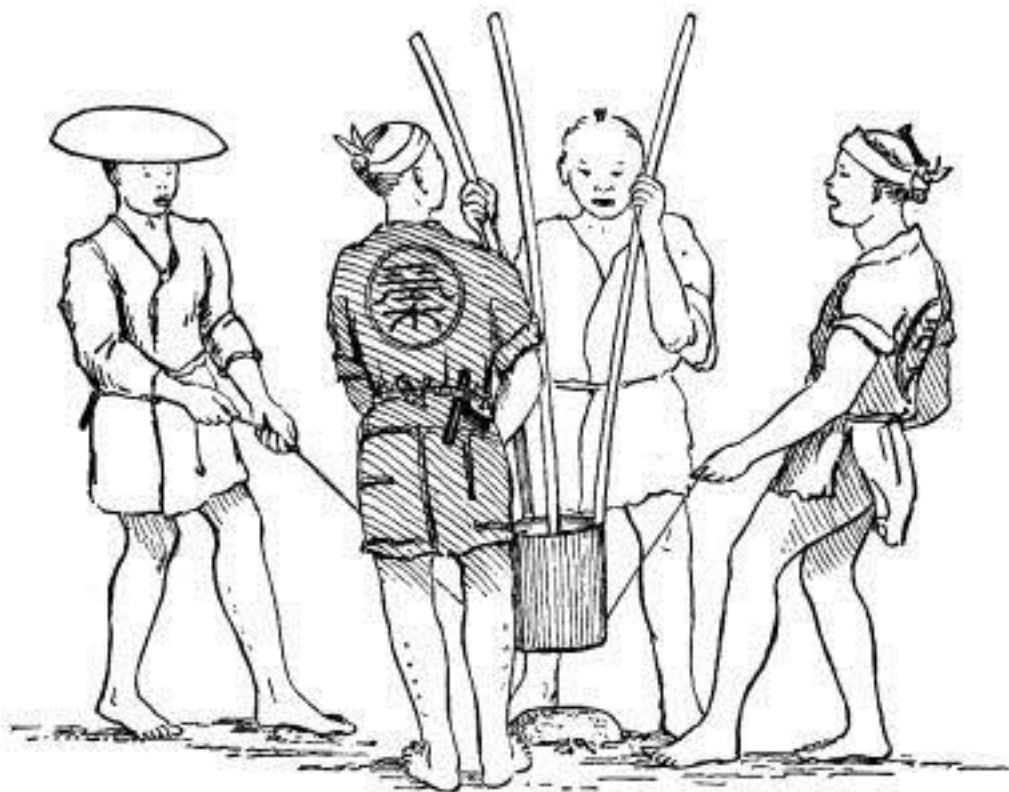

Рис. 5. Сбивание камней фундамента.

Заслуживает внимания точность, с которой выполнено основание стоек с учетом неровностей камней, на которые они опираются. В императорском саду мы увидели двухэтажный дом, отделанный в самой простой и изысканной манере. Это действительно было похоже на красивый кабинет, хотя и обезображенный ярким иностранным ковром на нижнем этаже. Стойки этого сооружения опирались на большие овальные камни, истертые на пляже, вкопанные торцами в землю; и на гладких закругленных участках камней, которые выступали над уровнем земли на высоту десяти дюймов или более, стойки были установлены наиболее точно (рис. 6). Эффект был чрезвычайно легким и плавучим, хотя и казался до последней степени ненадежным; тем не менее, это здание выдержало не только ряд землетрясений, но и сильные тайфуны, которые в летние месяцы с такой силой обрушиваются на Японию. Если здание очень маленькое, то каркас состоит из четырех угловых стоек, достигающих до крыши. В домах, имеющих фасад из двух или более комнат, между угловыми стойками расположены другие стойки. По мере увеличения числа комнат по

всему дому в углах комнат появляются стойки, к которым *примыкают раздвижные ширмы, или фусума*,,,,. Прохождение этих стоек через помещение на крышу над ним придает дому солидный конструктивный вид. Когда в доме есть веранда, — а почти каждый дом обладает этой особенностью с одной или нескольких сторон, — другой ряд стоек начинается на одной линии с внешним краем веранды. Если веранда не очень длинная, то стойки на каждом конце достаточно, чтобы поддерживать дополнительную крышу, которая ее укрывает. Эти стойки поддерживают поперечную балку, на которую опираются небольшие стропила дополнительной крыши.

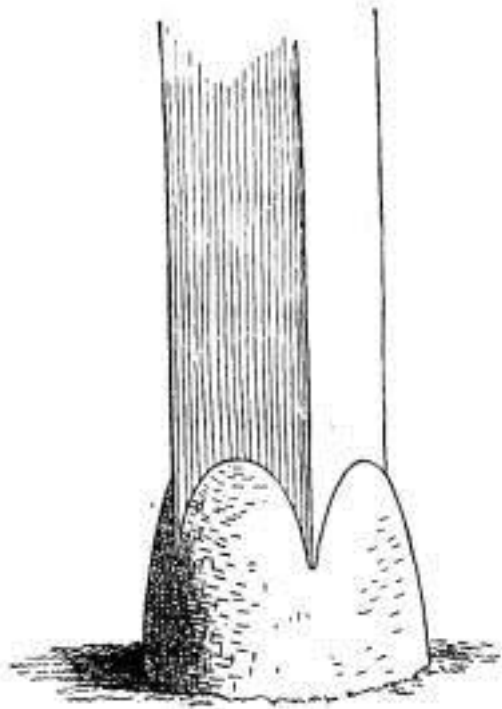

Рис. 6. Камни фундамента.

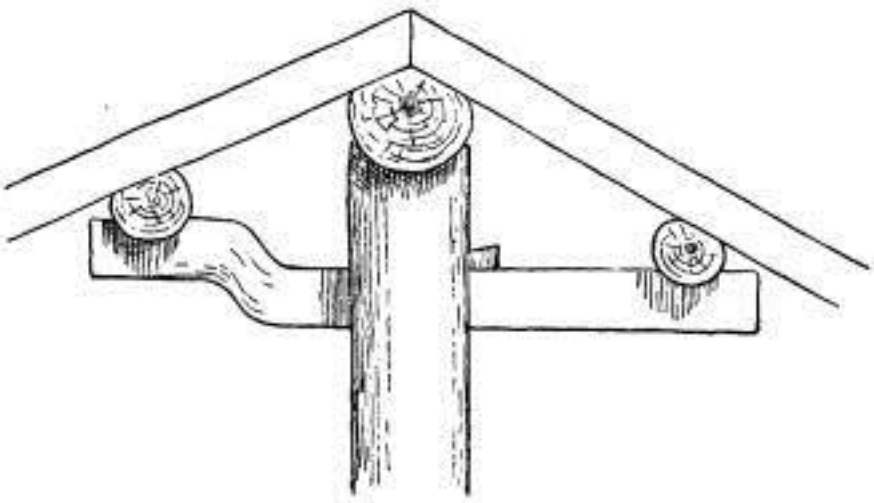

Рис. 7. Сечение каркаса.

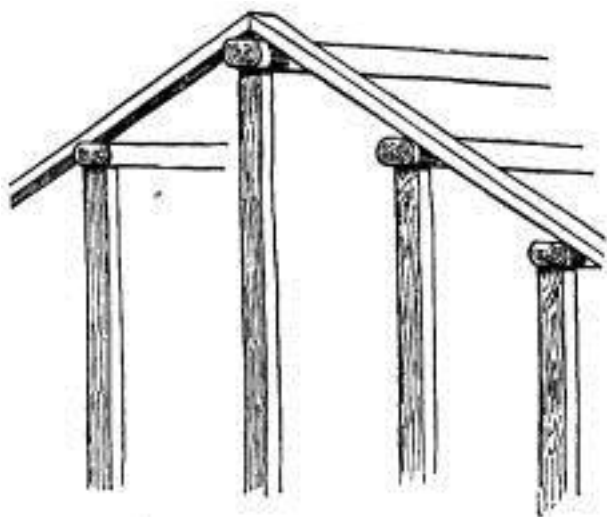

Рис. 8.—Обрамление.

Эта поперечная балка часто представляет собой прямую необтесанную древесину, с которой была удалена кора (рис. 49). Действительно, большая часть горизонтальных бревен каркаса, а также стропила, обычно не обтесаны — стропила часто покрыты корой или, возможно, представляют собой точно выровненные палки; но в любом случае они всегда видны, поскольку выступают с боков дома и заканчиваются, чтобы поддерживать нависающий карниз. Более крупные балки и прогоны лишь слегка обтесаны; и нет ничего необычного в том, что балки неправильной формы используются в конструкции каркаса, часто из-за их причудливого эффекта (рис. 7), а во многих случаях в целях экономии (рис. 39).

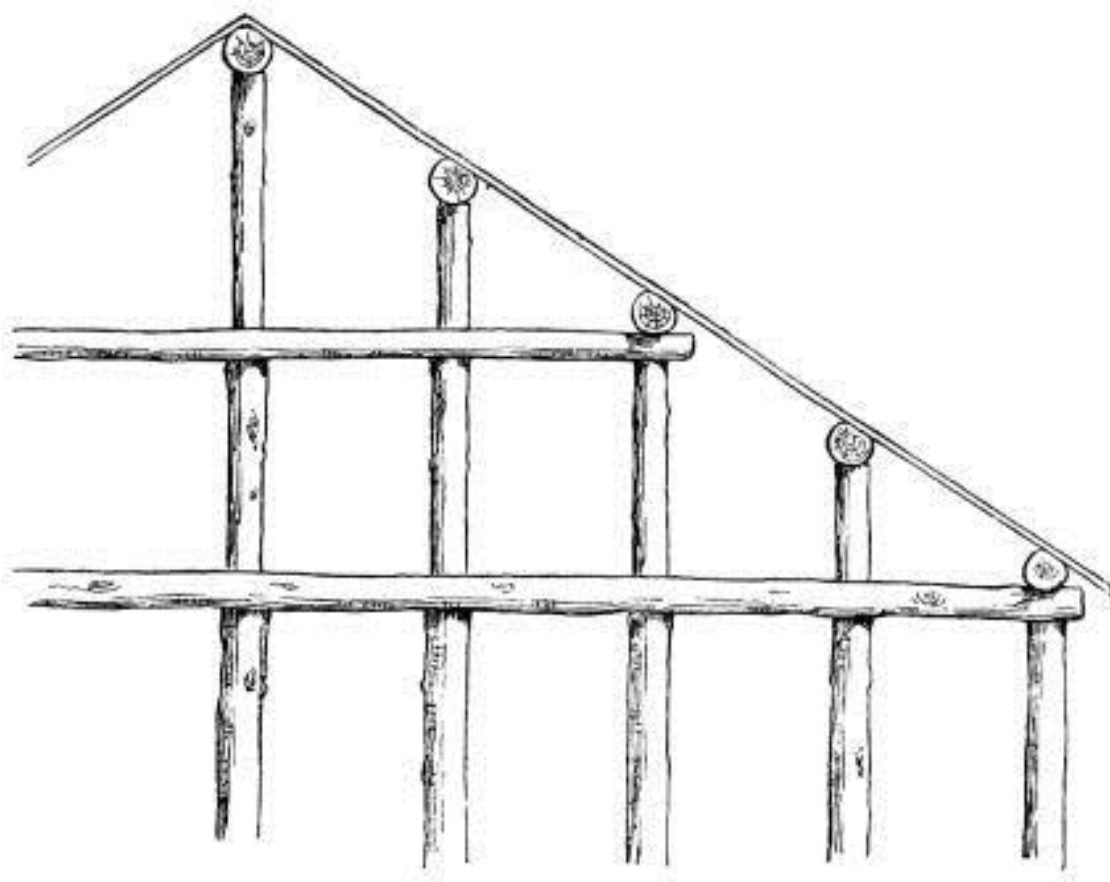

Рис. 9.Торцевой каркас Большого здания.

Для узкого дома, если крыша двускатная, центральная стойка на каждом конце здания служит опорой для конькового столба, от которого стропила переходят к карнизу (рис. 8). Если здание широкое, поперечная балка проходит по торцу здания на уровне карниза, поддерживаемая через определенные промежутки стойками, выступающими из земли; и на эти короткие стойки опираются, поддерживая другую поперечную балку выше, и часто три или более ярусов доводятся почти до конька. На эти опоры опираются горизонтальные балки, которые проходят параллельно коньковому столбу и предназначены для обеспечения опоры стропилам (рис. 9).

В случае широкой двускатной крыши существует множество способов крепления каркаса, один из которых показан на следующем рисунке (рис. 10). Здесь толстый брус проходит от одного конца дома до другого по вертикальной линии с коньковым столбом и на одном уровне с карнизом. Эта палка всегда является венчающей, чтобы придать дополнительную прочность. От этого начинается несколько толстых стоек, поддерживающих коньковый столб наверху; от этих стоек балки идут к карнизу; они врезаны в стойки, но на разных уровнях с обеих сторон, чтобы не ослаблять стойки с помощью паз. От этих балок проходят короткие опоры к горизонтальным стропилам наверху.

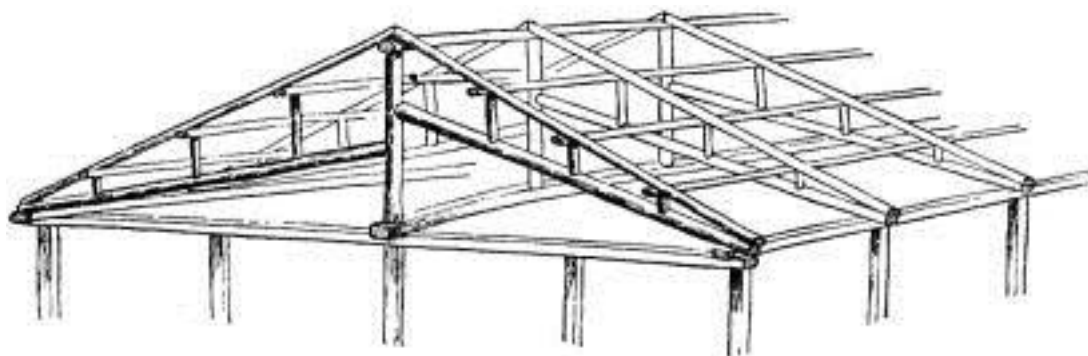

Рис. 10. Каркас крыши большого здания.

Крыша, если она черепичная или соломенная, представляет собой огромный груз, поскольку черепица толстая и довольно тяжелая и всегда покрыта толстым слоем грязи. Соломенная крыша, хотя и не такая тяжелая, часто становится такой после продолжительного дождя. Следовательно, каркасу крыши часто приходится выдерживать большой вес; и хотя его конструкция выглядит слабой или, по крайней мере, примитивной по конструкции, все же опыт должен был научить японских плотников, что их методы были не только самыми простыми и экономичными, но и отвечали всем требованиям. Поражаешься, когда видишь, сколько пожарных может собраться на такой крыше без того, чтобы она не поддалась. Я видел массивные крыши домов возрастом более двухсот лет и другие каркасные сооружения большего размера и гораздо большего возраста, которые не проявляли видимых признаков слабости. Действительно, это очень необычное зрелище - увидеть в Японии сломанную крышу.

Балки, которые поддерживают крыши огнестойких зданий, или *куры*, обычно грубо обтесаны и имеют большие размеры. Казалось бы, что, по крайней мере, здесь зарубежный метод скручивания может быть экономией материала, помимо придания гораздо большей прочности; и все же затраты на уменьшение этих балок до нужных размеров в отсутствие лесопильных заводов и другого трудосберегающего оборудования с добавлением затрат на железные стержни, болты и т.д. С лихвой компенсировали бы экономию материала (рис. 11). На рис. 11 показан универсальный метод крепления крыши, а именно горизонтальные балки опираются на перпендикулярные стены, которые, в свою очередь, поддерживают

вертикальные балки, которые снова обеспечивают опору горизонтальным балкам. То, что японцы были знакомы с аркой, видно по некоторым из их старых каменных мостов; но они, похоже, так же неохотно использовали этот принцип в своей архитектуре домов, как египтяне и индусы. Фергюссон в своем иллюстрированном справочнике по архитектуре, страница xxxv, говорит: “Египтяне и греки были настолько убеждены в этом принципе, что они никогда не использовали никаких других строительных конструкций, кроме перпендикулярной стены или подпорки, поддерживающей горизонтальную балку; и половина удовлетворительного эффекта их зданий возникает из-за того, что они придерживались этого простого, хотя и дорогостоящего способа строительства. Они были прекрасно знакомы с использованием арки и ее свойствами, но они знали, что ее использование внесло бы сложность и путаницу в их проекты, и поэтому они мудро отказались от нее. Даже по сей день индусы отказываются использовать арку, хотя магометане уже давно используют ее в своей стране. Как они причудливо выражаются, "арка никогда не спит"; и это правда, что своими толчками и давлением она всегда стремится разнести здание на куски. Несмотря на все противовесы, всякий раз, когда наносится малейший ущерб, это ускоряет разрушение здания, которое, будь построено проще, могло бы простоять целую вечность”.

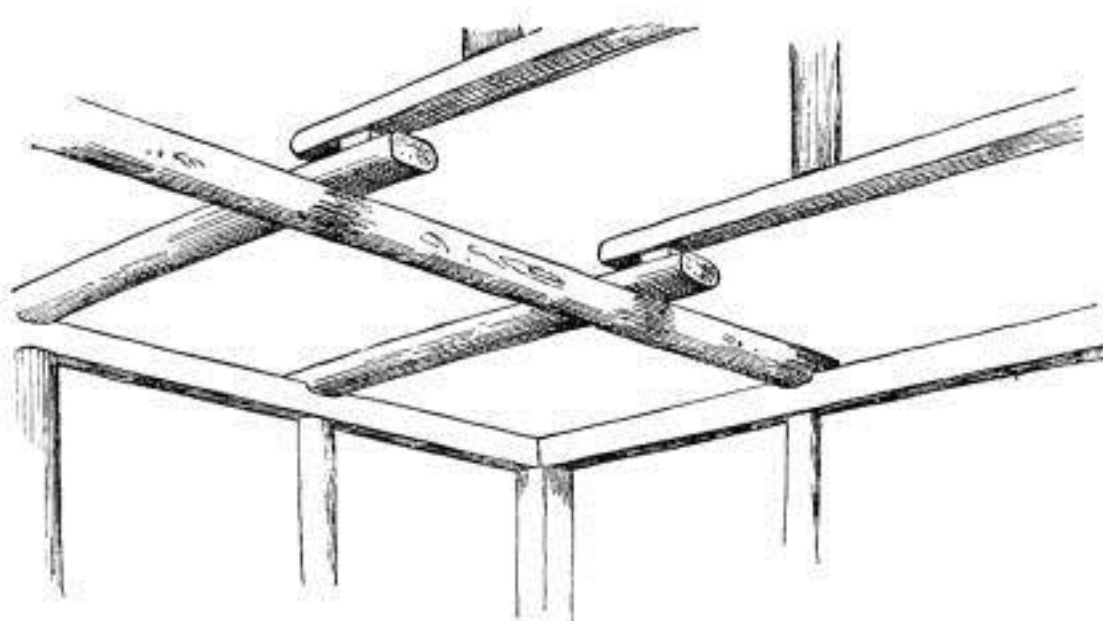

Рис. 11.Каркас крыши Куры.

При врезке в раму плотник применяет самые сложные методы врезки, для которых существует множество различных формул; однако один американский архитектор сообщил мне, что их методы не имеют преимуществ в отношении прочности по сравнению с теми, которые используют наши плотники при выполнении той же работы. Определенно, кажется, что со многими их каркасными соединениями проделано много ненужной работы. Этот же джентльмен очень восхищался тем, как японский плотник пользовался теслом, и сожалел, что больше такого рода работ в Америке не выполняется. В скребковых балках делается обычная форма соединения, точно такая же, как у наших плотников (рис. 4). Это соединение называется *Самисэн цуги*, поскольку оно похоже на соединение в рукоятке похожего на гитару инструмента, называемого *самисэн*.⁴

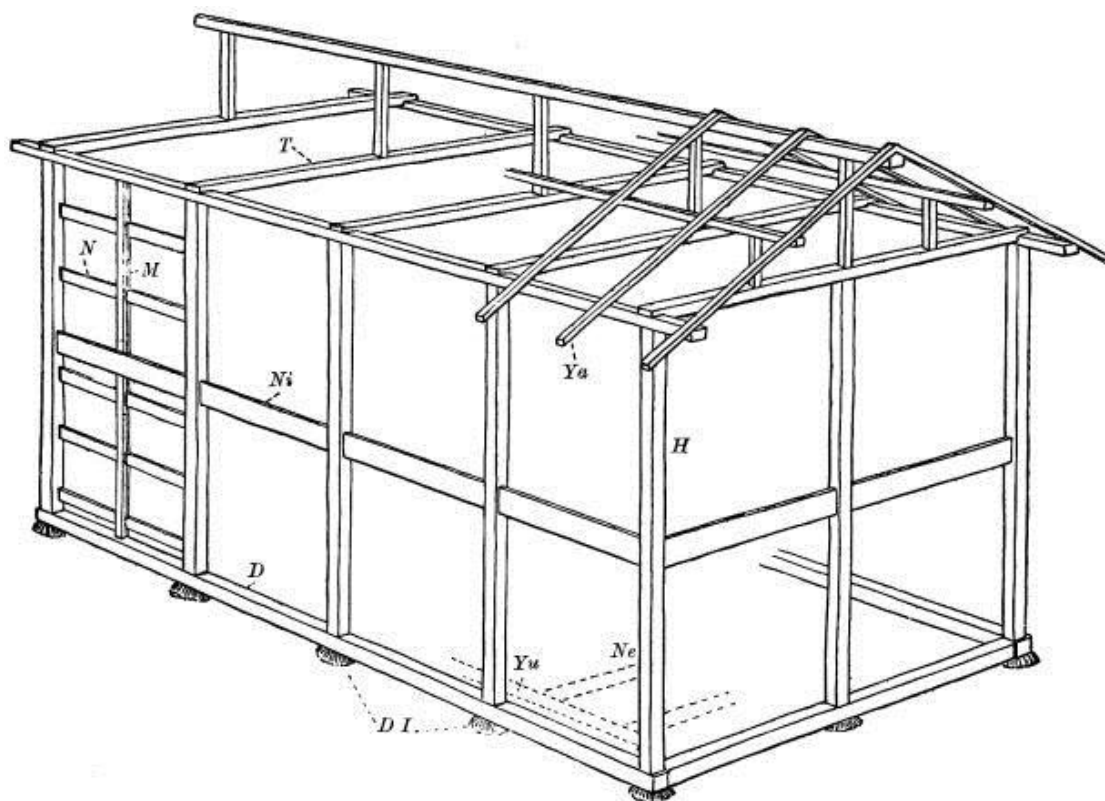

Рис. 12. Каркас обычного двухэтажного дома.

Диагональные крепления в каркасе здания никогда не встречаются. Однако иногда стойки в слабой раме поддерживаются скобами, выступающими из земли под острым углом и удерживаемыми на месте деревянными штырьками (рис. 13). Внешние диагональные скобки иногда встречаются в качестве декоративного элемента. В провинции Исэ часто можно увидеть скобу, сделанную из необработанного куса дерева, обычно из ближайшей части какой-нибудь большой ветки. Он крепится к стойке и, по-видимому, представляет собой скобу для удержания конца горизонтальной балки, выступающей за пределы карниза. Эти скобы, однако, даже не врезаны в стойку, а удерживаются на месте квадратными деревянными штырьками и мало пригодны в качестве опоры для здания, хотя хорошо подходят для удержания удочек и других длинных шестов, которые находят здесь удобное крепление (рис. 14).

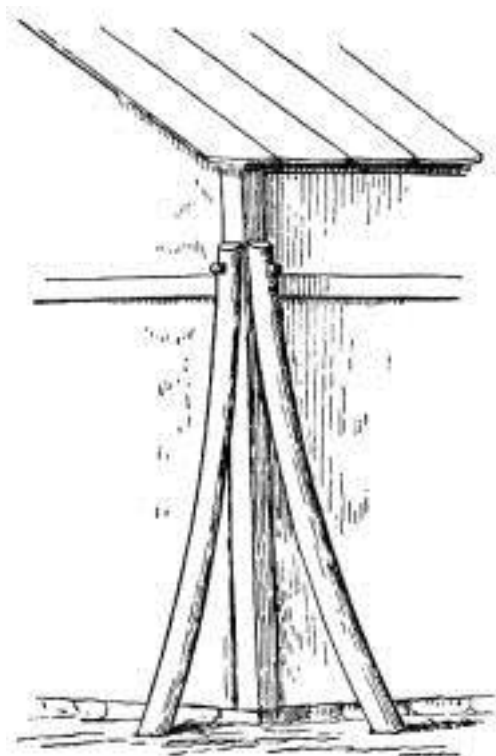

Рис. 13. Внешние фигурные скобки.

В деревне Наруге, в Ямато, я заметил в старой гостинице диагональную скобу, которая служила приятным украшением прочного каркаса, на котором покоилась массивная дополнительная крыша, покрытая тяжелой черепицей. Поскольку горизонтальные балки поддерживались стойками за концами кронштейнов, данные скобы не придавали дополнительной прочности, за исключением того, что они могли предотвратить смещение вперед и корму. Они были размещены здесь исключительно из-за своего декоративного вида; или, по крайней мере, это была единственная функция, которую они, казалось, выполняли (рис. 15).

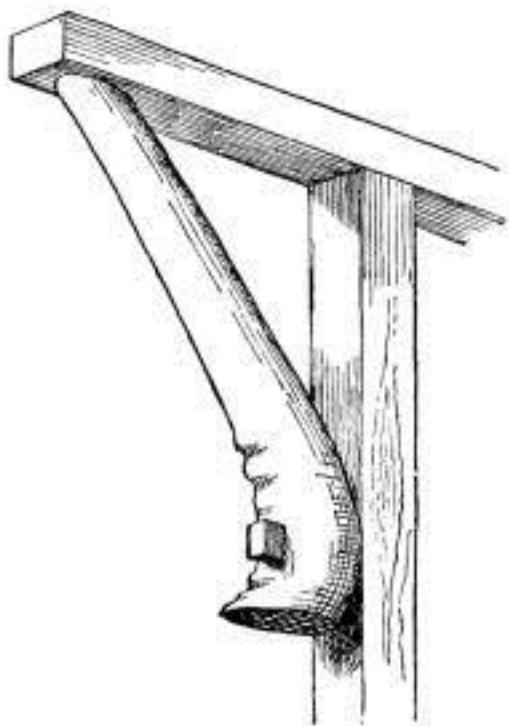

Рис. 14. Внешняя скоба.

Каркас здания часто раскрывается в помещении таким образом, что это восхитило бы сердце Истлейка. Неровности в форме палки не рассматриваются как препятствие при строительстве здания. Судя по тому, как используются такие кривые балки, можно предположить, что строитель предпочитает именно их. Стремление к деревенскому эффекту приводит к выбору древесины необычной формы. Рис. 7 представляет конец помещения, на котором видна изогнутая поперечина, проходящая через центральную стойку, которая поддерживает коньковый столб.

При отделке помещений большое внимание уделяется выбору и подготовке древесины. Для лучших помещений древесина отбирается следующим образом: сначала распиливается брус (рис. 16), при этом центральная часть (А) отбраковывается как склонная к раскалыванию. Во-вторых, в круглой вертикальной стойке, которая в большинстве случаев образует переднюю часть неглубокой перегородки, разделяющей один конец лучшей комнаты на два проема или ниши, вырезается глубокий паз для прохода края перегородки (рис. 17). При такой обработке древесина не так подвержена искривлению или раскалыванию.

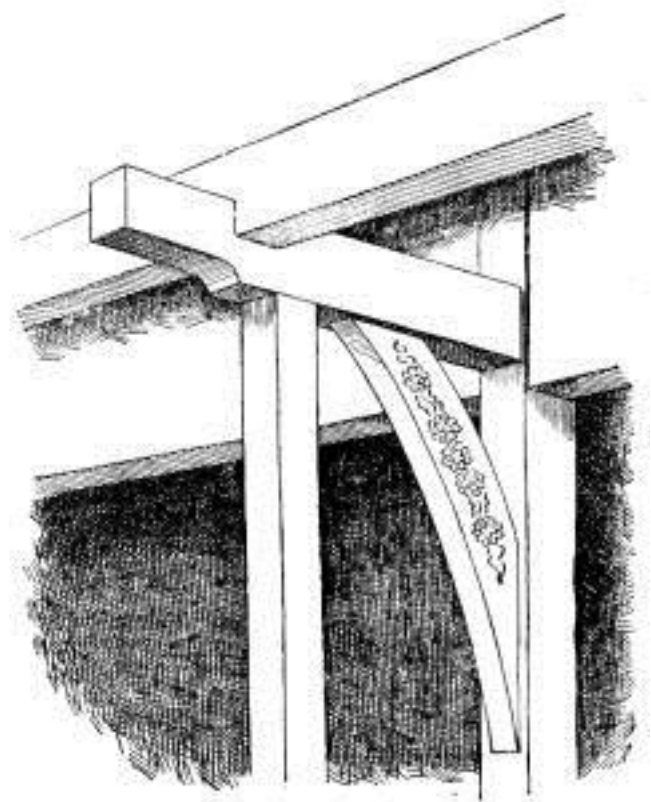

Рис. 15. Декоративная скоба.

Особые детали помещения будут описаны в других главах. Здесь, однако, может быть уместно указать, что в отделке интерьера *дайку*, или плотник, закончил свою работу, и пришла новая группа рабочих, *саши-моно-я*, или краснодеревщики, — грубые обрамления и аналогичные работы выполняются собственно плотником. Особое внимание уделяется подбору древесины, соответствующей зернистости и цвету; а это можно сделать, только взяв материал, полученный из того же бревна. На складе лесоматериалов можно заметить доски одинаковой длины, связанные в связки, — фактически связанные в точно таком же положении, которое древесина занимала в стволе до того, как ее распилили на доски (рис.

18). То же самое и с другими древесными материалами — куски удерживаются вместе таким же образом. На лесоповале никогда не увидишь беспорядочно сложенных досок, но каждое бревно, распиленное на доски, надежно скреплено без смещения. Поскольку размеры помещений соответствуют количеству матов, которые они должны содержать, балки, стойки, стропила, доски для пола, доски для потолка и все планки изготавливаются в размерах, соответствующих этим различным размерам. Размеры циновок от одного конца Империи до другого составляют примерно три фута в ширину и шесть футов в длину; и они компактно укладываются на полу. Архитектор отмечает на своем плане количество циновок, которые должны быть положены в каждую комнату, — это число определяет размер комнаты; следовательно, используемые пиломатериалы должны быть определенной длины, и плотник обязательно найдет эти длины на складе пиломатериалов. Из этого следует, что при строительстве японского дома происходит очень мало отходов. Совсем иначе обстоит дело с нашими экстравагантными и бессмысленными методами домостроения. В нашей стране человек, построивший деревянный дом, обнаруживает, что его погреб и сарай до отказа забиты отходами из его нового дома, и в течение года или даже больше, по крайней мере, испытывает мрачное утешение, подпитывая свои каминные и кухонные плиты необработанными породами дерева, которые обходятся ему в размере от четырех до восьми центов за квадратный фут!

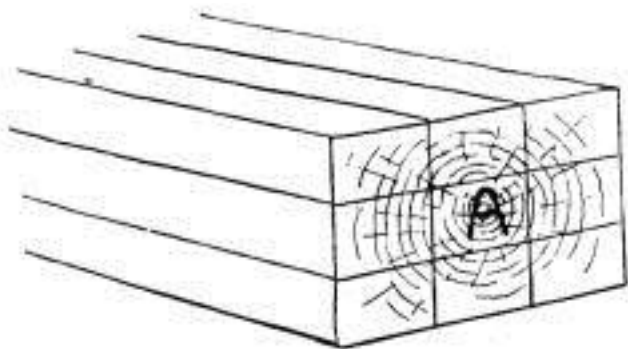

Рис. 16.Способ распила древесины для отделки дома.

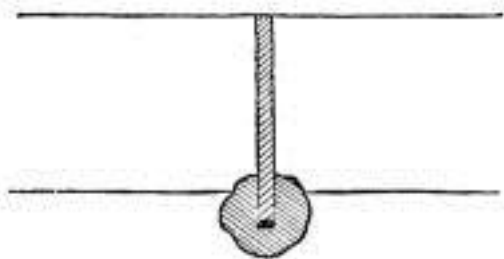

Рис. 17.Секция стойки с пазом для перегородки.

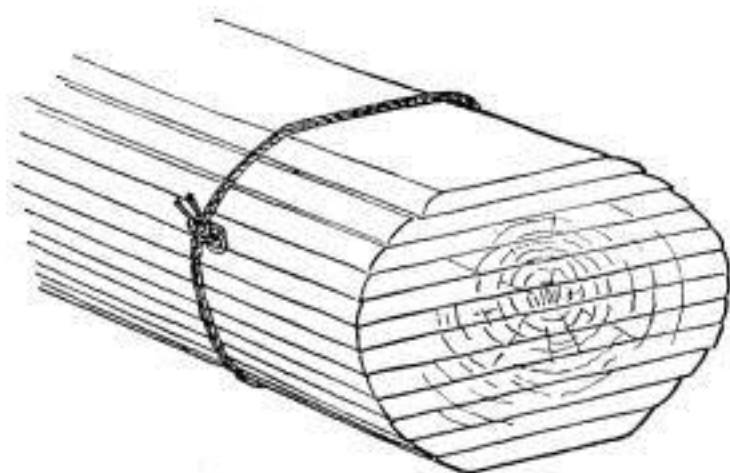

Рис. 18.Связка досок.

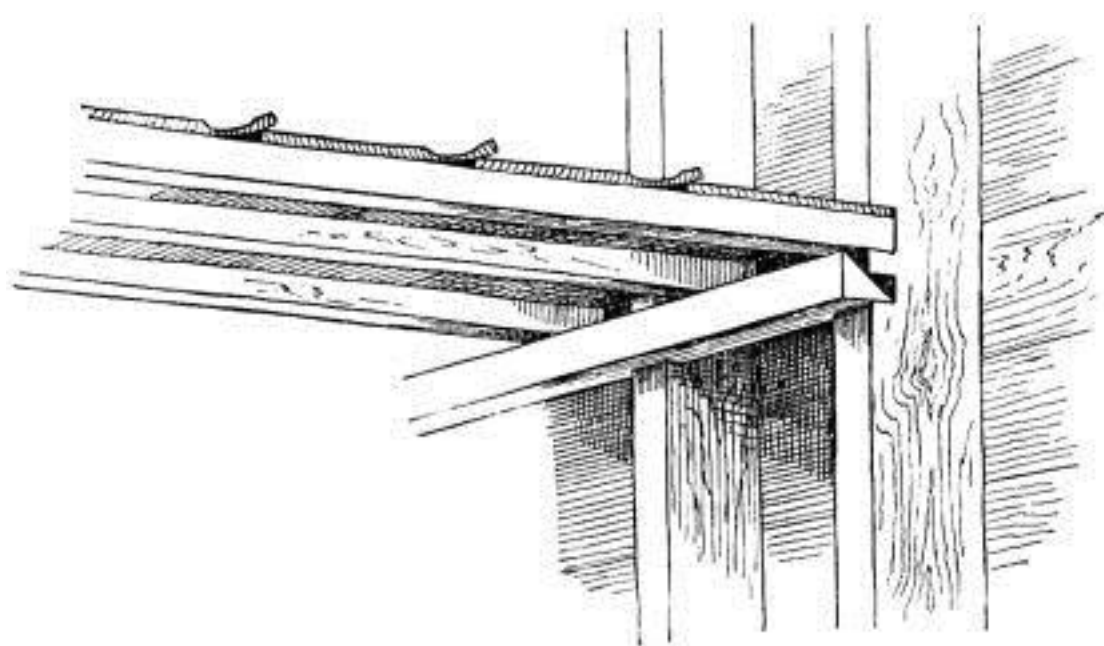

Рис. 19.Сечение потолка.

Обычный потолок в японском доме состоит из широких тонких досок, края которых слегка перекрываются. На первый взгляд кажется, что эти доски поддерживаются узкими деревянными полосками, похожими на тонкие балки, на которые опираются доски (рис. 96). Однако, поразмыслив, вскоре становится очевидным, что эти миниатюрные поперечные балки, имеющие в сечении квадратный дюйм или меньше, совершенно не подходят для поддержки потолка, такого тонкого и легкого, какими на самом деле являются доски, из которых он состоит. Осматривая потолок, человек не находит ни следа булавки или гвоздя и в конце концов начинает задаваться вопросом, как планки и доски удерживаются на месте и почему весь потолок не провисает.⁵ Объяснение заключается в том, что планки, на которые должны опираться доски, сначала натягиваются по комнате на расстоянии от десяти до восемнадцати дюймов друг от друга. Концы этих полос опираются на молдинг, который крепится к стойкам стены. В дешевых домах этот профиль имеет угловую форму; в стойках вырезаны выемки, в которые упирается и закрепляется острый край углового профиля (рис. 19). Форма вырезается таким образом, чтобы сэкономить материал. После подгонки планок они подравниваются, но слегка заггибаются вверх, то есть середина находится немного выше боковых сторон, и удерживаются на месте либо с помощью длинной доски, временно

подкладываемой под них и подпираемой снизу полом; либо под них подкладывается длинная палка, которая поддерживается прочной веревкой от стропил вверх (рис. 20). Затем на полу возводится низкая перекладина (высота стойки в комнате редко превышает семь-восемь футов); и плотник, стоящий между поперечными рейками, находясь приподнятым на перекладине, подгоняет доски одну за другой по мере того, как их ему передают. Первую доску прикладывают к стене так, чтобы ее край входил в паз в стойках; следующую доску прикладывают своим краем к первой доске, а затем прибивают сверху деревянными или бамбуковыми колышками к поперечным планкам. Таким образом, в потолке снизу не появляются отверстия для гвоздей или колышков. Таким образом, устанавливается доска за доской, каждая доска слегка прилегает к предыдущей, и каждая, в свою очередь, слегка прибивается к планкам. У притирочного края каждой доски прорезана глубокая широкая канавка, так что она очень легко сгибается и, таким образом, опускается на нижележащую полосу. Когда доски переносятся таким образом через половину комнаты, длинный, узкий и толстый кусок дерева, скажем, шести футов в длину, кладется на последнюю уложенную доску на расстоянии дюйма от ее свободного края и параллельно ей. Эта деталь прочно прибивается гвоздями к доске, на которой она покоится, и к поперечным планкам внизу. К краю этой детали вертикально прибиваются две или три длинные полосы дерева, верхние концы которых прибиваются к ближайшим стропилам наверху. Таким образом, потолок является подвесным (рис. 21). После того, как это было сделано, оставшиеся доски потолка устанавливаются на место и закрепляются одна за другой до тех пор, пока не будет достигнута последняя. Чтобы закрепить последний элемент на месте, плотник спускается со своего места и применяет другие методы. Один из методов заключается в том, чтобы положить эту доску на последнюю закрепленную и утяжелить ее несколькими тяжелыми камнями, а затем ее перемещают снизу и устанавливают на место, где она остается такой же прочной, как если бы ее слегка прибили гвоздями (рис. 22). Если в комнате есть шкаф или ниша, последняя доска распиливается на две или три части, которые устанавливаются одна за другой и прибиваются сверху к поперечным планкам гвоздями, при этом необходимо следить за тем, чтобы эти секции располагались непосредственно над поперечными планками, чтобы снизу создавался вид сплошной доски. Секции расположены таким образом по длине, что последняя деталь убирается в шкаф; ее можно либо утяжелить камнями, либо вообще не использовать (рис. 23)

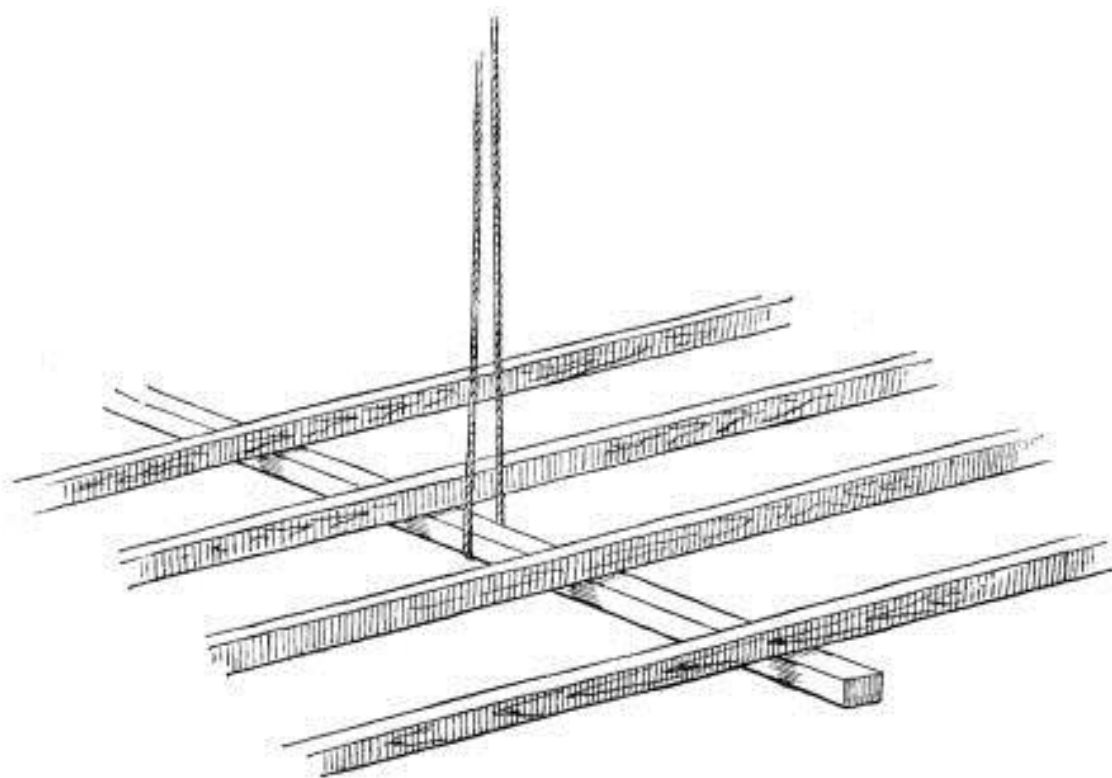

Рис. 20.Потолок—стропила временно поддерживаются.

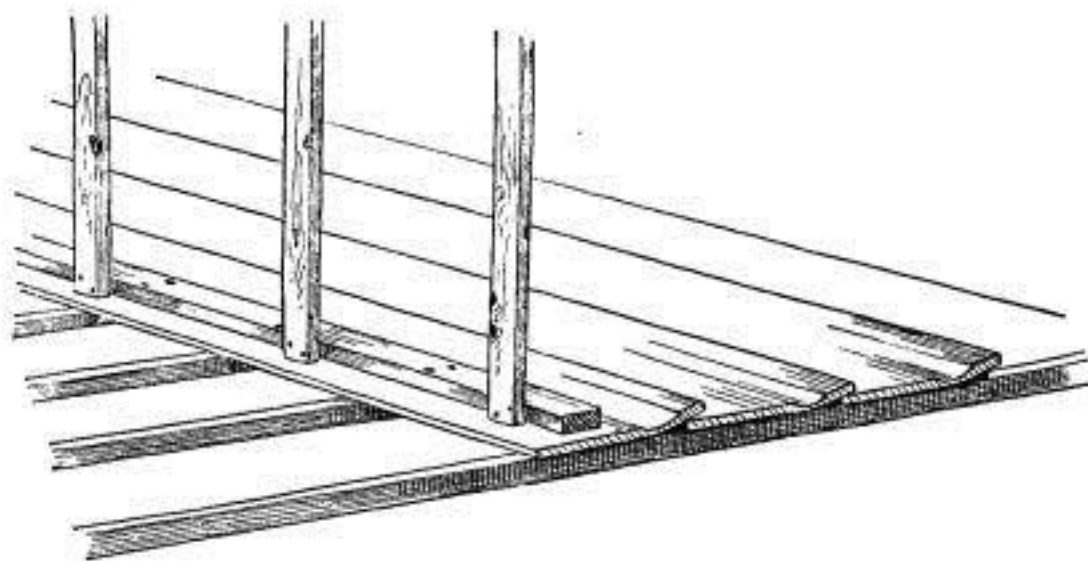

Рис. 21.Способ подвешивания потолка, если смотреть сверху.

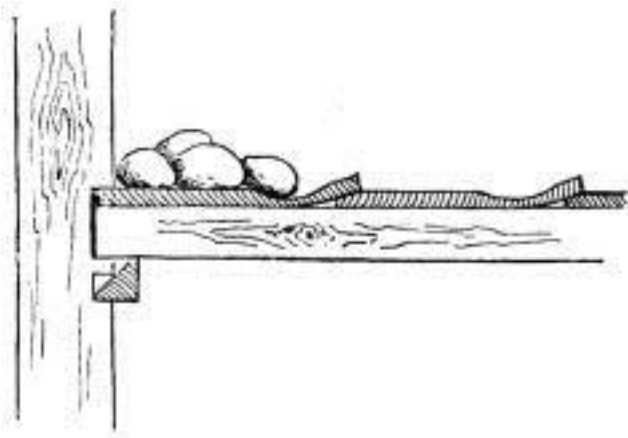

Рис. 22.Потолочнаядоска, утяжеленная камнями.

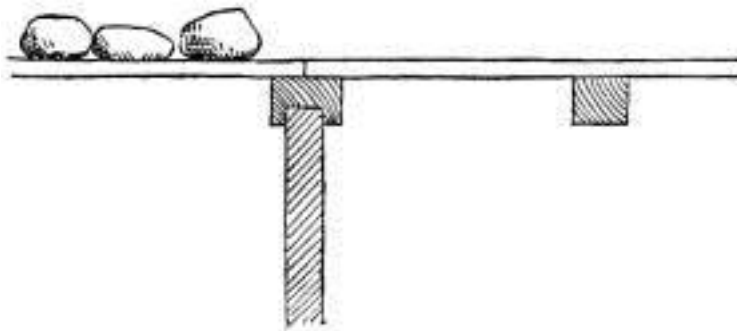

Рис. 23.Потолочнаядоска в шкафу.

Мы были столь откровенны в описании потолка, потому что, похоже, очень немногие даже среди японцев точно понимают, каким образом он подвешен.

В длинных комнатах часто с удивлением видишь доски большой ширины, из которых состоит потолок, и, по-видимому, они тянутся от одного конца комнаты до другого. То, что кажется единой доской, на самом деле состоит из нескольких коротких отрезков. Соответствие текстуры и цвета достигается путем объединения двух соседних досок в связку, как показано ранее и описано, и размещения их таким образом, чтобы совпадали концы (рис. 24), при этом, конечно, необходимо следить за тем, чтобы стыки проходили непосредственно над поперечинами. Зернистость древесины становится непрерывной, каждая линия зернистости и цвет, конечно же, дублируются и подбираются на другой доске. Иногда таким образом можно продолжить несколько отрезков доски, и все же снизу виден один длинный кусок.

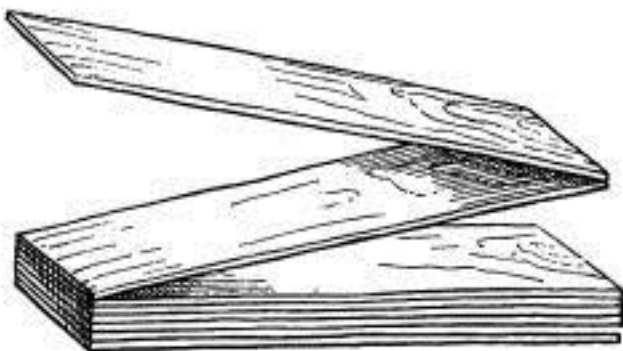

Рис. 24.Способ извлечения досок из пачки для сохранения однородности зернистости.

Вам будет легко понять преимущество расположения всех досок данного бревна рядом друг с другом. В нашей стране плотнику приходится рыться на лесоповале, чтобы найти

древесину похожего сорта и цвета; и даже тогда ему, как правило, не удастся раздобыть древесину точно такого же сорта.

Постоянные перегородки внутри дома изготавливаются различными способами. В одном из методов бамбуковые полосы различной длины заменяют планки. Маленькие бамбуковые палочки сначала прибивают в вертикальном положении к деревянным планкам, которые крепятся от одной стойки к другой; затем узкие полосы бамбука закрепляются поперек этих бамбуковых палочек с помощью грубых шнуров из соломы или волокон коры (рис. 4). Эта перегородка мало чем отличается от нашей собственной перегородки из гипса и реек. Другой вид перегородки может быть из досок; к ним довольно близко прибиваются небольшие бамбуковые стержни, на которые наносится штукатурка. К оштукатуриванию прилагаются значительные усилия. Штукатур приносит в дом образцы разноцветных песков и глин, чтобы каждый мог выбрать из них цвет своей стены. Хороший слой штукатурки состоит из трех слоев. Первый слой, называемый *шита-нури*, состоит из грязи, в которую замешана измельченная солома; второй слой, называемый *чу-нури*, из грубой извести, смешанной с грязью; третий слой, называемый *ува-нури*, состоит из цветной глины или песка, смешанных с известью, — и этот последний слой всегда наносится умелым мастером. Другие методы обработки этой поверхности будут приведены в главе, посвященной интерьерам.

Многие перегородки между комнатами полностью состоят из легких раздвижных экранов, которые будут специально описаны далее. Часто две или более сторон дома полностью состоят из этих простых и хрупких устройств. Наружные несущие стены дома, если они деревянные, делаются из тонких досок, прибитых к каркасу горизонтально, — так же, как мы обшиваем наши дома вагонкой. Они могут быть более прочно прикреплены к дому с помощью длинных полос, прибитых вертикально к доскам. Доски также могут быть прикреплены к дому вертикально, а поверх швов прибиты уплотнительные планки, как это обычно делается в некоторых наших домах. В южных провинциях грубую стену дома делают из широких плит коры, расположенных вертикально и удерживаемых на месте тонкими полосками бамбука, прибитыми крест-накрест. Этот стиль распространен среди более бедных домов в Японии; и, действительно, в домах более высокого класса он часто используется в качестве декоративного элемента, размещаемого на высоте нескольких футов от земли.

Наружные оштукатуренные стены также очень распространены, хотя и не отличаются долговечностью. Этот вид стен часто встречается в полуразрушенном состоянии. В японских книжках с картинками это разрушенное состояние часто изображается с обнаженными бамбуковыми планками как намек на бедность.

В городах наружные стены более прочных сооружений, таких как склады, нередко покрывают квадратной плиткой, при этом сначала изготавливают дощатую стену, к которой плитки крепятся гвоздями по углам. Они могут быть уложены диагональными или горизонтальными рядами — в любом случае между плитками оставляется промежуток в четверть дюйма, а швы закрываются белой штукатуркой, растекающейся с каждой стороны на ширину дюйма или более, и завершающейся закругленной поверхностью. Эта работа выполнена с большим вкусом и художественно, и эффект темно-серой плитки, пересеченной этими белыми полосами штукатурки, очень поразителен (рис. 25).

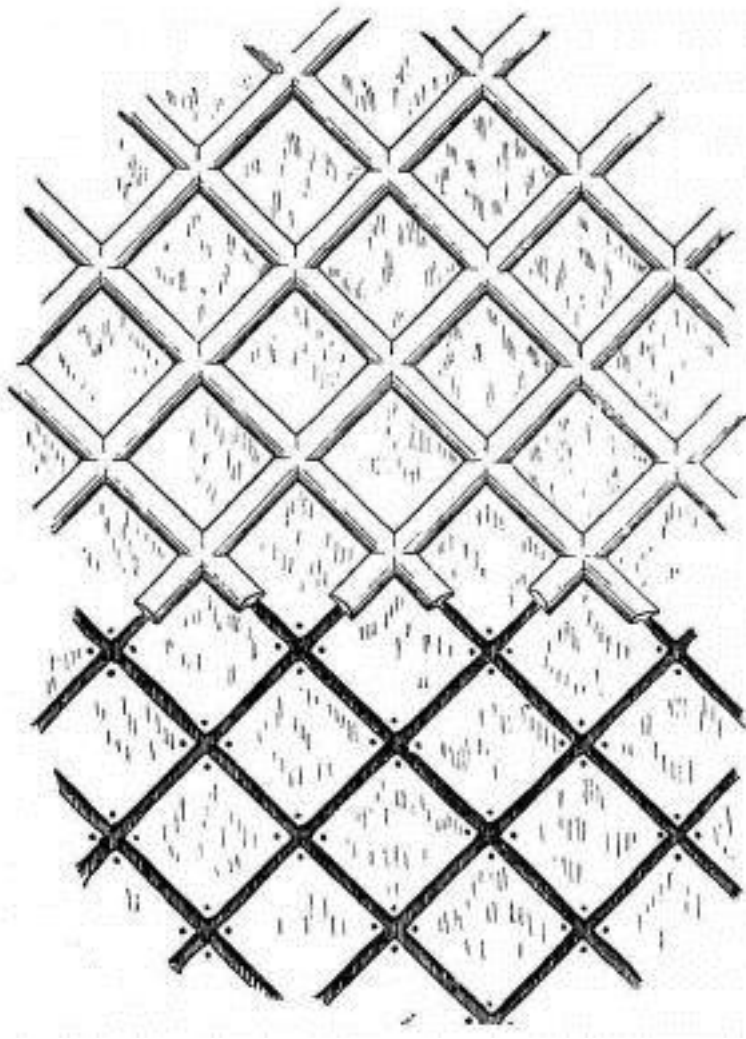

Рис. 25. Расположение квадратных плиток на боковой стороне дома.

Поскольку противопожарные здания, или *кура*, часто используются в качестве жилых помещений, здесь уместно кратко упомянуть об их устройстве. Эти здания специально спроектированы для противопожарных складов. Обычно они имеют высоту в два этажа, со стенами толщиной от восемнадцати дюймов до двух футов и более, сложенными из глины, оштукатуренной на каркасе большой прочности. Балки имеют плотные зазубрины и связаны веревкой из грубых волокон, а к балкам плотно прикреплены маленькие бамбуковые брусья. Короткие грубоволокнистые веревки длиной в фут крепятся плотными рядами к поперечным балкам и стойкам. Все эти приготовления сделаны с целью более надежного удержания последующих слоев грязи, которые будут нанесены. В качестве предварительной подготовки к этой работе возводится огромная и вместительная площадка, которая полностью окутывает здание. Помост, действительно, образует огромную клетку, и на него вешают соломенные циновки, чтобы глиняная штукатурка не высыхала слишком быстро. Эта клетка достаточно просторная, чтобы мужчины могли свободно работать вокруг нее и под ней. Наносится слой за слоем, и между этими нанесениями проходит много времени, чтобы каждый слой мог должным образом высохнуть. Для надлежащего строительства одного из этих огнестойких зданий требуется два или более лет. После отделки стен наносится слой штукатурки или штукатурки, смешанной с лампово-черным, и получается тонкая полированная поверхность, похожая на черный лак. Эта полированная черная поверхность получается путем протирания сначала тканью, затем шелком и, наконец, рукой.

Недавно приготовленная *кура* имеет удивительно солидный и внушительный вид. Крыши огромной толщины, с огромными гребнями, украшенными художественными узорами в виде лепнины, и гребнями, заканчивающимися орнаментальной плиткой с высоким рельефом. Прекрасный лоск этих зданий вскоре портится, и в конце концов они приобретают тускло-черный или слоистый цвет; иногда наносится слой белой штукатурки. С внешней стороны стены виден ряд длинных железных крючков; они предназначены для удержания регулируемого деревянного каркаса, который часто используется для покрытия стен и, таким образом, для защиты их от разрушающего действия стихии. Эти деревянные ограждения крепятся к зданиям, оставляя соответствующие отверстия, через которые выступают железные крюки, а поперек стены тянутся длинные тонкие деревянные бруски, удерживаемые на месте загнутыми концами железных крюков и, в свою очередь, удерживающие деревянную обшивку на месте.

Окна в зданиях маленькие, и каждое закрывается либо раздвижной дверью большой толщины и прочности, либо двойными ставнями, закрывающимися вместе. По краям этих створок имеется ряд выступов, в точности похожих на те, что можно увидеть на тяжелых дверцах банковского сейфа. Во время пожара принимаются дополнительные меры предосторожности, заделывая щели в этих закрытых ставнях грязью, которая всегда под рукой и приготовлена на случай такой чрезвычайной ситуации. Эти здания, когда они построены должным образом, кажутся превосходно отвечающими своему назначению; и после пожара, когда вся окружающая территория становится абсолютно плоской, — ибо здесь не видно ни шатающихся труб, ни похожих на пещеры подвалов и стен, как у нас, — эти черные, закопченные *куры* бросаются в глаза среди общего разорения. Однако не все они сохранились, поскольку из некоторых из них часто выходит дым, что указывает на то, что, как и в нашей собственной стране, сейфы не всегда огнестойкие.

Несколько длительный опыт общения с обычными домашними плотниками позволяет мне сказать, не опасаясь противоречия, что в вопросах, касающихся их ремесла, японские плотники превосходят американских. Они демонстрируют свое превосходство не только в своей работе, но и в своих разносторонних способностях создавать новые вещи. Поражаешься, видя, с каким терпением японский плотник или краснодеревщик бьется над планами, нарисованными не только новыми и непривычными для него способами, но и столь же новыми предметами, — и борется успешно. Общеизвестно, что большинство плотников в наших небольших городах и деревнях совершенно некомпетентны в выполнении каких-либо особых требований, предъявляемых к ним, за пределами строительства обычного двухэтажного дома с обычной крышей. Они стоят в замешательстве перед выступом окна или карнизом за пределами предписанных колеи, с которыми были знакомы они и их отцы. Действительно, в большинстве случаев их отцы не были плотниками, и их дети ими не будут; и уже в одном этом японский плотник имеет огромное преимущество перед американцем, поскольку его ремесло, как и другие профессии, сохранялось на протяжении поколений семей. Маленькие дети выросли среди запаха душистой стружки, детскими руками выполняли функции регулируемых тисков или струбцин; и теми же инструментами, которые они, будучи детьми, передали своим отцам, позже они зарабатывали свой ежедневный рис.

Когда я вижу у одного из наших плотников громоздкие ящики для инструментов, сделанные из полированного дерева, инкрустированные латунными украшениями и до отказа заполненные тщательно отполированными и тщательно сделанными машинными инструментами стоимостью в несколько сотен долларов, и размышляю о работе, которую с ними часто выполняют, — со всем, что должно болтаться, и со всем, что гремит, что должно быть туго затянуто, и о большой работе, которую приходится проделывать дважды, с повсюду

указанием на скудость идей, - и тогда вспоминаю японского плотника с его смехотворно легким и непрочным ящиком для инструментов, содержащим скудный набор грубых и примитивных инструментов — рассматривая плотницкие работы этих двух людей, я вынужден прийти к убеждению, что цивилизация и современные приспособления ничего не значат, если не сопровождаются частью мозгов и некоторой толикой вкуса и смекалки.

Очень серьезным фактом является то, что в настоящее время никто в нашей стране не овладевает ремеслом плотника. Во многом такое плачевное состояние вещей, без сомнения, связано с тем фактом, что машинная работа вытеснила ручную работу прежних времен.⁶ Двери, жалюзи, створки, молдинги теперь изготавливаются с помощью шнура и мили, и все это делается в такой жадной спешке и из самых зеленых досок, что если они не развалятся на куски при транспортировке, то наверняка развалятся очень скоро после ввода в эксплуатацию. Тем не менее, горькая правда остается неизменной: любой человек, который заколотил несколько ящиков или несколько месяцев простоял за циркулярной пилой, чувствует себя способным выполнять все обязанности в этом самом почетном ремесле — строительстве дома.⁷

В этой связи может быть интересно упомянуть несколько основных инструментов, которые обычно используются японскими плотниками. Увидев хорошие и исправные столярные изделия, идеальные соединения и сложные пазы, выполненные хорошими японскими мастерами, с удивлением обнаруживаешь, что они выполняют свою работу без помощи определенных приспособлений, которые аналогичные мастера в нашей стране считают незаменимыми. У них нет ни верстака, ни тисков, ни спиртового уровня, ни долота; а что касается трудосберегающего оборудования, то у них нет абсолютно ничего. Учитывая множество мест, которые можно было бы использовать для получения энергии от воды, им не пришла в голову старая деревенская лесопилка.⁸ Их инструменты, по-видимому, сделаны грубо и имеют примитивную конструкцию, хотя, очевидно, из стали наилучшего закала. Единственная замена плотницкому верстаку - это доска на полу или на двух подставках; квадратная, прочная, вертикальная стойка - это ближайший подход к верстаку и тискам, поскольку к этой балке прочно крепится деревянный брусок, который нужно распилить на куски (рис. 26). Большой деревянный клин крепко привязывают к столбу толстой веревкой и вбивают его энергичными ударами до тех пор, пока он не защемит брусок, который нужно нарезать в нужных пропорциях.

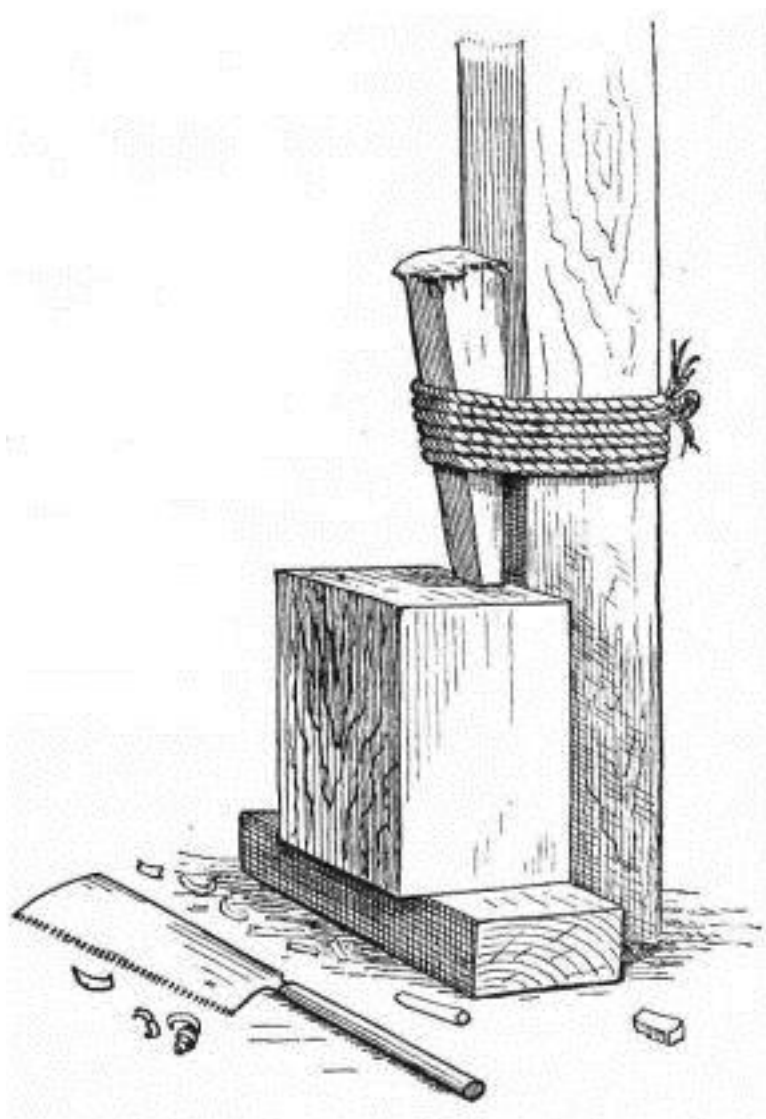

Рис. 26. Японские плотницкие тиски.

При использовании многих инструментов японский плотник обращается с ними совершенно иначе, чем наш рабочий; например, он притягивает рубанок к себе, а не отталкивает его от себя. Самолеты представляют собой очень грубые на вид орудия. Их тела, вместо того чтобы быть толстыми деревянными блоками, довольно широкие и тонкие (рис. 27, D, E), а лезвия наклонены под большим углом, чем лезвие в нашей плоскости. Однако в некоторых плоскостях лезвие стоит вертикально; оно используется вместо стальных скребков для придания дереву гладкой поверхности и может быть с успехом использовано нашими плотниками в качестве замены куска стекла или тонкой стальной пластины, которыми они обычно скоблят поверхность дерева. Часто можно увидеть огромный рубанок длиной пять или шесть футов. Однако этот рубанок закреплен в наклонном положении, вверх ногами, то есть лезвием вверх. Доску или деталь, подлежащую строганию, перемещают по ней взад-вперед.

Широко используются вытяжные пилы. Пилы бывают разных видов, с зубьями намного длиннее, чем у наших пил, и режут по-разному. Некоторые из этих форм напомнили мне зубья, которые можно увидеть в некоторых недавно запатентованных пилах в Соединенных Штатах. Некоторые пилы имеют зубья не только спереди, но и сзади, причем один край

используется как поперечная пила (рис. 27 В, С). Ручная пила вместо необычной рукоятки в форме петли, рассчитанной только на одну руку, как у нас, имеет простую прямую цилиндрическую рукоятку длиной с саму пилу, а иногда и длиннее. Наши плотники одной рукой держат распиливаемую палку, а другой управляют пилой; японский плотник, напротив, придерживает заготовку ногой и, наклонившись, двумя руками проводит пилой, быстро пропиливая дерево. Этот стиль работы и выполнения многих других вещей никогда не смог бы быть принят в этой стране без импорта японских спинок. Было необыкновенным зрелищем наблюдать за отношением этих людей к выполнению различного рода работ. Служанка, например, вытирая пол или веранду мокрой тряпкой, не опускается на колени, чтобы выполнить свою работу, но, наклоняясь, все еще стоя на ногах, она толкает тряпку взад-вперед и, таким образом, в этой неудобной позе выполняет свою задачу.

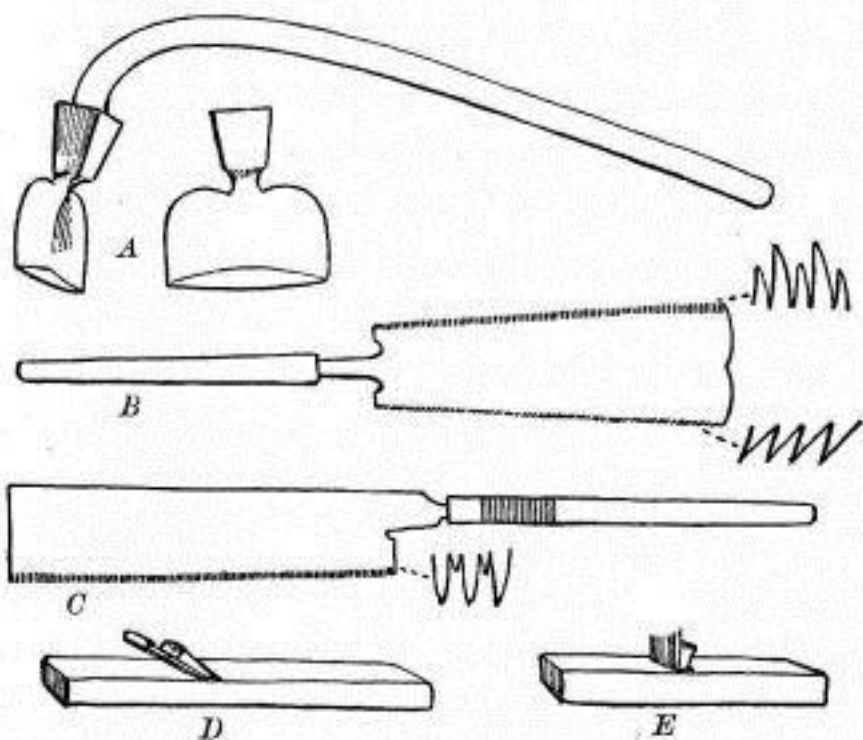

Рис. 27.Плотничьи инструменты общего пользования.

Тесло снабжено грубой ручкой, значительно изгибающейся на нижнем конце, чем-то похожей на хоккейную клюшку (рис. 27, А). Летом плотники работают в самой скудной одежде и почти всегда босиком. Для нервного человека это поразительное зрелище - видеть плотника, стоящего на деревянной палке, яростно рубящего этим инструментом с кривой ручкой и острым, как бритва лезвием и снимающего большие щепки с дерева в дюйме от своих обнаженных пальцев. Мы никогда сами не видели плотника без пальцев на ногах или того, чьи ступни имели малейший признак того, что он когда-либо промахивался, и это было хорошим доказательством безошибочной точности, с которой они используют этот полезный инструмент.

Для сверления отверстий используется шило с очень длинной ручкой. Плотник захватывает рукоятку на конце, между ладонями, и быстро двигает руками взад-вперед, одновременно нажимая на шило, заставляя его быстро вращаться взад-вперед; когда его руки постепенно соскальзывают с рукоятки, он снова быстро захватывает ее за верхний конец, продолжая движение, как и раньше. Поражаешься, видя, как быстро просверливаются отверстия этим простым, но эффективным способом. Для больших отверстий используются шнеки, похожие

на наши. Их долото также очень похоже на наше по форме. Для забивания гвоздей в местах, недоступных для досягаемости обеих рук, используют молоток, один конец которого удлинен до острия; затем, удерживая гвоздь между большим и указательным пальцами с молотком, зажатым в той же руке, заостренным концом молотка проделывают в дереве отверстие, вставляют и вбивают гвоздь.

Используется переносная шкатулка для ногтей в форме круглой корзинки, к которой прикреплен короткий шнур с деревянной или бамбуковой пуговицей на конце; он подвешивается к поясу или шнуру, охватывающему талию (рис. 28). Гвоздильный ящик для драйки имеет удлиненное дно с перфорацией, чтобы его можно было временно прибивать гвоздями к крыше (рис. 64).

Рис. 28. Японская корзинка для ногтей.

Есть три инструмента японского плотника, которые являются неразлучными спутниками; это *магари-гане*, *суми-саси*, и *суми-цубо*. *Магаригане* - это железный квадрат, гораздо более узкий, чем наш. *Суми-саси* представляет собой двустороннюю кисточку из волокнистой древесины, закругленную с одного конца и имеющую широкий острый край с другого (рис. 29). Плотник всегда имеет при себе коробку с ватой, пропитанной чернилами; с помощью *суми-саси* и чернил плотник может наносить символы и вывески закругленным концом или тонкие черные линии острым краем. Одним из преимуществ такого вида щетки является то, что плотник может изготовить ее в любой момент. *Суми-цубо* (рис. 30, А, Б) заменяет нашу плотницкую линейку; она сделана из дерева, часто искусно обработанного, с выемкой на одном конце и заполнена ватой, пропитанной чернилами, а на другом конце прикреплена катушка с маленькой рукояткой. На катушку наматывается длинный шнур, свободный конец которого проходит через вату и выходит через отверстие на конце инструмента. К концу шнура прикреплен предмет, напоминающий шило. Чтобы провести линию на доске, шило вонзается в древесину, шнур разматывается, и при этом он чернеет от чернил; при разрыве шнура обычным способом на поверхности древесины остается четкая черная линия. Затем его снова быстро наматывают с помощью маленькой рукоятки. Этот инструмент во всех отношениях является усовершенствованием меловой линии, поскольку он более удобен, и при его использовании на дереве остается четкая черная линия вместо тусклой меловой линии, которая так легко стирается. Этот инструмент часто используют в качестве отвеса, поворачивая шнур вокруг рукоятки, таким образом прочно удерживая его, и подвешивая инструмент с помощью шила.

Рис. 29.Столярная разметочная щетка из дерева.

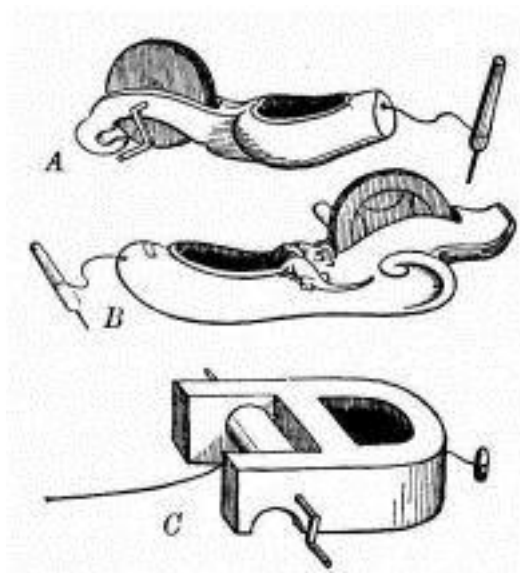

Рис. 30.Суми—Цубо.

Отвес делается из полоски дерева длиной четыре или пять футов, к каждому концу которой прибивается под прямым углом полоска дерева длиной четыре или пять дюймов, выступающая на дюйм с одной стороны. Эти две поперечные полосы имеют точно такую же длину и подогнаны к более длинной полосе таким образом, чтобы она выступала на одинаковое расстояние. К более длинному плечу одной из этих деталей подвешен шнур с грузом на нижнем конце. При прокладке стены короткие концы поперечных элементов прижимаются к стене или участку, подлежащему выравниванию, и производится регулировка до тех пор, пока шнур не коснется края нижнего кронштейна. Прилагаемый эскиз (рис. 31) наглядно покажет внешний вид и способ использования этого простого устройства.

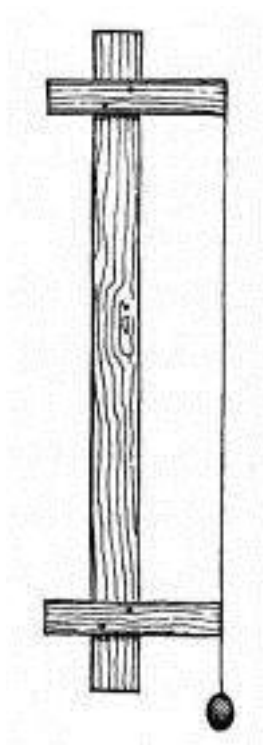

Рис. 31. Японский отвес.

При склеивании кусков дерева, особенно шпона, японцы прибегают к способу, распространенному среди американских краснодеревщиков, — вводят в действие несколько эластичных или бамбуковых стержней, один конец которых упирается в прочный потолок или опору, а другой конец прижимается к соединяемому дереву. При полировке и шлифовке одно и то же устройство используется для получения давления.

Это обязательно краткое описание никоим образом не следует рассматривать как каталог инструментов японских плотников, оно предназначено просто для описания тех инструментов, которые чаще всего можно увидеть, наблюдая за их работой. Главным достоинством многих из этих инструментов является то, что они могут быть легко изготовлены пользователями; действительно, за исключением железной детали, каждый японский плотник может изготовить свои собственные инструменты и часто делает это.

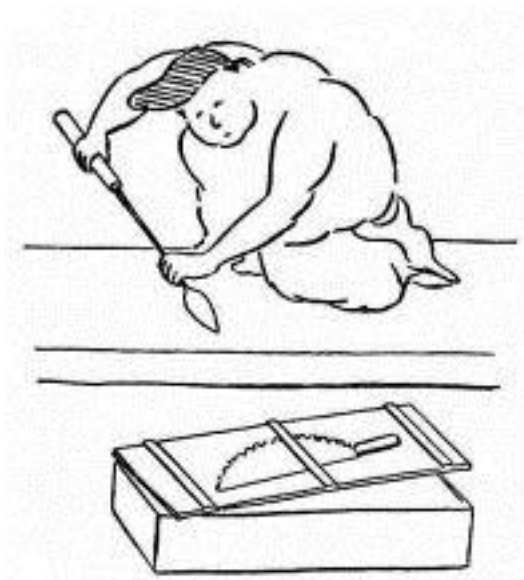

Рис. 32. — Древний плотник (скопирован со старой картины).

Рассматривая старые книги и картины, можно получить представление о древности многих предметов, которые до сих пор используются в Японии. В доме японского антиквара мне показали копию очень старого *маки-моно* (длинный свиток бумаги, свернутый наподобие рулона обоев, на котором написаны или нарисованы непрерывные истории или исторические события). Этот *маки-моно*, о котором идет речь, был написан Такаканой из Киото пятьсот семьдесят лет назад и изображал строительство храма, от предварительных упражнений до его завершения. На одном эскизе были изображены плотники за работой, распиливающие дерево и изготавливающие каркас. За работой было много мужчин; некоторые ели и пили; повсюду валялись инструменты. Во всех инструментах, представленных на рисунке, среди которых были стамески, молотки, топоры, тесла, угольники и пилы, не было ни рубанка, ни длинной пилы. Кусок дерева распиливался долотом в продольном направлении. Квадрат был таким же, как и в наши дни. Инструмент, который, казалось, заменял рубанок, был похож на инструмент, которым до сих пор пользуются бондари, но, полагаю, ни один другой класс рабочих, хотя я помню, что видел мужчину и мальчика, снимавших кору с длинного шеста инструментом, похожим на тот, что изображен на рисунке (рис. 32).

The *Суми-цубо* в те времена было гораздо более простым и примитивным по форме, судя по эскизу, приведенному на стр. 42 (рис. 30, С). Плотницкий ящик для инструментов показан таким же маленьким и легким, как и аналогичные ящики, используемые сегодня. К крышке этого ящика (рис. 32) прикреплена любопытная ручная пила с загнутым краем. Широко используются большие пилы с загнутыми краями, с ручками на обоих концах, с которыми могут работать двое мужчин; но я никогда не видел ручную пилу такой формы. Все пилы, представленные на рисунке, имели одинаковую изогнутую кромку.

Ничто так не заслуживает похвалы, как прочный и разумный способ, которым японский плотник возводит свою сцену. Различные части конструкции никогда не прибиваются друг к другу гвоздями, так как это не только ослабило бы детали, через которые были вбиты шипы и гвозди, но и постепенно нарушило бы ее целостность. Все части, вертикальные и поперечные, прочно связаны вместе прочной веревкой. Веревку наматывают снова и снова как можно туже. Буддийские храмы высоких пропорций возведены и достроены, и все же никто никогда не слышит об ужасных несчастных случаях, которые так часто происходят дома в результате того, что этапы уступают место возведению подобных высоких

сооружений. Каким чрезвычайно унылым и глупым, должно быть, кажется японский плотник, когда он узнает, что его брат-христианин сооружает декорацию, которая рано или поздно может повергнуть его на землю.

ГЛАВА II. ТИПЫ ДОМОВ.

Писатели, посвященные Японии, часто отмечали отсутствие каких-либо грандиозных архитектурных сооружений в этой стране; и в качестве объяснения они предлагали, что в стране, сотрясаемой частыми землетрясениями, никакие величественные сооружения или постройки высоких пропорций не могут устоять. Тем не менее, многие подобные сооружения действительно существуют, и просуществовали на протяжении веков, о чем свидетельствуют старинные храмы и величественные пагоды, а также замки дайме, особенно в Кумамото и Нагоя. Если бы правда была известна, то выяснилось бы, что революция и восстание были одними из основных разрушительных факторов, практически уничтоживших все, что когда-то существовало из грандиозных архитектурных сооружений Японии.

Эме Гумберт находит много интересного в замках Дайме и справедливо говорит: “В целом, акцент делается не столько на богатстве деталей, сколько на общем эффекте, возникающем в результате величия и гармонии пропорций зданий. В этом отношении некоторые из сеньориальных резиденций Японии заслуживают того, чтобы войти в число архитектурных памятников Восточной Азии”.

Что касается архитектуры Японии, как и в других вопросах, человек должен проявить сочувствие к ее народу, или, по крайней мере, он должен пробудиться к сочувственной оценке их работы и условий, при которых она возникла. Прежде всего, он должен избавиться от всех предвзятых представлений о том, каким должен быть дом, и судить о работе японского строителя исключительно с японской точки зрения. Архитектурные сооружения, которые мы признаем архитектурными, не существуют вне ее храмов и замков. Некоторую причину такого положения вещей можно искать в том факте, что подавляющее большинство японцев бедны, очень бедны; и далее, в том факте, что идея кооперативных зданий, за исключением казарм Ясики, никогда не приходила японцам в голову, — каждая семья, за редким исключением, умудряется иметь собственный дом. В результате этого огромное количество домов являются просто убежищами, и являются таковыми по необходимости; хотя даже среди этих более бедных убежищ проскальзывают небольшие элементы храмовой архитектуры — впрочем, столь же скудные в этом отношении, как и аналогичные элементы в наших двухэтажных деревянных коробках у нас дома, которые могут немного напоминать греческий стиль в оконных наличниках или дорический в косяках парадных дверей.

Более того, рассматривая японские храмы, следует принимать во внимание их методы богослужения и то, как именно верующие используют эти замечательные сооружения. И вот, когда во всех этих вопросах, наконец, пробудилось разумное сочувствие, они начинают

приобретать новый облик; и то, что раньше казалось гротескным и бессмысленным, теперь становится полным значения и красоты. Мы видим, что есть что-то поистине величественное во внешнем виде широких и массивных храмов, с величественным устремлением ввысь их тяжеловесных черепичных крыш и глубоко затененных карнизов, с замысловатым лабиринтом опор и резьбы внизу; все это держится на колоссальных круглых столбах, скрепленных столь же массивными бревнами. Конечно, для японца эффект должен быть неописуемо вдохновляющим; и контраст между этими сооружениями и крошечными и скоропортящимися жилищами, которые их окружают, делает первые еще более величественными и впечатляющими. Иностранцы, хотя и знакомы с архитектурой европейских соборов, все же должны увидеть в этих зданиях много интересного. Даже в небольших городах и деревнях, где меньше всего можно было бы ожидать встретить подобные сооружения, путешественник иногда сталкивается с этими величественными сооружениями. Их окрестности неизменно живописны; ни один бесплодный участок или ничемный песчаный холм за пределами деревни не подойдет этим простым людям, но в качестве места для их храмов поклонения всегда выбирается самое очаровательное и красивое место.

Что бы ни говорили об архитектуре Японии, иностранцу, по крайней мере, трудно распознать какие-либо отдельные типы архитектуры среди домов или различить какие-либо радикальные различия в различных типах жилищ, которые он видит в своих путешествиях по стране. Вполне возможно, что они существуют, поскольку вскоре начинаешь осознавать разницу между древним и современным домом. Существуют также заметные различия между компактным домом купца в городе и загородным домом; но что касается особых типов архитектуры, которые соответствовали бы различным стилям, встречающимся в нашей стране, то их нет. Повсюду замечаются мелкие детали отделки и орнамента, которые, по его мнению, более полно развиты в храмовой архитектуре и которые, очевидно, заимствованы из этого источника; и если удастся показать, а это, несомненно, возможно, что эти черты были привезены в страну священниками, принесшими одну из двух великих религий, тогда мы сможем проследить многие особенности архитектурных деталей до их дома и улиц, по которым они пришли.

В связи с только что сделанным заявлением о том, что в японских жилищах трудно распознать какие-либо особые типы архитектуры, может быть интересно упомянуть, что мы обнаружили невозможность достать книги об архитектуре домов на их языке. Несомненно, книги такого рода существуют, более того, они должны существовать; но хотя у писателя был японский книготорговец и несколько интеллигентных друзей среди японцев, которые искали такие книги, ему так и не посчастливилось заполучить ни одной. В изобилии можно найти книги, посвященные храмовой архитектуре, от планов обрамления до завершенного сооружения; также о *куре*, спусках, шлюзах, *ториях* и т.д. Планы зданий для проведения чайных церемоний и бесконечные чертежи внутренней отделки дома — ниш, книжных полок, ширм и вообще всей изящной фурнитуры — легко доступны; но книги, в которой были бы показаны планы и фасады обычного жилища, автор еще никогда не видел. Несколько друзей предоставили ему планы своих домов, сделанные плотником, но на них не были представлены фасады или детали внешней отделки. Может показаться, что, по крайней мере, для обычных домов, в плане необходимо было детализировать только количество и размер комнат, оставляя остальную часть конструкции на усмотрение плотника, при условии, что ему удастся уберечь дом от дождя.

Если в жилых домах Японии нет попыток архитектурной демонстрации, путешественник, по крайней мере, избавлен от тех печальных впечатлений, с которыми он так часто

сталкивается в своей собственной стране, где в нескольких домах хорошего вкуса он наверняка пройдет мимо сотен перфорированных деревянных ящиков с угловатыми крышами и красными дымоходами, не украшенных ни единой лепниной; и время от времени ему придется встречаться с одним из этих мерзких куполов, широкополых шляп, коринфских колонн, а также с другими формами, столь же гротескными и столь же оскорбляющими хороший вкус.

Из-за прежней несколько изолированной жизни в разных провинциях стиль строительства в Японии значительно различается; и это особенно заметно в дизайне крыши и конька. Хотя японцы консервативны во многих вопросах, касающихся дома, стоит отметить, что за двести пятьдесят лет в архитектуре домов произошли изменения; во всяком случае, дома прежних времен имели гораздо более массивные балки в каркасе и более широкие доски в конструкции, чем дома более поздних времен. Вероятная причина заключается в том, что в прошлые времена дерево было намного дешевле; или, возможно, опыт научил их, что достаточно прочные дома можно строить из более легкого материала.

Японские жилища всегда деревянные, обычно одноэтажные и неокрашенные. Редко какой дом производит впечатление особо примечательного или более красивого, чем его соседи; некоторые из них, безусловно, более солидные, и все же в них есть однообразие, которое становится утомительным. Особенно это касается длинного, неинтересного ряда домов, окаймляющего деревенскую улицу; только их живописные крыши спасают их от однообразия. Однако более тщательное изучение выявляет некоторые заметные различия между загородными и городскими домами, а также между домами в разных провинциях.

Загородный дом, если и является чем-то большим, чем укрытием от непогоды, то больше и основательнее городского дома, а его массивная соломенная крыша и замысловатый гребень всегда живописны. На севере можно увидеть гораздо более крупные дома с крышами грандиозных пропорций и обширным пространством под ними, которое дальше на юг встречается только под крышами храмов. Сейчас мы говорим о домах лучших классов, поскольку бедные фермеры и рыбаки, а также их прототипы в городе владеют домами, которые немногим лучше лачуг, построенных, как выразился один мой друг, “из щепок, бумаги и соломы”. Но даже эти хижины, сбитые в кучу, как это часто бывает в крупных городах, роскошны по сравнению с разрушенными и грязными многоквартирными домами аналогичного класса во многих городах христианских стран.

Во время путешествий по стране отсутствие среднего класса, о чем свидетельствуют жилища, становится болезненно очевидным. Это правда, что время от времени вы проходите мимо больших удобных домов с широкими соломенными крышами, свидетельствующих о богатстве в многочисленных куре и окружающих их хозяйственных постройках; но там, где вы находите один из них, вы проходите мимо сотен, которые являются едва ли более чем убежищами для своих обитателей; и внутри несколько необходимых предметов делают свидетельства бедности еще более очевидными.

Хотя люди, населяющие такие приюты, очень бедны, они кажутся довольными и жизнерадостными, несмотря на свою бедность. Другие классы, которые, хотя и не бедствуют, все же бедны во всех смыслах этого слова, занимают жилища самого простого характера. Многие жилища часто имеют небольшие размеры; и когда кто-то смотрит на крошечный коттедж, состоящий максимум из двух или трех комнат, весь дом едва ли больше большой комнаты в доме, и наблюдает за семьей из трех или четырех человек, тихо и опрятно живущих на этом ограниченном пространстве, он узнает, что, по крайней мере, в

Японии бедность и стесненные условия не всегда соотносятся с грубыми манерами, грязью и преступностью.

Загородные и городские дома высшего класса различаются так же сильно, как и у нас: одни с массивной соломенной крышей и закопченным интерьером, другие с низкой крышей, аккуратно выложенной черепицей или дранкой, и идеальной чистотой внутри.

В Токио дома, выходящие прямо на улицу, имеют тесный тюремный вид. Стены сложены из досок или штукатурки и прорезаны одним или двумя маленькими окнами, слегка зарешеченными бамбуком или массивными квадратными деревянными решетками. Вход в один из этих домов обычно находится в углу или сбоку. В задней части дома и, по крайней мере, с одной стороны, есть веранда. Я говорю сейчас о домах высшего класса в городе, но не о лучших домах, которые почти всегда стоят в стороне от улицы и окружены садами.

На прилагаемом эскизе (рис. 33) изображена группа домов, граничащих с улицей в Канда-Ку, Токио. Окна в некоторых случаях представляют собой выступающие или навесные проемы и закрыты бамбуковыми или квадратными прутьями из дерева. Раздвижные экраны, покрытые прочной белой бумагой, заменяют наши стеклянные окна. Через эти решетки обитатели дома торгуются с уличными торговцами. Вход в эти дома обычно осуществляется через общие для ряда домов ворота. Этот вход состоит из больших ворот, используемых для транспортных средств и тяжелых грузов, а рядом с ними находятся ворота поменьше, которыми пользуются люди. Иногда в больших воротах есть большое квадратное отверстие, закрытое раздвижной дверью или решеткой, и через него заключенные могут входить и выходить.

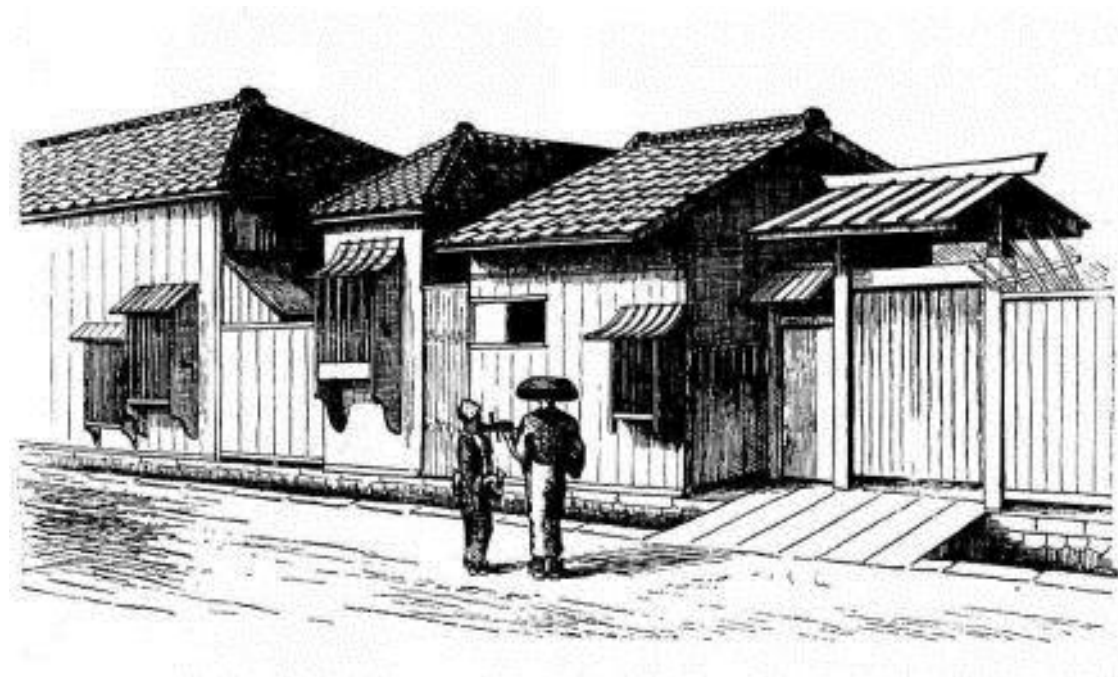

Рис. 33.—Улица в Канда-Ку, Токио.

Дома, если они деревянные, окрашиваются в черный цвет; или же, как это чаще бывает, древесину оставляют в ее естественном состоянии, и она постепенно приобретает более темный оттенок под воздействием окружающей среды. При покраске используется мертвенно-черный цвет; и этот цвет, безусловно, приятен для глаз, хотя тепловые лучи, создаваемые этой черной поверхностью, становятся почти невыносимыми в жаркие дни и должны значительно усиливать жару и дискомфорт в доме. При

оштукатуренной внешней стене поверхность часто оставляют белой, в то время как каркас здания окрашивают в черный цвет, и такая обработка придает ему явно похоронный вид.

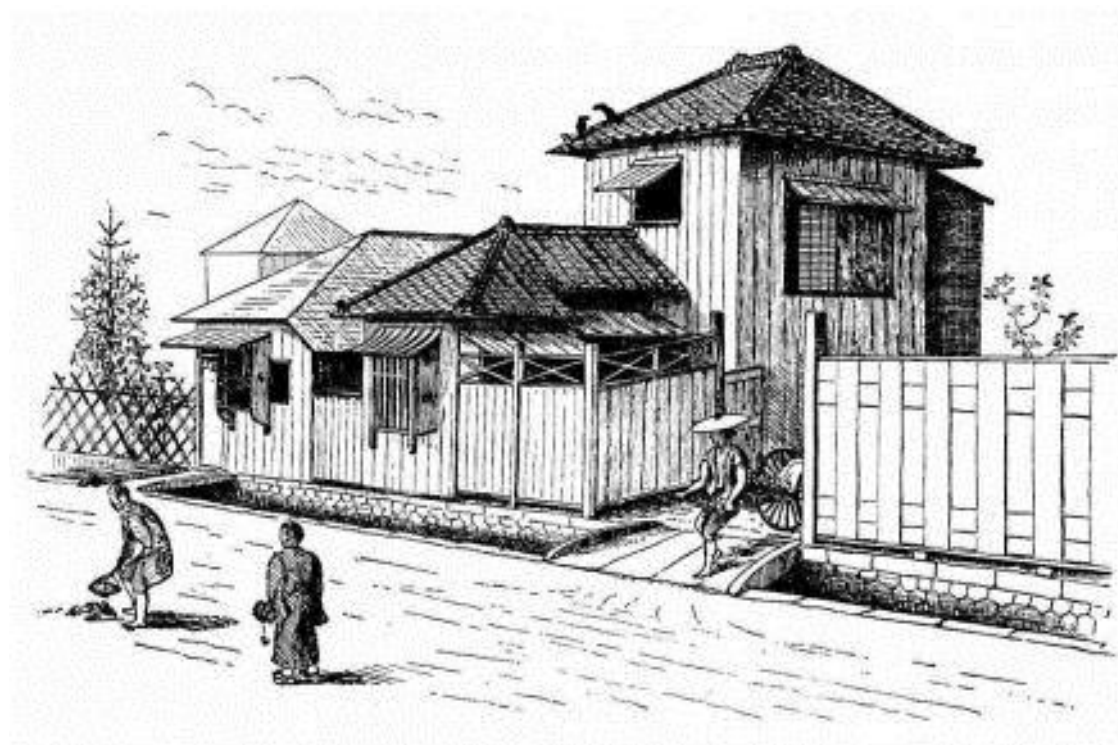

Рис. 34. Улица в Канда—Ку, Токио.

На [рис. 34](#) показаны два других дома на той же улице, один с двухэтажной пристройкой сзади. Вход в этот дом осуществляется через ворота, которые на рисунке открыты. В дальнем доме есть дверь на улицу.

Не часто улицы окаймляются сбоку такими хорошо устроенными рвами, как показано на последних двух рисунках; в этих случаях рвы имеют ширину три или четыре фута, с хорошо построенными каменными стенами и каменными или деревянными мостами, перекинутыми через них у дверей и шлюзов. По этим канавам течет вода, и хотя она загрязнена водой из кухни и ванн, все же она достаточно чиста, чтобы прокормить довольно большое количество существ, таких как улитки, лягушки и даже рыбы. В старых городских жилищах беднейших классов несколько многоквартирных домов часто расположены в одном квартале, и вход осуществляется через общие для всех ворота.

После революции 1868 года в Токио появился новый стиль застройки, при котором непрерывный ряд многоквартирных домов находится под одной крышей, и каждый многоквартирный дом имеет свой отдельный вход прямо на улицу. На [рис. 35](#) приведен набросок ряда этих многоквартирных домов. Эти кварталы, почти всегда одноэтажные, сейчас довольно распространены в различных частях Токио. В задней части каждого многоквартирного дома предусмотрен небольшой участок, который можно использовать под сад. Эти жилища обычно занимают люди с небольшим достатком, но ни в коем случае не беднейшие классы. Один старый житель Токио сообщил мне, что только после революции были построены дома, двери или главные входы в которые выходили прямо на улицу. Такая форма дома, безусловно, удобна и экономична, и ей суждено стать распространенной чертой домостроения в будущем.

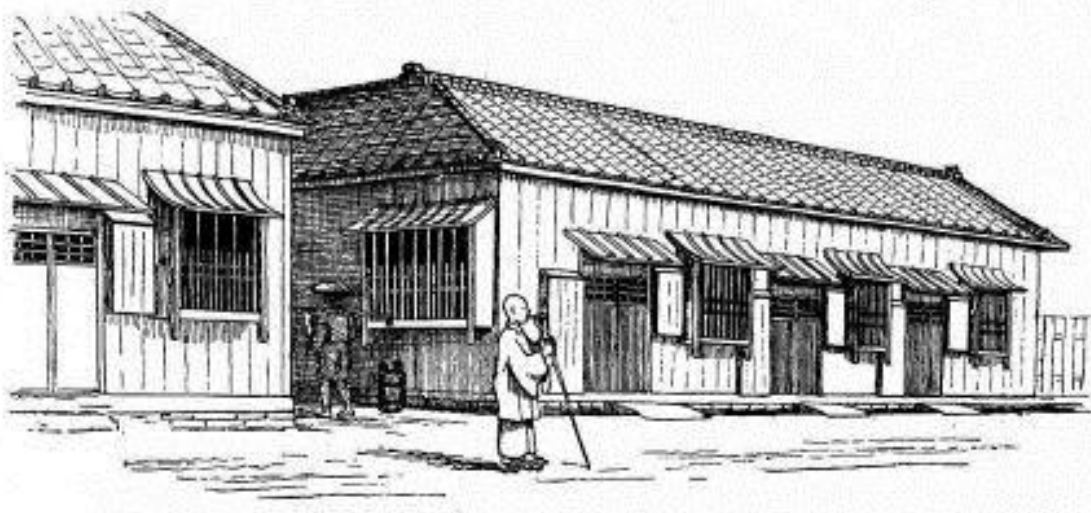

Рис. 35. Квартал дешевых многоквартирных домов в Токио.

На деловых улицах видны похожие ряды зданий, хотя обычно каждый магазин представляет собой отдельное здание, примыкающее непосредственно к следующему; и в случае со всеми небольшими магазинами, да и со многими более крупными, жилище и магазин представляют собой единое целое, товары выставлены в комнате на улице, в то время как семья занимает задние комнаты. Когда кто-то совершает обмен в магазине, весь фасад которого открыт, он часто может мельком увидеть семью в задней комнате за ужином, а может смотреть полностью сквозь здание в сад за ним. Иностранец с удивлением обнаруживает в конце ряда унылых деловых домов независимые жилища с комнатами, отличающимися изысканным вкусом и чистотой. Я помню, как на одной из самых оживленных улиц Токио проходил мимо мастерской литографа, где всю работу выполняли чернильные станки и рабочие-чернильницы, и наткнулся на прелестнейший крошечный садик и, перейдя миниатюрный пешеходный мостик, оказался в доме редкой красоты и отделки. Обычный торговец обычно живет под одной крышей с магазином или в соседнем здании; хотя в Токио, как мне сообщили, среди богатых торговцев больше, чем где-либо еще, принято располагать свои дома в пригородах города, на некотором расстоянии от места своего бизнеса.

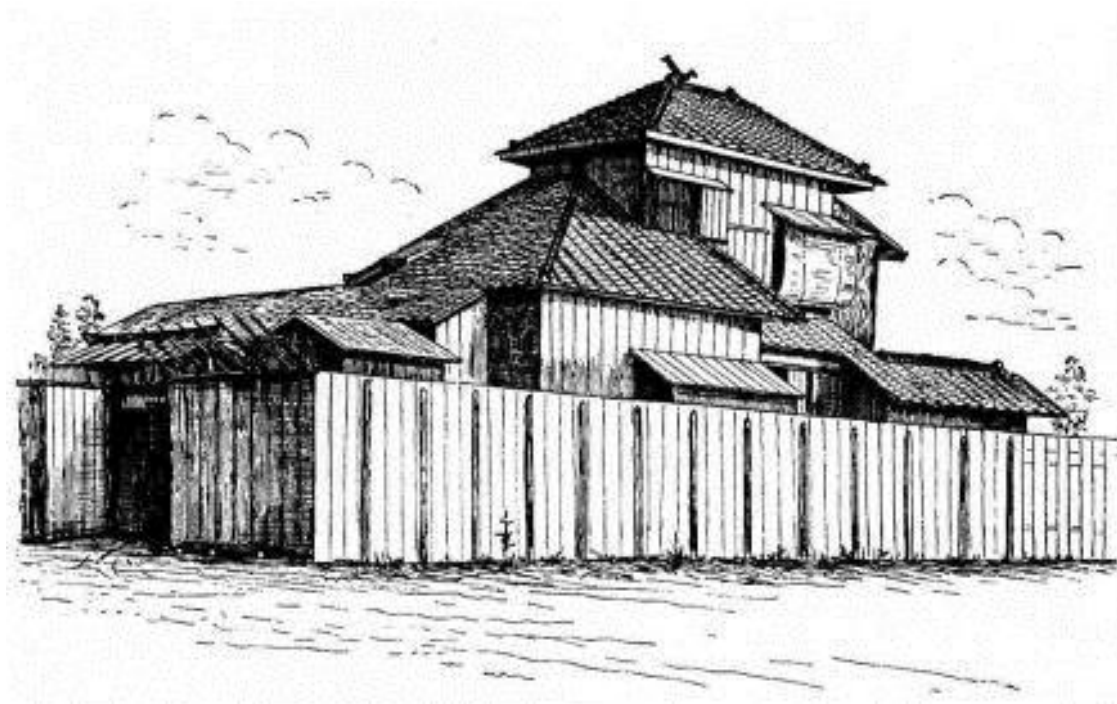

Рис. 36. Вид улицы жилого дома в Токио.

Эскиз, показанный на [рис. 36](#), представляет собой городской дом одного из лучших классов. Дом стоит на новой улице, и участок с одной стороны свободен; тем не менее, дом окружен со всех сторон высоким дощатым забором, поскольку при открытом характере японского дома уединение, при желании, может быть обеспечено только высокими заборами или густой живой изгородью. Дом показан таким, каким он кажется с улицы. Входная дверь находится рядом с воротами, которые показаны слева от эскиза. Здесь нет демонстрации архитектурного фасада; более того, его нет нигде. Самые большие и лучшие комнаты находятся в задней части дома; а то, что можно было бы назвать задним двором, на который выходит кухня, параллельно площадке перед главным входом в дом и отделено от нее высоким забором. На втором этаже находится одна комната, и ее можно рассматривать как гостевую. Доступ в эту камеру осуществляется по крутой лестнице, сделанной из толстых досок и не защищенной какими-либо перилами. Крыша покрыта толстой черепицей, в то время как стены дома снаружи сложены из широких тонких досок, поставленных вертикально, и с деревянными полосками для прикрытия швов. Вид сзади этого дома показан на [рис. 37](#). Здесь все комнаты выходят прямо в сад. Вдоль веранды расположены три комнаты с *ванными комнатами*. Балкон второго этажа покрыт легкой дополнительной крышей, с которой свисает бамбуковая ширма, защищающая помещение от солнечных лучей. Похожие ширмы можно увидеть и внизу.

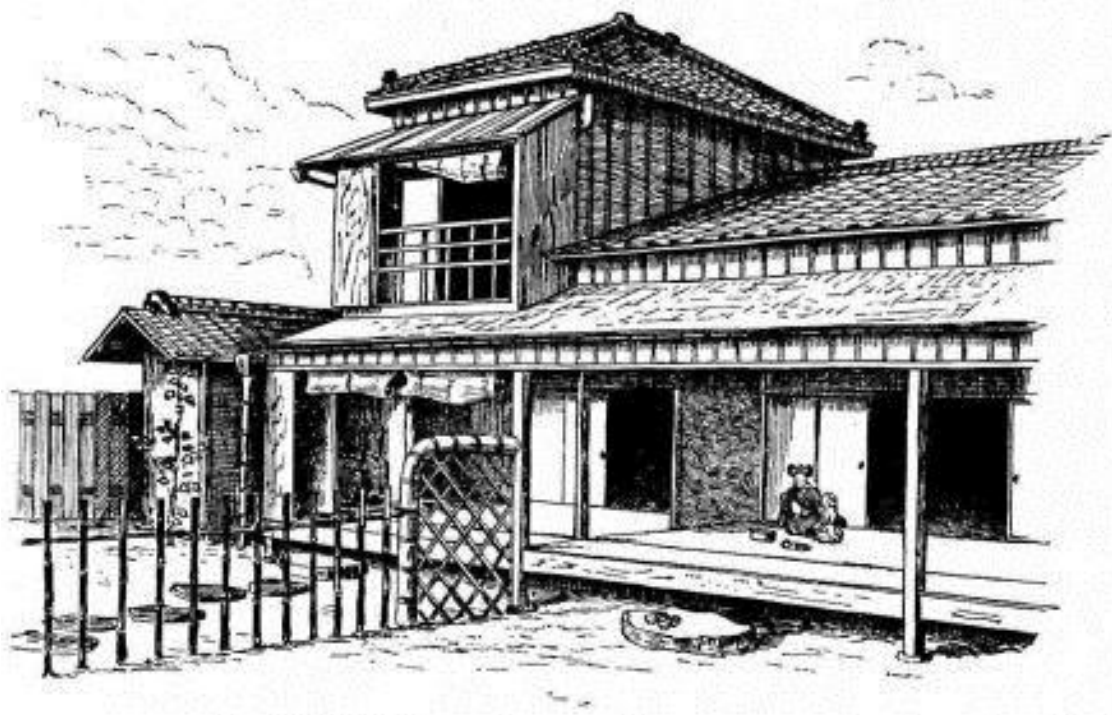

Рис. 37.—Вид жилища из сада, Токио.

Веранда довольно просторная; и в соответствии с разделением между комнатами имеется углубление для установки деревянной ширмы или ставня, когда требуется временно разделить дом на две части. В конце веранды слева от эскиза находится уборная. Дом внизу довольно открытый, и воздух свободно циркулирует.

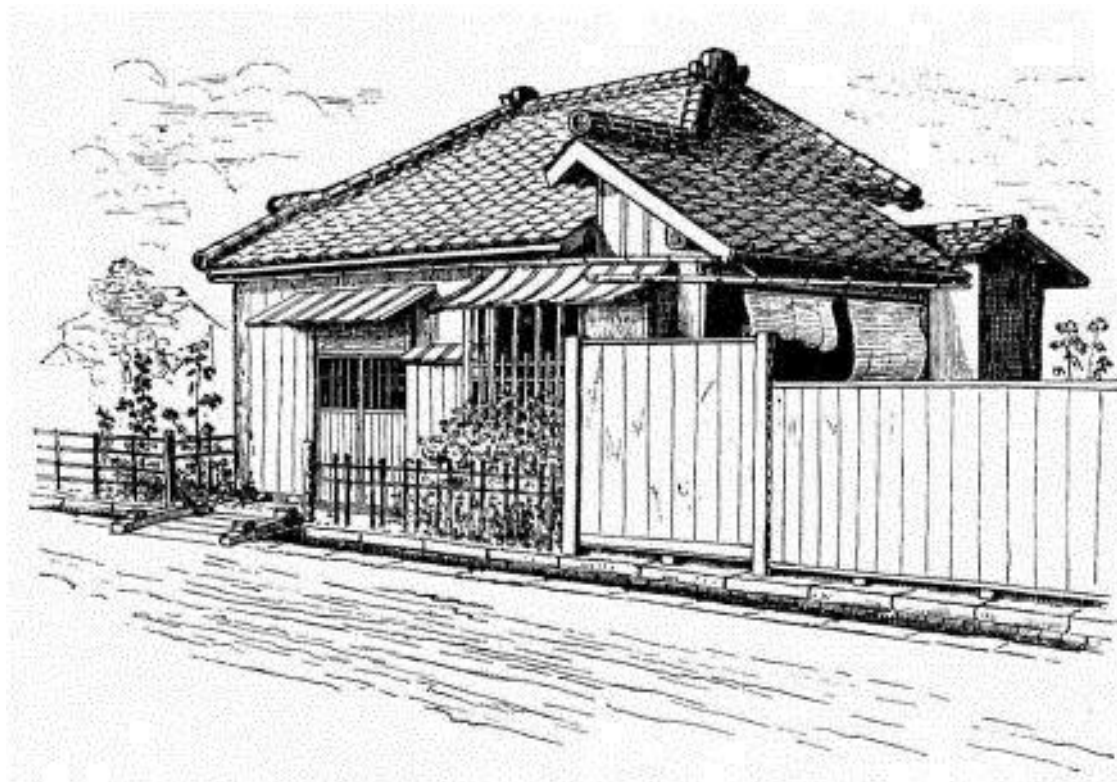

Рис. 38.—Жилище недалеко от Кудана, Токио.

Другой тип токийского дома показан на [рис. 38](#). Это низкий одноэтажный дом, стоящий прямо на улице, его черепичная крыша имеет причудливые фронтоны. Вход защищен раздвижной дверью с решеткой. Большое подвесное эркерное окно также зарешечено. Сразу за забором видна бамбуковая занавеска, которая затеняет веранду. Задняя часть дома была открыта и, вероятно, выходила в прелестный сад, хотя этого я не видел, поскольку этот набросок, как и многие другие, был сделан несколько поспешно.

Из этого примера можно составить некоторое представление о миниатюрном характере многих японских жилищ, в которых, тем не менее, семьи живут в чистоте и комфорте.

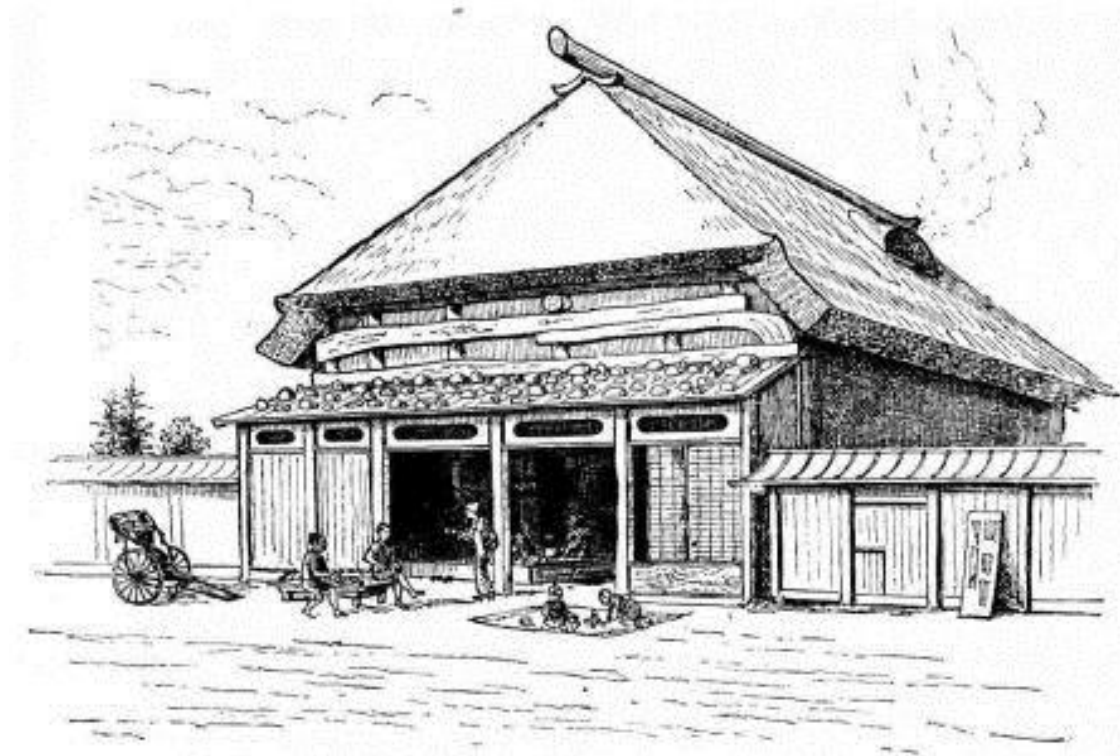

Рис. 39. Загородная гостиница в Рикузене.

В северной части Японии часто можно увидеть дома, которые обладают чертами, напоминающими живописную архитектуру Швейцарии, — фронтонные концы, демонстрирующие снаружи массивные бревна, грубо обтесанные, с сохранением всех неровностей ствола дерева, промежутки между этими балками заполнены глиной или штукатуркой. Карниз широко нависает, с выступающими стропилами. Часто на фронтонах и выступающем балконе можно увидеть изящную резьбу по дереву. В качестве еще одного намека на это сходство основная крыша, покрытая дранкой, а также крыша, прикрывающая веранду, утяжелены камнями различных размеров, чтобы их не унесло сильным ветром, который часто преобладает. Эта особенность особенно распространена на острове Езо.

На [рис. 39](#) приведен дом с таким описанием недалеко от Мацусимы, в Рикудзэн. Сбоку крыши имеется отверстие для выхода дыма, по форме мало чем отличающееся от мансардного окна с круглым верхом. Это отверстие почти в каждом случае находится на торце двуската, непосредственно под углом, образованным на вершине крыши.

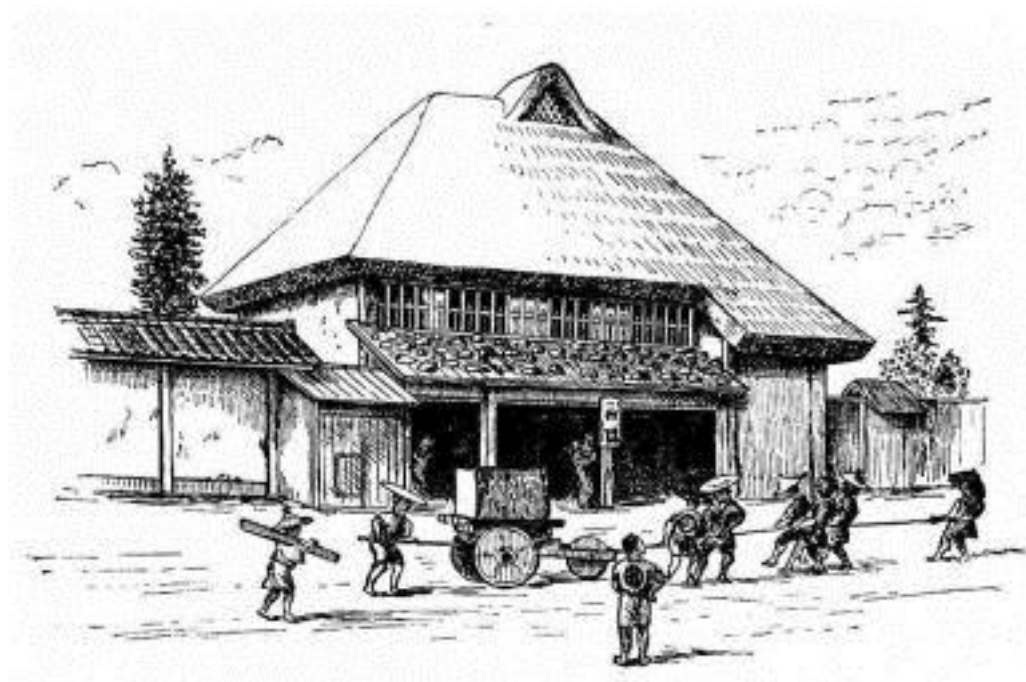

Рис. 40. Загородная гостиница в Рикузене.

Другой дом такого рода, виденный в той же провинции, показан на [рис. 40](#). Здесь дымоотвод находится на коньке в форме угловой крыши, причем ее гребень проходит под прямым углом к основному коньку; в нем находится решетчатое окно. Этот вентилятор, как и основная крыша, покрыт густой соломой, в то время как дополнительный гребень сделан из досок и утяжелен камнями. Хороший пример деревянного забора, облицованного толстой плиткой и оштукатуренного, виден слева от эскиза. На дороге изображены несколько рабочих, передвигающих тяжелую каменную глыбу.

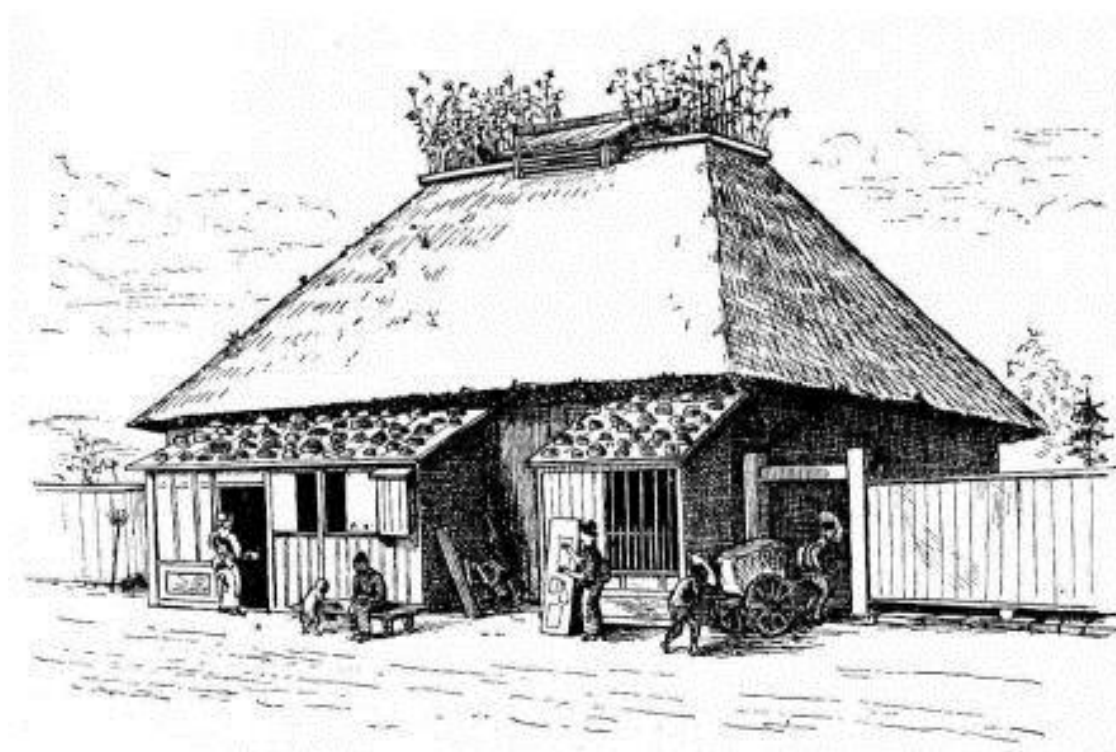

Рис. 41.—Дом недалеко от Морорана, Езо.

Другой дом, показанный на [рис. 41](#), был замечен по дороге в Мороран, в Езо. Здесь дымоотвод был выполнен в виде невысокого дополнительного сооружения на гребне. Сам гребень был плоским, и на нем росла пышная масса лилий. Эта крыша была необычайно большой и вместительной.

В том месте, где река Китаками впадает в залив Сендай, и где мы оставили нашу лодку, на которой приплыли по реке из Мориоки, все дома были в старинном стиле, причем некоторые из них представляли собой несколько хороших примеров выступающих окон. На [рис. 42](#) изображен фасад дома в этом месте. На снимке изображена большая двускатная крыша с широкими нависающими карнизами спереди - концы стропил, выступающие для поддержки карниза, и поперечные балки фронтовых концов находятся в равной степени на виду. Выступающее окно, которое, возможно, можно было бы назвать эркером, проходит почти по всей длине фронтона. Панели на фризе были из темного дерева с чередующимися перфорированными узорами из сосны и бамбука.

Большие дома, подобные этому описанию, всегда являются гостиницами. Обычно они примыкают прямо к дороге и имеют открытый вид и атмосферу гостеприимства, что сразу указывает на их характер. В Японии так часто встречаются подобные места, что путешествие по внутренним районам становится делом легким и комфортным по сравнению с аналогичным опытом в соседних странах. Большее количество этих гостиниц на севере одноэтажные, хотя многие из них можно увидеть двухэтажными. Очень редко встречаются трехэтажные здания. На [рис. 43](#) изображен один из таких объектов, который был замечен в небольшой деревне к северу от Сендая.

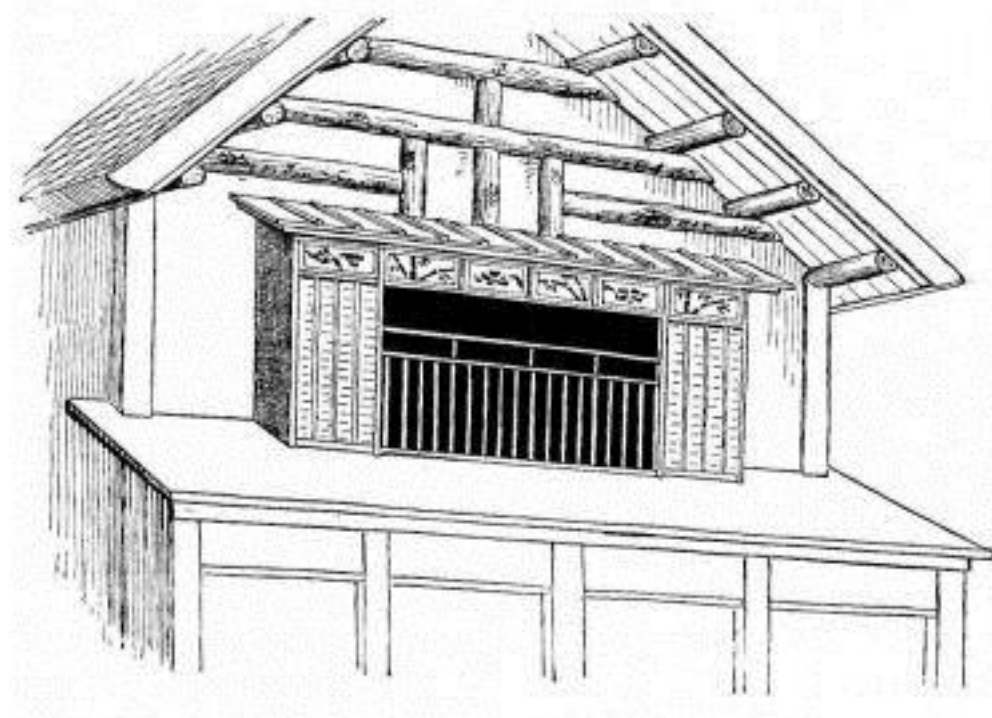

Рис. 42. —Эркер, деревня Одзука, Рикуген.

Рис. 43.—Трехэтажный дом в Рикучиу.

Дома лучших классов стоят в стороне от дороги и имеют окаймляющие дорогу высокие и часто массивные ребристые стены с воротами аналогичных пропорций и характера или заборы различного вида с деревенскими воротами. Длинные, низкие хозяйственные постройки для помещений прислуги также часто образуют части пограничной стены. В более густонаселенных районах крупных городов редко можно найти старый дом — разрушительные пожары, которые так часто охватывают города, делают выживание старых домов практически невозможным. Однако в пригородах городов и за городом нетрудно найти дома возрастом в сто, а то и в двести-триста лет. Дома стареют так же быстро, как и люди, и новые дома очень скоро становятся серыми от непогоды; особенно дома бедного класса кажутся намного старше, чем они есть на самом деле.

Рис. 44.—Улица в пригороде Мориоки.

При въезде в Мориоку, в начале судоходства по реке Китаками, длинная улица приобретает удивительно красивый вид с ее странными домами с низкими крышами (рис. 44), каждый из которых обращен своим концом к улице - кончик соломенной крыши нависает над дымоотводом, как колпак. Улица огорожена высоким деревенским бамбуковым забором; между домами разбиты небольшие клумбы, усыпанные яркими цветами, а кустарники растут за заборами, разбрасывая свои брызги даже на пешеходную дорожку, окаймляющую дорогу.

Загородный дом независимого *самурая*, или богатого фермера велик, вместителен и чрезвычайно удобен. Я с величайшим удовольствием вспоминаю восхитительные дни, проведенные под крышей одного из этих типичных особняков в Кабutoяме, в западной части провинции Мусаси. Резиденция состояла из группы зданий, отгороженных от дороги высокой стеной. Пройдя через массивные ворота, попадаешь в просторный внутренний двор, окруженный с обеих сторон длинными низкими зданиями, используемыми как склады и помещения для прислуги. В дальнем конце двора, лицом к входу, располагался уютный старый фермерский дом с выступающим справа двускатным флигелем (рис. 45). Крыша была соломенной необычной толщины. В конце крыла было треугольное решетчатое отверстие, из которого вились тонкие голубые струйки дыма. В этом здании было несколько комнат, включая необычайно просторную кухню, эскиз которой приведен далее. Кухня выходила прямо в большую и недостроенную часть дома с земляным полом, которая использовалась как дровяной сарай. Владелец сообщил мне, что фермерскому дому почти триста лет. Слева от здания был высокий деревянный забор, и, пройдя через ворота, можно было попасть в небольшой двор и сад. В этом районе находился еще один дом, совершенно независимый от фермерского дома; это был дом для гостей. Его примечательной особенностью была недавно покрытая соломой крыша, увенчанная сложным и живописным гребнем — ее дизайн заимствован из храмовой архитектуры. Внутри находились две большие комнаты, выходящие на узкую веранду. Эти комнаты были необычайно высокими, а циновки и все предметы обстановки отличались безупречной чистотой. Сообщение со старым домом осуществлялось с помощью крытого прохода. Позади этого жилища, на некотором расстоянии от него, стоял еще один дом, высотой в два этажа, построенный с самым безупречным вкусом; и здесь жил дедушка семейства — прекрасный пожилой джентльмен с достоинством и изысканными манерами.

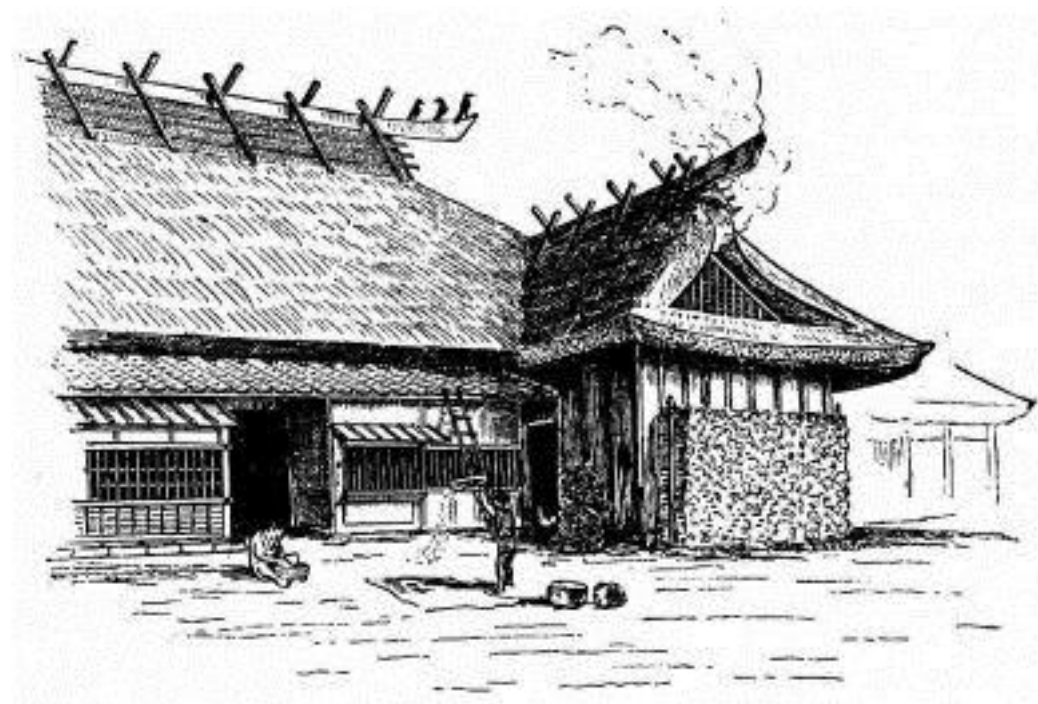

Рис. 45. Старый фермерский дом в Кабutoяме.

Во дворе фермерского дома были представлены все особенности аналогичных помещений дома. Огромная куча дров, нарубленных для зимнего запаса, была сложена у L. Корзинообразные курятники, грабли и обычная утварь фермера были разбросаны повсюду.

Эскиз этого старого дома дает лишь слабое представление о массивном виде крыши или о больших размерах здания. Зарешеченные окна внизу, прикрытые узкой черепичной крышей, были гораздо более поздними пристройками к зданию.

В городских домах высшего класса часто уделяют большое внимание тому, чтобы окружающая обстановка выглядела как можно более сельской, ставя тут и там причудливые старые колодцы, примитивные беседки, заборы и ворота в деревенском стиле. Таким образом, шлюзам уделяется особое внимание, и самые странные входы часто можно увидеть в густонаселенных районах крупных городов.

Дома с соломенными крышами, принадлежащие самым богатым слоям населения, часто можно увидеть в пригородах Токио и Киото и, как это ни странно, даже в самом городе. Можно было бы предположить, что такие крыши быстро станут жертвой искр при пожаре; но старая соломенная крыша уплотняется пылью и сажей до такой степени, что часто можно увидеть растения и сорняки различных видов, а также большие заросли мха, пышно цветущие на таких поверхностях, обеспечивая хорошую защиту от летящих искр. В Киото мы помним дом, подобный этому описанию, которому было почти три столетия; и поскольку мы сделали наброски его внешнего вида с улицы, непосредственно из ворот и с тыла, мы опишем эти виды последовательно.

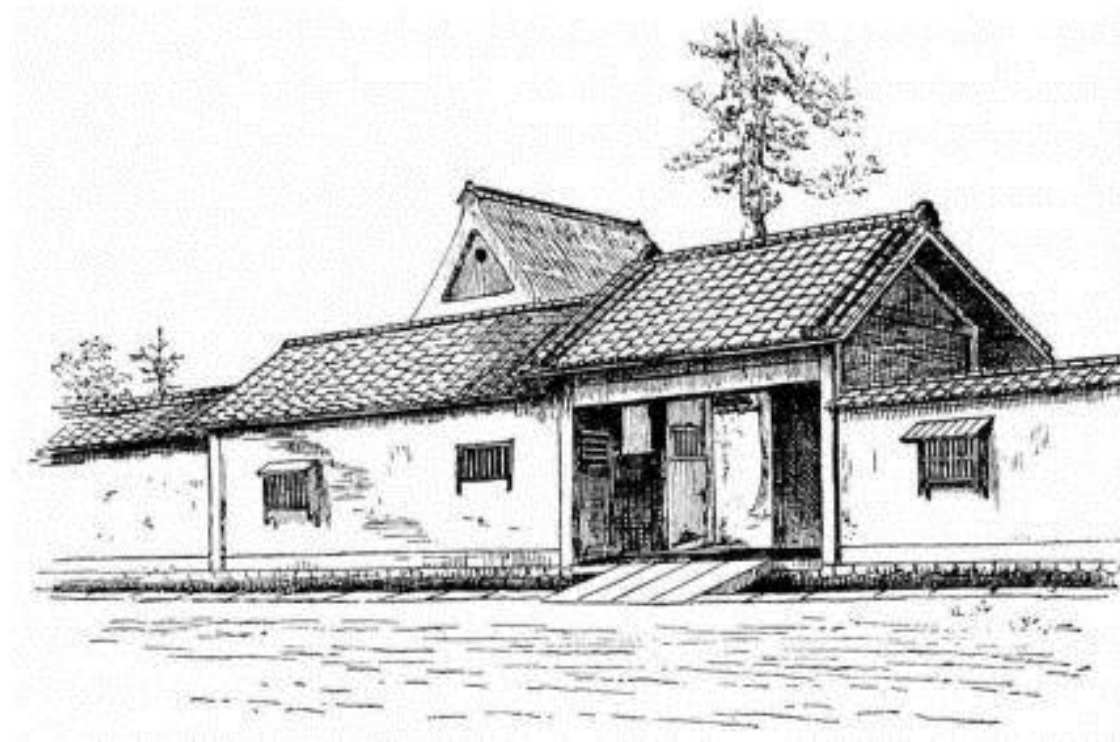

Рис. 46.—Вход во двор Старого дома в Киото.

Таким образом, первый вид (рис. 46) сделан с улицы и представляет собой ворота с тяжелой крышей, сбоку от которых расположены ворота поменьше. Большие ворота были сняты, а маленькие ворота были постоянно закрыты. Это тяжеловесное сооружение было окружено с одной стороны невысоким рядом зданий, оштукатуренных снаружи, с маленькими зарешеченными окнами на улицу и зарешеченным смотровым окном, возвышающимся над воротами как снаружи, так и внутри. По другую сторону ворот была высокая, толстая стена, также снабженная окном или смотровой площадкой. Внешние стены поднимались прямо из стены, образуя сточную канаву, или, точнее говоря, небольшой ров, тянувшийся вдоль обочины улицы. Блоки обработанного камня образовывали мост через этот ров, по которому

можно было попасть на ограду. Старое жилище с остроконечной крышей можно увидеть над только что описанными зданиями.

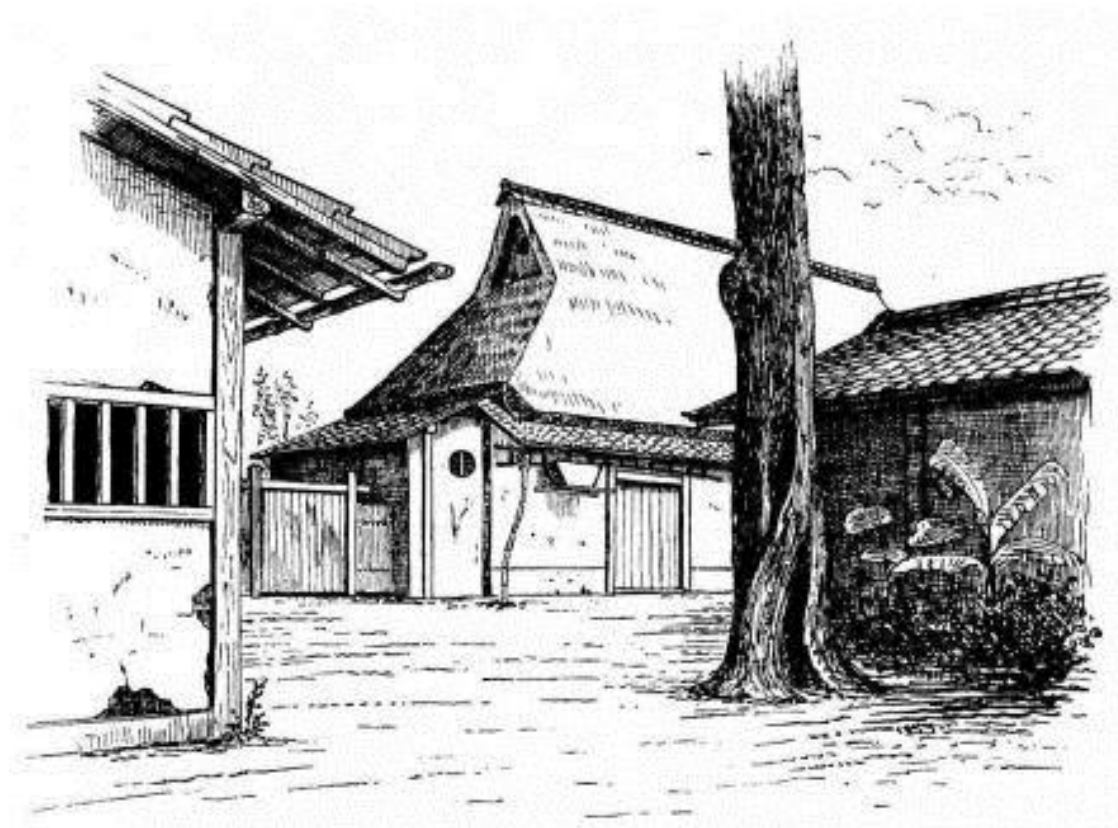

Рис. 47.—Старый дом в Киото. Вид со двора.

На рис. 47 показан внешний вид этого старого дома прямо из ворот. Зарешеченное окно слева от эскиза видно через открытые ворота на рис. 46, а дерево, которое виднелось над воротами на этом эскизе, теперь видно как на ладони. У старого дома соломенная крыша с удивительно крутым уклоном, увенчанная черепичным гребнем; узкая черепичная крыша проходит по всему дому прямо под карнизом соломенной крыши. Под этой крышей подвешены лестница и пожарная машина, чтобы быть готовыми на случай чрезвычайной ситуации. Однако следует сказать правду, что эти бытовые двигатели никогда не бывают готовы; ибо, когда они требуются, обнаруживается, что квадратные цилиндры настолько деформируются и трескаются от жаркого лета, что, когда их приводят в действие, их главное достижение состоит в том, что вода через многочисленные щели брызгает на людей, которые отчаянно пытаются заставить эти двигатели выполнять свои обязанности должным образом.

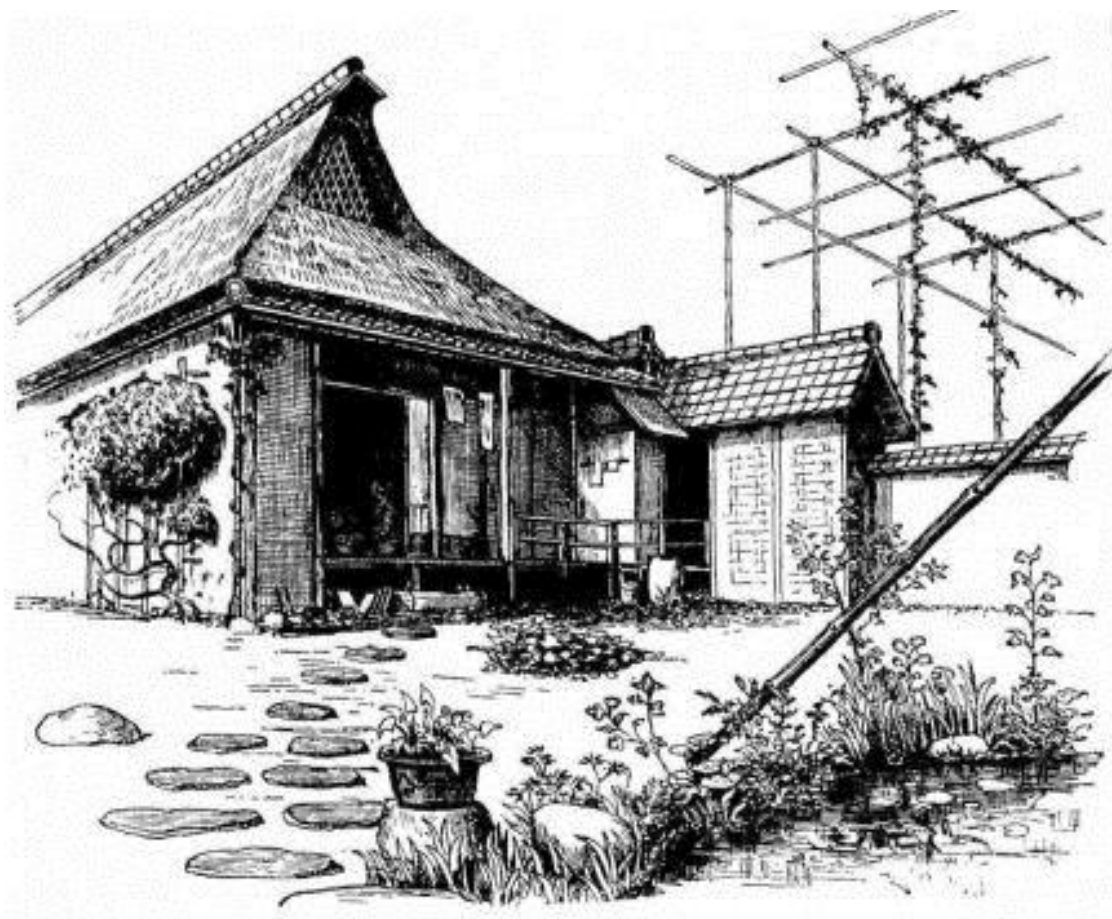

Рис. 48. Старый дом в Киото, вид на сад.

Двор был хорошо подметен и совершенно свободен от сорняков, хотя с одной стороны пышно росли кусты и банановое дерево. Единственное дерево, довольно старое, росло прямо на одной линии со входом во двор.

Дом, как и все подобные дома, выходил своим неинтересным торцом на улицу; и здесь, пристроенный к дому, была “пристройка”, или сарай, с маленьким круглым окошком. Вероятно, это была кухня, поскольку на рисунке видны ворота, которые вели в огород.

На [рис. 48](#) приведен эскиз этого дома со стороны сада сзади. Сзади дом довольно открыт и выходит окнами на сад и пруд с рыбками, который виден на переднем плане. Черепичная крыша, покрывающая веранду, а также хозяйственные постройки, была последующим дополнением к старому дому. Единственными обитателями были мать и незамужняя сестра известного антиквара Нинагавы Норитани. Сад с его кустарниками, клумбами с цветами, ступенями, ведущими к пруду с рыбками, наполненному лотосами и лилиями, и бамбуковой решеткой - хороший образец старого сада, за которым почти не ухаживали.

В городах нет ничего более удивительного для иностранца, чем попасть из пыли и суматохи оживленной улицы прямо в деревенский дворик и ощутить блаженство тихой сельской жизни. На одной из оживленных улиц Токио я часто проходил мимо низенького магазинчика, зарешеченный фасад которого никогда не открывался для движения транспорта, и там никогда не было никого, с кем можно было бы иметь дело. Я часто заглядывал между прутьями решетки; и по форме деревянных ящиков на ступенчатых полках внутри я понял, что их обитатель был торговцем старинной керамикой. Однажды я несколько раз звонил через решетку, и наконец какой-то мужчина отодвинул ширму в задней части магазина и пригласил меня войти через узкий переулок немного выше по улице. Я так и сделал и вскоре

подошел к калитке, которая привела меня в один из самых аккуратных и чистых садиков, какие только можно себе представить. Мужчина, очевидно, как раз готовился к чаепитию, и, как это обычно бывает зимой, сад был щедро усыпан сосновыми иголками, которые затем были аккуратно сметены с нескольких дорожек и уложены толстыми ковриками вокруг некоторых кустарников и деревьев. Хозяин уже подошел ко мне с веранды и, принеся традиционный *хибачи*, над которым я грел руки, а также чай и пирожные, принес несколько редких старинных глиняных изделий.

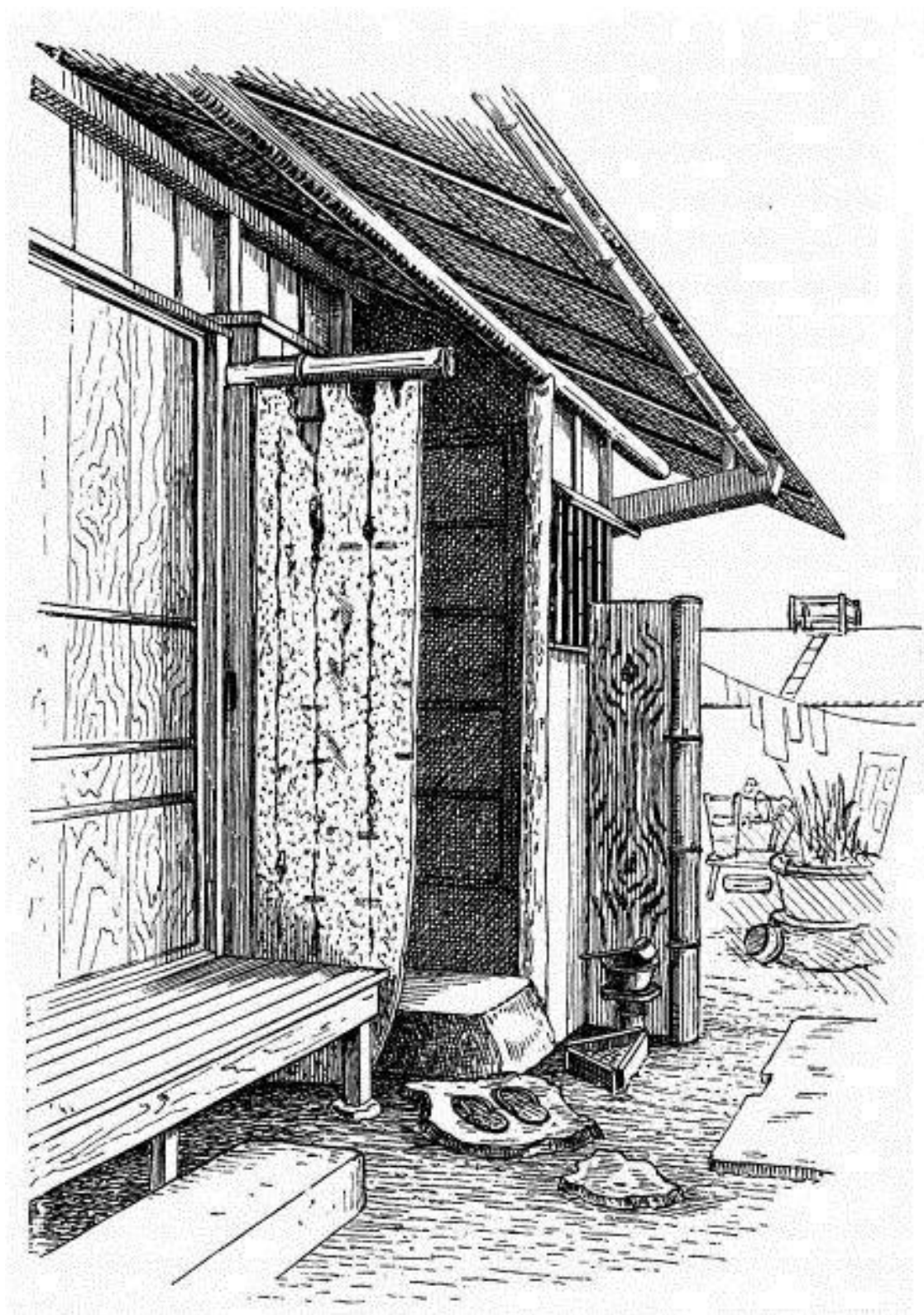

Рис. 49.—Дом в Токио.

Веранда и часть этого дома в том виде, в каком они видны из сада, приведены на [рис. 49](#). В конце веранды виднеется узкая перегородка, сделанная из досок старого корабля; она прикреплена к стене дома огромным куском бамбука. Очень интересно посмотреть, как любопытно и часто художественно старые, изъеденные червями и почерневшие фрагменты кораблекрушения вставлены в различные части дома, — это странная фантазия японских домостроителей. Огромные бревна неправильной формы часто служат поперечиной для

ворот; стойки руля, вмонтированные в землю, служат опорой для бронзовых или гончарных сосудов для хранения воды. Но чаще всего встречаются фрагменты кораблекрушения. Это дерево всегда насыщенного цвета и имеет антикварный вид — эти качества сразу привлекают внимание японцев и делают его, с его ассоциациями, привлекательным объектом для их целей.

В упомянутом выше доме часть борта или днища сосуда целиком использовалась в качестве ширмы в конце веранды, поскольку сразу за ней находилось отхожее место, сбоку от которого виднеется выступающее другое крыло, состоящее из одной потрепанной непогодой доски, окаймленной бамбуковым столбом. Это была ширма, закрывавшая кухонный двор за его пределами. Различные ступеньки неправильной формы, а также почерневшие доски были расставлены по двору в живописном беспорядке. Эскиз более или менее точно передает одну из многих фаз японского вкуса в этих вопросах.

Деревянные изделия от стропил крыши веранды вверху до досок внизу не были испорчены маслом, краской, шпаклевкой или каким-либо другим лаком. Столярные изделия были легкими, но прочными и тщательно продуманными; в то время как снаружи и внутри каждая деталь была аккуратной и опрятной, как шкаф. Комната, примыкающая к этой веранде, показана на [рис. 125](#).

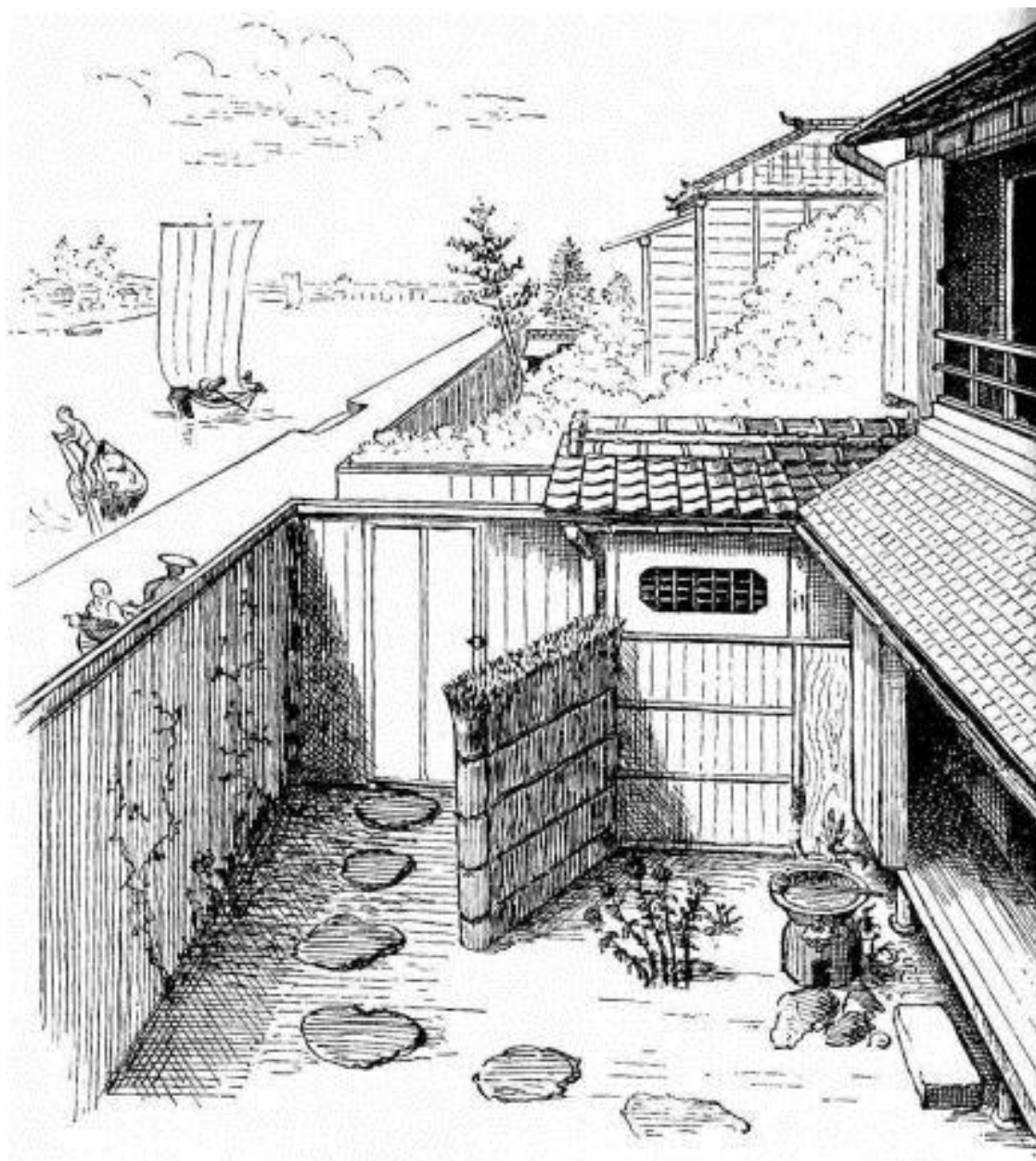

Рис. 50.—Вид со второго этажа жилого дома в Имадо, Токио.

На рис. 50 показан вид с высоты Л дома джентльмена в Токио, из которого были видны дома и сады по соседству. Высокий и плотный забор окаймляет проезжую часть, идущую вдоль берега реки Сумида-гава. Невысокая изгородь из кустарника наискось выступает из уборной и образует ширму между домом и маленькой калиткой. Из этого эскиза можно составить некоторое представление о внешнем виде балкона и веранды и о том, насколько хорошо они защищены нависающими крышами.

В гостиницах, особенно загородных, царит атмосфера уюта и комфортабельности. Во всем заведении всегда царит свобода; по крайней мере, иностранец обычно чувствует себя как дома повсюду в публичных домах и в этом отношении производит впечатление на японцев своими хамскими манерами, поскольку местные гости обычно держатся в своих комнатах. Большая, вместительная кухня с почерневшими от копоти стропилами над головой, красноватым отблеском дровяного камина (зрелище, редко встречающееся в городах, где древесный уголь является основным топливом) и семья, занятая своими разнообразными домашними обязанностями, - самое уютное и приятное место.

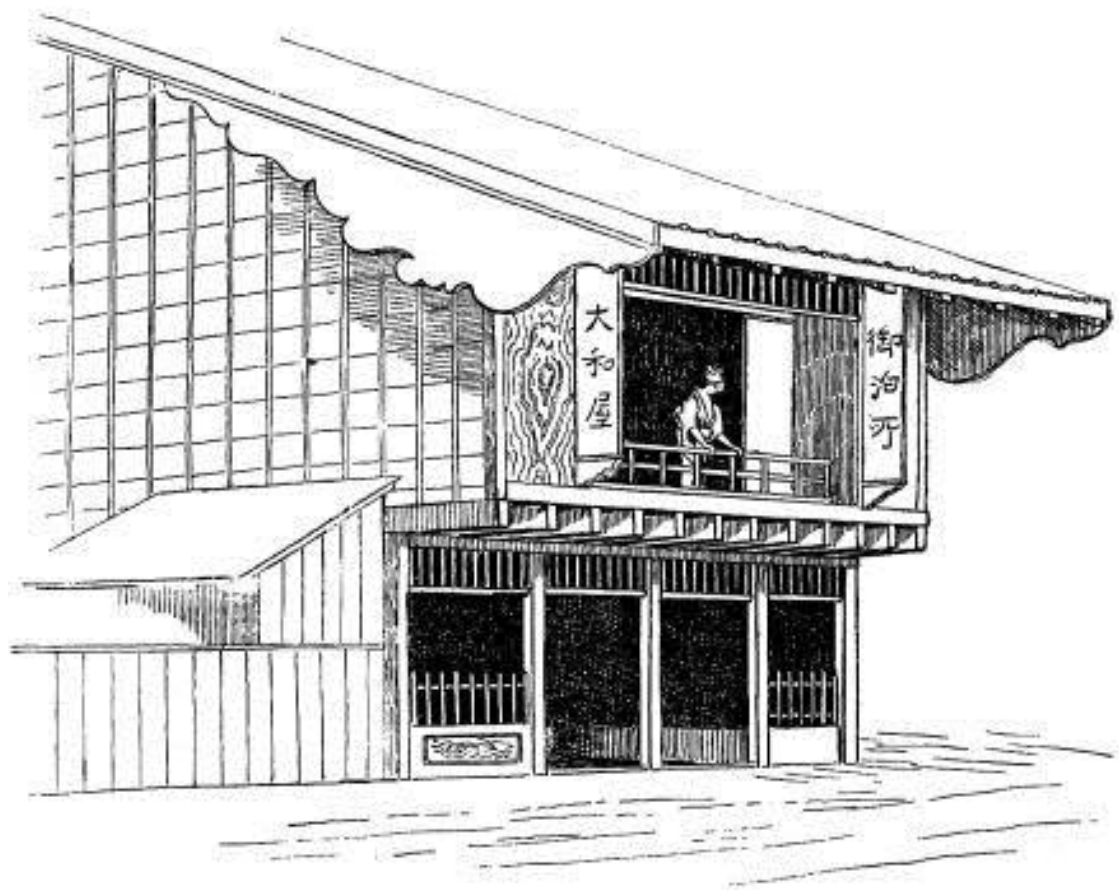

Рис. 51.—Старая гостиница в Мисиме, Суруга.

По пути через Едзо, из Отарунаи в Мороран, проезжаешь мимо множества гостиниц самых просторных размеров; и их нынешний заброшенный вид странно контрастирует с их прежним великолепием, когда дайме провинции в сопровождении толп *самураев* и других слуг совершал свое ежегодное паломничество в столицу.

В Мисиме, в провинции Суруга, была замечена любопытная старая гостиница (рис. 51). Второй этаж нависал над первым этажом впереди, и карнизы выступали очень широко. По бокам здания бросались в глаза бордюрные доски, которые были очень большими, с причудливыми вырезами по нижним краям. Возможно, он предназначался для архитектурного украшения или, возможно, для защиты от ветра или солнца; во всяком случае, как мы видели, он ассоциировался со зданиями значительной древности. В средних и южных провинциях Японии нависающий второй этаж ни в коем случае не является редкостью.

Рис. 52. Деревенская улица в Насайке, Ямасиро.

Группа домов на деревенской улице показана на [рис. 52](#). Ближайший дом - место отдыха путешественников; следующий - свечная лавка, где путешественник и *джинрикиша* мужчины могут пополнить свои фонари; третий - стойка *джинрикиша*, а за ней - какая-то легкая конструкция из досок. Все это также жилые дома. Эта улица находилась в деревне Нагаике, между Нарой и Киото.

Загородные дома на восточном побережье залива Кагосима, в провинции Осуми, а также в провинции Сацума имеют соломенные крыши огромных размеров, в то время как поддерживающие их стены очень низкие. Эти маленькие деревушки вдоль побережья представляют собой особый вид, поскольку различимы только высокие и толстые крыши.

[Рис. 53](#) представляет собой набросок Мототару-мидсу с воды, а [рис. 54](#) изображает внешний вид группы домов, замеченных в одной деревне, которая находится на дороге, идущей вдоль побережья мексиканского залива Осуми. Конек покрыт слоем бамбука, а концы конька, там, где он соединяется с козырьком крыши, защищены прочной циновкой из бамбука и соломы. На этом рисунке изображен обычный колодец Новой Англии, хотя это ни в коем случае не редкость в других частях Японии. Там, где колодец находится под навесом, канализация устроена таким образом, что шест для колодца проходит через отверстие в крыше.

Рис. 53.Берег Осуми.

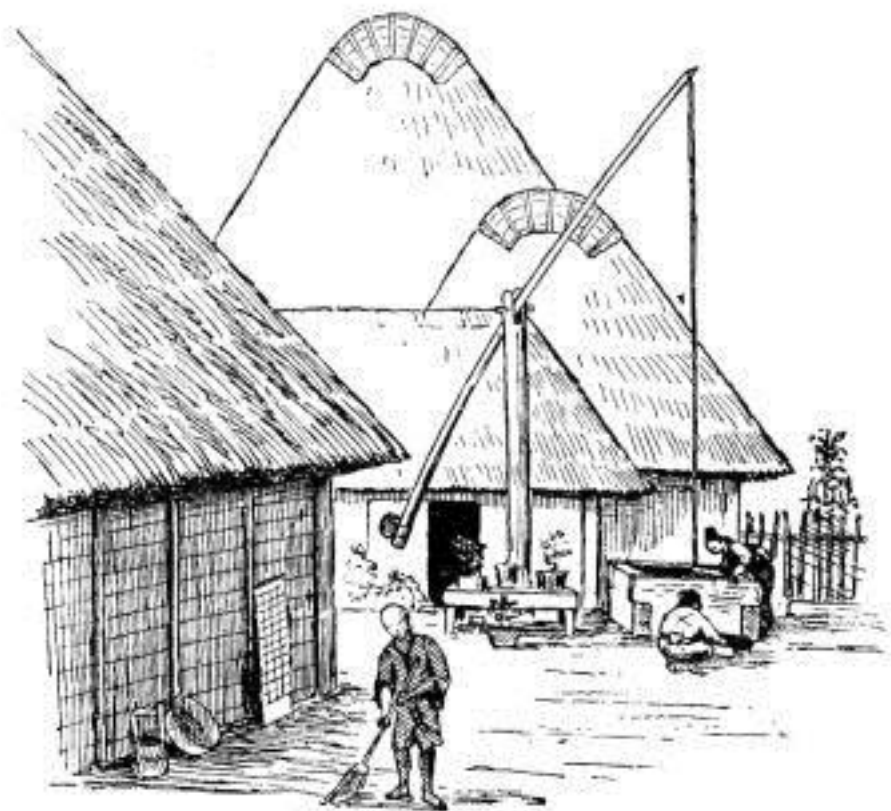

Рис. 54. Фермерские дома в Мототару—Мидсу, Осуми.

Дома рыбаков часто представляют собой не что иное, как самое грубое укрытие от непогоды, и, будучи более закрытыми, чем дома крестьян, они, следовательно, темнее и грязнее. По соседству с более крупными городами, где рыбаки более зажиточны, их дома выгодно отличаются от домов крестьянского сословия. На рис. 55 показана группа рыбацких хижин на песчаном перешейке, соединяющем Хакодате с главным островом. Высокие частоколы служат преградой для ветров, которые в определенное время года так яростно дуют через бар. На рис. 56 изображены несколько рыбацких хижин в Эносиме, знаменитом курорте немного южнее Иокогамы. Дома здесь сравнительно большие и удобные, хотя в лучшем случае бедные и грязные. Огромные корзины, изображенные на рисунке, используются для хранения и транспортировки рыбы с лодки на берег.

Рис. 55. Рыбацкие хижины в Хакодате.

Рис. 56. Рыбачьи хижины в Эносиме.

В городе не видно никаких хозяйственных построек, таких как сараи и амбары. К домам высшего класса примыкают прочные, толстостенные, огнестойкие здания, называемые *кура*, в которых хранятся товары и движимое имущество на случай возникновения пожаров. Эти здания, известные иностранцам как “развалюхи”, обычно двухэтажные, с одним или двумя маленькими окнами и одной дверью, закрытой толстыми и тяжеловесными ставнями. Такие здания обычно стоят изолированно от жилого помещения, и иногда, хотя и редко, они перестраиваются в жилые помещения. Таким примером является группа зданий в Токио, представленная на [рис. 57](#), принадлежащая гениальному антиквару, в которой он хранил редкую коллекцию старинных книг, рукописей, картин и других антикварных предметов.

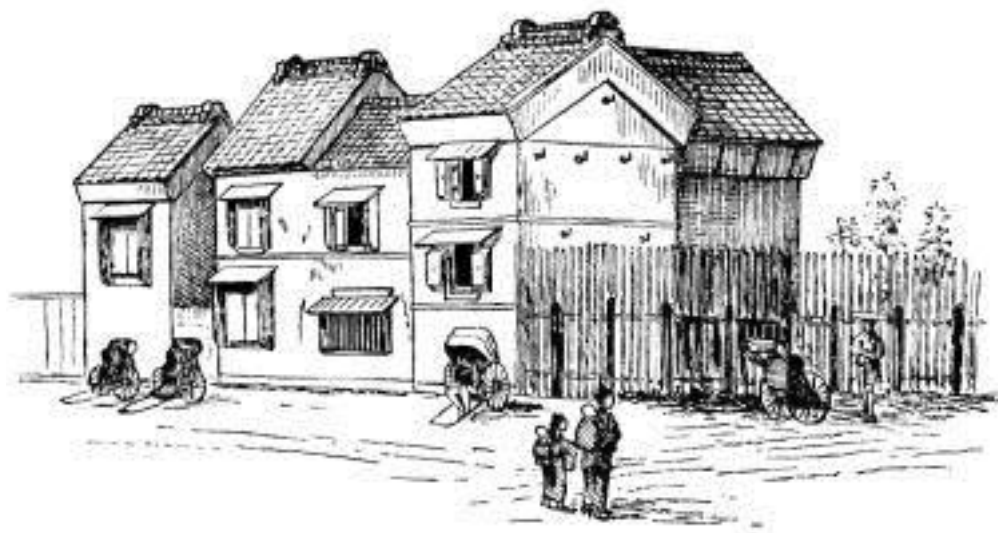

Рис. 57.—Кура в Токио.

Рис. 58.—Кура, или противопожарные здания в Токио.

На рис. 58, скопированном с рисунка, сделанного г-ном С. Коямой, представлена еще одна группа таких зданий в Токио. Эти *куры* принадлежали известному антиквару Нинагаве Норитани. В этих зданиях хранились его сокровища керамики и живописи. Часто вокруг *куры* *строятся легкие деревянные пристройки*, и в таких случаях семья живет в квартирах на улице. Пример такого рода показан на [рис. 59](#), на котором изображен старый дом в бедном квартале города Хакодате. Центральная часть представляет собой двухэтажную куру, а вокруг нее построено дополнительное укрытие с черепичной крышей. В случае пожара содержимое внешних помещений поспешно убирается в огнестойкую часть, дверь закрывается, а щели забиваются грязью. Эти здания обычно выживают в условиях широко распространенного пожара, в то время как все внешние деревянные пристройки сгорают. Дополнительные ссылки на эти конструкции будут сделаны в других частях работы. Однако, возможно, будет уместно заявить, что почти к каждому магазину примыкает подобное противопожарное здание.

Рис. 59.—Старый дом в Хакодате.

Вряд ли в сферу компетенции данной работы входит описание или рисунок зданий, которые, строго говоря, не являются жилыми домами; по этой причине не будут делаться ссылки на однообразные ряды зданий, столь обычные в Токио, которые образуют участки пограничной стены *ясики*; и, действительно, если бы это было желательно, было бы несколько затруднительно найти материал для изучения в их первоначальном состоянии. Многие из *ясики* были уничтожены пожаром; другие были сильно изменены и в настоящее время

заняты различными правительственными ведомствами. В Токио, например, *ясики* дайма Кага используется департаментом образования, *ясики* Мито используются для производства военного снаряжения, а третьи используются для казарм и других правительственных целей. Проезжая по городу, человек часто проезжает мимо этих *яшики*, которые с улицы кажутся длинными однообразными рядами зданий, обычно двухэтажных, с тяжелыми черепичными крышами. Стена первого этажа обычно облицована плиткой или оштукатурена. Стена второго этажа может быть деревянной или оштукатуренной. В этой стене через определенные промежутки проделаны отверстия с небольшими окнами с тяжелыми решетками или подвесными нишами. Вход, сложенный из прочных балок, закрыт тяжеловесными воротами, густо утыканными чем-то вроде засовов с массивными головками, но которые, однако, имеют фиктивную прочность. Здания опираются на каменные фундаменты, примыкающие прямо к улице, или прерываются рвом, который часто принимает вид замкового рва. Эти здания на длинных участках образовывали часть внешних стен *ясики*, внутри которых находились отдельные резиденции дайма и офицеров, в то время как только что упомянутые здания использовались солдатами в качестве казарм.

Большая проработанность и разнообразие формы и структуры крыши дома почти заслуживают отдельного раздела. Ведь главным образом крыше японский дом обязан своим живописным видом; именно крыша придает домам ту новизну и разнообразие, которые так заметны среди них в разных частях страны. Линии хорошо сделанной соломенной крыши представляют собой нечто совершенно замечательное по своим пропорциям. В правильной отделке карнизов проявляется большой вкус и мастерство; изящный способ соединения карнизов фронтона с боковыми карнизами всегда привлекателен и является заметной чертой японской архитектуры, а восхитительный способ соединения различных фронтонов с главной крышей вызвал бы похвалу у самого критичного архитектора.

Сложная структура соломенных и черепичных крыш, а также большое разнообразие дизайна и структуры гребней показывают, чего мог бы добиться японский архитектор, если бы другим частям экстерьера дома уделялось такое же количество изобретательности и внимания.

Японские крыши бывают либо гонтовыми, соломенными, либо черепичными. В сельской местности черепичные крыши являются исключением, поскольку они покрыты почти исключительно соломой, хотя в небольших домах, особенно в более крупных загородных поселках, часто можно увидеть гонтовые и черепичные крыши. В крупных городах дома обычно облицованы черепицей; но даже здесь гонтовые крыши не редкость, и хотя они дешевле черепичных, они ни в коем случае не ограничиваются более бедными домами. В пригородах и даже на окраинах городов соломенные крыши являются обычным явлением: в таких случаях соломенная крыша указывает либо на наличие того, что когда-то было старым фермерским домом, на который распространился город, либо на дом джентльмена, предпочитающего такую крышу из-за ее живописности и сопутствующих ей намеков на сельскую жизнь.

Обычная форма крыши, как правило, шатровая или двускатная. В соломенной крыше часть, проходящая непосредственно под коньковым столбом, имеет форму двуската, и это сливается с шатровой крышей. Бордюрную крышу никогда не увидишь. Среди более бедных слоев населения распространена простая односкатная крыша; а пристройки к основному зданию обычно покрыты односкатной крышей. Легкую, узкую дополнительную крышу часто можно увидеть выступающей чуть ниже карниза основной крыши; обычно ее делают из широких тонких досок (рис. 60). Эта крыша называется *хисаси*. Обычно она укрывает от солнца и дождя открытую часть дома или веранду. Он поддерживается либо стойками,

торчащими из земли, либо тонкими кронштейнами, которые установлены под прямым углом к основным стойкам самого здания. Какой бы слабой и даже непрочной ни казалась эта конструкция, ей удается поддерживать саму себя в нарушение всех известных законов строения и гравитации. После сильного выпадения влажного снега можно увидеть толстые налеты, покрывающие эти невысокие крыши, и все же поездка по городу не обнаруживает никаких признаков их разрушения. Вспоминаешь похожие конструкции у нас дома, которые поддаются подобному давлению, и задаешься вопросом, по-другому ли ведет себя гравитация в этой стране аномалий.

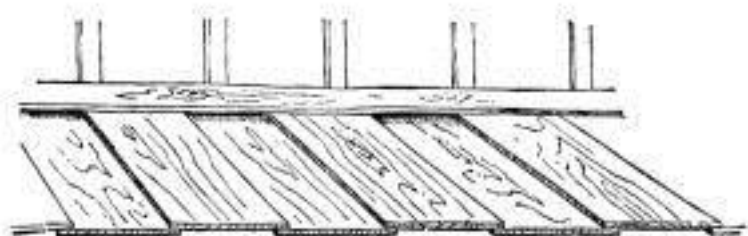

Рис. 60.—Хисаси.

В обычной черепичной крыше сначала прибивают к стропилам легкую доску, и на ней плотно закрепляют черепицу. Черепица всегда расколота и очень тонкая, толщиной примерно с обычную книжную обложку octavo, размером ненамного больше и одинаковой толщины по всей длине. Они выпускаются квадратными пучками (рис. 61, А), в каждом пучке около двухсот двадцати гальки, и стоят они около сорока центов.

Бамбуковые булавки, напоминающие истонченные прищепки для обуви, используются в качестве дранковых гвоздей. Дранковщик берет в рот полный набор этих колышков и быстрыми движениями работает точно и с той же скоростью, с какой аналогичная категория рабочих работает дома. Дранковый молоток - любопытное орудие труда (рис. 61, Б, В). Железная деталь имеет форму квадратного бруска, шероховатая поверхность которого находится почти на одном уровне с ручкой. Ближе к концу ручки и ниже вставлена латунная полоска с углублением (рис. 61, Б). Гальщик, берясь за рукоятку, подносит большой и указательный пальцы к латунной полоске; он вынимает изо рта колышек той же рукой, которой держит молоток, и большим и указательным пальцами прижимает колышек к латунной полоске (рис. 62), вдавливая его в гальку толкающим ударом. Этим движением колышек загоняется до половины; затем по нему наносится косой удар головкой молотка, который прижимает выступающую часть колышка к дранке - эта сломанная часть представляет собой головку нашего гвоздя для дранки. Поскольку бамбук жесткий и волокнистый, его можно легко сломать, не отделяя. Таким образом черепица крепится к крыше. На рукоятке молотка нанесены меньшие деления плотницкой меры, чтобы можно было правильно выровнять ряды черепицы. Работа выполняется очень быстро, так как одной рукой подгоняется галька, в то время как другая деловито забивает колышки.

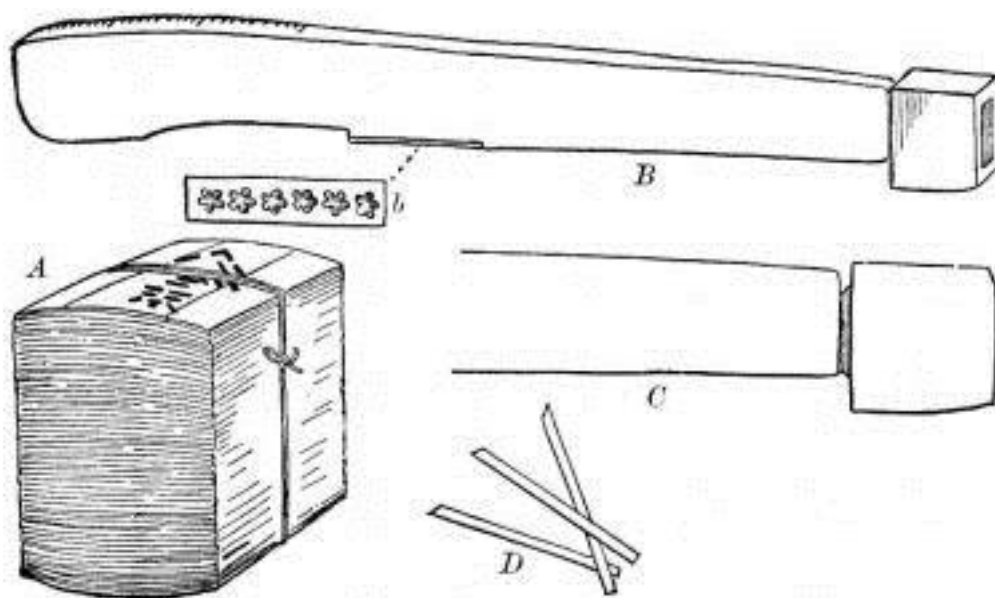

Рис. 61. Связка дранки, гвоздей и молотка.

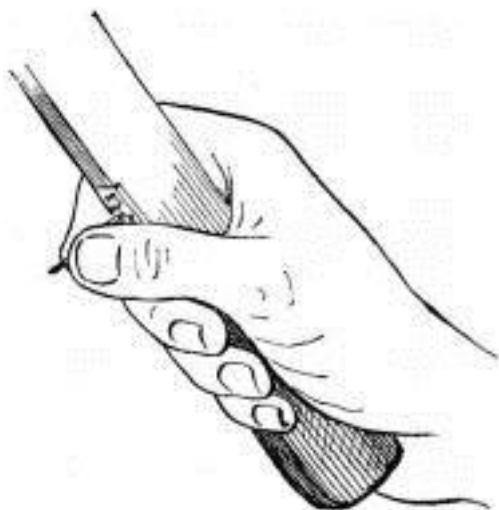

Рис. 62. Рука Шинглера.

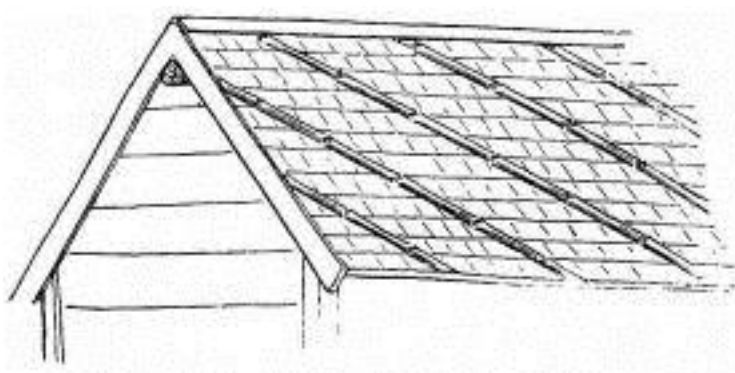

Рис. 63. Бамбуковые полосы на черепичной крыше.

О том, что при таком способе укладки черепица не всегда прочно крепится к крыше, свидетельствует тот факт, что часто длинные узкие полосы бамбука прибивают наискось поперек крыши, от конька до карниза (рис. 63). Эти полосы располагаются на расстоянии восемнадцати дюймов или двух футов друг от друга. Тем не менее, даже несмотря на эту

дополнительную предосторожность, при сильных порывах ветра с крыши часто быстро снимается черепица, которая в такие моменты наполняет воздух подобно осенним листьям.

На рис. 64, А, изображен участок гонтовой крыши с частично уложенными рядами гонта и прикрепленным к крыше ящиком для гвоздей. В коробке есть два отделения: в большем — бамбуковые колышки, а в меньшем - железные гвозди, используемые для прибивания досок и для других целей.

Существуют и другие методы укладки черепицы, при которых слои черепицы укладываются очень плотно друг к другу, а также во много слоев. Замечательные примеры этого метода можно увидеть на крышах некоторых храмов, и особенно на крышах некоторых храмовых ворот в Киото, где слои тончайшей черепицы, образующие массу толщиной в фут или более, уложены компактно, при этом многие изящные контуры крыши бережно сохранены. Края крыши красиво закруглены, а карнизы ровно и аккуратно подстрижены. При виде одной из этих крыш вспоминается соломенная крыша, которой, по-видимому, призван подражать этот стиль. Похожим образом используется и густо-коричневая кора *деревахи-но-ки*, из которой, по-видимому, получается очень компактная и прочная крыша. На крышах домов с лучшей черепицей принято закреплять клиновидный кусок дерева параллельно карнизу, к которому прибиваются первые три или четыре ряда черепицы; затем другие ряды черепицы укладываются очень плотно, и таким образом получается более толстый слой черепицы (рис. 64, Б).

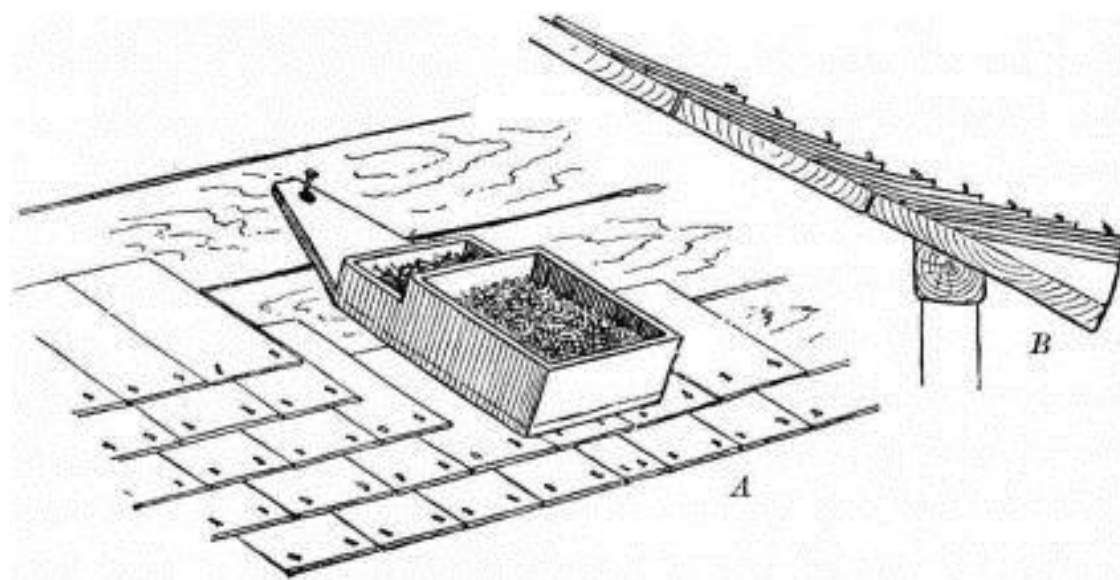

Рис. 64. Крыша с частично уложенной черепицей.

Но в черепичной крыше наблюдается небольшое разнообразие в обработке конька. Две узкие деревянные планки, прибитые по коньку, выполняют функцию стыка, как это принято в наших кровлях из дранки. Более тщательный способ - прибить тонкие полоски древесины одинаковой длины непосредственно над коньком и под прямым углом к нему. Эти полоски достаточно тонкие, чтобы их можно было легко согнуть. Таким образом скрепляют пять или шесть слоев, а затем, для более прочного крепления их к крыше, прибивают две длинные узкие полоски дерева или бамбука возле двух краев этой массы, параллельно коньку (рис. 65).

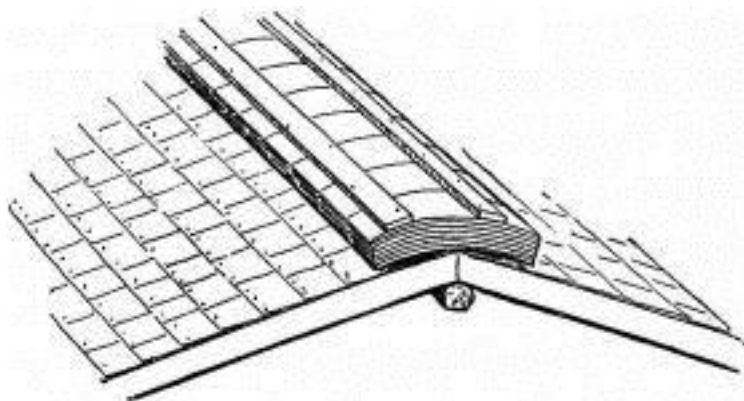

Рис. 65. Гребень на черепичной крыше в Мусаси.

Гонтовая крыша - самый опасный элемент конструкции дома в городах. Черепица - это не что иное, как толстая стружка, изогнутая и деформированная солнцем, которая готова вспыхнуть при соприкосновении с первой упавшей на нее искрой, а затем быть разнесенной сильным ветром и разнести огонь на многие мили. Должен быть принят очень строгий закон, запрещающий использование такого материала для кровли в городах и крупных селах.

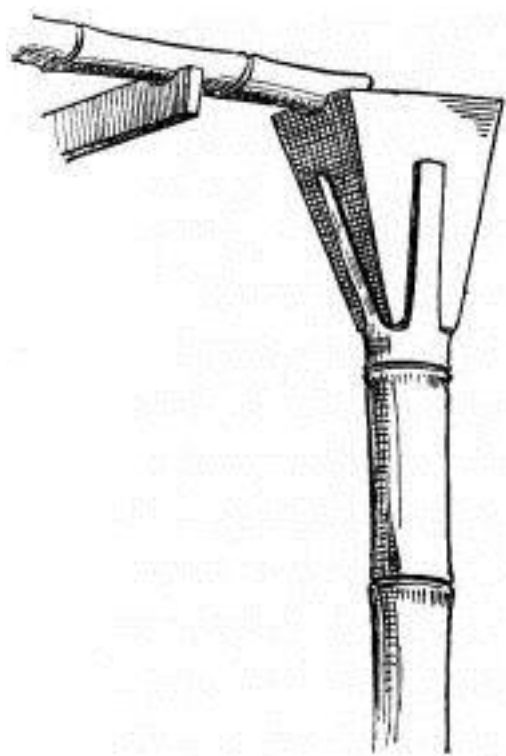

Рис. 66.—Водовод.

Обычная форма желоба для отвода воды с крыши состоит из большого бамбукового стержня, расщепленного вдоль, с отломанными естественными перегородками. Он крепится к карнизу железными крюками или длинными кусками дерева, прибитыми к стропилам, с зазубренными верхними краями, в которые упирается бамбук. Это приводит к образованию проводника, также состоящего из бамбука, в котором также были пробиты естественные перегородки. Верхний конец этого бамбука обрезается таким образом, чтобы остались четыре длинных выступа; между этими выступами продевается квадратный сужающийся

туннель из тонкой древесины — эластичность бамбука удерживает туннель на месте (рис. 66).

В книгах о путешествиях так часто обращалось внимание на бесконечное разнообразие способов, которыми восточные народы используют бамбук, что любое упоминание об этом здесь было бы излишним. Я могу только сказать, что значение этого замечательного растения в их домашнем хозяйстве никогда не было преувеличено. Чем больше изучаешь этнографические особенности японцев, проявляющиеся в их домах, утвари и бесчисленных других изделиях, тем больше убеждаешься в том, что им было бы легче отказаться от многих приспособлений, перенятых у европейских народов, чем от вездесущего бамбука.

При укладке черепицы на дощатую крышу сначала наносят грубую и тонкую дранку, а затем на эту поверхность наносят толстый слой грязи, в который прочно укладывается черепица. Грязь зачерпывают из какой-нибудь канавы, а также получают из каналов. В городе часто можно увидеть, как мужчины собирают грязь для этой цели из глубоких сточных канав, окаймляющих многие улицы. Ее замешивают и обрабатывают мотыгой и лопатой, пока она не приобретет консистенцию густого теста. При транспортировке этой массы на крышу не используется тяга. Рабочий измельчает материал в большие комки, и они бросаются один за другим человеку, стоящему на ступеньке или лестнице, который, в свою очередь, передает его человеку на крыше или, если крыша высокая, другому человеку на еще более высокой ступеньке. Грязь, попавшая на крышу, затем распределяется по ней толстым и ровным слоем. Затем ряд за рядом укладывается черепица. По-видимому, черепица не имеет особого сцепления с этим слоем грязи, и сильные порывы ветра часто наносят большой ущерб крыше такого типа. В случае пожара, когда возникает необходимость сносить здания на его пути, пожарным, по-видимому, не составляет труда легко и быстро снимать черепицу с крыши.

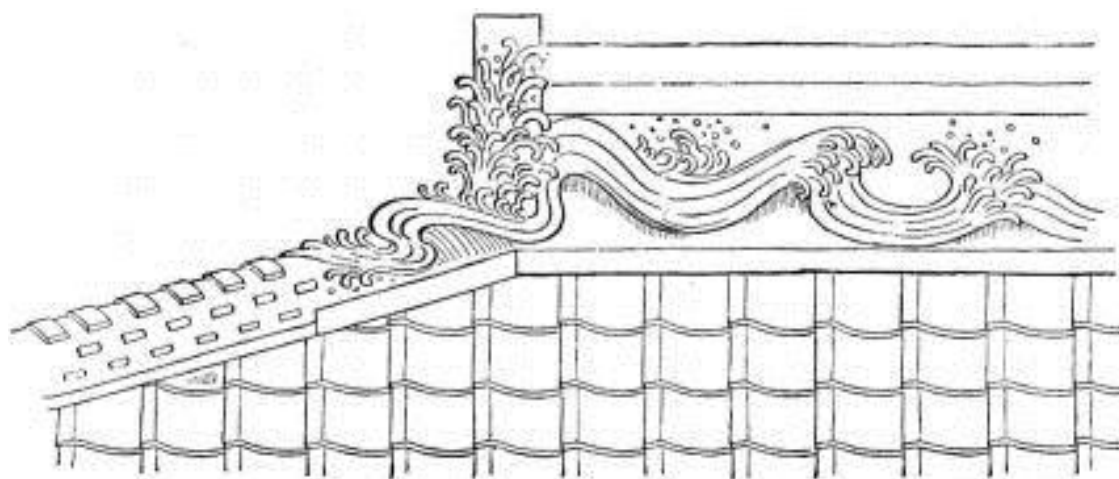

Рис. 67. Конек черепичной крыши.

Коньковый столб часто представляет собой впечатляющую комбинацию плитки и штукатурки, уложенных квадратными гребнями и выполненных множеством декоративных способов. В шатровой крыше четыре гребня также делают толстыми и тяжеловесными за счет последовательного наращивания слоев черепицы, образующих большие квадратные ребра. В больших огнестойких зданиях гребень может подниматься на высоту трех-четырех футов. В таких выступах белая штукатурка свободно используется не только как цемент, но и

как среда, на которой художник создает различные горельефные узоры. Одним из самых любимых выбранных сюжетов является изображение стремительных и пенящихся волн. При разработке этого дизайна часто демонстрируется большое искусство и мастерство, которое, как правило, очень условно, хотя временами в работе проявляется большая свобода самовыражения. Это, безусловно, кажется необычным дизайном для гребня крыши, хотя и придает очень легкий и плавучий вид тому, что в противном случае казалось бы тяжелым сверху. Рис. 67 представляет собой очень скудный набросок внешнего вида этого вида хребта. Из-за распространенности этого рисунка может показаться, что какое-то чувство или суеверие привело к использованию этого водянистого предмета как намека на защиту от огня; так это или нет, но часто можно заметить на конце конька соломенных крыш в сельской местности китайский иероглиф, обозначающий воду, глубоко вырезанный в соломе и почерневший (рис. 82), - и этот обычай, как мне сказали, возник из суеверия, что иероглиф, обозначающий воду, обеспечивает защиту от огня.

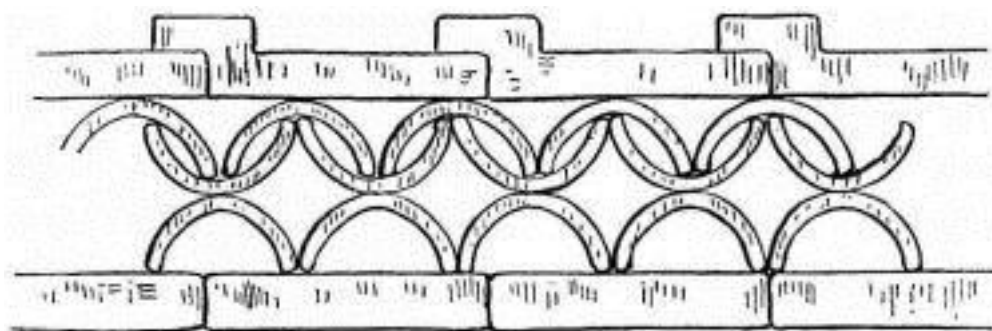

Рис. 68. Декоративное покрытие плиток.

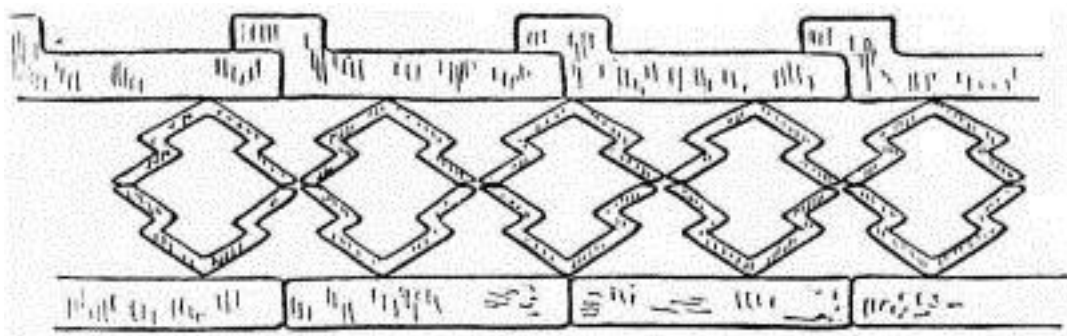

Рис. 69. Декоративное покрытие плиток.

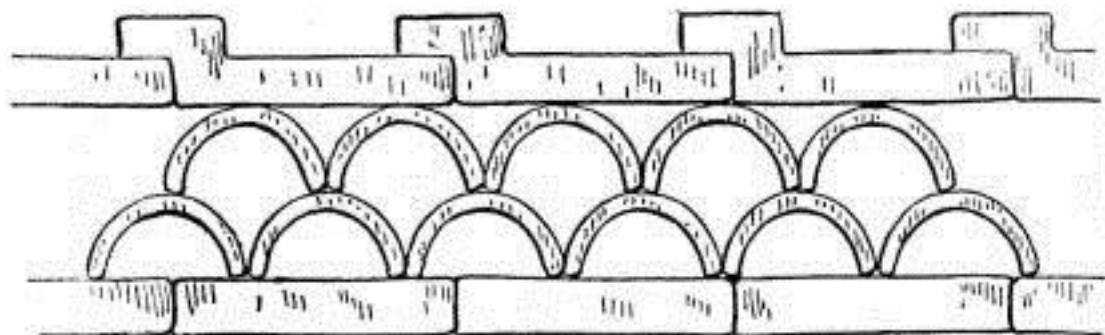

Рис. 70. Декоративное покрытие плиток.

Выступы плиток всегда заканчиваются выступающей массой плиток, специально разработанных для этой цели. Меньшие ребра черепицы, которые спускаются к карнизу, вдоль гребней в шатровой крыше или граничат с краем в двускатной крыше, часто

заканчиваются какой-нибудь декоративной черепицей с высоким рельефом. Рисунок может быть в виде маски, головы дьявола или какой-либо другой подобной формы. В более тяжелых риджах большая изобретательность и искусство проявляются в расположении плиток полумонодрической или другой формы с традиционным рисунком. Рис. 68, 69, 70 иллюстрируют некоторые конструкции, выполненные таким образом. Однако на этих рисунках изображены перекрытия стен в Ямато.

Многие из более тяжелых выступов обманчивы, основная часть состоит из деревянного каркаса, оштукатуренного и имеющего внешний вид сплошной массы плитки и штукатурки. Плитки, окаймляющие карниз, специально разработаны для этой цели. Плитка имеет форму обычной плитки, но ее свободный край загнут вниз под прямым углом и украшен каким-то обычным рисунком. Рис. 71 иллюстрирует эту форму плитки. На длинной панели часто можно увидеть рисунок из цветов или обычных рельефных завитков. Круглая часть обычно содержит герб какой-либо семьи: герб семьи Токугава редко встречается на плитках (см. рис. 73).

При черепичной кровле высшего класса обычно белым раствором заделывают стыки между рядами черепицы возле карниза, а также рядом с коньком; и часто таким образом обрабатывают всю крышу. На некоторых фотографиях корейских домов, сделанных Персивалем Лоуэллом, эскайром, показан тот же метод закрытия швов граничащих рядов плитки белой штукатуркой.

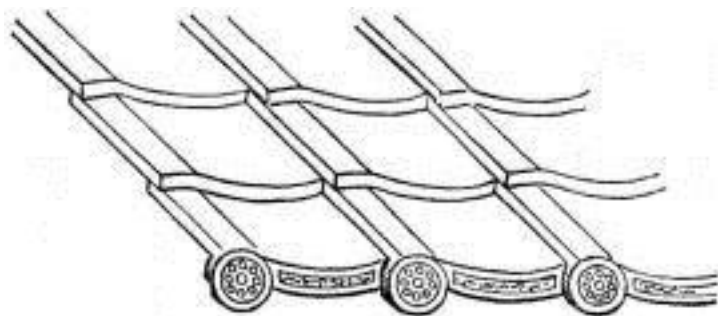

Рис. 71.—Карниз черепичной крыши.

Чем старше черепица, тем лучше она подходит для кровельных работ. Мое внимание привлек к этому факту друг, заявивший мне с некоторой гордостью, что плитке, использованной в его только что построенном доме, более сорока лет. Поэтому плитка, купленная из вторых рук, всегда пользуется большим спросом. Новая плитка, будучи очень пористой и впитывающей влагу, считается не такой хорошей, как та, в которой пыль и грязь со временем заполнили мельчайшие промежутки, что сделало ее лучшим материалом для отвода воды.

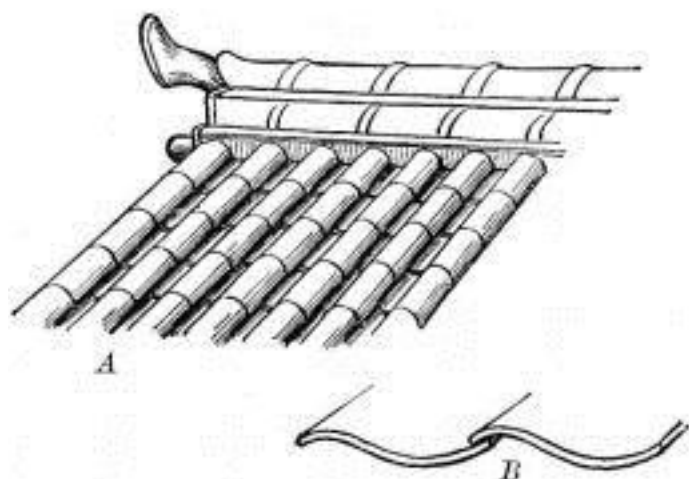

Рис. 72. Черепичная крыша Нагасаки.

Черепичная крыша не может стоить очень дорого, так как она очень распространена в городах и более крупных деревнях. Цена хорошей черепицы для кровли составляет пять *иен* за сотню (одна *иена* по номиналу равна одному доллару). Дешевые можно приобрести по цене от двух с половиной *иен* до трех *иен* за сотню. В другом измерении *цуло* плитки, которая занимает площадь в шесть квадратных футов; может быть уложена за сумму от двух с половиной до трех *иен*. Форма плитки варьируется в разных частях Японии. Плитка, широко используемая в Нагасаки (рис. 72, А), по форме похожа на те, что используются в Китае, Корее, Сингапуре и Европе. Эти плитки слегка изогнуты и укладываются выпуклой поверхностью вниз. Другая форма плитки, более узкая и полуцилиндрическая в сечении, укладывается выпуклой стороной вверх, прикрывая швы между нижними рядами плиток.

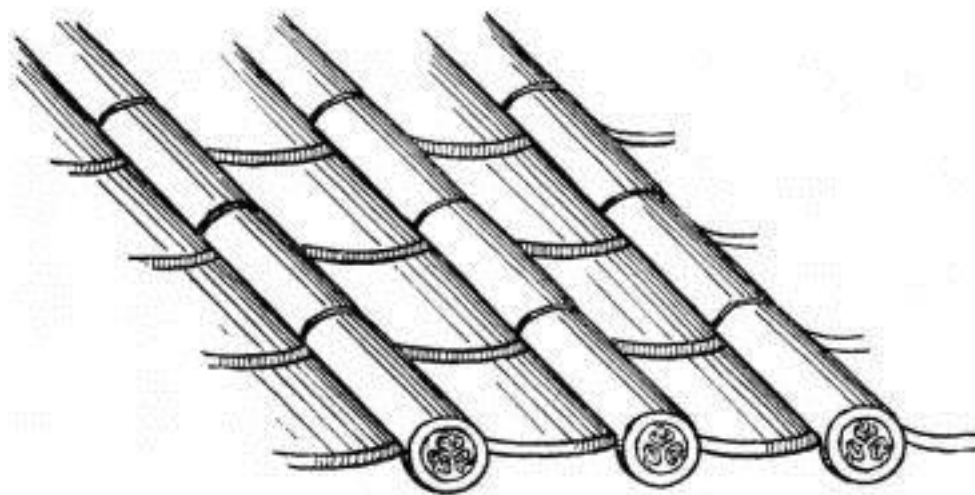

Рис. 73. Хон—гавара, или Настоящая плитка.

Рис. 74.—Карниз Эдо-гавара, или Эдо-черепица.

Очевидно, что это самая древняя форма плитки на Востоке, а в Японии она известна под названием *хон-гавара*, или настоящая плитка. На рис. 73 представлена форма *хон-гавары*, используемая в Токио.

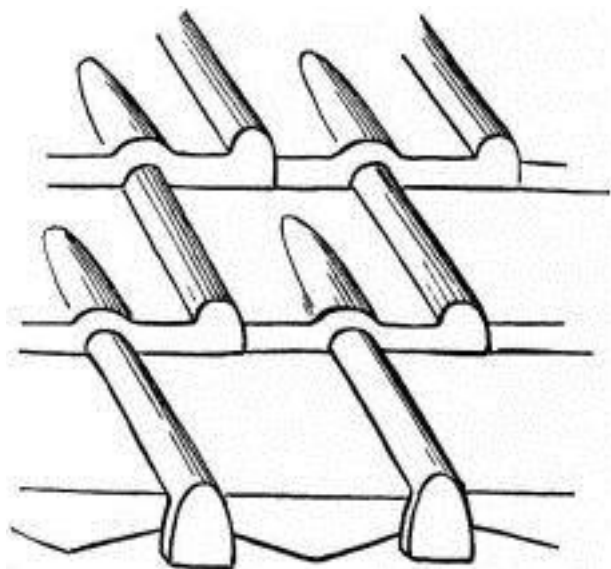

Рис. 75.—Карниз из французской плитки.

Наиболее распространенная форма плитки, используемая в Токио, представлена на [рис. 71](#) под названием *эдо-гавара*, или *плитка "эдо"*. С этой плиткой можно обойтись без верхней выпуклой плитки, так как она сконструирована таким образом, чтобы заходить за край соседней плитки. На [рис. 74](#) показан карниз крыши, в котором используется *черепица "эдо"*, с окаймляющими плитками, отличающимися по форме от тех, что показаны на [фиг. 71](#). Модификация этой формы наблюдается южнее, в Японии (рис. 72, Б), а также на Яве.

Рис. 76.—Плитка Итами для конька.

Новая форма плитки, получившая название французской, была представлена в Токио в течение нескольких лет ([рис. 75](#)). Однако она не широко используется, и я могу вспомнить лишь несколько зданий, крытых этой черепицей. Это склады паровой компании "Мицу Биши" рядом с почтовым отделением, здание за Художественным музеем в Уэно и несколько частных домов.

Другие формы плиток изготавливаются для специальных целей. В провинции Ивами, например, черепицу в форме крыши изготавливают специально для покрытия конька соломенных крыш ([рис. 76, А](#)). Настоящая плитка также используется для той же цели (рис. 76, Б).

В этой провинции изразцы глазуруют— обычные изразцы покрывают коричневой глазурью, в то время как лучшие изразцы глазуруют железным песком. При рытье фундамента для здания библиотеки в парке Уэно было выкопано несколько больших глазурованных плиток, которые, как предполагалось, были привезены из провинции Бидзен двести лет назад. Они были *образцахон-гавары*.

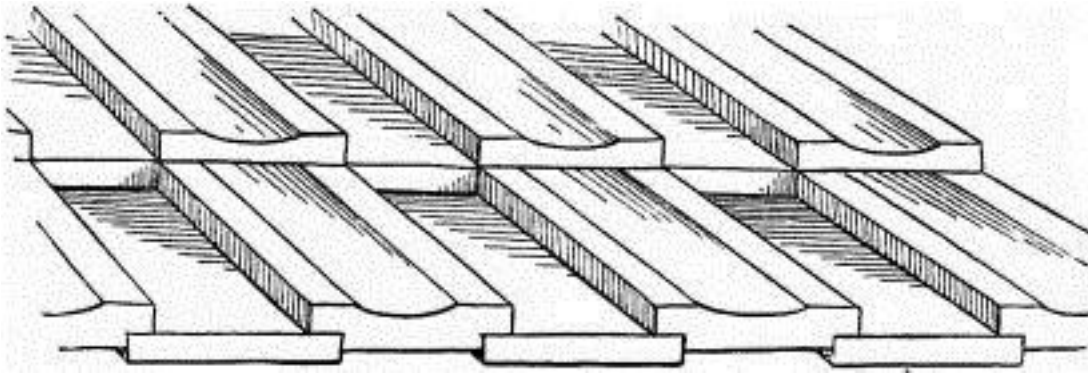

Рис. 77.—Каменная крыша.

В провинции Симоцукэ и, несомненно, в соседних провинциях встречаются каменные *кура* (огнестойкие склады); и у этих зданий часто бывают крыши из того же материала. Камень выглядит как светло-серый вулканический туф и легко поддается обработке. Каменным плитам, покрывающим крышу, придана определенная форма, так что последовательные ряды накладываются друг на друга таким образом, что создается впечатление большой прочности. На рис. 77 показана часть крыши такого типа, которую можно увидеть по дороге в Никко. Один корейский друг рассказал мне, что каменные крыши также встречаются в северной части Кореи, хотя точно установить, сделаны ли они в такой форме, не удалось.

Соломенная крыша на сегодняшний день является наиболее распространенной формой кровли в Японии, за пределами городов. Уклоны крыши различаются незначительно, но в дизайне и структуре конька наблюдается наибольшее разнообразие обработки. К югу от Токио каждая провинция, по-видимому, имеет свой особый стиль хребта; по крайней мере, когда наблюдательный путешественник переходит из одной провинции в другую, его внимание привлекает новая форма хребта, которая, хотя иногда встречается в других провинциях, кажется характерной для этой конкретной провинции. Вероятно, это связано с частично изолированной жизнью провинций в феодальные времена; ибо то же самое можно сказать и о керамике и многих других изделиях провинций.

Для тэтчинга используются различные материалы. Для самой обычной соломы используется солома; лучшие виды соломы изготавливаются из травы, называемой *Кайя*. Для этой цели используется разновидность тростника, называемая *йоши*, а также определенные виды тростника. Крыша не требует специальной подготовки для укладки соломы, за исключением того, что стропила и каркас должны располагаться достаточно близко друг к другу, чтобы надежно закреплять и поддерживать ее. Если крыша небольшая, для этой цели достаточно бамбукового каркаса.

Солому формуют в подходящую массу, расчесывают пальцами и иным образом укладывают так, чтобы все соломинки были направлены в одном направлении. Затем эти массы прикрепляются к стропилам и привязываются к крыше бамбуковыми шестами (рис. 78, А), которые затем снимаются. Когда соломенная крыша закреплена таким образом, ее прибивают на место деревянным молотком необычной формы (рис. 78, Б). Затем соломенная крыша подравнивается с помощью ножниц с длинными ручками (рис. 78, В), похожих на ножницы, используемые для подстригания травы в нашей стране.

Это лишь самые общие очертания процесса тэтчинга; несомненно, есть много других процессов, которых я не видел. Однако достаточно сказать, что после отделки крыша

приобретает чистый, аккуратный и симметричный вид, что кажется удивительным, если учесть природу материала. Карнизы обрезаются квадратными или слегка закругленными и часто очень толстыми, иногда достигающими двух футов или более в толщину. Однако это не означает, что соломенная крыша имеет одинаковую толщину по всей длине. Соломенная крыша, обрезанная этими различными способами, таким образом, видна в разрезе, и на этом разрезе часто можно заметить последовательные слои светлой и темной соломы. Была ли это старая солома, обработанная новой в целях экономии, или другие виды тростниковых материалов, я не выяснил.

На старых крышах соломенное покрытие густо покрывается сажей и пылью, и рабочие, занимающиеся ремонтом таких крыш, имеют вид грузчиков угля. В то время как для равномерного и правильного покрытия крыши соломой требуется много мастерства и терпения, гораздо больше мастерства требуется для отделки конька, который часто бывает очень сложным по своей структуре; и среди этих своеобразных коньков существует несколько известных типов. При представлении этих типов больше внимания будет уделяться эскизам, чтобы передать общее представление об их внешнем виде, чем описаниям.

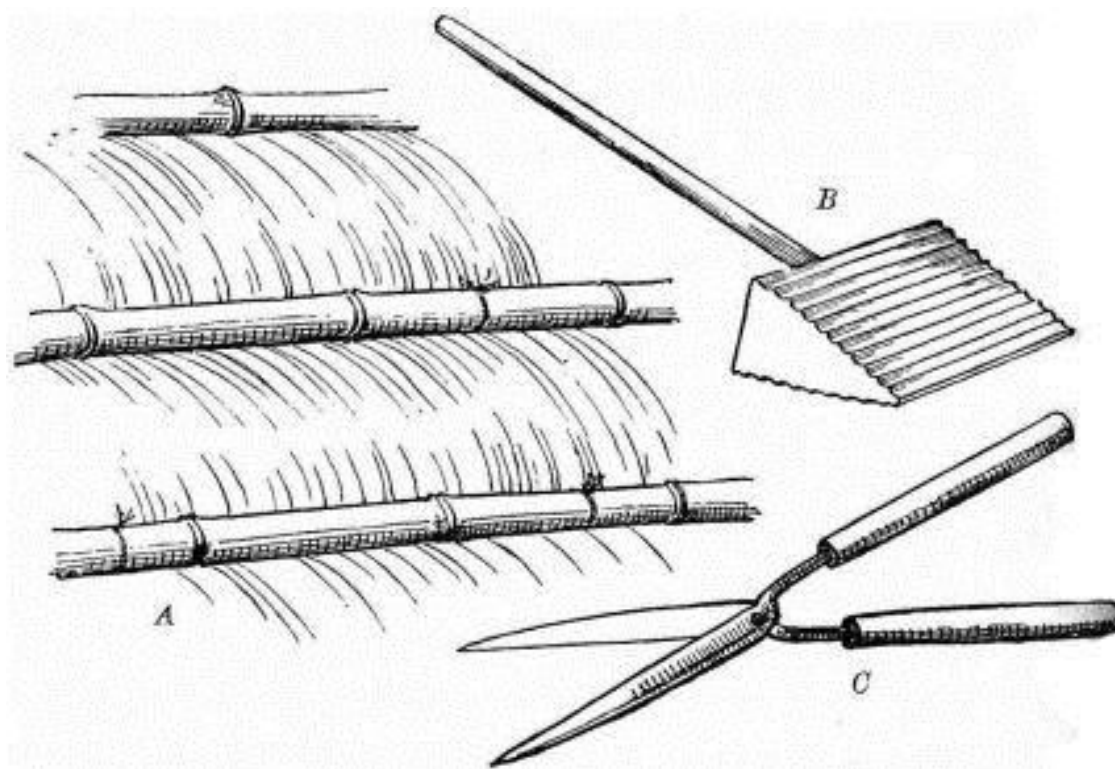

Рис. 78. Соломенная крыша и орудия труда тэтчера.

В той части Японии, которая лежит к северу от Токио, горный хребет гораздо более прост по своей конструкции, чем те, что встречаются в южной части Империи. Крыши здесь больше, но их гребни, за некоторыми исключениями, не демонстрируют художественных особенностей или того разнообразия форм и внешнего вида, которое можно увидеть на гребнях южной соломенной крыши. Во многих случаях гребень плоский, и эта область предназначена для поддержки пышного роста *ириса* или красной лилии (рис. 41). Наиболее поразительную особенность часто можно увидеть в появлении коричнево-мрачной деревни, где все горные хребты пылают ярко-красными цветами лилии; или дальше на юг, недалеко от Токио, где более чистые цвета голубого и белого ириса образуют цветочные гребни исключительной красоты.

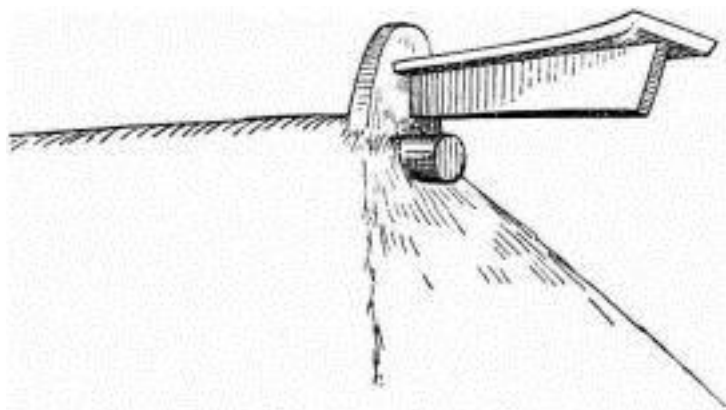

Рис. 79.—Конец крыши в Фудзите, Иваки.

В некоторых случаях видны настоящие коньковые столбы, концы которых свободно выступают за фронтоны и слегка изгибаются вверх (рис. 39). Такая обработка свободных концов балок в коньковых опорах, воротах и других конструкциях, особенно в определенных формах *tori-i*⁹, является обычной чертой японской архитектуры и эффективна для придания легкого и плавучего вида тому, что в противном случае могло бы показаться тяжелым и обычным.

В Фудзите, в Иваки и других местах этого региона часто можно увидеть крышу, на которой виден конец круглого конькового шеста, выступающего сквозь соломенную крышу на вершине фронтона; и в этом месте из конька торчит плоский деревянный выступ, к которому под прямым углом прикреплена конструкция, сделанная из досок и выкрашенная в черный цвет, которая выступает на два фута или более за пределы фронтона. Это, по-видимому, пережиток внешнего конькового столба, сохранившийся от обычая. Однако его внешний вид явно непрочен, а из-за слабого способа крепления он, должно быть, находится во власти любого сильного шторма (рис. 79). После выезда на юг от Сендая часто можно увидеть гряды, сложенные из черепицы, которые становятся все более распространенными по мере приближения к Токио. Конструкция такого гребня очень проста и эффективна; для гребня используются полуцилиндрические плитки или более широкие формы *хон-гавара*, которые, в свою очередь, закрывают ряд аналогичных плиток, размещенных по обе стороны от гребня (рис. 80). Плитки, по-видимому, покрыты слоем глины или ила и рубленой соломы, которую сначала укладывают на гребень соломенной крыши. В некоторых случаях нижний ряд плиток удерживается большим бамбуком (рис. 81). Какие еще существуют способы удержания плиток, я не узнал. Однако они должны быть достаточно надежными, поскольку их редко можно увидеть смещенными, даже на старых крышах.

Рис. 80. Черепичный гребень соломенной крыши в Иваки.

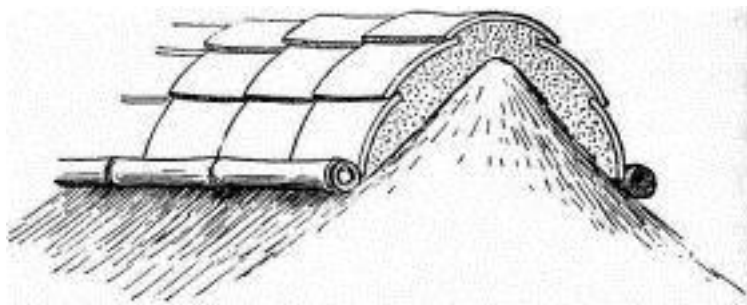

Рис. 81. Черепичный гребень соломенной крыши в Мусаси.

Очень аккуратный и прочный гребень (рис. 82) распространен в Мусаси и соседних провинциях. Этот гребень имеет широкую округлость. Сначала его покрывают слоем мелкого бамбука; затем через гребень с небольшими интервалами перегибают узкие полосы бамбука или коры, которые удерживаются на месте с помощью длинных бамбуковых полос или целых бамбуков, которые проходят через определенные промежутки параллельно гребню. Они прочно прикреплены к соломенной кровле. В некоторых случаях эти внешние бамбуковые брусья образуют сплошной слой. Концы гребня, демонстрирующие массу выступающей соломенной крыши в разрезе, резко обрезаны вертикально, а свободный край закруглен в виде бусин и плотно переплетен бамбуком, напоминая край толстой корзины. Эта отделка выполняется самым тщательным образом, как подобает мастеру. Именно на усеченном конце такого рода гребня часто можно увидеть китайский иероглиф, обозначающий воду, намек на который уже был сделан.

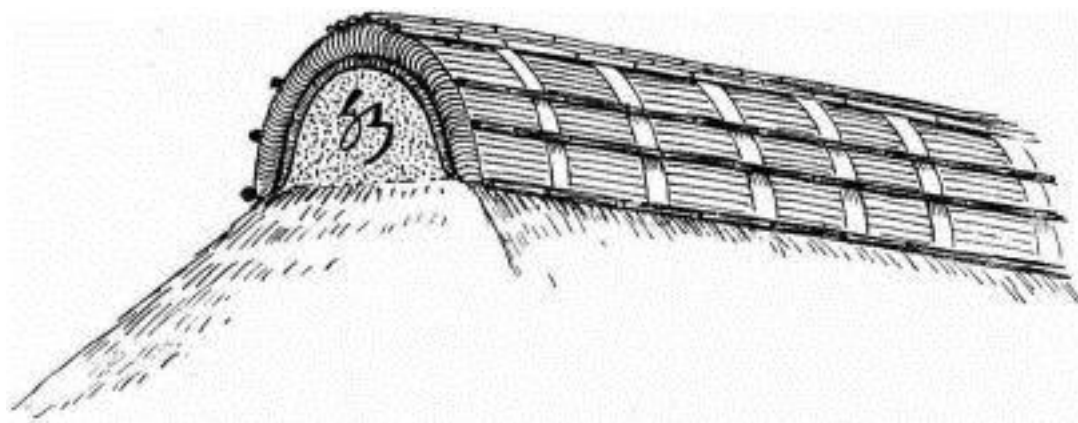

Рис. 82. Бамбуковый гребень соломенной крыши в Мусаси.

Когда в конце крыши нет окна для выхода дыма, крыша относится к классу шатровых крыш. В северных провинциях отверстие для выхода дыма различными способами устраивается на коньке или боковой стороне крыши. Ссылаясь на рис. На рисунках 39, 40, 41 можно увидеть различные способы обеспечения этого окна.

Дымоотводы действительно имеются на концах крыши на севере, как можно видеть, обратившись к рис. 44. Треугольное отверстие для выхода дыма является характерной чертой соломенных крыш к югу от Токио; над некоторыми из них архитектор и строитель приложили немало усилий и мастерства. Иногда виден дополнительный фронтон с треугольным окном (рис. 83). Этот эскиз представляет крышу дома джентльмена недалеко от Токио и является самым красивым примером лучшей формы соломенной крыши в Мусаси. Еще одна великолепная старая крыша другого типа показана на рис. 84. Там, где расположены эти треугольные окна, проем защищен деревянной решеткой. Крыша имеет

двойную природу двускатной и шатровой крыши вместе взятых: окно находится в двускатной части, от основания которой идет скат шатровой крыши.

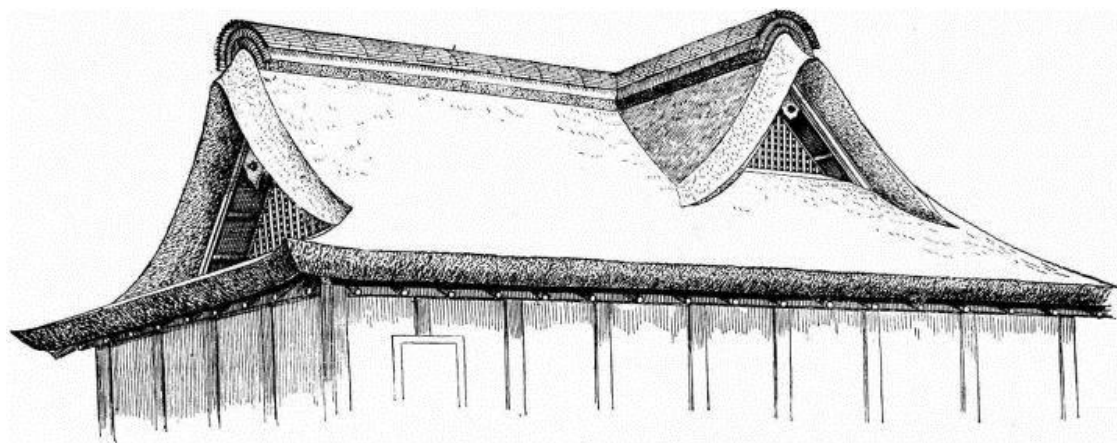

Рис. 83.—Соломенная крыша, недалеко от Токио.¹⁰

Большое внимание уделяется правильной и симметричной обрезке соломы на карнизах и по краям фронтона. Обратившись к рис. 83 и 84 можно получить некоторое представление о том, каким хитроумным способом это делается. Часто на вершине фронтона из соломы получается конусообразное расширение с круглым углублением любопытной формы (рис. 84). Большое мастерство также проявляется в соединении толстых краев карниза, расположенных на разных уровнях, изящными изгибами. Пример такого рода можно увидеть на рис. 39.

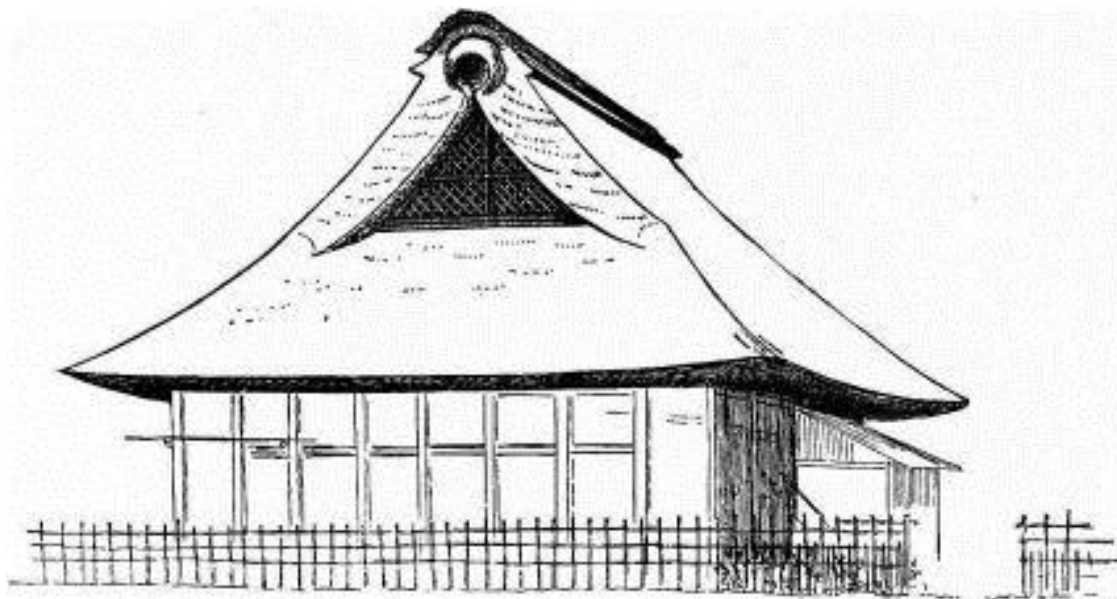

Рис. 84.— Соломенная крыша, недалеко от Токио.

В Мусаси можно увидеть обычную форму гребня, в котором имеется внешний гребень-шест, выполненный наподобие верхней поперечной балки *tori-i*. Толщина этой балки по вертикали вдвое или втрое превышает ее ширину; поперек нее с небольшими интервалами опирается ряд деревянных конструкций в форме буквы Х, нижние концы которых упираются в скаты крыши, верхние концы выступают над коньковым столбом. Гребень в этом месте покрыт корой; параллельно гребню прикреплено несколько бамбуковых брусьев, на которые опираются эти поперечные балки и к которым они прикреплены (рис. 45).

Модификации этой формы хребта встречаются в ряде южных провинций, и хребты, очень похожие на этот, я видел в Сайгоне и Чолоне, в Анаме. Любопытный храм Шин-то в Камидзияме в Исэ, который, как говорят, построен по образцу очень древних типов крыш, имеет концевые стропила фронтона, проходящие через крышу и выходящие за пределы козырька на значительное расстояние. Было интересно увидеть точно такие же черты в некоторых малайских домах по соседству с Сингапуром. В Мусаси и дальше на юг виден гребень очень сложной структуры — весь гребень образует своего рода дополнительную крышу, его края толстые и ровно подстриженные, и создается впечатление, что меньшая крыша была сделана самостоятельно и опускалась на большую крышу наподобие седла. Этот стиль крыши со многими модификациями очень распространен в Ямасиро, Микаве и соседних провинциях. Очень сложная крыша с таким описанием показана на [рис. 85](#). Эта крыша была нарисована в Кабутояме, деревне, расположенной почти в пятидесяти милях к западу от Токио. В этом коньке внешний вид дополнительной крыши становится более очевидным благодаря выступу под ним того, что кажется коньковым столбом, а также параллельным стержням собственно крыши. Эта крыша имела удивительно живописный и солидный вид. Этот стиль крыши заимствован из храмовой архитектуры.

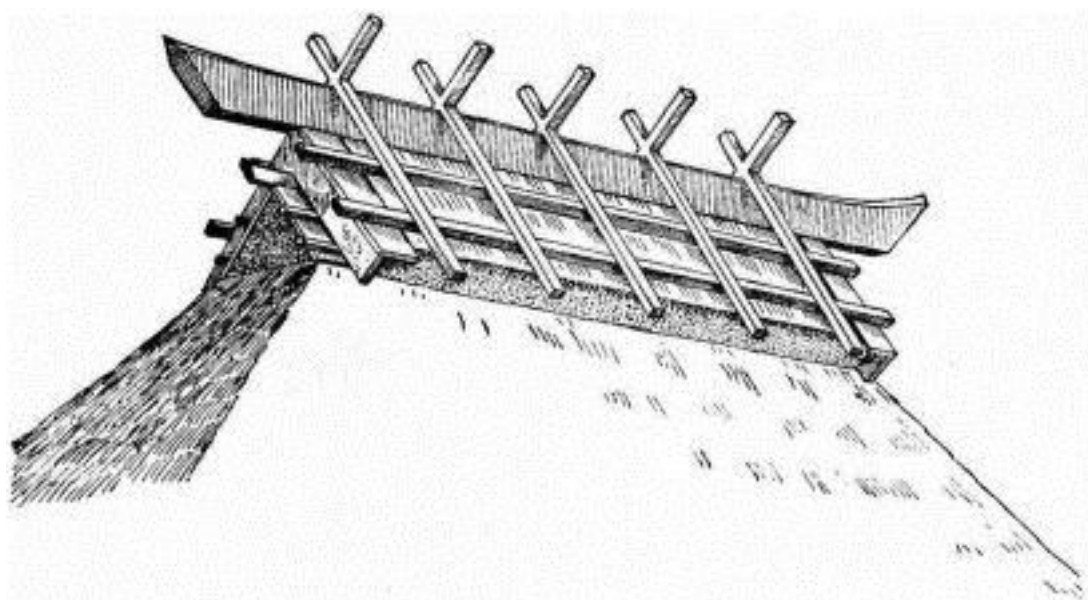

Рис. 85. Конек соломенной крыши в Кабутояме, Мусаси.

В провинции Оми распространена очень простая форма конька; он сделан из тонких кусков доски длиной три фута или более, закрепленных на каждом склоне крыши и под прямым углом к коньку; они скреплены длинными деревянными полосами, две из которых расположены поперек конька, а еще одна полоса - на нижнем крае досок ([рис. 86](#)). В провинциях Оми и Овари часто встречаются черепичные гряды, а в некоторых грядах сочетаются дерево и черепица. В Такацуки-мура, в Сэцу, преобладает любопытный горный хребет. Гребень очень крутой и покрыт плотной бамбуковой подстилкой с насыпями из плиток, расположенными через равные промежутки вдоль гребня ([рис. 87](#)). Очень живописная форма конька встречается в провинции Микава; крыша представляет собой шатровую крышу, причем коньковая крыша имеет крутой скат, обрезанный прямо у карниза. На этом участке поперек конька укладываются полосы коричневой коры, опирающиеся на скаты крыши; на кору параллельно коньку опирается несколько стволов бамбука; на вершине их поперек конька опираются прочные полуцилиндрические седла, иногда обшитые корой, с промежутком в три или четыре фута между ними. На [рис. 88](#) изображена крыша с тремя такими седловинами, что является обычным числом. Эти седла прочно

прикреплены к крыше, а на их гребнях и непосредственно над коньком закреплен длинный бамбуковый шнур из черного волокна, который привязан к коньку между каждым седлом. Дымоотвод в конце конькового щипца защищен массой соломы, свисающей с верхней части окна, по форме и внешнему виду очень похожей на японский соломенный дождевик. Дым просачивается сквозь эту завесу, хотя дождь сюда не проникает.

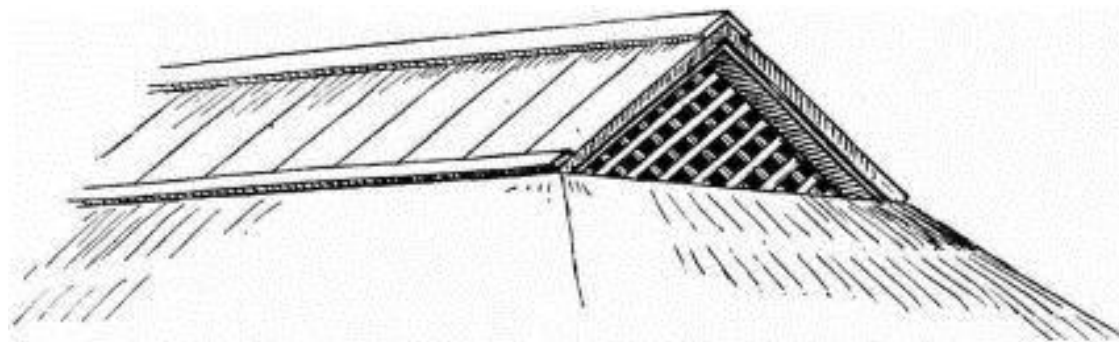

Рис. 86. Гребень соломенной крыши в Оми.

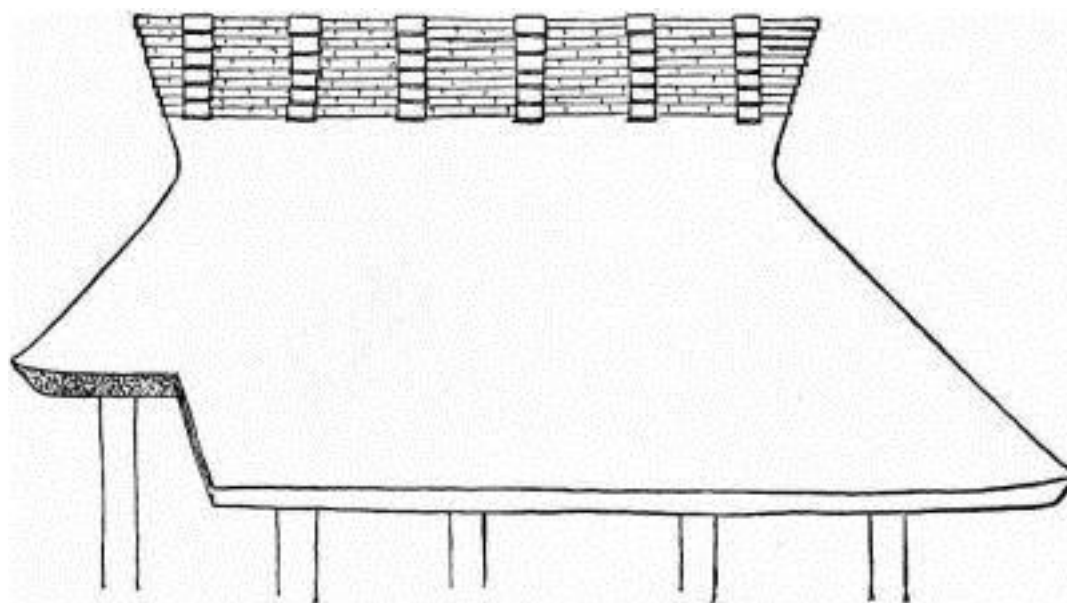

Рис. 87. Черепица и бамбуковый гребень соломенной крыши, Такацуки, Сэцу.

Крыши несколько похожей конструкции можно увидеть и в других провинциях. В пригороде Киото часто можно увидеть крышу и гребень аналогичной конструкции. В этой форме дополнительная крыша более резко очерчена; ее углы слегка загнуты вверх, как у крыши храма. Чтобы быть более точным, к главной крыше, которая представляет собой шатровую крышу, пристроена низкая верхняя крыша, представляющая собой двускат; и на ней покоится, подобно отдельному сооружению, сплошное соломенное седло, имеющее сзади несколько бамбуковых веток, идущих в продольном направлении, и поперек всего ряд толстых узких соломенных седел, обшитых корой, и поверх всего длинный бамбук, привязанный к коньку веревками (рис. 89). Эти крыши, широкие и с толстым карнизом, с глубоко посаженными, сильно зарешеченными дымовыми окнами и теплыми коричневыми соломенными крышами, составляют приятный контраст с покрытыми тонкой дранкой крышами более бедных соседних домов.

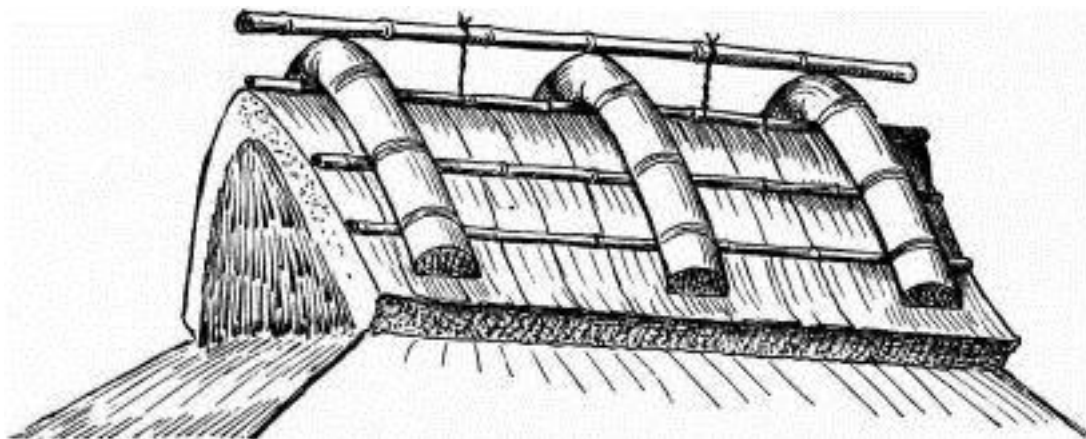

Рис. 88. Гребень соломенной крыши в Микаве.

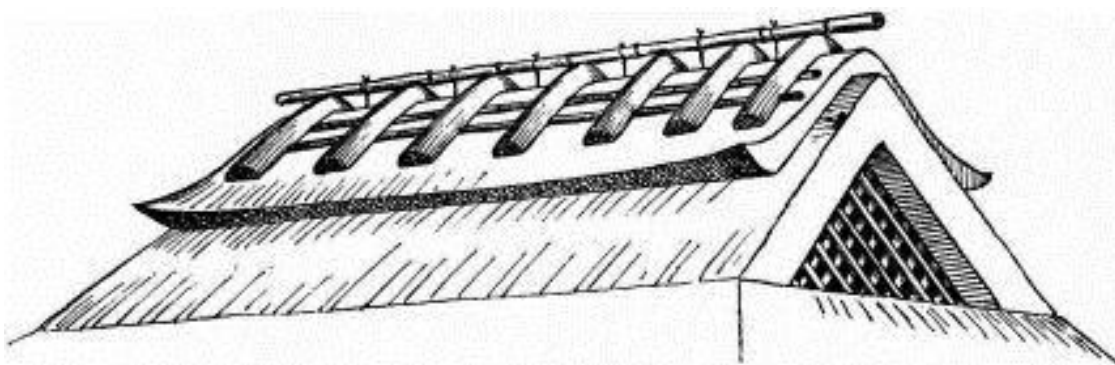

Рис. 89. Гребень соломенной крыши в Киото.

Другая форма крыши Микавы, очень простая по конструкции, показана на [рис. 90](#). Здесь коньковая крыша покрыта сплошной обшивкой из крупного бамбука, а стропильные столбы на концах проходят сквозь соломенную крышу и выступают за козырек.

В провинциях Кии и Ямато формы горных хребтов, как правило, очень просты. В одной форме, распространенной в провинции Кии, коньковая крыша, имеющая гораздо более крутой уклон, чем сама крыша, покрыта корой, которая скреплена параллельными полосами или целыми прутьями бамбука; а по коньку через определенные промежутки времени перекинуты соломенные седла, обшитые корой. Они очень узкие на гребне, но расширяются на своих концах.

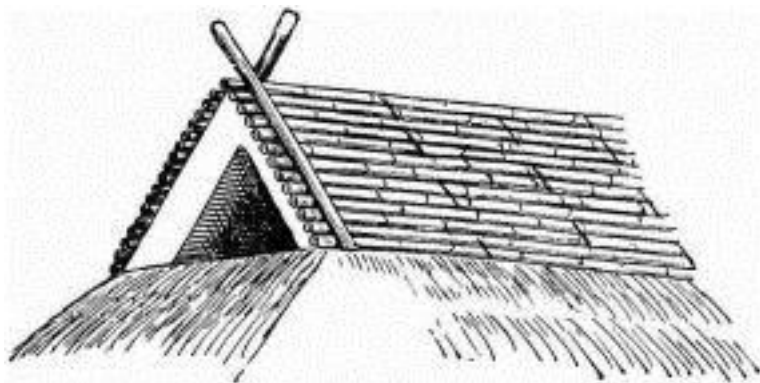

Рис. 90. Гребень соломенной крыши в Микаве.

Дымоотвод представляет собой небольшое треугольное отверстие ([рис. 91](#)). В провинции Ямато очень распространены две формы кровли. В одном из них крыша двускатная,

торцевые стены, оштукатуренные глиной и рубленой соломой, выступают над крышей на фут или более и покрыты простым рядом черепицы (рис. 92), причем гребень в этой крыше сделан так же, как в последней описанной. В другой форме крыши с аналогичным коньком соломенное покрытие на склонах крыши обрезается таким образом, чтобы создать видимость ряда толстых слоев, накладываемых один на другой наподобие черепицы, только каждый круг находится на расстоянии от восемнадцати дюймов до двух футов друг от друга, с толстыми краями. Было интересно и курьезно обнаружить в древней провинции Ямато такую своеобразную обработку скатов соломенной крыши, в точности похожую на некоторые крыши, которые можно увидеть в домах айно из Езо.

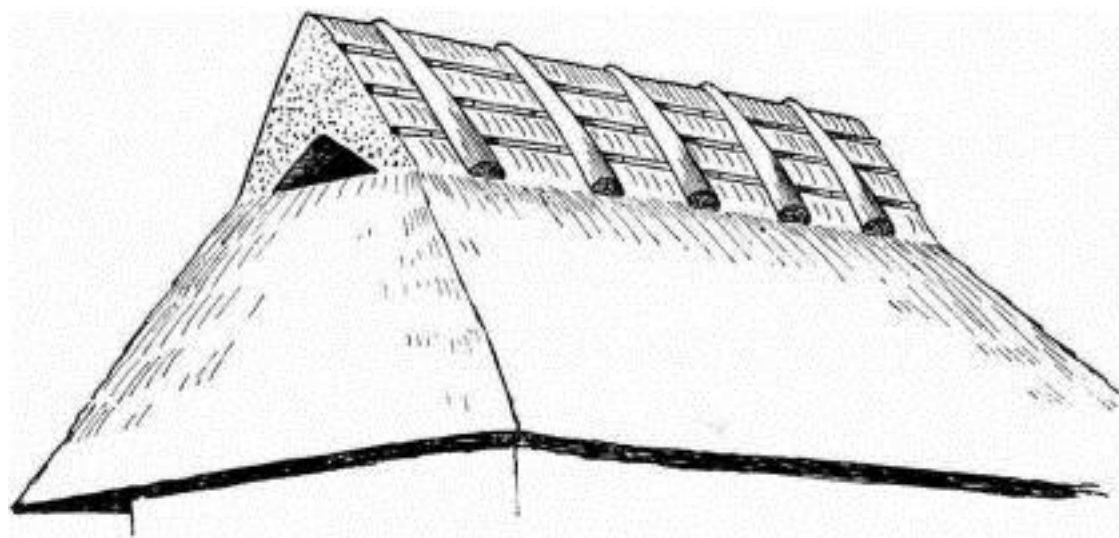

Рис. 91. Гребень соломенной крыши в Киеве.

В провинциях Тотоми и Суруга наблюдалась форма гребня, не похожая ни на одну из встречающихся в других частях Японии. Гребень крыши был большим и резко угловатым. На соломенной крыше, от конькового столба до середины главной крыши, лежали бамбуковые брусья, уложенные бок о бок, параллельно коньку. На этом слое бамбука лежали широкие седловины из коры длиной в фут или более, с промежутком почти в два фута между каждым седлом, которые доходили до главной крыши. По обе стороны коньковой крыши, параллельно коньку, были прикреплены к седлам большие бамбуковые шесты, прочно связанные веревками. На остром гребне крыши покоился длинный круглый коньковый шест. Этот шест удерживался на месте с помощью широких бамбуковых планок, круто изогнутых в виде хомута, по форме напоминавшего пару щипцов для сахара, и они, охватывающие шест, были воткнуты наискось в соломенную крышу. Они располагались парами и крест-накрест в промежутках между седловинами из коры. На концах гребня были соединены два бамбуковых хомута. Эскиз этой крыши (рис. 93) даст гораздо более четкое представление о ее внешнем виде и структуре, чем любое описание. Этот стиль крыши был уникальным и казался очень прочным и долговечным.

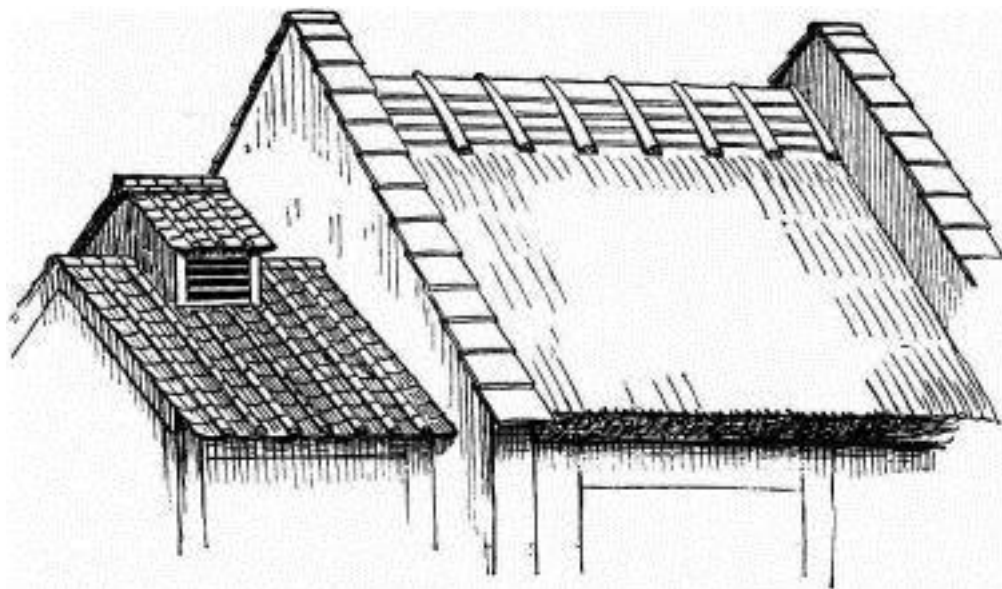

Рис. 92. Соломенная крыша в Тотоми.

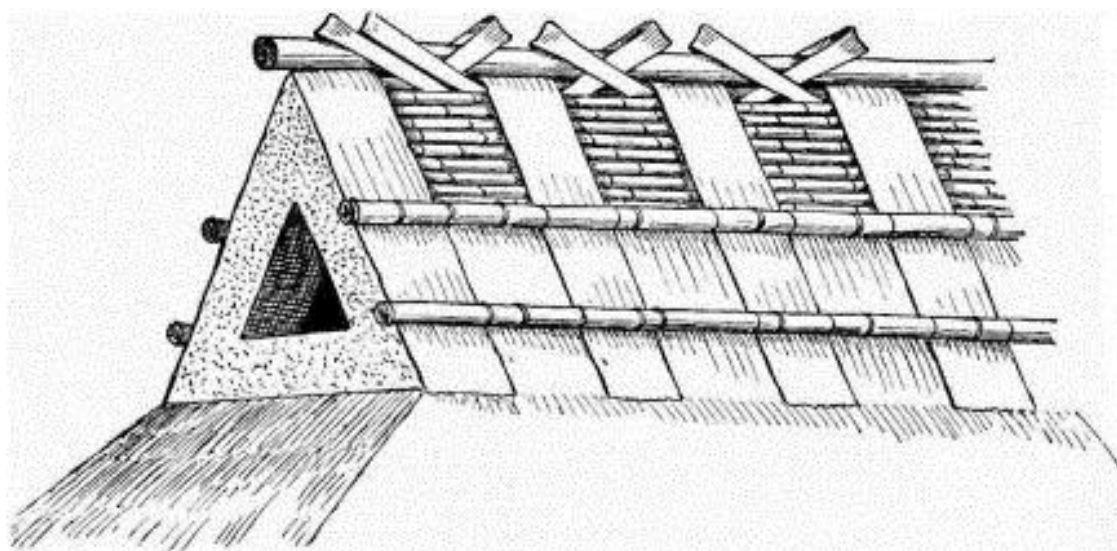

Рис. 93.Гребень соломенной крыши в Киеве.

В провинции Исэ был замечен простой тип крыши ([рис. 94](#)). Коньковая крыша была довольно низкой, обшитой корой и перевязанной сверху несколькими стволами бамбука. На фронте были круглые соломенные крыши, покрытые корой, которые образовывали декоративную лепнину по краю.¹¹

В провинции Осуми, на восточной стороне залива Кагосима, вертикальные стены зданий очень низкие, но они поддерживают соломенные крыши внушительных размеров. Эти крыши несколько круче, чем северная, а их гребни широкие и резко закругленные. Концы гребня отделаны широкой бамбуковой рогожей, и этот материал используется для обвязки самого гребня ([рис. 54](#)).

Несомненно, существует множество других форм соломенной крыши, но считается, что приведенные примеры представляют собой ведущие типы.

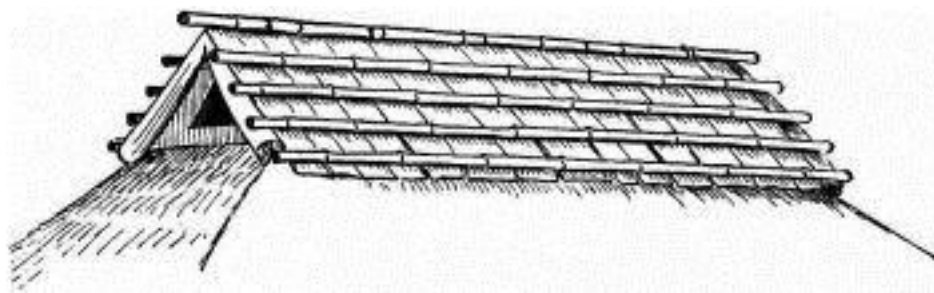

Рис. 94. Гребень соломенной крыши в Исе.

Когда человек знакомится с живописностью и разнообразием японских крыш и коньков, он задается вопросом, почему архитекторы нашей собственной страны не сочли нужным распространить свой вкус и изобретательность на крышу, а также на боковые части дома. Нет никаких причин, по которым коньковый выступ обычного деревянного дома обязательно должен состоять из двух узких флюгерных планок, или почему сама крыша всегда должна быть жесткой, прямой и угловатой. Конечно, наш суровый климат не может служить этому оправданием, поскольку в верхнем Сент-Джоне и в северной части штата Мэн можно увидеть деревянные дома франко-канадцев с широко выступающими крышами, с изящно загнутыми вверх карнизами, которые выглядят гораздо красивее, чем жесткие угловые крыши домов в Новой Англии.

Действительно, вызывает удивление, что кто-то, строя дом в этой стране, не возвращается к соломенной крыше. Наша архитектурная история показывает бесконечное количество изменений, и если бы соломенная крыша снова вошла в моду, нашему ландшафту придали бы новый шарм. Соломенная крыша живописна и теплая служит хорошим навесом от дождя. В Японии обычная соломенная крыша остается в хорошем состоянии от пятнадцати до двадцати лет; а мне говорили, что лучшие виды соломенной крыши прослужат пятьдесят лет, хотя это кажется невероятным. По мере того как они изнашиваются от непогоды, их часто латают и ремонтируют, и в конце концов приходится полностью обновлять. Старые крыши наполняются пылью, приобретают темный цвет и слеживаются; на них растут растения, сорняки и мхи различных видов, а также массы серого лишайника. При правильной конструкции они очень быстро сбрасывают воду и не пропитываются водой, как можно было бы предположить.

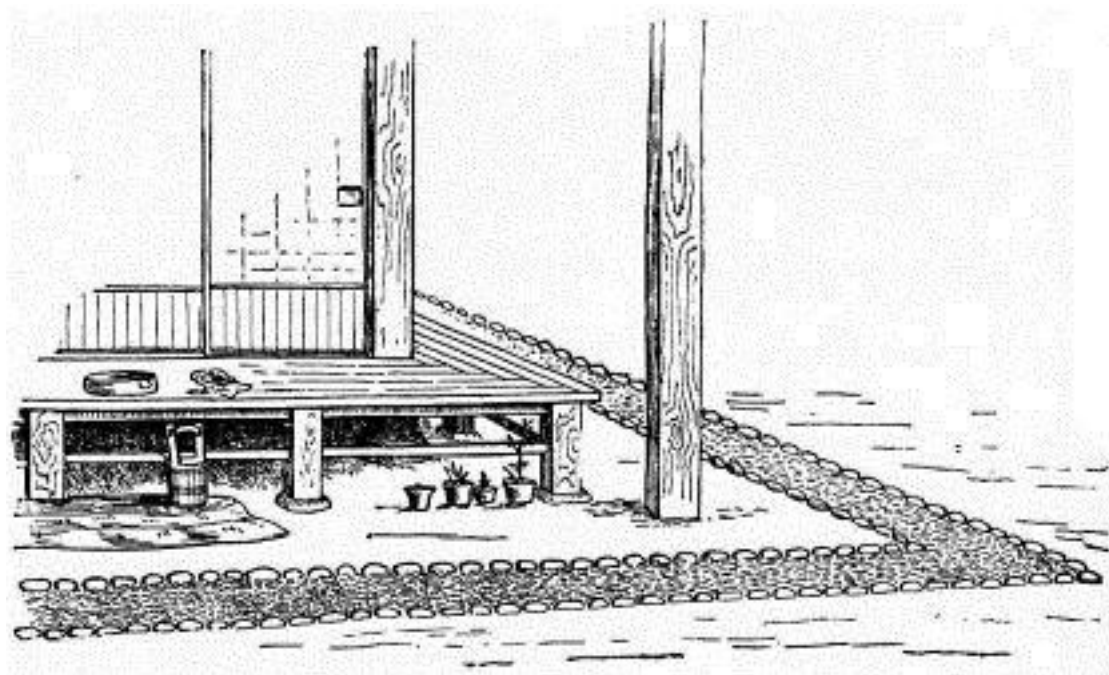

Рис. 95. Мощное пространство под карнизом соломенной крыши.

В домах высшего класса с соломенными крышами принято вымощать землю мелким булыжником шириной в два фута или более непосредственно под карнизом, чтобы улавливать капли, поскольку на соломенной крыше трудно установить какой-либо желоб или водовод. Рис. 95 иллюстрирует внешний вид мощеного пространства вокруг дома, крыша которого показана на [фиг. 85](#). В домах высшего класса с соломенными крышами принято вымощать землю мелким булыжником шириной в два фута или более непосредственно под карнизом, чтобы улавливать капли, поскольку на соломенной крыше трудно установить какой-либо желоб или водовод. [Рис. 95](#) иллюстрирует внешний вид мощеной площадки вокруг дома, крыша которого показана на [рис. 85](#).

Перевод терминов, применяемых ко многим частям дома, довольно любопытен. Слово *тупе*, обозначающее гребень дома, имеет то же значение, что и у нас; одно и то же слово применяется к тыльной стороне меча и к гребню горы. В Корее конек соломенной крыши плетеный, или, по крайней мере, в этом месте соломенная крыша кажется завязанной узлом или плетеной; а корейское слово, обозначающее конек, буквально означает *спинная кость*, из-за его сходства со спинной костью рыбы.

В Японии крыша дома называется *яне*. Так вот, *яне* буквально означает *корень дома*; но как такой термин можно применить к крыше, остается загадкой. Я расспрашивал многих интеллигентных японцев об этом слове, но так и не получил никакого удовлетворительного ответа относительно причины его применения к крыше дома. Мой друг-кореец предположил, что это название могло быть применено по ассоциации: дерево без корня умирает, а дом без крыши гниет. Он также сказал мне, что китайский иероглиф *ле* означает происхождение.

В Корее фундамент дома называется подножием дома, а камни в фундаменте называются камнями для обуви.

Японское слово, обозначающее потолок, - *тен—дзо*, что буквально означает “небесный колодец”. Интересным фактом является то, что корень обоих слов, *потолок* и *тен-дзо*, означает “небеса”.

ГЛАВА III. Интерьеры

Интерьер японского дома настолько прост по своей конструкции и настолько непохож на все, к чему мы привыкли в расположении деталей интерьеров в этой стране, что трудно подобрать термины для сравнения, пытаясь описать его. Действительно, без помощи эскизов было бы почти невозможно дать четкое представление об общем виде, и особенно о деталях, интерьеров японских домов. Поэтому мы будем в основном полагаться на различные цифры с той помощью, которую может оказать описание.

Первое, что поражает при входе в японский дом, - это небольшие размеры и низкое остекление комнат. Потолки здесь настолько низкие, что во многих случаях до них можно легко дотронуться, а переходя из одной комнаты в другую, человек склонен ударяться головой о *камои*, или перемышку. Он замечает также конструктивные особенности, которые бросаются в глаза повсюду — в прочных деревянных столбах, опорах, шпалах и т.д. Прямоугольная форма комнат и общее отсутствие каких-либо выступов и ниш, за исключением *tokonoma* и сопутствующей ниши в the best room, являются заметными особенностями. Глубина этих ниш варьируется от двух до трех футов и более, в зависимости от размера комнаты, и почти всегда они находятся на той стороне комнаты, которая проходит под прямым углом к веранде (рис. 96); или, если на втором этаже, под прямым углом к балкону. Разделение между нишами состоит из легкой перегородки, частично или полностью закрытой, которая обычно разделяет ниши на два равных отсека. Ближайшая к веранде бухта называется *токонома*. В этой нише висят одна или две картины, обычно одна; а на ее полу, который слегка приподнят над уровнем циновки основного пола, стоит ваза или какое-нибудь другое украшение. В дополнительном отсеке обычно есть небольшой шкаф, закрытый раздвижными ширмами, и одна или две полки наверху, а также еще одна длинная полка под потолком, все они закрыты раздвижными ширмами. Рискую несколько повториться, далее будет сделано более специальное упоминание об этих своеобразных и в высшей степени характерных чертах японского дома.

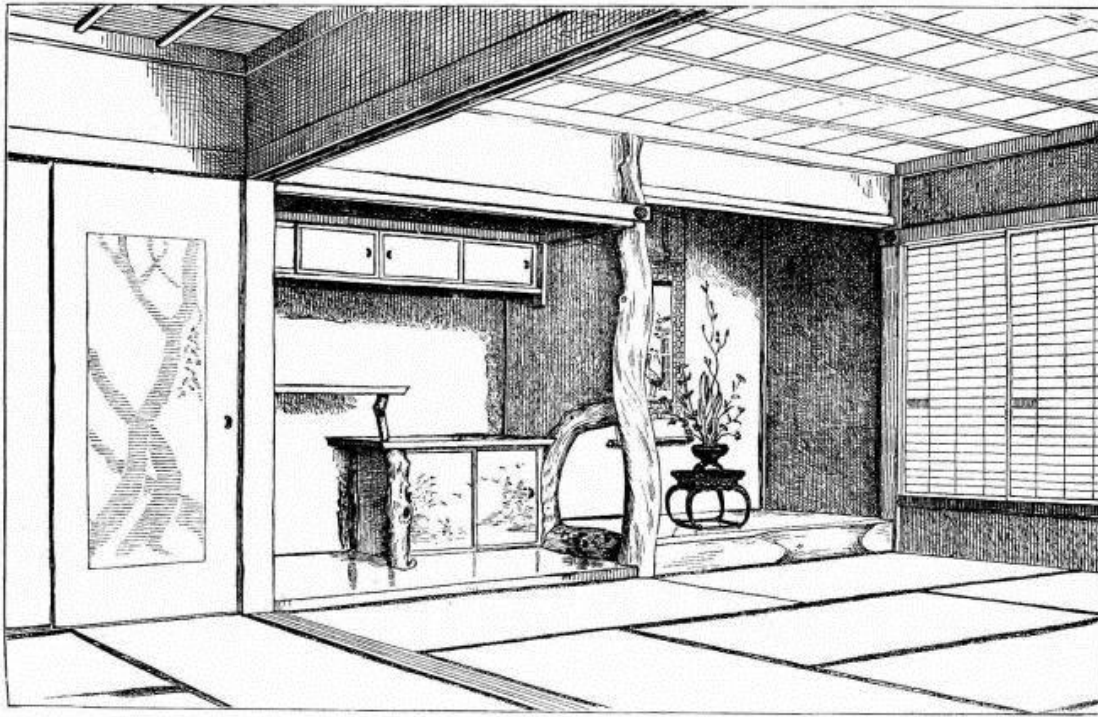

Рис. 96.—Комната для гостей в Хачи-иши.

В моих замечаниях о японском домостроении в главе I. упоминались подвижные перегородки, разделяющие комнаты, состоящие из легких деревянных рам, обтянутых бумагой. Они почти шести футов в высоту и около трех футов в ширину. Каркас дома, как мы уже говорили, строится с особым учетом раздвижных экранов, а также количества циновок, которые должны покрывать пол. В каждом углу комнаты по квадратному столбу, а на расстоянии восемнадцати дюймов или двух футов от потолка поперечные балки тянулись от столба к столбу. Эти поперечные балки имеют пазы на нижней стороне, в которых должны проходить экраны. Мало того, что большинство перегородок между комнатами состоят из раздвижных экранов, но и большая часть наружных перегородок состоит из этих легких и регулируемых устройств. В доме может быть анфилада из трех или четырех комнат в ряд, а наружные перегородки полностью состоят из этих подвижных экранов и необходимых стоек для поддержки крыши, — эти столбы проходят по углам комнат и обозначают границы между комнатами. Внешние экраны покрыты белой бумагой, и когда они закрыты, в комнату проникает приглушенный и рассеянный свет. Их можно быстро снять, оставив всю переднюю часть дома открытой для воздуха и солнечного света. Ширмы между комнатами покрыты плотной бумагой, которую можно оставить простой или украсить схематичными или замысловатыми рисунками.

Сразу бросается в глаза почти полное отсутствие распашных дверей, хотя время от времени их можно увидеть в других частях дома. Сразу бросается в глаза отсутствие всякой краски, лака, масла или шпаклевки, которые слишком часто портят наши комнаты дома; а в нелепой нелепости покрывать хорошо обработанную деревянную поверхность краской, а затем кистью и расческой пытаться имитировать Природу, рисуя ряд линий, японцы никогда не были виноваты. Напротив, древесина остается именно в том состоянии, в каком она покидает рубанок столяра-краснодеревщика, с простой поверхностью, гладкой, но не полированной, — хотя, однако, встречаются полированные поверхности, о которых будет сказано в соответствующем месте. Часто в некоторых деталях сохраняется первоначальная поверхность древесины, иногда с сохранением коры. Всякий раз, когда японскому мастеру удастся таким образом оставить частичку природы, он с удовольствием это делает. Он

обязательно воспользуется всеми любопытными особенностями древесины: это может быть результат роста какого-нибудь грибка, который странно помечает бамбук; или извилистые следы, оставленные личинками какого-нибудь жука, которые часто оставляют на поверхности древесины, чуть ниже коры, причудливые узоры; или сучок или заусенец. Его взгляд никогда не упускает из виду эти особенности при отделке комнаты.

Полы часто сделаны грубо по той причине, что соломенные циновки толщиной в два-три дюйма полностью покрывают их. В наших замечаниях о строительстве домов уже упоминались размеры этих матов.

Прежде чем перейти к более подробному описанию комнат, будет полезно изучить планы нескольких жилых помещений, скопированные непосредственно с чертежей архитектора. Первый приведенный план (рис. 97) - это план дома, построенного в Токио несколько лет назад, в котором писатель провел много приятных часов. Главный дом имеет размеры двадцать один на тридцать один фут; L имеет размеры пятнадцать на двадцать четыре фута. Сплошные черные квадраты обозначают более тяжелые вертикальные балки, поддерживающие крышу. Сплошные черные круги обозначают опору для буквы L, а также для крыши веранды. Участки, отмеченные близкими параллельными линиями, обозначают веранду, в то время как двойные параллельные линии обозначают раздвижные ширмы, а сплошные черные линии показывают постоянные перегородки. Кухня, ванная комната и некоторые платформы обозначены параллельными линиями, несколько более широкими друг от друга, чем те, которые обозначают веранду. Линии, идущие под углом, указывают на участок, где доски проходят к центральному желобу, слегка вдавленному ниже общего уровня пола. Здесь стоит большой глиняный кувшин для воды или деревянная ванна; а вода, пролитая на пол, уходит из дома по водосточному желобу. Небольшие участки снаружи дома, заштрихованные в разрезе, представляют собой шкафы, в которых хранятся штормовые шторы или деревянные ставни, которые так эффективно закрывают дом ночью, днем. В доме есть прихожая, холл, семь комнат, не считая кухни, и девять кладовок. Эти комнаты, если бы их называли в соответствии с нашей номенклатурой, были бы следующими: кабинет, библиотека, гостиная, подсобное помещение, столовая, спальня, комната для прислуги и кухня. Поскольку ни в одной комнате нет такого предмета мебели, как кровать. — кровать, состоящая из ватных одеял, временно застеленных мягкими циновками, — очевидно, что постельное белье можно разместить в любой комнате дома. Отсутствие почти всей мебели обеспечивает непрерывную уборку пола, так что при необходимости весь пол можно застелить подстилками — безусловно, большое удобство, когда неожиданно приходится принимать целую толпу гостей на ночь. Некоторые шкафы используются в качестве вместилищ для одеял, куда их убирают в дневное время.

Особенно заметно отсутствие всех амбаров, дровяных сараев и других пристроек, а поскольку в доме нет подвала, возникает вопрос, где хранится топливо. На определенных участках кухонного пола доски снимаются, на краях специальных досок сделаны зазубрины для прохода пальца, чтобы их можно было поднимать одну за другой; а под ними открывается большое пространство, в котором хранятся дрова и древесный уголь. В вестибюле с земляным полом есть узкая деревянная площадка на одном уровне с полом внутри, и в этом случае доски также могут быть приподняты аналогичным образом, открывая пространство внизу, где деревянные башмаки и зонтики могут быть убраны с глаз долой. Подобные устройства в холле можно увидеть в домах людей со средним достатком, но, насколько я знаю, не в домах богатых.

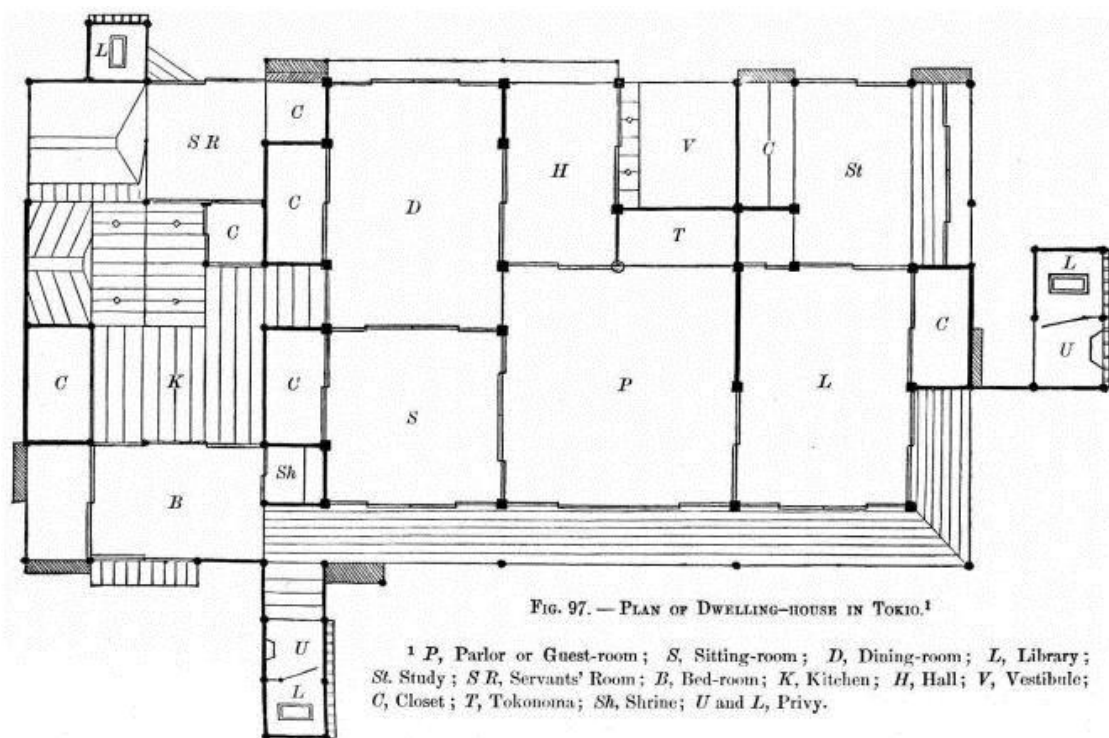

Рис. 97.—План жилого дома в Токио. *P*, Гостиная или комната для гостей; *S*, Гостиная; *D*, Столовая; *L*, Библиотека, *St*, кабинет, СТАРШАЯ комната для прислуги; *B*, спальня, *K*, кухня, *H*, Холл; *V* Прихожая; *C*, Кладовая; *T* Tokonoma; *Sh*, Святилище, *U* и *L*, Уборная.

В этом доме столовая и библиотека представляют собой комнаты с шестью циновками, гостиная - с восемью циновками, а гостиная - с четырьмя с половиной циновками; то есть пол каждой комнаты вмещает указанное количество циновок. Последние три названные комнаты граничат с верандой.

Стоимость завершения строительства этого дома составила около тысячи долларов. Земля, на которой он стоял, занимала около 10 800 квадратных футов и была оценена в триста тридцать долларов. За это правительство потребовало налог в размере пяти долларов. Дом, обставленный этими циновками, не требует ничего другого для ведения домашнего хозяйства.

Удобный дом, пригодный для проживания семьи из четырех или пяти человек, может быть построен за гораздо меньшую сумму денег, а немногочисленность и дешевизна предметов, необходимых для его отделки, превосходит всякое представление. Упомянув такой скромный дом и обстановку, читатель не должен воображать, что семья стеснена в средствах из-за нехватки места или ограничена необходимой мебелью; напротив, они могут жить с максимальным комфортом. Их потребности невелики, а вкусы просты и утонченны. Они живут без малейшей показухи; никакая ложная демонстрация не приводит их к преступным долгам. Чудовищные счета за ковры, занавески, мебель, серебро, посуду и т.д., которые часто предъявляются молодым домработницам при любых попытках вести домашнее хозяйство, — даже предчувствие того, что такие счета часто препятствуют браку, — это социальные бедствия, о которых японцы, к счастью, знают очень мало.

Каким бы простым ни казался только что приведенный дом, в обустройстве их комнат не меньше разнообразия, чем у нас. В Японии, как и в нашей стране, есть недорогие типы домов, где комната следует за комнатой в определенной последовательности; но малейшее

внимание к этим вопросам продемонстрирует не только большое разнообразие в их планах, но и столь же большое разнообразие в декоративной отделке их квартир.

План, показанный на [рис. 98](#), соответствует плану дома, представленного на рис. 36 и 37. Детали прорисованы так же, как на предыдущем плане. В этом доме на первом этаже семь комнат, помимо кухни, прихожей и ванной комнаты. Кухня и ванная обозначены, как и на предыдущем плане, тем, что полы в них расчерчены широкими параллельными линиями, причем линии, идущие наклонно, как и в первом случае, обозначают ванную комнату или умывальные комнаты.

Владелец этого дома часто приглашал меня полюбоваться его мягкими циновками и спокойной атмосферой, и, наслаждаясь ими, я часто задавался вопросом, какие впечатления получил бы человек, если бы его внезапно перенесли из его собственного дома в этот непритязательный дом с его причудливой и приятной обстановкой. Первым делом бросалась в глаза общая нагота, или, скорее, пустота, квартир; затем постепенно наблюдалась идеальная гармония тонированных стен с деревянной отделкой. Аккуратно расставленные ширмы с их любопытными рисунками тушью, сделанными от руки, или обычные рисунки на бумаге такого приглушенного и неуловимого характера, что на них нужно обратить особое внимание, чтобы понять их природу; чистые и удобные циновки, повсюду гладко покрывающие пол; натуральное дерево, составляющее потолок, и структурная отделка комнаты повсюду бросаются в глаза; обычные ниши со шкафчиками и полками, а также широкая перемычка с замысловатой решеткой или резьбой наверху — все это оставит неизгладимые впечатления об изысканном вкусе и истинной утонченности японцев.

Я заметил, что особенно приятный запах дерева, использованного в конструкции этого дома, казалось, наполнял воздух комнат тонким ароматом;¹² и в этой связи я подумал о комнатах, которые я видел в Америке, заставленных стульями, бюро, столами, кроватями, умывальниками и т.д., А также о пыльных коврах и удушливых обоях с каким-то безумным рисунком и парой четырехугольных отверстий, полностью или частично закрытых для доступа света и воздуха. Вспоминая этот лабиринт лакированной мебели, я мог лишь вспомнить, сколько труда требуется от человека, чтобы должным образом ухаживать за такой комнатой; и наслаждаясь, по контрасту, свежим воздухом и широким потоком света, ограниченным только размерами комнаты, которые предоставлял этот японский дом, я не мог с каким-либо удовольствием вспомнить душные покои, с которыми я был знаком дома.

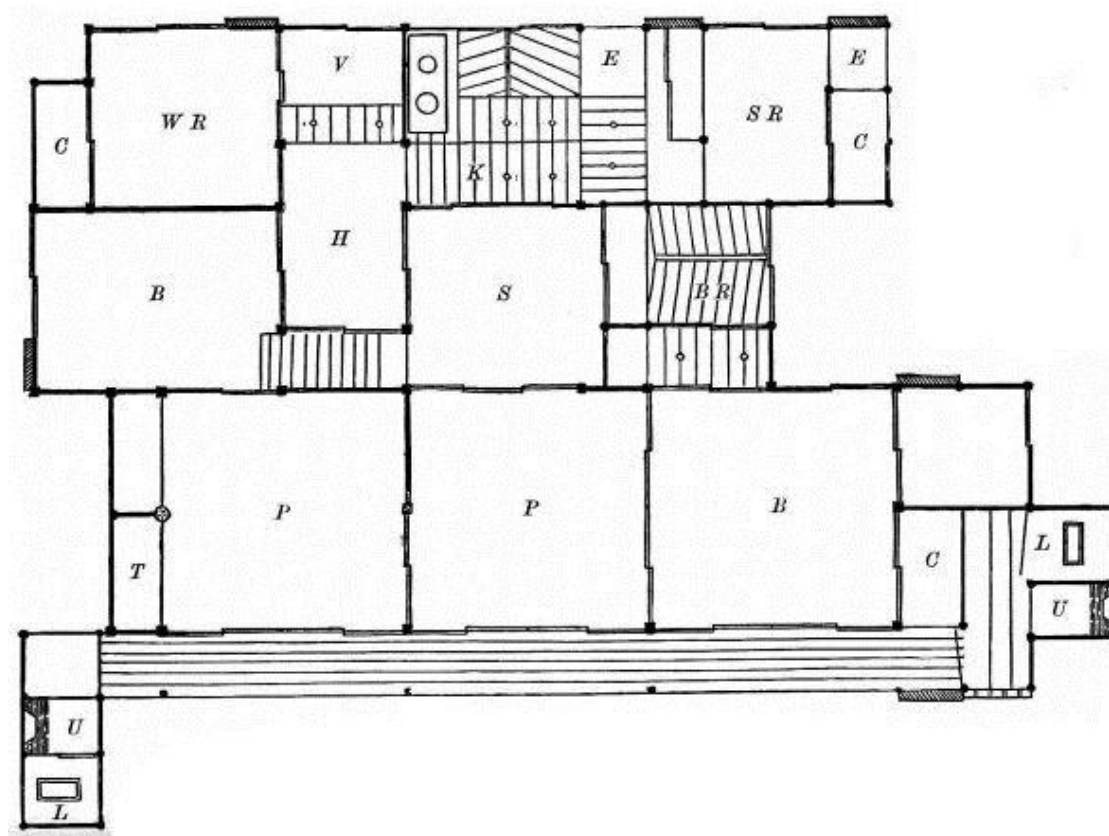

Рис. 98.—План жилого дома в Токио. *P*, Гостиная или комната для гостей; *B*, Спальня, *K*, Кухня, *СТАРШАЯ* комната для прислуги; *BR*, Ванная комната, *E, E*, Боковые входы, *V* Вестибюль; *H*, Холл; *WR*, Приемная; *C*, Гардеробная; *T* *Tokonoma*; *U* и *L*, Уборная.

Если иностранец не удовлетворен суровой простотой и тем, что на первый взгляд может показаться ему скудостью обстановки японского дома, и, тем не менее, является человеком со вкусом, он вынужден признать, что скудость мебели и ковров избавляет от некоторых болезненных ощущений, которые всегда вызывают несоответствия. Он с удовлетворением вспоминает некоторые работы по домашнему искусству, в которых утверждается, что стол с резными херувимами под ним, о нелепые контуры которого стукаешься ногами, является мерзостью; и что ковры, на которых изображены крылатые ангелы, львы или тигры — или, что еще хуже, жеманная и раскрасневшаяся девушка, занимающаяся любовью со столь же румяным пастухом, — едва ли являются подходящей поверхностью, по которой можно с комфортом ступать, хотя человек может испытывать определенное мрачное удовольствие, вытирая о них свои грязные сапоги. В японском доме путешественника, по крайней мере, не раздражает такое нагромождение ужасных вещей; он, безусловно, избавлен от страданий, которые часто причиняет “цивилизованный” стиль обстановки. Мистер Лоуэлл правдиво замечает “расточительность и бесцельность нашей американской роскоши, которая является жалким рабством безвкусной обивки”.

Однако мы отвлеклись. В упомянутом плане представление о размере комнат можно составить, наблюдая за количеством циновок в каждой комнате и вспоминая размер циновок, который составляет примерно три фута на шесть. Будет видно, что комнаты маленькие, намного меньше, чем в домах аналогичного класса в Америке, хотя и кажутся более просторными из-за отсутствия мебели. Три комнаты, примыкающие к веранде и выходящие в сад, легко объединяются в одну, и таким образом получается непрерывное помещение размером тридцать шесть футов в длину и двенадцать в ширину; и это непрерывное помещение, за исключением одной небольшой перегородки.¹³

В манере строительства человек признает уместность конструктивного искусства как проявление лучшего вкуса; и в японском доме он видит, что этот принцип реализован в совершенстве. Потолок из досок, угловые и средние стойки, а также поперечные стяжки находятся на виду. Угловые стойки, поддерживающие крышу, выполняют декоративную функцию, поскольку они прочно поднимаются от земли под ними. Бахрома из стропил окаймляет нижнюю поверхность широкого нависающего карниза, а они, в свою очередь, прочно опираются на необтесанную балку, которая проходит как балка от одной стороны веранды к другой. Дом просто очарователен во всем своем убранстве, и как летний домик в течение многих долгих жарких месяцев он ни с чем не сравним. Однако в сырые и дождливые зимние дни это не так приятно, по крайней мере для иностранца, — хотя я сомневаюсь, что для японца это неприятнее, чем обычные дома у нас дома, с некоторыми квартирами, в которых жарко и душно, и вещи потрескивают от печного жара, в то время как другие части раскалываются от холода; с газом из печи и дымоходами, которые часто отказываются втягивать воздух, и неосязаемой, хотя и осязаемой сажей и угольной пылью, оседающими на каждом предмете, и многими другими мерзостями, которые слишком хорошо известны. Японцы не страдают от холода так, как мы. Более того, находясь в доме, они одеваются гораздо теплее; и для получения того небольшого искусственного тепла, которого они желают, предоставляются небольшие сосуды с древесным углем, над которыми они греются, в то же время согревая свои ноги, как курица кладет яйца, сидя на них. Их безразличие к холоду проявляется в том факте, что во время их зимних вечеринок комнаты часто полностью выходят в сад, который может поблескивать от только что выпавшего снега. Их зимы, конечно, намного мягче, чем наши северные. Однако в такое время года американцу в Японии не хватает веселого открытого камина, вокруг которого обычно собирается семья в его собственной стране; действительно, при социальном характере нашей семейной жизни японский дом казался бы нам зимой крайне неудобным.

Различия между домами знати и *самураев* столь же велики, как различия между этими последними домами и грубыми убежищами крестьянского класса. Различия между внутренней отделкой домов первых двух упомянутых классов, возможно, не столь заметны, поскольку в обоих случаях речь идет о чистой отделке деревом, простоте стиля и чистоте отделки; но дом аристократа отличается более величественным входом, гораздо большим количеством комнат и переходов, а также изменениями в расположении некоторых комнат и переходов, которых нет в обычном доме.

Прилагаемый план дома даймио (рис. 99)¹⁴ взят с рисунка, сделанного мистером Миясаки, студентом Kaikoshia, частной школы архитектуры в Токио, и выставленного вместе с другими планами на последней Международной выставке здравоохранения и образования, проходившей в Лондоне. Благодаря доброте г-на С. Тедзимы, японского комиссара, я получил возможность изучить эти планы.

На этом плане близкие параллельные линии обозначают веранды; толстые линии - постоянные перегородки; а маленькие черные квадраты - вертикальные столбы. Линии *седзи* и *фусума* показаны тонкими линиями, которые вместе с толстыми линиями обозначают границы комнат, проходов и т.д.

Здесь можно дать более подробное описание циновок. Краткое упоминание о них уже было сделано в разделе "Замечания по строительству домов". Эти циновки, или *татами*, очень тщательно изготавливаются из соломы, скручиваются и перевязываются прочной бечевкой толщиной в два дюйма или более, причем верхняя поверхность покрывается соломенной циновкой, точно такой же, как знакомые нам циновки Кантон, хотя в лучшем классе циновки немного более высокого качества. Края обрезаны ровно и квадратно, а две более длинные стороны окаймлены по верхней поверхности и краю полосой черного полотна шириной не менее дюйма (рис. 100).

Изготовление циновок - совершенно отдельное занятие от изготовления соломенных циновок, которыми они покрыты. Изготовителя ковриков часто можно увидеть за работой перед своей дверью, присевшим на корточки у низкой рамы, на которую опирается коврик.

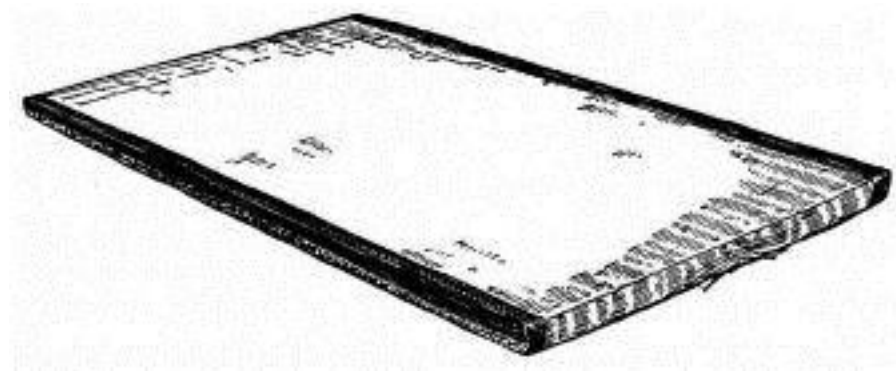

Рис. 100.—Мат.

Как мы уже отмечали ранее, архитектор неизменно планирует свои комнаты так, чтобы в них помещалось определенное количество циновок; и поскольку эти циновки имеют определенный размер, любое указание на плане количества циновок, которые должны быть в комнате, сразу же указывает и на ее размеры. Маты укладываются в следующих количествах—два, три, четыре с половиной, шесть, восемь, десять, двенадцать, четырнадцать, шестнадцать и так далее. В комнате с двумя ковриками коврики укладываются рядом. В комнате с тремя ковриками коврики могут быть уложены рядом или два коврика в одну сторону, а третий коврик - крест-накрест в конце. В комнате с четырьмя с половиной циновками циновки укладываются так, чтобы половинка циновки была в одном углу. Комнаты с шестью и восемью циновками являются комнатами самого обычного размера; и это дает некоторое представление о небольших размерах обычной японской комнаты и дома: комната с шестью циновками имеет размеры примерно девять на двенадцать футов; комната с восемью циновками - двенадцать на двенадцать; и комната с десятью циновками - двенадцать на пятнадцать. Прилагаемый эскиз (рис. 101) показывает обычное расположение этих матов.

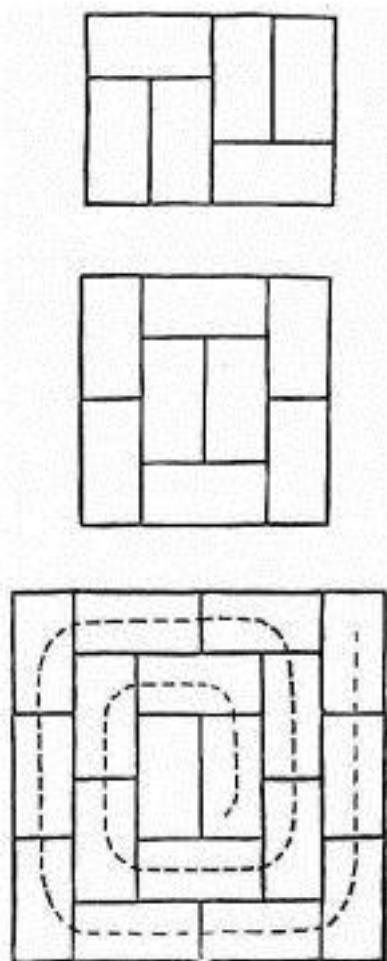

Рис. 101. Расположение ковриков в комнатах разного размера.

При подгонке матов к полу углы четырех матов никогда не должны сближаться, а должны располагаться так, чтобы углы двух матов упирались в боковую сторону третьего. Предполагается, что они расположены в направлении плотно намотанной спирали (см. Пунктирную линию на [рис. 101](#)). Края более длинных сторон обычных циновок перевязаны узкой полоской черного полотна, как уже отмечалось. В домах знати на этой бордюрной полосе нанесены черно-белые рисунки, как можно видеть из японских иллюстрированных книг, изображающих интерьеры. Эти циновки плотно прилегают друг к другу, и пол, на котором они лежат, никогда не будучи на виду, обычно сделан из грубых досок с открытыми стыками. Коврик, когда вы наступаете на него, слегка поддается давлению стопы, а старые коврики становятся слегка неровными и несколько жесткими от постоянного использования. Из-за особенностей этого мягкого коврика на полу никогда не носят обувь — японцы неизменно оставляют свои деревянные сабо снаружи дома, либо на ступеньках, либо на земляном полу у входа. Ношение своей обуви в доме - один из многих грубых способов, с помощью которых иностранец, скорее всего, оскорбит этих людей. Твердые каблуки ботинок не только оставляют глубокие вмятины в верхнем коврике, но и часто прорываются насквозь. К счастью, однако, акт снятия обуви при входе в дом является одним из очень немногих обычаев, которые признают иностранцы, — необходимость соблюдения слишком очевидна, чтобы оспаривать ее. Весной или во время продолжительного дождя циновки становятся влажными и покрытыми плесенью; а когда наступает солнечный день, их убирают и складывают, как открытки, перед домом для просушки. Их также время от времени вынимают и хорошо взбивают. Сама их природа предоставляет множество укрытий для блох, которые являются абсолютным бедствием иностранцев, путешествующих по Японии; хотя даже эта

досада обычно отсутствует в частных домах высших слоев общества, как в случае с аналогичными вредителями в нашей стране.

На этих циновках люди едят, спят и умирают; они представляют собой кровать, стул, гостиную, а иногда и стол вместе взятые. Опираясь на них, японцы принимают коленопреклоненное положение — ноги подвернуты под себя, а бедра опираются на икры ног и внутреннюю сторону пяток; пальцы ног повернуты внутрь так, что верхняя и внешняя части подъема опираются непосредственно на маты. На рис. 102 изображена женщина в позе сидя. У пожилых людей часто можно заметить мозоль на той части стопы, которая соприкасается с ковриком, и, если бы не знание обычаев народа в этом вопросе, можно было бы задаться вопросом, как такое затвердение плоти могло произойти в таком странном месте. Эта поза настолько болезненна для иностранца, что он может привыкнуть к ней только после большой практики. Даже японцам, которые пробыли за границей несколько лет, чрезвычайно трудно и болезненно возобновить эту привычку. С таким отношением японцы принимают свою компанию. Рукопожатие неизвестно, но поклоны различной степени глубины совершаются путем сложения рук вместе на циновках и склонения до тех пор, пока голова часто не коснется рук. Во время этой церемонии спина должна быть параллельна полу, или почти параллельна.

Рис. 102. Положение женщины в положении сидя.

Во время приема пищи еду подают в лакированных и фарфоровых блюдах на лакированных подносах, которые ставят на пол перед коленопреклоненной семьей; в таком положении и принимается за трапезу.

На ночь на пол расстилается толстое стеганое одеяло; еще одно такое же толстое покрывало используется для одеяла, миниатюрная подушка для поддержки головы - и кровать застелена. Утром эти вещи убираются в большой шкаф. В дальнейшем будет сделана ссылка на постельное белье в соответствующем месте.

Коврики хорошего качества можно изготовить за полтора доллара за штуку, хотя иногда они стоят три-четыре доллара и даже дороже. Самые дешевые циновки стоят от шестидесяти до восьмидесяти центов за штуку. Циновки для всего дома, представленные на плане рис. 97-й стоил пятьдесят два доллара пятьдесят центов.

Раздвижные ширмы уже упоминались, и поскольку они являются столь важной и отчетливой особенностью японского дома, необходимо их более подробное описание. В наших американских домах перемычка - это горизонтальная балка, расположенная над дверью; она обшита деревом и имеет косяк или углубление, соответствующее вертикальным углублениям, в которые закрывается дверь. Для наглядности мы можем представить

перемычку, проходящую полностью через комнату из одного угла в другой, и это *камои* японской комнаты. Балка не имеет коуха. На его нижней поверхности проходят две глубокие и близко параллельные канавки, а непосредственно под этим *камои* на полу видна деревянная поверхность, в которой есть две чрезвычайно неглубокие канавки. Эта поверхность находится на одном уровне с матами, и в этих канавках проходят сита. Канавки в *камо* выполнены глубокими, чтобы сита можно было поднимать из пазов пола, а затем опускать из верхних и, таким образом, снимать. Таким образом, несколько комнат можно быстро превратить в одну, сняв ширмы. Паза расположены на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы ширмы могли отталкиваться друг от друга. Благодаря регулируемому характеру этих раздвижных перегородок человек может иметь проем между комнатами любой ширины по своему желанию.

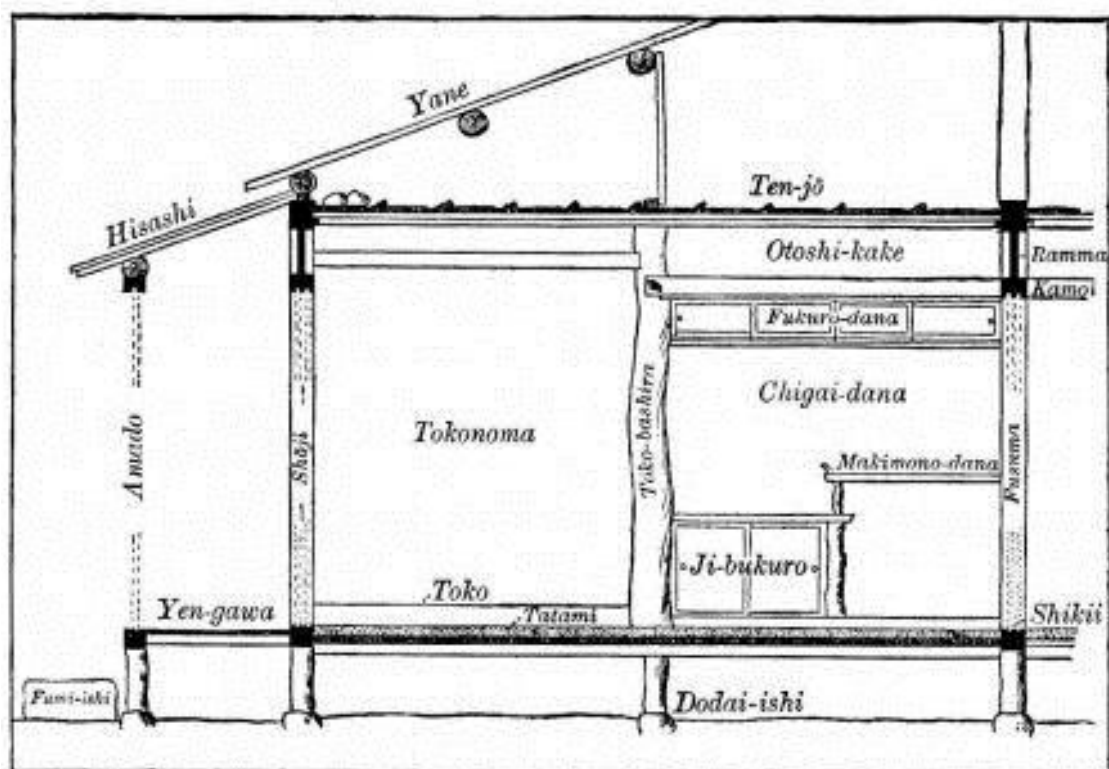

Рис. 103.—Секция, проходящая через веранду и гостевую комнату.

Существует две формы этих раздвижных экранов: один вид, называемый *фусума*, образует перегородки между комнатами; другой вид, называемый *седзи*, устанавливается на внешних сторонах комнат рядом с верандой и заменяет окна (рис. 103).

Те *Фусума*, образующие подвижные перегородки между комнатами, с обеих сторон оклеены плотной бумагой; а поскольку в прежние времена для этой цели было принято использовать китайскую бумагу, эти приспособления также называются *кара-ками*, — “фарфоровая бумага”. Рама мало чем отличается от рамы, используемой для наружных экранов, состоящей из тонких вертикальных и горизонтальных деревянных полосок, образующих решетку, с сетками шириной четыре или пять дюймов и высотой два дюйма. Внешняя рамка или бордюр обычно остаются простыми, как и в случае с большинством их изделий из дерева. Однако нередко можно увидеть, что эти рамы покрыты лаком. Материал, используемый для их покрытия, состоит из прочной, толстой и долговечной бумаги; и она часто богато декорирована. Иногда непрерывная сцена растягивается подобно панораме по всей стене комнаты. В старых замках сохранилось несколько знаменитых картин на этих

фусуме, написанных известными художниками. Использование тяжелого сусального золота в сочетании с росписью создает неопиcуемый декоративный эффект. В домах простолюдинов *фусума* часто не украшены ничем, кроме покрывающей их бумаги; а материал для этой цели бесконечен в своем разнообразии— некоторые виды причудливо сморщены, в текстуру других видов, кажется, вплелись тонкие зеленые нити каких-то морских водорослей; в то время как у других видов бумага все еще покрыта густыми коричневыми оболочками побегов бамбука, что создает причудливый и приятный эффект. Часто бумага совершенно обычная; и если случайно в дом приходит друг-художник, его просят оставить на этих поверхностях какой-нибудь небольшой набросок на память о его визите: другие, возможно, уже покрыли участки поверхности каким-нибудь пейзажем или букетом цветов. В старых гостиницах ему часто указывали на работы какого-нибудь известного художника, который, вероятно, таким образом оплачивал свой счет.

Хотя *фусума* почти всегда покрыты плотной и непрозрачной бумагой, иногда случается, что в задней комнате требуется свет; в этом случае, хотя верхняя и нижняя треть *фусума* сохраняет свой обычный вид, в центральную треть вставлены *седзи*, то есть небольшая рамка, покрытая белой бумагой, через которую проникает свет, как через внешние экраны. Эта рамка съемная, так что при необходимости ее можно снова покрыть бумагой. Эта рамка часто изготавливается с орнаментальными узорами, распространенными являются геометрические или натуральные узоры. Летом в *фусуме* может быть заменен другой вид *рамы*, называемой *еси-до*, в которой вместо бумаги используется своего рода камыш, называемый *йоши*; *йоши* помещается в плотную решетку, через которую имеет свободный доступ воздух и может проникать немного света. *Фусума* может быть полностью составлена из *йоши* и соответствующей рамы для ее удержания. Один из таких представлен на [рис. 104](#). Нижняя часть состоит из панели из темного кедра, в которой вырезаны или перфорированы фигурки летучих мышей; над этой панелью расположены поперечные перекладки из светлого кедра, а по краю рамы расположена плотная решетка из коричневого тростника, расположенная вертикально; вверху находится широкое пространство, пересеченное единственным корнем бамбука. *Йоши* напоминает миниатюрный бамбук, стержни размером с обычную пшеничную соломинку и имеют теплый коричневый оттенок. Это во многом используется при отделке интерьеров, и использование столь хрупкого и деликатного материала в отделке дома является одним из многих свидетельств спокойных и обходительных манер японцев.

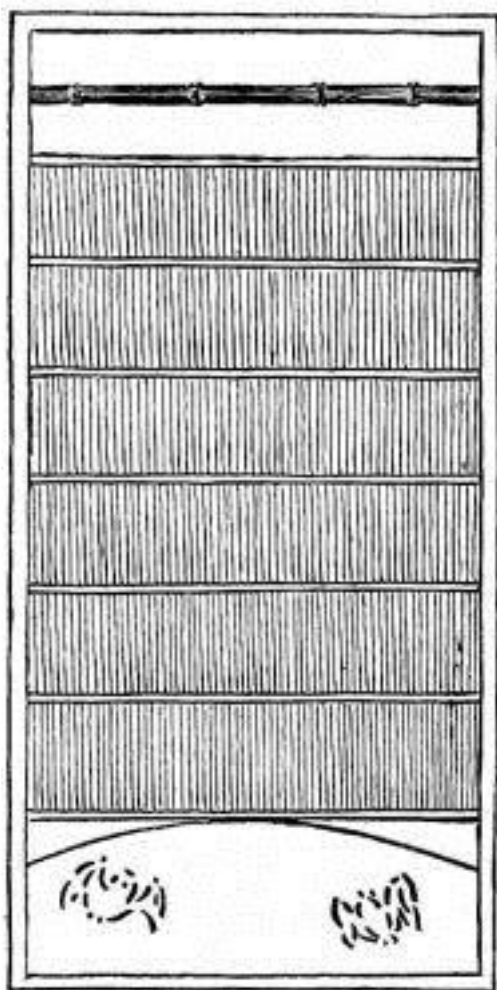

Рис. 104. Тростниковый экран.

Часто возникает узкая постоянная перегородка, в которой есть проем шириной в один *фусума*, — который заменяет нашу распашную и хлопающую дверь. В этом случае *fusuma* представляет собой более прочную конструкцию. Та, что показана на [рис. 105](#), по своей природе является дверью, поскольку она закрывает проем, ведущий из прихожей в другие квартиры дома. Богатый и разнообразный эффект достигается за счет использования и расположения светлого и темного бамбука и крупнозернистого дерева, центральные панели выполнены из темного кедра. В вестибюле часто можно увидеть раздвижные ширмы, состоящие из цельной панели из крупнозернистого кедра.

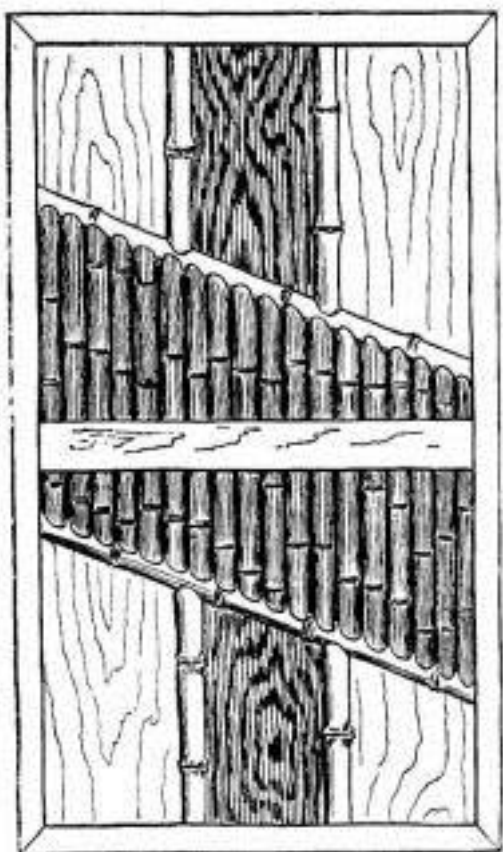

Рис. 105.—Раздвижная панель.

Приспособления для откидывания *фусумы* устанавливаются различными способами; обычная форма состоит из овальной или круглой пластины из тонкого металла с углублением, вставляемой в *фусуму* примерно в том же положении, в каком у нас находилась бы дверная ручка. Они называются *хикитэ*, и часто представляют собой прекрасные образцы обработки металла, покрытые искусной резьбой и иногда эмалью. Те же причуды и изыски в орнаменте, которые можно увидеть в других их работах, в полной мере проявляются в дизайне *хикитэ*. На рис. 106 изображен один из домов знати; его рисунок представляет собой чернильный камень и две кисти, причем кисти посеребрены и покрыты лаком, а в углублении выгравирован дракон. На рис. 107 изображен один из них, сделанный из меди, в котором листья и ягоды покрыты эмалью; листья зеленые, а ягоды красные и белые. На рис. 108 и 109 показаны более вычурные, а также более дешевые формы, рисунки штампованы, а не вырезаны вручную. Иногда *хикитэ* изготавливаются из фарфора. В более дешевых формах *фусума* the *hikite* состоит из углубления в бумаге, образованного модификацией самой рамки. На иллюстрациях изящных интерьеров часто можно заметить форму *хикитэ*, с которой свисают два коротких шелковых шнура, завязанных определенным образом, на концах которых есть кисточки. Из-за почти повсеместного присутствия их в старых иллюстрированных книгах можно предположить, что раньше шнур был обычной ручкой, за которую *фусума* тянули взад и вперед, и что они постепенно вышли из употребления, осталась только металлическая пластина с углублением. Эту форму *хикитэ* редко можно увидеть в наши дни, хотя в нескольких домах старых дайме она сохранилась до сих пор. На рис. 110 представлены две формы, скопированные из книги под названием “Татегу Хинагата”.

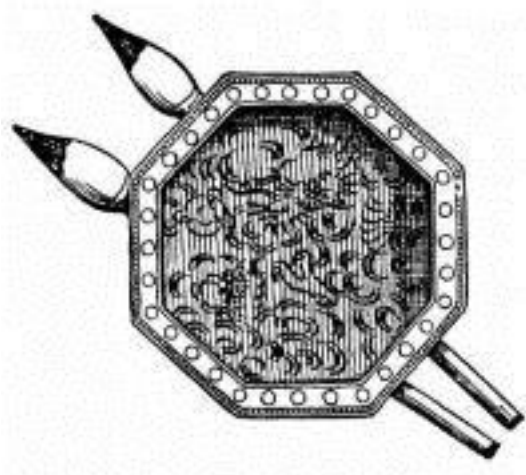

Рис. 106.—Хикитэ.

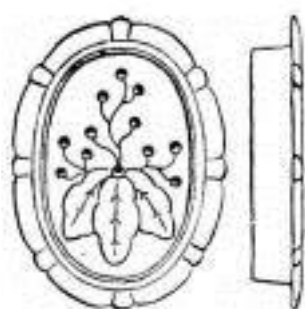

Рис. 107.—Хикитэ.

Рис. 108.—Хикитэ.

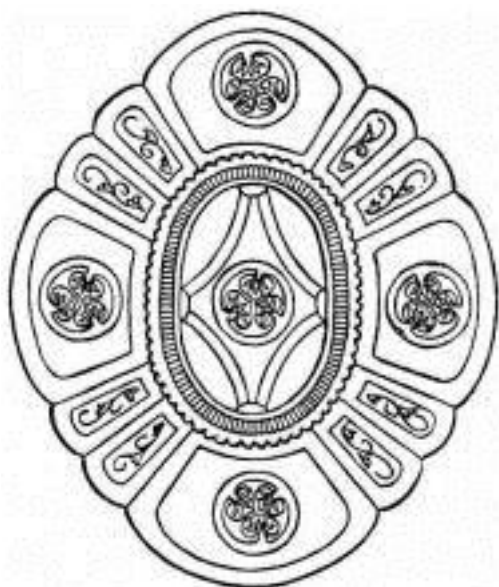

Рис. 109.—Хикитэ.

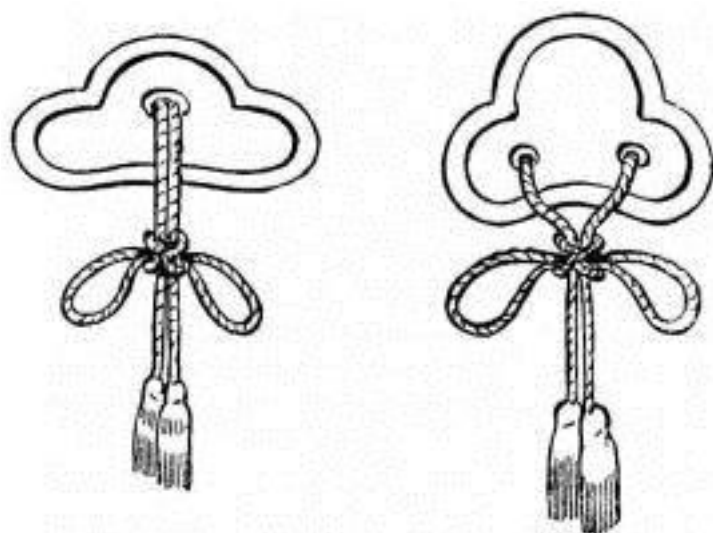

Рис. 110.Хикитэ со шнуром.

Наружные экраны, или *седзи*, которые заменяют наши окна, - это те экраны, которые окаймляют веранду или выходят с этой стороны комнаты к внешней стене дома. Они состоят из легкого каркаса, сделанного из перекрещивающихся и подогнанных друг к другу тонких деревянных брусков, оставляющих небольшие прямоугольные промежутки. Нижняя часть *седзи*, на высоте фута от пола, обычно представляет собой деревянную панель для защиты от неосторожных шагов, а также для укрепления каркаса. *Седзи* снаружи обернуты белой бумагой. Единственный свет, который попадает в комнату, когда *седзи* закрыты, проникает через эту бумагу, и комната заливается мягким рассеянным светом, который очень приятен. *Хикитэ* для отодвигания *седзи* назад расположено в одном из прямоугольных пространств, заклеенных обоями с противоположной стороны, таким образом оставляя удобное углубление для пальцев.

Иногда в бумажном покрытии *седзи* случайно образуются небольшие дырочки или прорехи; и при починке этих мест японцы, всегда верные своему художественному чувству, устраняют повреждения не квадратными кусочками бумаги, как, вероятно, следовало бы нам, а вырезая красивые рисунки в виде цветов вишни или сливы и латая ими прорехи. Наблюдая за этим

художественным приемом, я часто задавался вопросом, как, должно быть, выглядят разбитые стекла некоторых наших загородных домов для японцев, — ремонт производится с помощью грязных мешков, набитых соломой, или, чаще, потрепанных шляп, заткнутых в щели. Иногда рама *седзи* пружинит или теряет свою истинную прямоугольную форму; это исправляется путем вставки через определенные промежутки времени в ячейки каркаса эластичных полосок бамбука, и постоянное давление этих полосок в одном направлении приводит к тому, что рама снова выпрямляется. Рис. 111 иллюстрирует внешний вид этого; изогнутые линии представляют эластичные полосы.

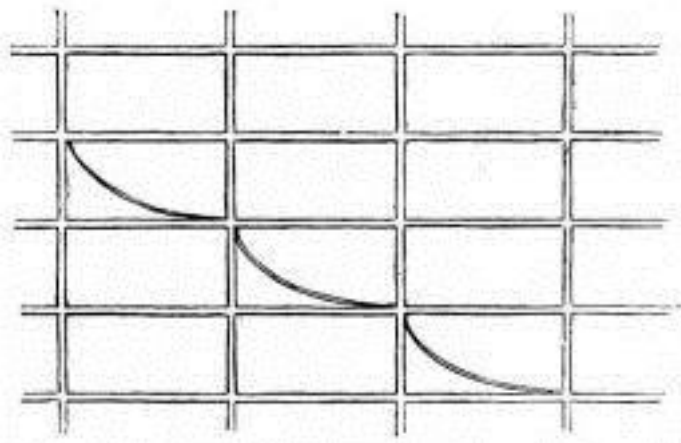

Рис. 111. Выпрямление рамы *седзи*.

В *седзи* использовано бесчисленное множество дизайнов; и в этом, как и во многих других частях интерьера, японцы проявляют безграничный вкус и изобретательность. Рис. 112 иллюстрирует одну из таких орнаментальных форм. В настоящее время в городах часто можно увидеть узкую полоску оконного стекла, вставленную поперек *седзи* примерно в двух футах от пола. На первый взгляд кажется странным видеть его расположенным так низко, пока не вспоминаешь тот факт, что заключенные сидят на матах, и стекло в таком положении находится на одном уровне с линией их обзора. Как правило, конструкции для *седзи* более просты, чем те, которые используются для определенных наружных проемов, которые можно рассматривать как окна, в то время как те, которые закрывают проемы между комнатами, наиболее сложны и вычурны. Однако дальнейшие ссылки на них будут сделаны в соответствующем месте.

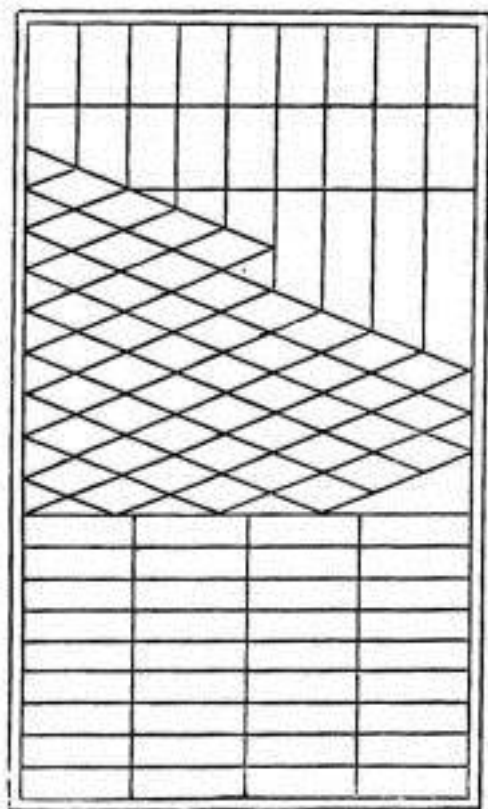

Рис. 112. Седзи с орнаментальной рамкой.

Было необходимо предвосхитить специальное описание деталей комнаты в той мере, в какой это касалось описания циновок и ширм, поскольку общее представление об интерьере не могло быть хорошо понято без четкого понимания природы тех предметов, которые составляют неотъемлемые элементы каждой японской комнаты и которые так непохожи ни на что, к чему мы привыкли. Учитывая эти особенности, возможно, было бы неплохо взглянуть на общий вид нескольких типичных комнат, прежде чем углубляться в детали их отделки.

Комната, показанная на [рис. 96](#) дает четкое представление о внешнем виде гостевой комнаты с ее двумя нишами, *токонома* и *чигай-дана*, - одна из которых, *токонома*, представляет собой прозрачную нишу, в которой обычно висит картина; а в другой находится небольшой шкаф с полкой и дополнительная полка наверху, закрываемая раздвижными дверцами. набросок был взят из соседней комнаты, *фусума* между ними была удалена. Пазы для *фусумы* видны в полу и в *камои* над головой. Дальняя ниша называется *токонома*, что буквально означает "спальное место". Предполагается, что это углубление или, по крайней мере, его приподнятая платформа в древности использовалась как спальное место.¹⁵

Давайте остановимся на мгновение, чтобы рассмотреть особенности этой комнаты. Перегородка, разделяющая два углубления, имеет в качестве столба деревянную палку, с которой снята только кора; и эта палка, или *токо-башира*, как ее называют, почти всегда представляет собой деревянную палку в ее естественном состоянии или только со снятой корой; и если она сучковатая или извилистая по структуре, или если на ней имеются сучки или мешковины, это тем более желательно. Иногда столб может быть обтесан таким образом, что в сечении он имеет восьмиугольную форму, причем разделка производится широкими полосами, что придает ему своеобразный вид, как показано на [рис. 113](#). Иногда столб может иметь одну или две ветви наверху, которые встроены в конструкцию в качестве

декоративного элемента. Потолок в *токонома* обычно, если не всегда, находится на одном уровне с потолком комнаты, в то время как в *чигай-дана* он намного ниже. Пол в *токонома* выше, чем в *чигай-дана*, и его подоконник может быть шероховатым или отделанным; и даже при ровной отделке может остаться какая-то естественная поверхность из-за изгиба палки, из которой он был вытесан и которая была выбрана именно с учетом этой особенности, — особенность, кстати, которую наши плотники сочли бы недостатком. Пол в *токонома* почти всегда представляет собой полированную доску; пол в *чигай-дана* также сделан из полированного дерева. Большая и глубокая *токонома* может иметь коврик или *татами*, вделанный в пол; и обычно он окаймлен белой полосой, а не черной, как у напольных *татами*. *Татами* в этом месте можно найти в домах дайме.

Рис. 113.— Часть Токо-Баширы.

Рис. 114, 115, 116 и 117. Гвозди с декоративными головками.

Над *токономой* расположена готовая балка на фут или более ниже потолка, при этом пространство над ней оштукатурено, как и стены обоих ниш. Аналогичная балка пересекает *чигаи-дану* на несколько более низком уровне. При соединении поперечной балки *чигаи-дана* с *токо-башира*, а также при соединении других горизонтальных балок со стойками используются гвозди с декоративными головками. Они часто изготавливаются из искусно обработанного металла, представляющего различные естественные или традиционные формы. На рис. 114, 115, 116 и 117 представлены некоторые из используемых более дешевых форм; они сделаны из литого металла, более тонкие линии были вырезаны только вручную. Эти гвозди, или *казари-куги*, носят строго декоративный характер и имеют только шпорку сзади, чтобы закрепить их в дереве.

Перегородка, разделяющая эти две ниши, часто имеет декоративное отверстие либо в виде небольшого окошка, зарешеченного бамбуком, либо оставленного открытым; или это отверстие может находиться у пола, а его граница сделана из изогнутой деревянной палки, как на рисунке, который мы сейчас описываем.

В *chigai-dana* всегда есть одна или несколько полок, расположенных чередующимся образом, обычно сплошная полка наверху закрывается раздвижными дверцами. Небольшой

шкаф на полу в углу ниши также закрыт ширмами, как показано на рисунке. Для этого могут использоваться палочки причудливой формы или тщательно отполированное дерево.

Эта комната очень четко иллюстрирует особенность японского декора — стремление избегать, насколько это возможно, двусторонней симметрии. Здесь две комнаты одинакового размера и формы, с единственной разницей, заключающейся в том, что в дальней комнате есть две ниши, в то время как в ближайшей комнате есть большой шкаф, закрытый раздвижными ширмами. Следует, однако, заметить, что в дальней комнате узкие полоски дерева, на которые опираются доски потолка, проходят параллельно *токономе*, в то время как в ближайшей комнате полоски проходят под прямым углом. Циновки в двух комнатах, хотя и расставлены обычным образом для комнаты с восемью циновками, расположены противоположно; то есть, поскольку циновки перед *токонома* и *чигаи-дана* всегда параллельны этим углублениям, остальные циновки расставлены в соответствии с ними. В следующей комнате расположение ковриков, хотя и остается таким же, два коврика расположены параллельно линии, разделяющей комнаты, и, конечно, другие коврики в соответствии с ними. Эта асимметрия, конечно же, проявляется в двух нишах, которые непохожи друг на друга во всех деталях — их полы, а также нижние границы подвесных перегородок находятся на разных уровнях. И в деталях *чигаи-дана* симметричного расположения почти неизменно избегают, маленький шкаф на полу находится с одной стороны, в то время как полка, опирающаяся на единственную опору, проходит от угла этого шкафа до другой стороны ниши; и если добавляется еще одна полка, она располагается столь же несимметрично. Фактически везде, в ковриках, потолке и других деталях, тщательно избегается двусторонняя симметрия.

Насколько по-разному трактовались аналогичные элементы в отделке американских номеров! Повсюду в наших квартирах, коридорах, школьных корпусах, внутри и снаружи, монотонная двусторонняя симметрия продумана до мельчайших деталей, даже до парных скобок и выемок. Камин находится в центре комнаты, каминная полка и все работы, связанные с этим отверстием, с болезненной точностью продублированы по обе стороны от средней линии; каждое украшение на каминной полке разбито на пары, и расположены они одинаково; отдельный предмет, например французские часы, установлен в самом центре этой полки, так что каждая половина каминной полки получит свою половину часов; пара кресел внизу и портреты прародителей с каждой стороны вверху поддерживают это невыносимое однообразие; а напротив - два окна с задрапированные шторы, раздвинутые вправо и влево, и симметричный стол или шкаф между ними строго соответствуют этой бессмысленной схеме. А снаружи монотонность еще более ужасна, даже в отношении заборов, проезжей части и цветочных клумб; действительно, в соответствии с этим бессмысленным упорством традиционных методов вводятся фальшивые окна. В течение десяти лет среди высшего класса американских домов был достигнут определенный прогресс в отказе от этой ложной и утомительной идеи, и наши дома выглядят еще красивее благодаря этим изменениям. В отделке мы также добились больших успехов в том же направлении, благодаря влиянию японских методов.

Хотя только что приведенное общее описание *токонома* и *чигаи-дана* можно рассматривать как типичное для преобладающих черт этих углублений, тем не менее их формы и особенности бесконечно разнообразны. Действительно, редко можно встретить расположение полок и шкафов в *чигаи-дане* одинаковым в любых двух домах, как это будет видно при изучении следующих рисунков. Обычно эти два углубления расположены рядом и проходят под прямым углом к веранде, *токонома* почти всегда находится рядом с верандой.

Иногда, однако, эти две ниши могут располагаться под прямым углом друг к другу, выходя в угол комнаты вдали от веранды. *Токоному* можно увидеть и без сопутствующей ниши, а иногда она может занимать всю половину комнаты, и в этом случае нередко в ней размещается набор из двух или трех картин. Когда эти углубления располагаются рядом, обычно перед каждым углублением кладут целый коврик. Почетный гость садится на циновку перед *токономой*, в то время как следующий почетный гость занимает циновку перед *чигай-даной*.

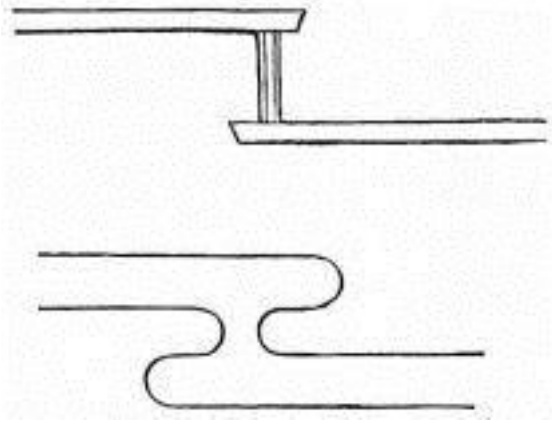

Рис. 118.—Полки, контрастирующие с обычным рисунком тумана или облаков.

Это углубление имеет множество названий, в зависимости от формы и расположения полок. Обычно его называют *чигай-дана*, — слово *чигай* означает “другой”, а *дана* - “полка”, поскольку полки расположены попеременно. Его также называют *усукасуми-дана*, что означает “тонкая туманная полка”, - полки в данном случае расположены таким образом, что они часто условно изображают туман или облака, как показано на формальных рисунках этих объектов (рис. 118), в которых верхний контур показывает форму полки, а нижний контур - обычный рисунок облака. Когда видна только одна полка, ее можно назвать *ити-йо-дана*; форма полки предполагает такие названия, как полка из ивовых листьев, полка для рыбы и т.д. В этой нише, как мы видели, обычно находятся полки и шкаф; и расположение их почти такое же бесчисленное, как и домов, в которых они находятся, — по крайней мере, редко можно увидеть два одинаковых. Выступ в *чигай-дана*, имеющий ребро или выступающую часть на свободном конце, называется *маки-моно-дана*. На этой полке размещены длинные свитки с картинками, называемые *маки-моно*; церемониальная шляпа также была помещена на одну из полок. На шкаф было принято класть лакированную шкатулку, в которой хранились чернильный камень, кисти и бумага. Эта шкатулка обычно отличалась богатым золотым лаком и рисунком. В домах знати верхняя часть шкафа также использовалась для хранения деревянной таблички, называемой *сяку*, - предмета, который в прежние времена носили дворяне в присутствии императора. В древности на нем делали записи, но в более поздние времена его носят только как форму придворного этикета. Подставку для мечей также можно разместить на шкафу. В честь выдающихся гостей подставка для мечей была установлена в *токонома* на самом почетном месте, то есть в середине его пола, или *токо*, перед висящей картиной, — хотя, если курильница занимала это место, то подставка для мечей располагалась сбоку. В то время как эти углубления обычно отделялись деревом в его естественном состоянии или просто строгались, в домах знати эта отделка часто покрывалась богатым лаком.

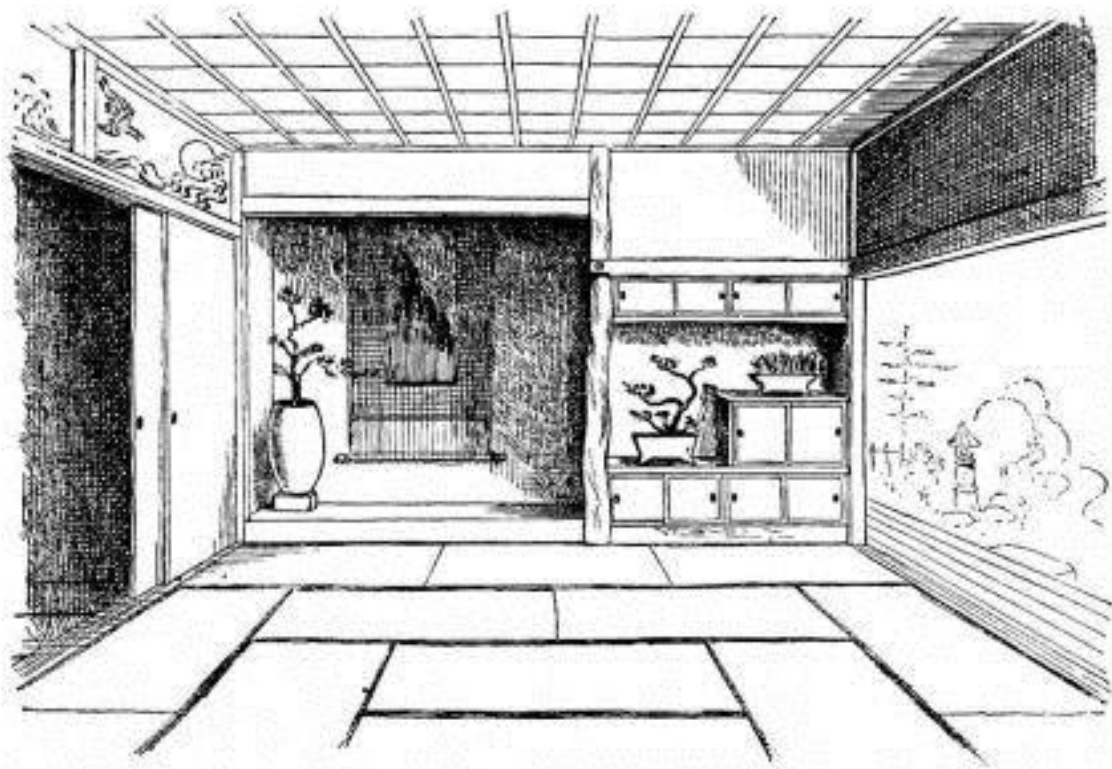

Рис. 119—Комната для гостей.

Возвращаясь к нашему описанию интерьеров, отметим своеобразную форму комнаты в доме джентльмена высокого ранга (рис. 119). Здесь *токонома* была намного больше, чем соседняя ниша, которая в данном случае находилась рядом с верандой. *Чигай-дана* была маленькой и низкой, а пространство под полками было отгорожено раздвижными ширмами, образующими шкафы. *Токонома* была большой и глубокой, а ее пол был покрыт циновкой или *татами*; ваза с цветами стояла сбоку.

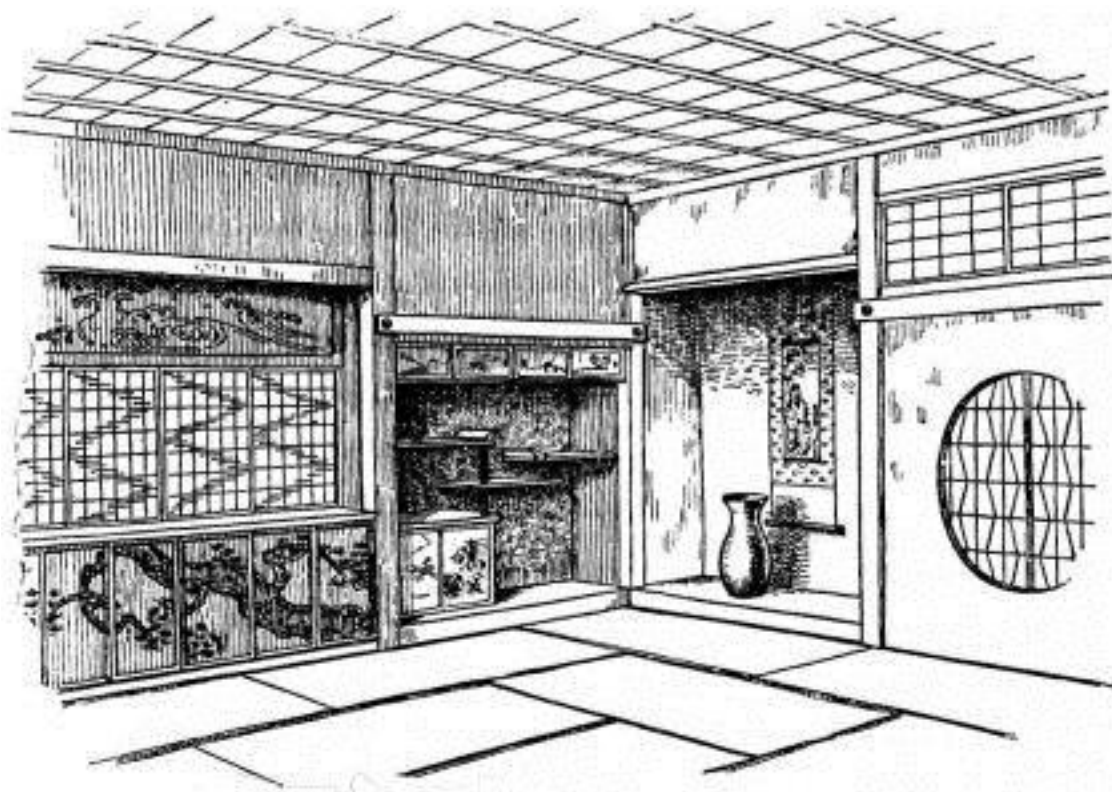

Рис. 120. Комната для гостей с нишами по углам.

Глубина *токономы* обычно определяется размерами помещения. Назначение этого углубления также всегда пропорционально — картины и ваза для цветов в только что описанном имеют большие размеры.

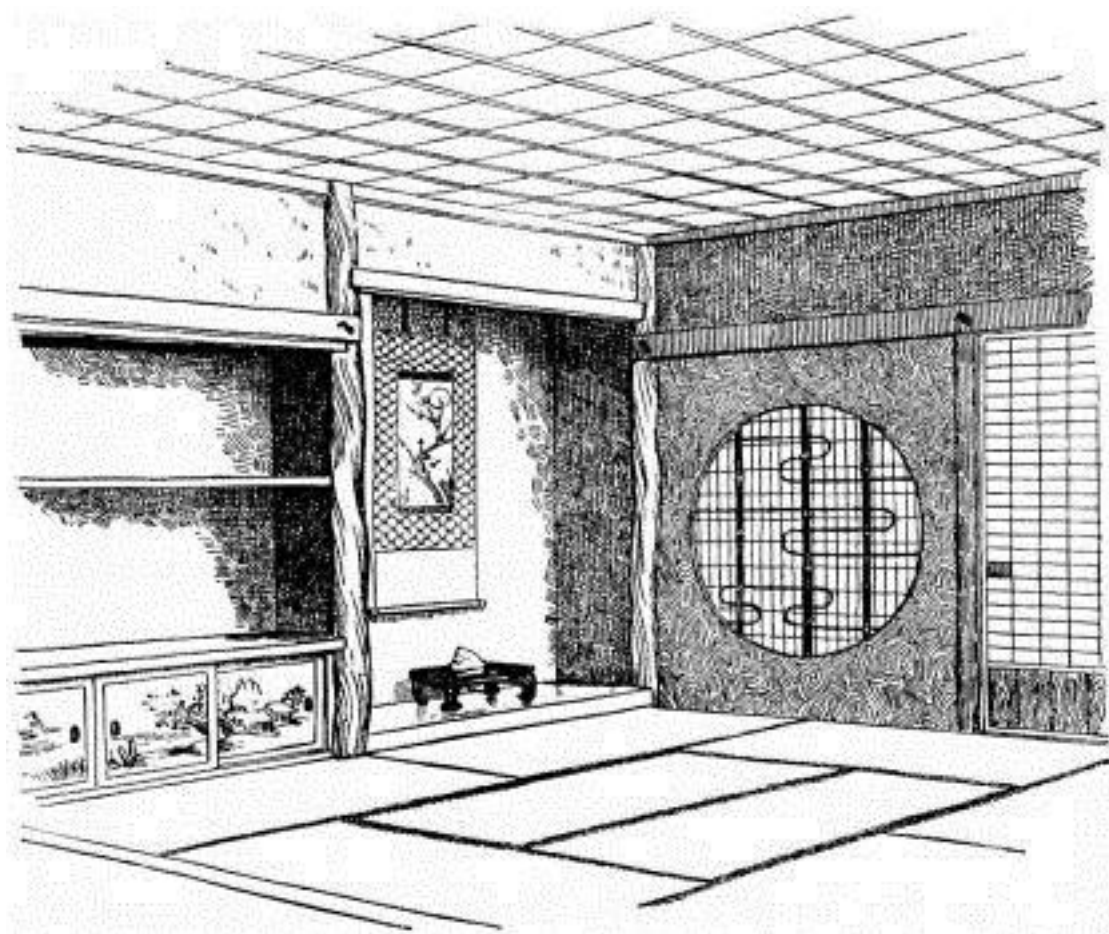

Рис. 121. Комната для гостей с круглым окном.

В просторном зале в Токио находится *токонома* шести футов в глубину и очень широкий. Вазы с цветами и картины в этой нише были колоссальными. В соседней комнате с последней фигурой *токонома* находилась в одном углу комнаты, а *чигаи-дана* находилась под прямым углом к ней. Справа от *токономы* находилась постоянная перегородка, в центре которой находилось круглое окно, закрытое *седзи*, которые расходились вправо и влево. *Седзи* могли проходить внутри перегородки или располагаться в рифленой раме с другой стороны стены. Над этим круглым окном и под потолком находилось длинное прямоугольное окно, также с *седзи*, которые можно было открывать для вентиляции. Слева от *чигаи-дана* располагался ряд глубоких шкафов, закрытых раздвижными ширмами; над ними находилась широкая полка, по верхней поверхности которой тянулись *седзи*, за которыми, когда их открывали, открывалась другая комната. Фриз этого углубления имел перфорированный рисунок в виде волн (рис. 120).

Какой бы строгой и простой ни казалась японская комната, на этом рисунке видно, как много в ней элементов декоративного оформления. Декоративные проемы или окна с разнообразными решетками, раздвижные ширмы и шкафы с богатыми эскизами пейзажей и деревьев, натуральное дерево — действительно, многие из этих элементов могли бы быть использованы в наших комнатах без каких-либо изменений.

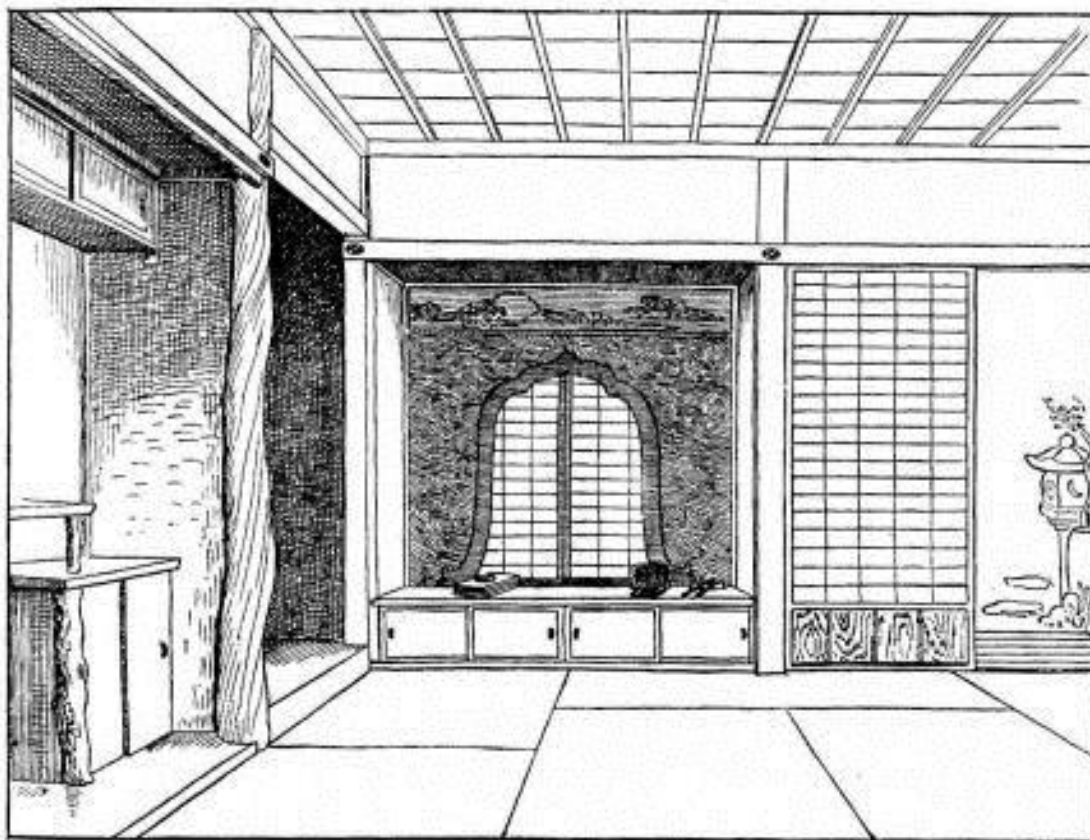

Рис. 122. Комната для гостей с письменным столом.

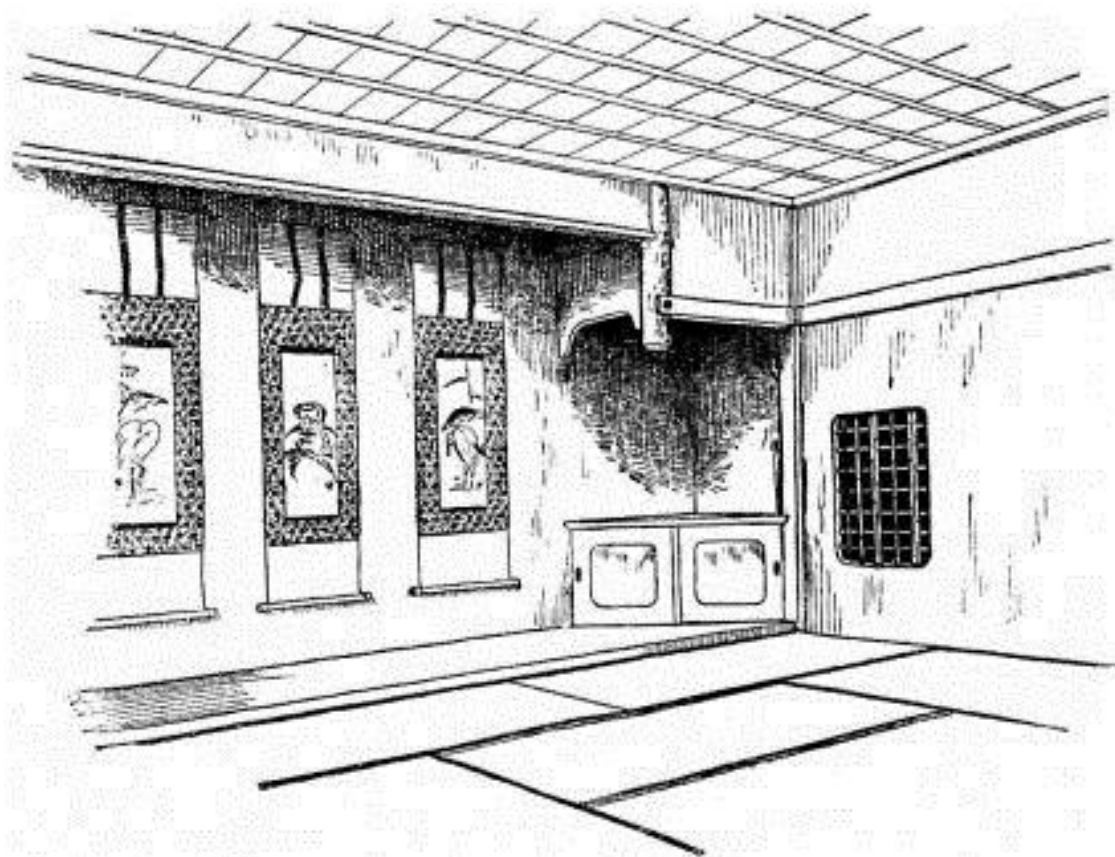

Рис. 123. Гостевая комната с широкой токономой.

В другой комнате (рис. 121) джентльмена, известного своим изобретением машины для намотки шелка, *токонома*, вместо того, чтобы выходить на веранду, была защищена постоянной перегородкой, занимающей половину стены комнаты, граничащей с верандой. В этой перегородке было большое круглое окно с изящной бамбуковой рамой. Это отверстие было закрыто снаружи *седзи*, которые висели на крючках и при необходимости могли быть сняты. В этом случае почетный гость, сидящий перед *токономой*, защищен от ветра и солнца, в то время как остальная часть зала может быть открыта. На месте этой перегородки в домах более высокого класса часто можно увидеть нишу с низкой полкой, со шкафчиками внизу и декоративным окном наверху. Это место для письма (рис. 122); а на полке размещены чернильный камень, бутылка для воды, подставка для кисти и кисточки, пресс-папье и другие принадлежности литератора. Наверху часто подвешивают колокольчик и деревянный молоток, чтобы при необходимости вызывать слуг. К перегородке наверху часто подвешивают вазу с цветами. За неимением оригинального эскиза, изображающего эту нишу, я адаптировал его из японской книги, озаглавленной “Дайку Тана Хинагата”, том II. Те, кому довелось видеть клубные комнаты Койокуан, наверняка помнят замысловатую и красивую панель геометрической работы, которая заполняет окно ниши такого рода.

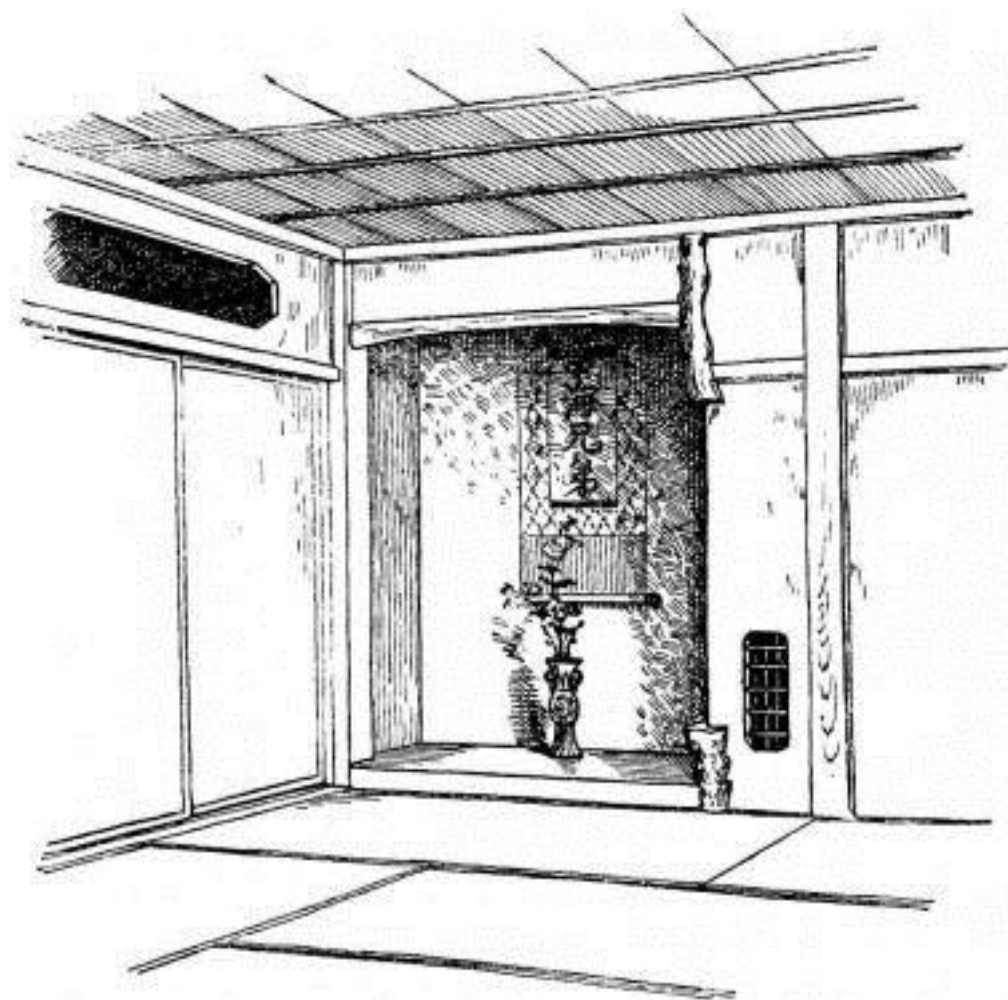

Рис. 124.—Небольшая комната для гостей.

На рис. 123 *tokonoma* occupies almost the entire side of the room, the *chigai-dana* и свисающая сверху небольшая перегородка с капюшоном; маленькое окно рядом с бамбуковой решеткой открывается в другую комнату за ней. *Токонома* такого типа доступна для отображения наборов из трех или четырех изображений. Эта комната находилась в доме бывшего дайме.

На следующем рисунке (рис. 124) у нас есть эскиз небольшой комнаты с *токономой*, выходящей на веранду, и без дополнительной ниши. Маленькое окошко у самого пола открывалось в *токоному*, которая простиралась за перегородкой до вертикальной балки. Столб, который образовывал одну сторону *токономы*, представлял собой грубую палку неправильной формы. Решение срезать большую его часть, хотя и вряд ли конструктивное, все же придало помещению причудливый эффект; в то время как поперечная балка *tokonoma*. обычно это квадратная и законченная балка, в данном случае находившаяся в естественном состоянии, была удалена только кора.

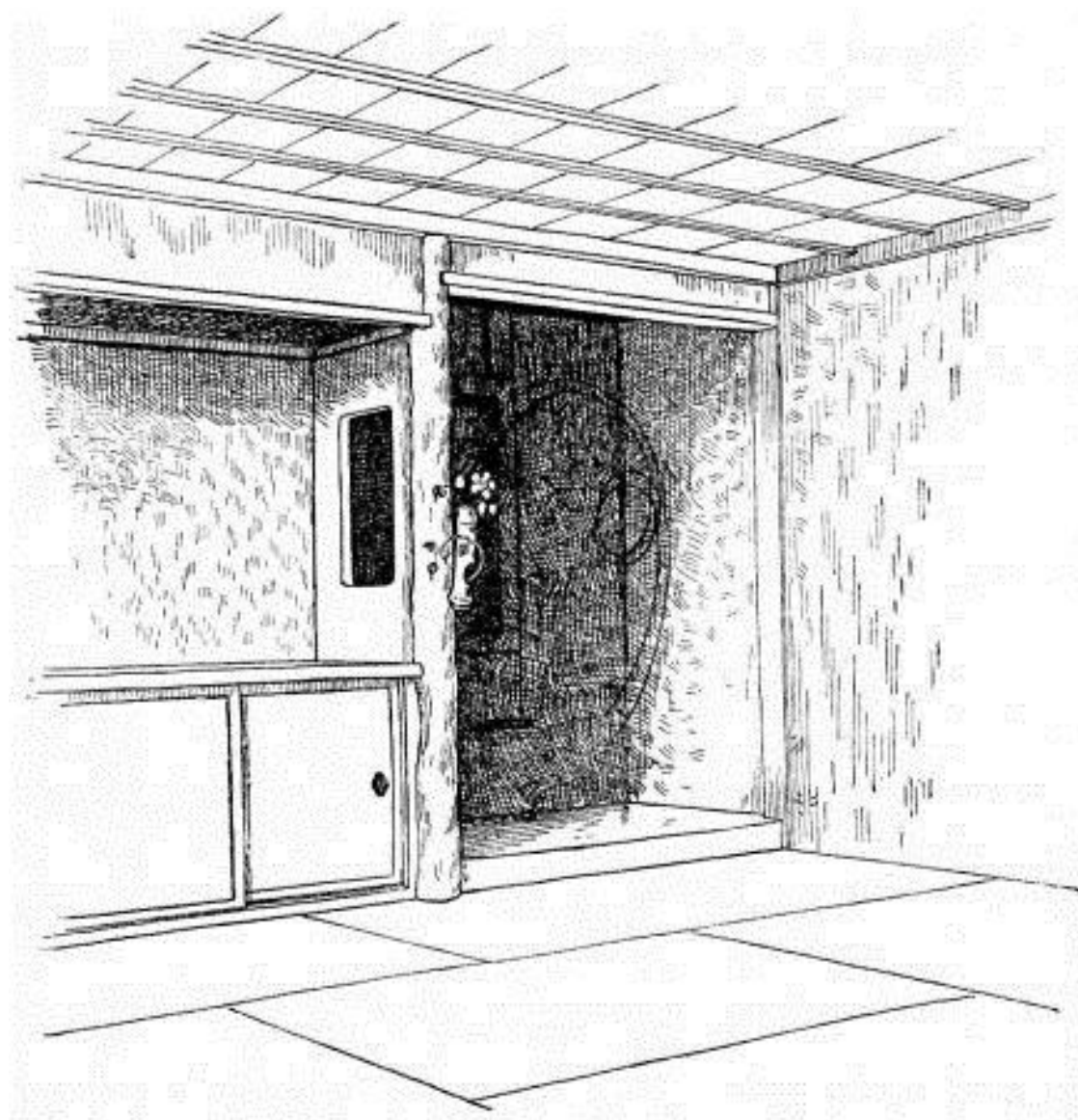

Рис. 125.—Гостевая комната жилого дома в Токио.

На рис. 125 показана комната самого простого описания; она была суровой в своей простоте. Здесь *токонома*, хотя и находилась на той стороне комнаты, проходящей под прямым углом к веранде, находилась в углу комнаты, в то время как *чигаи-дана* находилась рядом с верандой. Ниши были довольно глубокими — у *чигаи-дана* была одна широкая полка, такая же широкая, как глубина ниши, и она образовывала верхнюю часть просторного шкафа внизу. В перегородке, разделяющей эти две ниши, было длинное узкое прямоугольное отверстие. В маленькой бамбуковой подставке для цветов, подвешенной к

столбу *токо-баширы*, помимо нескольких цветов, были две длинные ивовые веточки, которые должны были изящно изгибаться перед *токономой*. Характер этой комнаты указывал на то, что ее владелец был любителем чайных церемоний.

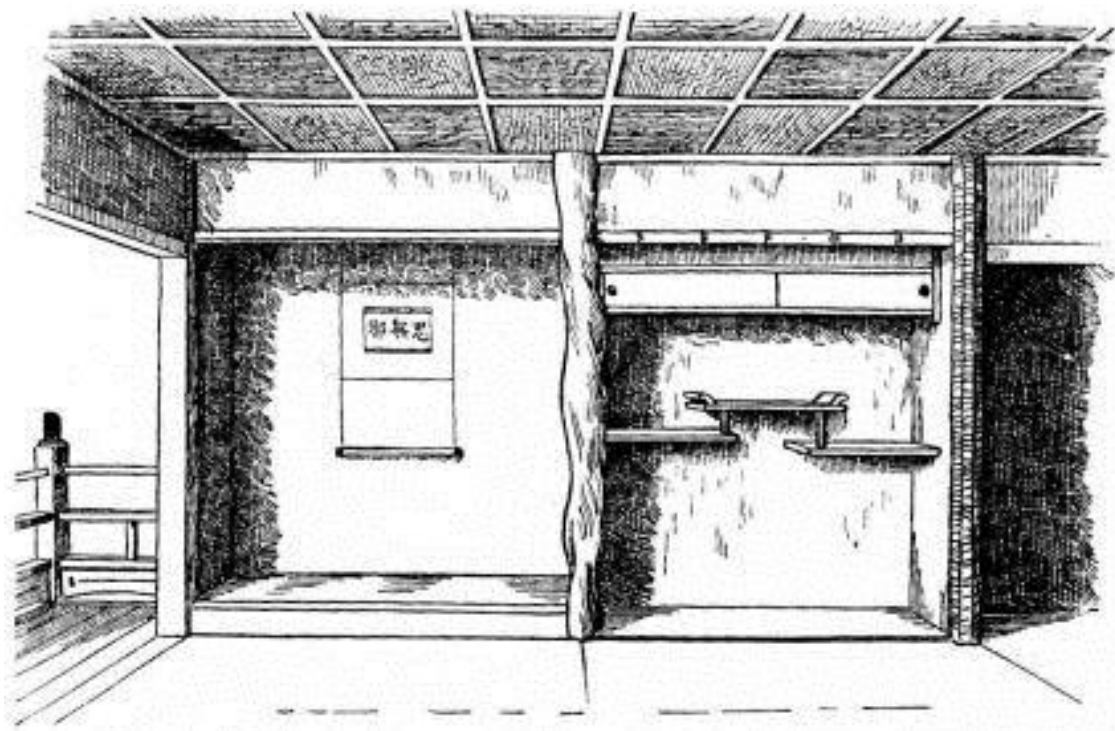

Рис. 126. Гостевой дом в Киемидзу, Киото.

Следующий рисунок (рис. 126) изображает комнату на втором этаже дома известного гончара в Киото. Эта комната отличалась чистотой отделки. *Токо-башира* представлял собой необычно изогнутую палку из какого-то твердого дерева, кора с которой была удалена, обнажая поверхность необычайной гладкости. Перегородка с капюшоном над *чигай-даной* имела нижнюю границу из насыщенного темно-коричневого бамбука; вертикальная деталь, образующая другую сторону *чигай-даны*, представляла собой черный столб восьмиугольной формы с причудливыми неправильными поперечными насечками на гранях. Раздвижные дверцы, закрывающие полку в этом углублении, были оклеены золотистой бумагой. *Хикитэ* состоял из секций бамбука, впущенных в поверхность. Штукатурка обеих ниш была насыщенного, теплого, янтарного цвета. Потолок состоял из больших квадратных панелей из старого кедра с богатой зернистостью. Эта комната была сравнительно современной, так как была построена в 1868 году.

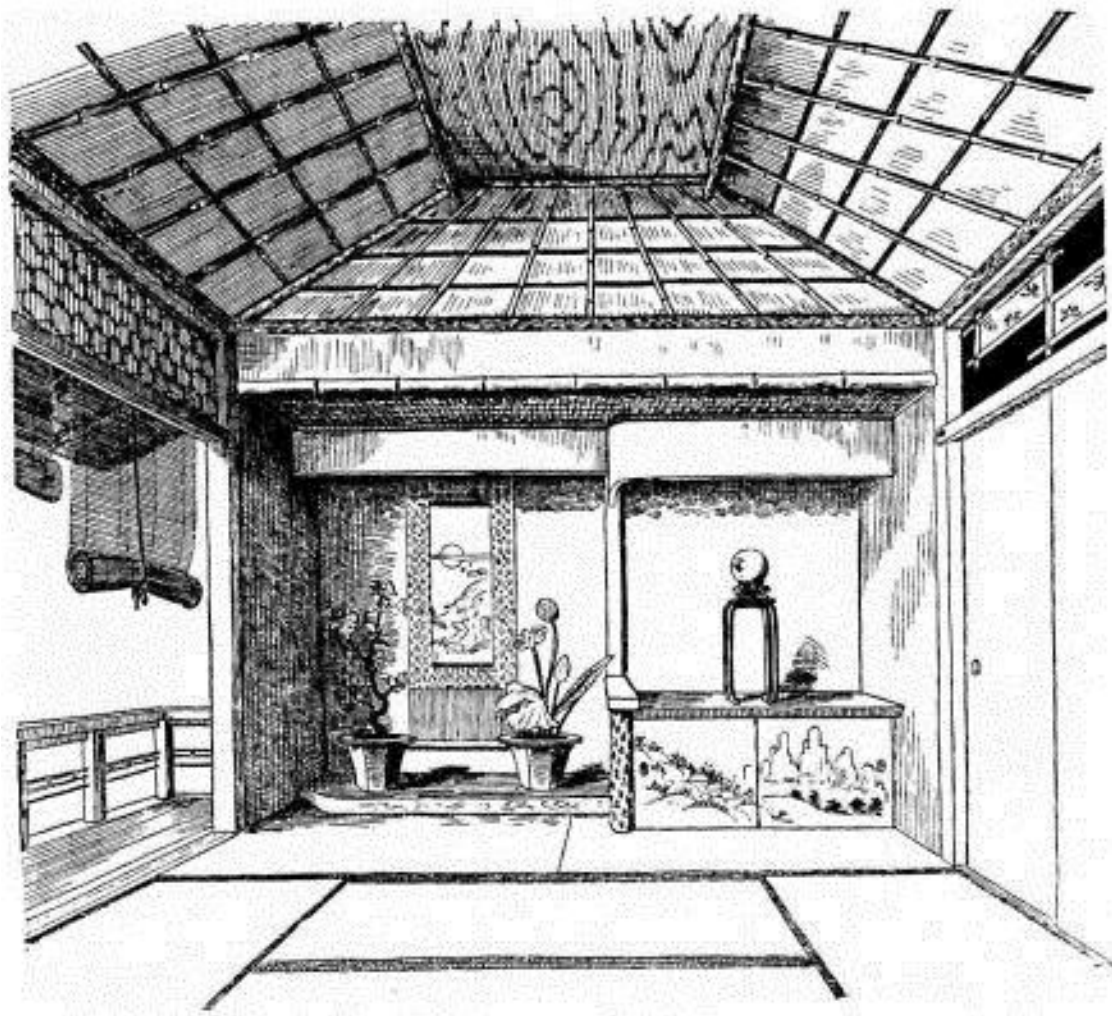

Рис. 127. Гостевая комната жилого дома в Токио.

На рис. 127 представлена комната на втором этаже дома в Токио. Ниши были удивительно богатыми и эффектными. Весь конец комнаты образовывал нишу с плетеным потолком; и внутри этой ниши находились *токонома* и *чигай-дана*, каждая из которых имела свою собственную перегородку с капюшоном на разном уровне и глубине, — вертикальная перегородка, обычно разделяющая эти ниши, была представлена только квадратной балкой у стены. Ссылка, однако, на рисунок даст более четкое представление об этих особенностях, чем любое описание. Потолок, который был весьма примечателен в своем роде, будет описан позже.

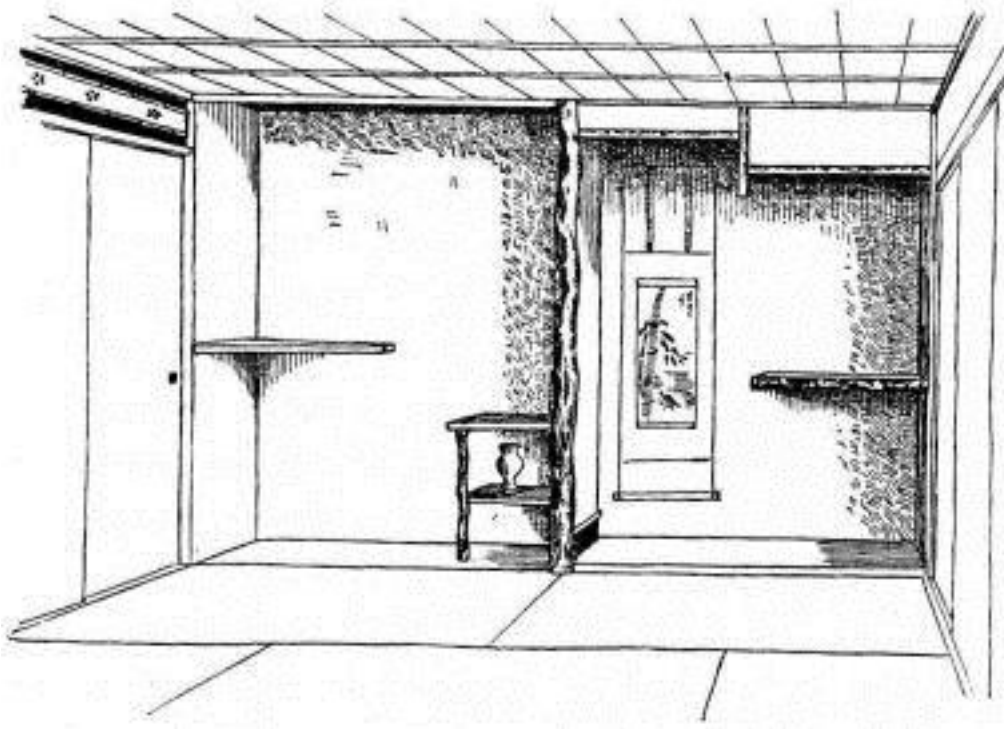

Рис. 128. Гостевая комната загородного дома.

Следующий интерьер (рис. 128) представляет комнату в загородном доме бедного класса. Углубления были самого простого описания. *Tokonoma* была любопытным образом модифицирована за счет пролома в перегородке вверху, а внизу эта модификация представляла собой полку, сделанную из черной, изъеденной червями доски, оставшейся от какого-то старого кораблекрушения. У *чигай-дана* в одном из углов была полка угловой формы, а в другом углу две маленькие полочки, поддерживаемые столбом. Пол этого углубления находился на одном уровне с циновками, в то время как пол *токонома* был лишь немного приподнят над этим уровнем.

Приведенные до сих пор рисунки интерьеров дают некоторое представление о бесконечном разнообразии дизайна, наблюдаемом в двух нишах, которые характеризуют лучшую комнату в доме. Типичная форма показана на рис. 96, и будет видно, насколько сильно эти заливы могут различаться по форме и структуре, сохраняя при этом отличительные черты *токонома* и *чигай-дана*. В первом углублении висит вездесущий свиток, на котором может быть картинка; или на нем может быть изображен ряд китайских иероглифов, передающих какое-то моральное предписание, или строки из какой-нибудь классической поэмы. На его полу стоит ваза для цветов, керамическая фигурка, курильница для благовоний, осколок кварца или другой предмет, которые часто поддерживаются лакированной подставкой. В *chigai-dana* удобные полки и шкафы расположены различными способами, чтобы их можно было использовать для самых разных целей.

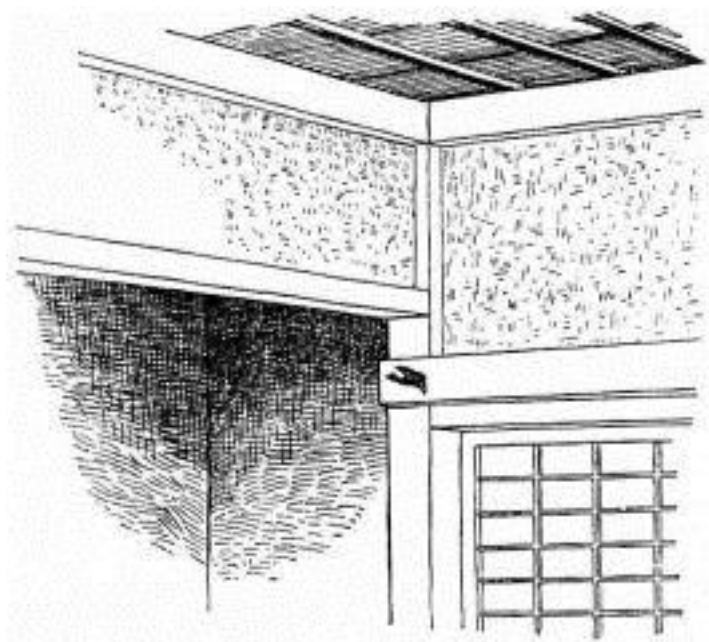

Рис. 129. Угол гостевой комнаты.

Расположение поперечных шпал относительно *токономы* и *седзи* проиллюстрировано на [рис. 129](#), на котором показан угол комнаты с верхней частью *токономы* и *седзи*. Использование гвоздя с декоративной головкой видно там, где *камои* соединяется с угловой стойкой.

В двухэтажных домах проявляется большая широта в расположении этих ниш. Они могут располагаться напротив балкона, и *чигаи-дана* может иметь в задней стене отверстие круглой, серповидной или какой-либо другой формы, из которого открывается приятный вид либо на сад внизу, либо на какой-нибудь отдаленный хребет за ним.

До сих пор мы исследовали комнату, которая могла бы быть параллельна нашей гостиной; другие комнаты отличаются от этой меньшими размерами и, конечно, не имеют ниш, подобных описанным. Изучив планы, приведенные в первой части этой главы, можно увидеть, насколько просты многие комнаты — иногда в них есть ниша для ящика с ящиками или полками; возможно, шкаф, но больше ничего, что могло бы нарушить прямоугольный контур, который может быть ограничен со всех сторон раздвижными *фусума*, или иметь одну или несколько постоянных перегородок.

Здесь можно рассмотреть другой класс комнат, детали которых даже более строго просты, чем в только что описанных комнатах. Эти апартаменты построены специально для церемониальных чаепитий. Целый том мог бы быть заполнен описанием различных форм зданий, связанных с этими обрядами; и действительно, другой том мог бы быть заполнен второстепенными деталями, связанными с их различными школами.

Короче говоря, вечеринка проводится тем, что хозяин приглашает компанию из четырех человек посетить чайную церемонию и в их присутствии разливает чай по чашкам в соответствии с определенными предписанными формами и предлагает его гостям. Чтобы быть более точным относительно способа проведения этой церемонии, — чай сначала готовится путем измельчения его в мелкий, почти неоседаемый порошок. Это может быть сделано слугой перед собранием гостей или может быть заказано молотым в чайной лавке; более того, хозяин может измельчить его сам. Этот материал, всегда свежемолотый для

каждой партии, обычно хранится в маленькой глиняной банке с крышкой из слоновой кости — хорошо известном *предмете* коллекционирования. Для этой цели также можно использовать лаковые шкатулки. Основными инструментами, используемыми при церемонии состоят из *фуру*, или огонь-горшок, сделанный из керамики (или можно использовать углубление в полу частично заполнен золой, в которой уголь может размещаться); железный чайник для кипячения воды; бамбуковый ковш из самых деликатных работ, для погружения в воду; широкогорлой банке, пополнения воды в чайнике; в чаше, в которой чай; бамбук ложкой, обмакнуть в порошкообразный чай, бамбуковая мешалка, в отличие от некоторых форм миксерами, по которым чай оживленно после горячей воды было добавлено; квадрат шелковой ткани, с помощью которой можно протереть баночку и ложку правильно; небольшой отдых для чая-чайник крышкой, выполненной из керамики или бронзы или раздел бамбук; неглубокий сосуд, в котором полосканий чая-миску наливают после стирки; кисть, состоящий из трех перьев орла или другой крупной птицы, в пыли кромки пожара-сосуд; и, наконец, неглубокая корзина, в которой не только уголь, чтобы пополнить огонь, но пара металлических стержней или *hibashi* для обработки угля, два перебил металлические кольца, с помощью которых чайник снимается с огня, круговой коврик, на котором чайник помещается, и небольшая коробка, содержащая ладан, или кусочки древесины, которые дают своеобразный аромат при горении. За исключением очага и железного котла, вся эта утварь должна быть внесена хозяином с большой формальностью и в определенной последовательности и с большой точностью расставлена на циновках в соответствии с предписанными правилами определенных школ. При приготовлении чая посуда используется самым точным и формальным образом.

Приготовление чая, за которым наблюдает человек, ничего не знающий о церемонии, кажется настолько гротескным представлением, насколько это можно себе представить. Многие формы, связанные с этим, кажутся бесполезно абсурдными; и все же, получив множество уроков искусства приготовления чая, я обнаружил, что за немногими исключениями это естественно и просто; и гости, собравшиеся по такому случаю, хотя на первый взгляд кажутся чопорными, всегда чувствуют себя совершенно непринужденно. Правильное размещение посуды, последовательность обращения с ней и приготовления чая - все это, как я уже говорил, естественные и легкие движения. Легкое протирание чайного кувшина, мытье чаши и ее вытирание с таким количеством периферийных рывков, удар мешалки о стенку чаши со щелчком при ополаскивании и несколько других обычных движений, безусловно, достаточно гротескно формальны; но я сомневаюсь, что этикет торжественного званого обеда дома, с соблюдением приличий при надлежащем использовании каждой посуды, не кажется японцу столь же странным и непонятным, когда он сталкивается с этим впервые.

Этот очень краткий и несовершенный намек был сделан для того, чтобы объяснить, что японцы настолько высоко ценят эту церемонию, что специально строят маленькие изолированные домики специально для проведения развлекательных чаепитий. Если для этой цели не выделено ни одного дома, то для этого отводится специальная комната. Описанию различных школ чайных церемоний посвящено множество книг, иллюстрированных схемами, показывающими различные способы размещения посуды, планы чайных комнат и все детали, связанные с соблюдением обрядов.

Чайные церемонии оказали глубокое влияние на многие японские искусства. Особенно они повлияли на керамику Японии; ибо строгая простота, граничащая с наигранной грубостью и бедностью, которая характеризует чайную комнату и многие предметы утвари, используемые

на церемонии, наложила свой отпечаток на многие формы керамики. Он также оказал влияние даже на те немногие деревенские и простые украшения, которые разрешены в комнате, и сохранил свое влияние на сады, калитки и заборы, окружающие дом. Действительно, это оказало на японцев почти такое же влияние, какое кальвинистские доктрины оказали на ранних пуритан. Первый подавил энтузиазм народа, любящего искусство, и свел многие из их декоративных порывов к умиротворяющей чистоте и простоте; но в случае пуритан и их непосредственных потомков, у которых было в запасе лишь немного художественного духа, их мрачные догмы подавили ту малую любовь к искусству, которая могла бы зародиться, и сделали невыносимо скорбной и мрачной жизнь и дома наших предков; и когда кое-где появлялось какое-то слабое стремление к искусству и украшениям, оно проявлялось только в жалких образчиках и отвратительные надгробия с плакучими ивами или сцены у смертного одра, выполненные холодной сталью. Уиттиер дает хорошую картину такого дома в своем стихотворении “Среди холмов”:

без книг, без картинок,

Сохраните неизбежный зависший сэмплер

Над камином; или траурное украшение, -

Зеленоволосая женщина со щеками цвета пиона под

Невозможные ивы; очаг с широким горлом

Ощетинившийся увядшими сосновыми ветвями, наполовину скрывающий

Куча мусора за дымоходом.

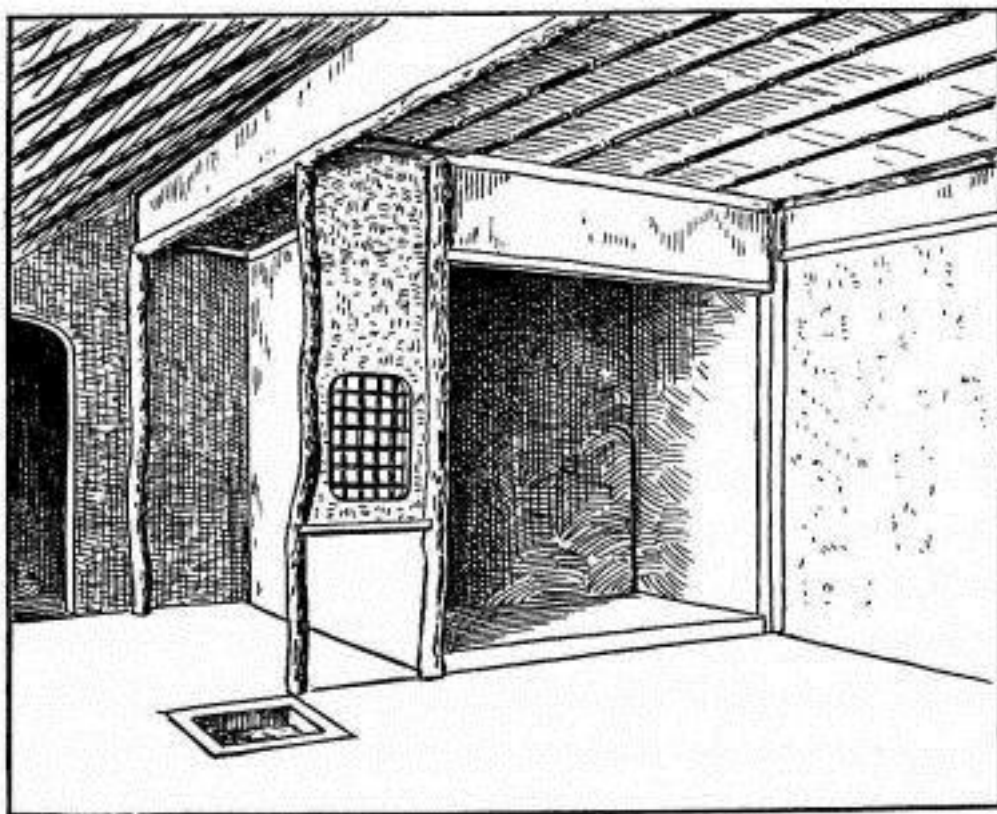

Рис. 130. Чайная комната в храме Нань—эн-дзи, Киото.

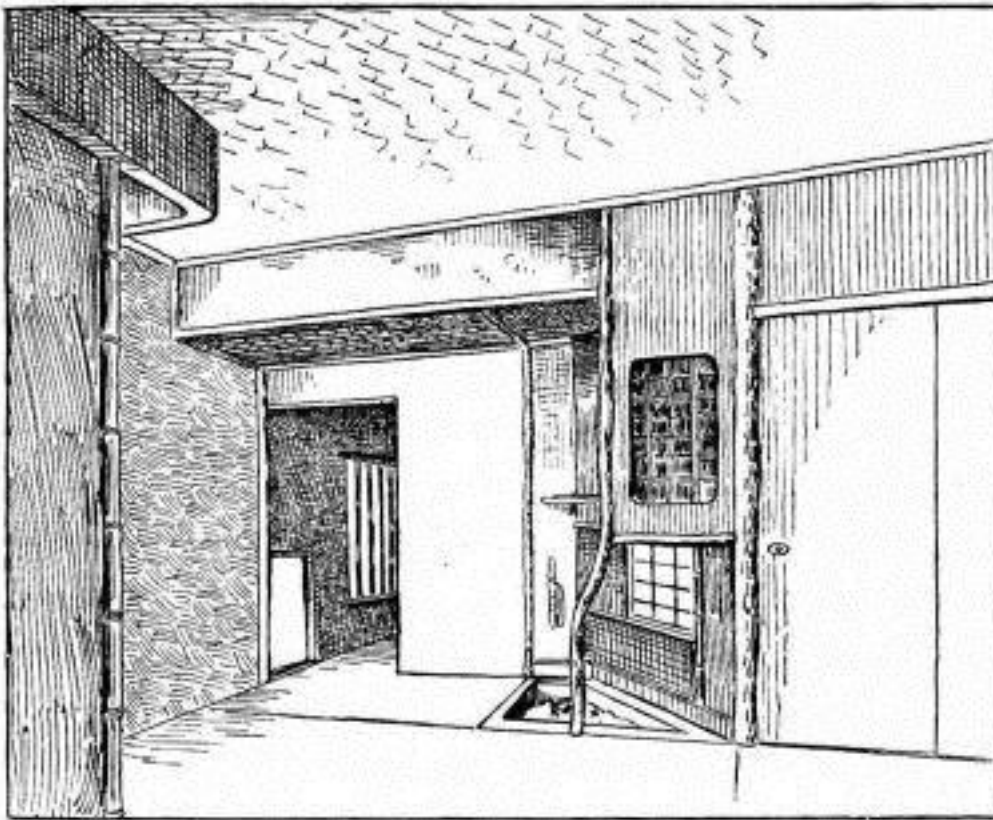

Рис. 131. Чайная комната в керамике Фудзими, Нагоя.

Но мы отвлеклись. Дав некоторое представление о формальном характере чайных церемоний, не стоит удивляться тому, что специальные помещения и даже специальные здания должны быть спроектированы и построены специально для этих обрядов. Мы приводим несколько иллюстраций интерьеров комнат, используемых для этой цели.

На рис. 130 изображена комната в храме Нань-эн-дзи в Киото, которая, как говорят, была специально спроектирована в начале семнадцатого века Кобори Эншиу, известным мастером чайных церемоний и основателем одной из его школ. Комната была чрезвычайно маленькой, по-моему, четыре с половиной татами, что соответствует обычным размерам. На рисунке, из-за необходимости перспективы, она кажется намного больше. Потолок был сделан из тростника и бамбука; стены были грубо оштукатурены голубовато-серой глиной; поперечные шпалы и стойки были из сосны с сохраненной корой. В комнате было восемь маленьких окон разного размера, расположенных на разной высоте в разных частях комнаты; и это соответствовало вкусу Эншиу. В комнате есть только одно углубление, *токонома*, в котором на время вечеринки может висеть картина, которая в определенный период церемонии будет заменена подвесной корзиной с цветами. *Ро*, или камин, представляет собой углубление в полу, достаточно глубокое, чтобы вместить значительное количество золы, а также треногу, на которой стоит чайник.

На рис. 131 представлена странно выглядящая чайная в гончарной мастерской Fujimi в Нагое, где дочь гончара заваривала чай и подавала его нам. Комната была достаточно простой, но довольно богато украшенной по сравнению с первой описанной. Потолок состоял из циновки из тонких деревянных планок, бамбук и красная сосна использовались для поперечных связей и стоек. *Токонома*, имеющий бамбуковый столб, виден слева от рисунка. *ро*, в данном случае, был треугольным.

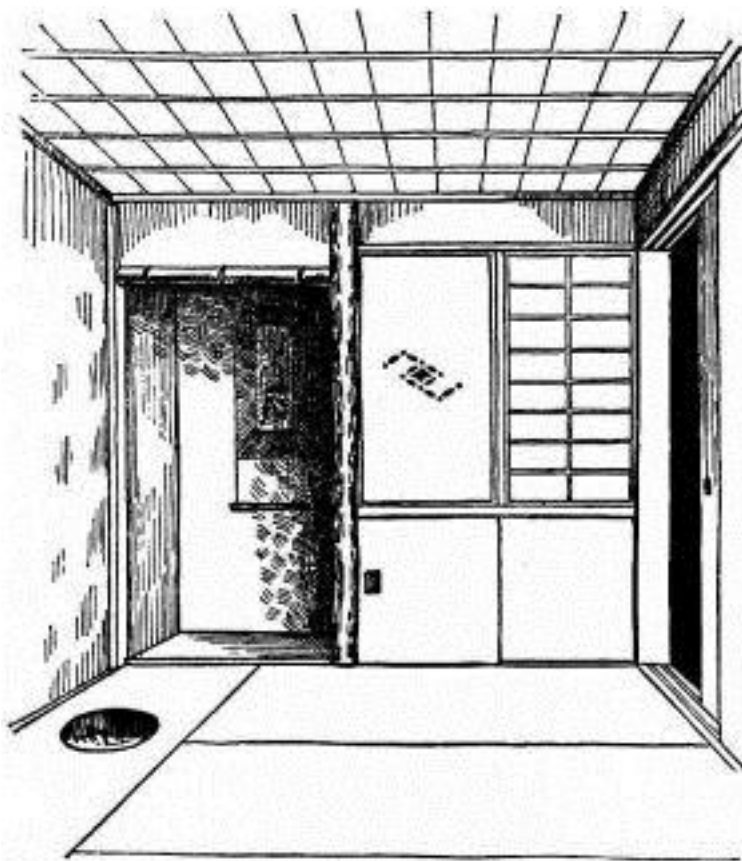

Рис. 132. Чайная комната в Миядзиме.

На [рис. 132](#) изображен вид маленькой чайной в Миядзиме; целомудрие ее отделки слабо передано на рисунке. Здесь *ро* была круглой и помещалась в широкую доску из полированного дерева. Комната была соединена с другими квартирами дома и сама по себе не представляла собой дом.

В некоторых домах есть специальное место или комната, примыкающая к чайной, в которой чайные принадлежности хранятся в надлежащем порядке, и откуда их приносят, когда заваривают чай, и куда они впоследствии возвращаются с соблюдением всех формальностей. На [рис. 133](#) представлена одна из таких комнат в доме в Имадо, Токио. В этой комнате была видна та же простота отделки. Она была оборудована полками, небольшим шкафчиком для хранения посуды и углублением в полу, на дне которого была бамбуковая решетка, через которую стекала вода, когда в нее сливали воду. На бамбуковой решетке стояли огромный глиняный сосуд для воды и обычный медный таз для рук. Пол был из полированного дерева. В дальнем конце был вход через низкую дверь, закрытую *фусума*.

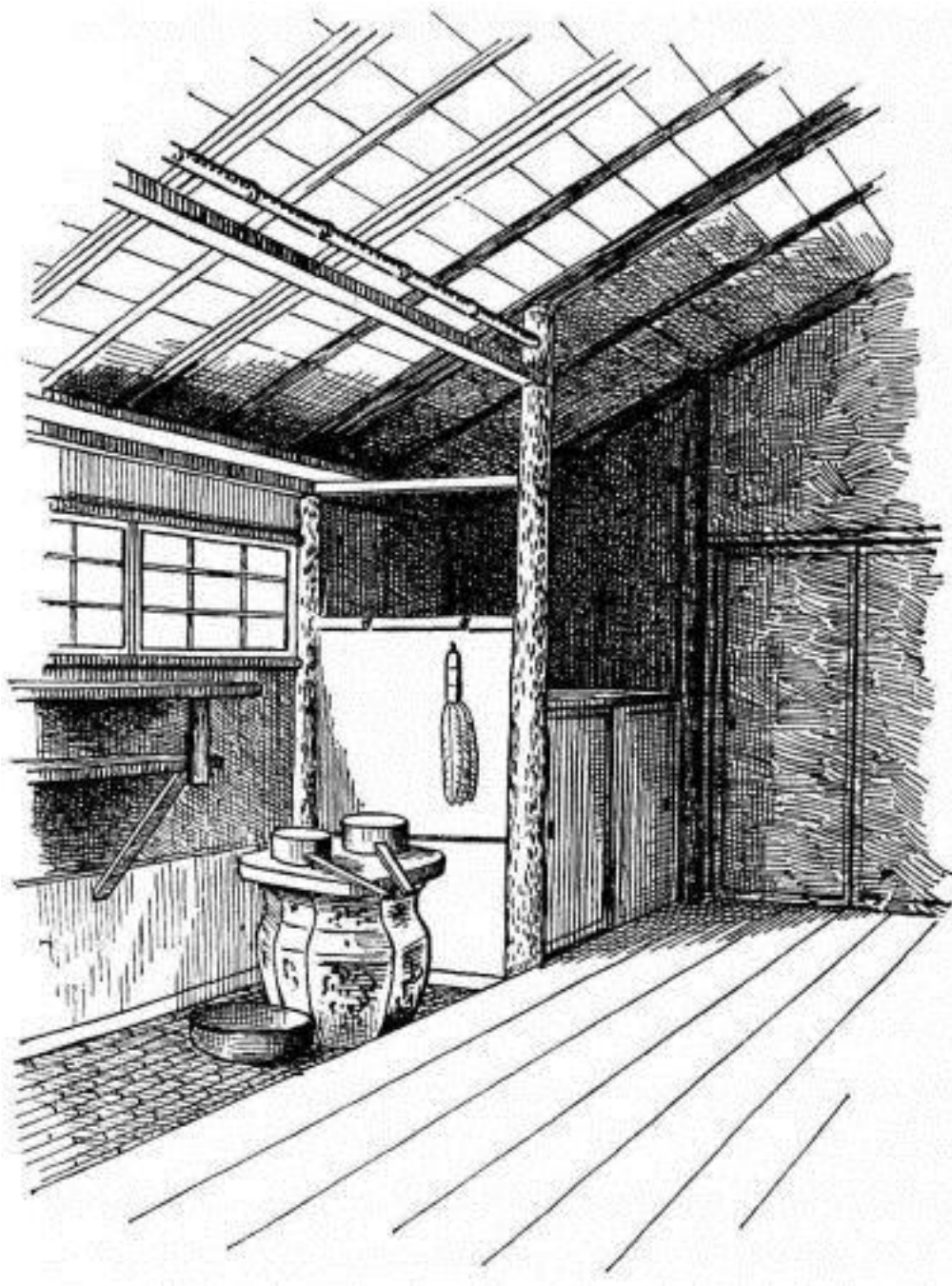

Рис. 133.—Кухонный гарнитур для чайных принадлежностей.

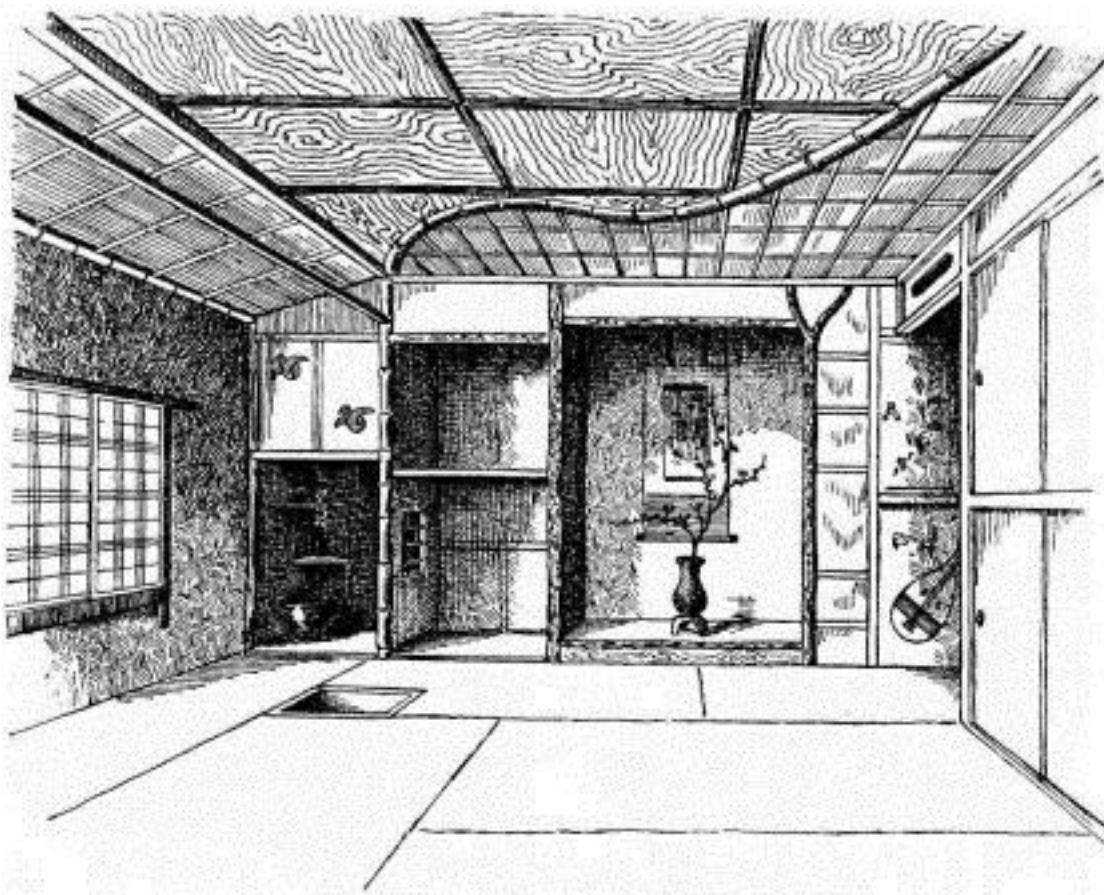

Рис. 134. Чайная комната в Имадо, Токио.

На [рис. 134](#) показан вид комнаты в токийском доме, отделка которой была чрезвычайно изысканной. Владелец дома построил его около тридцати лет назад и намеревался воплотить в жизнь китайские идеи дизайна и мебелировки. Почерпнул ли он свои идеи из книг или развил их из своего внутреннего сознания, я не знаю; несомненно то, что, хотя он внедрил в его структуру ряд черт, фактически привезенных из Китая, я должен сказать, что в моих ограниченных наблюдениях в этой стране я не увидел ничего, приближающегося к такому интерьеру или зданию. Комната, безусловно, производила очаровательное впечатление, и при ее строительстве использовалась самая изысканная отделка дорогими породами дерева. Она казалась слишком декоративной для чайных церемоний, чтобы соответствовать японскому вкусу. Потолок был особенно уникален, потому что по диагонали через него от одного угла к другому тянулся толстый бамбук в двух изгибах, и на этом бамбуке было выгравировано китайское стихотворение. Потолок с одной стороны бамбука был отделан большими квадратными панелями из искусно обработанного дерева; с другой стороны были небольшие панели из кедра. Для изготовления шпал и стоек использовались экзотические породы дерева, пальмы, бамбук и красная сосна. На панелях маленького шкафа в некоторых случаях были нарисованы красивые узоры; другие панели были деревянными, с узорами, инкрустированными различными цветными породами дерева — музыкальный инструмент, *бива*, показанный на эскизе, был инкрустирован таким образом. Стены были окрашены в сдержанный коричневый цвет. Это, безусловно, был один из самых уникальных интерьеров, которые я видел в Японии. Справа от *токономы* квартира выходила в небольшую прихожую, которая вела к лестничному пролету, поскольку эта комната находилась на втором этаже дома. Угол комнаты, как он виден на *токономе*, показан на [рис. 135](#). Длинное низкое окно (которое также показано на рис. 134) выходило на крышу входа внизу; другое, более узкое и высокое окно, выходило на крышу дома L. В маленьком

углублении, в котором вместо угловой стойки торчала изогнутая палка, образующая одну из границ отверстия в углу. - висела картина или корзина с цветами.

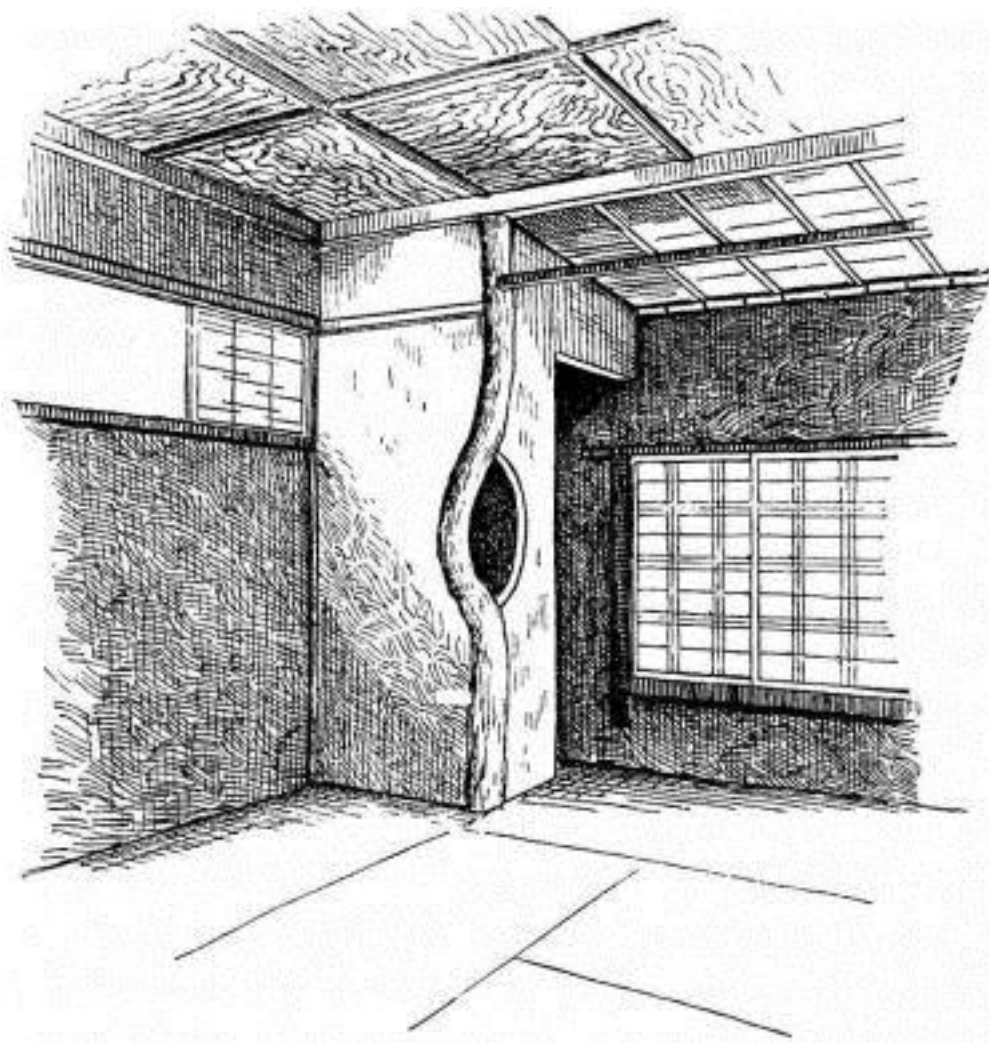

Рис. 135.—Угол чайной комнаты, показанный на рис. 134.

Вторые этажи магазинов часто используются как жилые комнаты. На рис. 136 изображено подобное помещение в магазине в Кавагое, в Мусаси, которому почти триста лет. Два длинных низких окна, выходящих на улицу, были глубоко утоплены и забраны тяжелыми решетками; над этими отверстиями располагались низкие глубокие шкафы, закрытые длинными раздвижными дверцами. Комната была пыльной и неиспользуемой, но я не мог не заметить в этом старом здании, как и в старых зданиях у себя дома, тяжелый характер каркаса там, где он попадался на глаза.

Упоминался тот факт, что *куры*, или противопожарные здания, часто оборудуются под жилые комнаты. На рис. 137 (см. стр. 160) изображена нижняя комната углового здания, показанная на стр. 75 (рис. 57). Уже говорилось, что стены такого здания имеют большую толщину, и что одно маленькое окно и дверной проем часто являются единственными отверстиями в комнате. Следовательно, в определенное время года стены холодные и влажные.

Для обустройства такой комнаты, чтобы приспособить ее под жилое помещение, сооружается легкий каркас из бамбука, который отходит от стен на расстояние двух-трех футов; на него натягивается ткань наподобие занавески. Каркас также образует потолок, так

что это устройство скрывает грубые стены и балки верхнего этажа. С одной стороны ткань подвязана петлей, как занавеска, так что можно выйти за пределы драпировки.

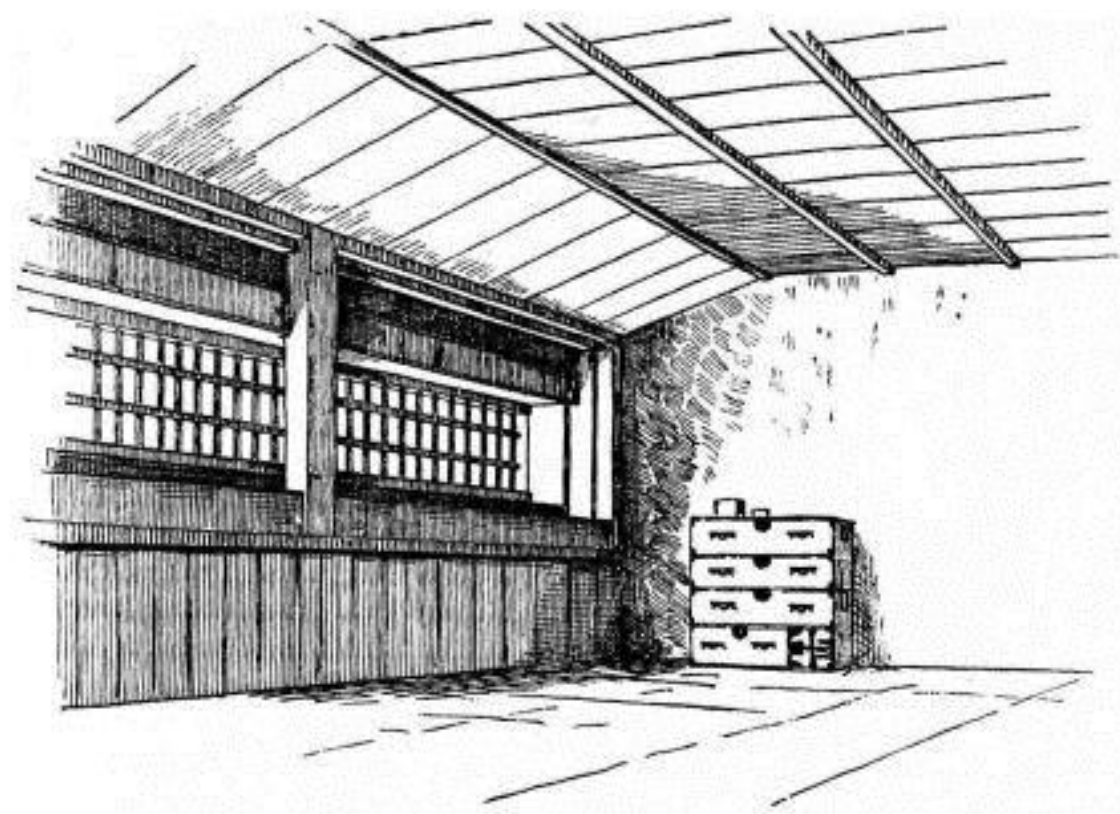

Рис. 136. Комната на втором этаже старого здания в Кавагое, Мусаси.

Владелец этой квартиры был выдающимся антикваром, и стены комнаты были уставлены полками и шкафами, заполненными старинными книгами и картинами, редкими свитками и безделушками. Чердак наверху, куда вела опасная лестница, был заполнен всевозможными древними реликвиями — каменными орудиями труда, старинной керамикой, причудливыми письменными столами и редкими рукописями. Ткань, образовавшая эту дополнительную перегородку, была легкой и тонкой, и когда владелец отправлялся на поиски какого-нибудь предмета по другую сторону от нее, я мог проследить за ним при свете свечи, когда он бродил за занавеской. Мебель, стоявшая в комнате и показанная на эскизе, состоящая из книжных полок, стола, *хибачи*, и других предметов, почти во всех случаях была драгоценным антиквариатом.

То, что комнаты *куры* были оборудованы таким образом в прошлые времена, очевидно из того факта, что старинные книги не только изображают этот метод на своих картинках, но и описывают особые детали конструкции каркаса. В старой книге, находящейся во владении мистера К., изданной сто восемьдесят лет назад, приводится рисунок одной из таких рам со всеми деталями ее конструкции, металлическими гнездами, замочными скважинами и т.д., Копию которого можно увидеть на [рис. 138](#).

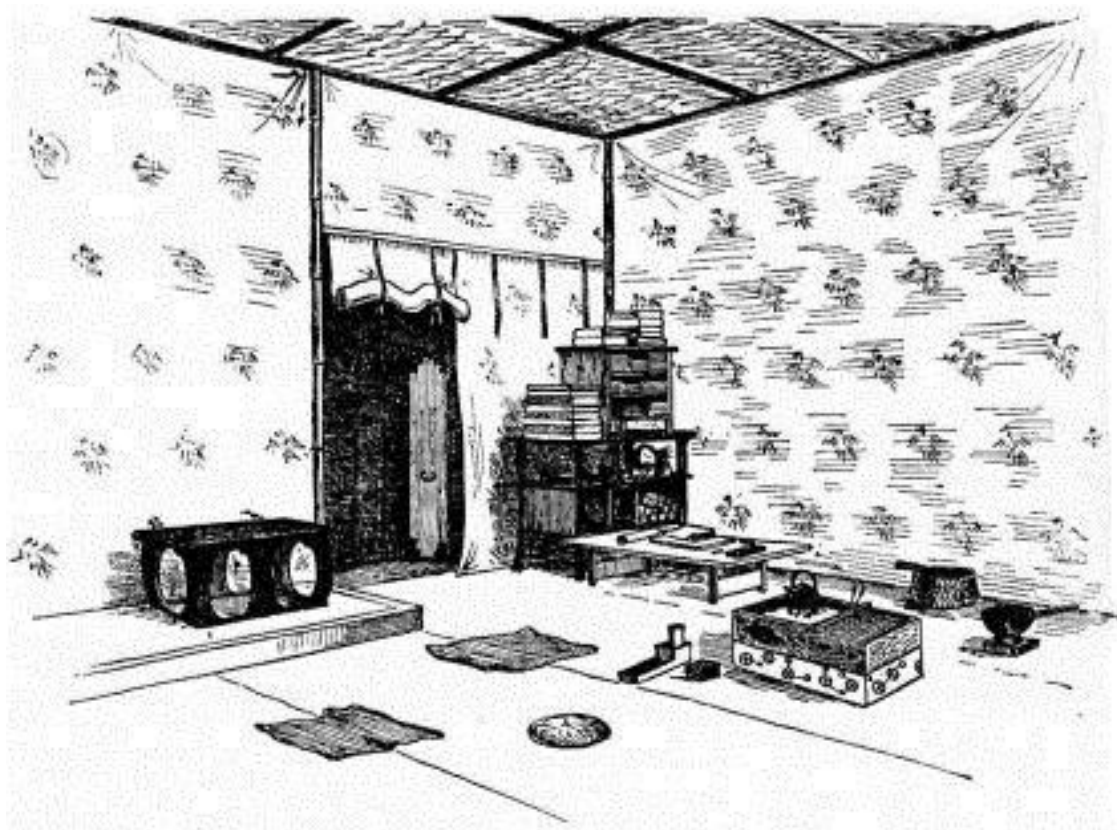

Рис. 137. Комната в кюре, переоборудованная под библиотеку, Токио.

В связи с этой комнатой и манерой подвешивания занавесок сбоку я получил от этого ученого первое рациональное объяснение значения двух узких полос, которые свисают с верхней части обычной формы японской картины — *какэ-моно*. В том, что это были остатки полезных приделков, так сказать, рудиментарных органов, не могло быть никаких сомнений. Мистер К. сказал мне, что в прежние времена картины, в основном религиозного характера, были подвешены к раме. Длинные ленты спускались сзади картины; а более короткие, чтобы не заслонять ее, свисали спереди. Когда картину сворачивали в рулон, ее удерживали на месте, завязывая этими лентами. Когда вошло в обычай постоянно вешать эти картины на стену, от длинных полос окончательно отказались, в то время как более короткие, расположенные спереди, сохранились. В старых книгах проиллюстрированы способы, с помощью которых таким образом подвязывались ширмы, похожие на занавески, висящие на рамах, причем длинные полосы располагались сзади, а короткие - спереди. Когда по квартире гулял ветер, занавески были задернуты; и, что довольно любопытно, ленты на *какэ-моно* называются *футай*, или *кадзэ-оби*, что буквально означает “духовые ленты”. Это объяснение, данное мне; но вполне вероятно, что большие картины, висевшие на стенах, когда их потревожил ветер, были перевязаны этими лентами.

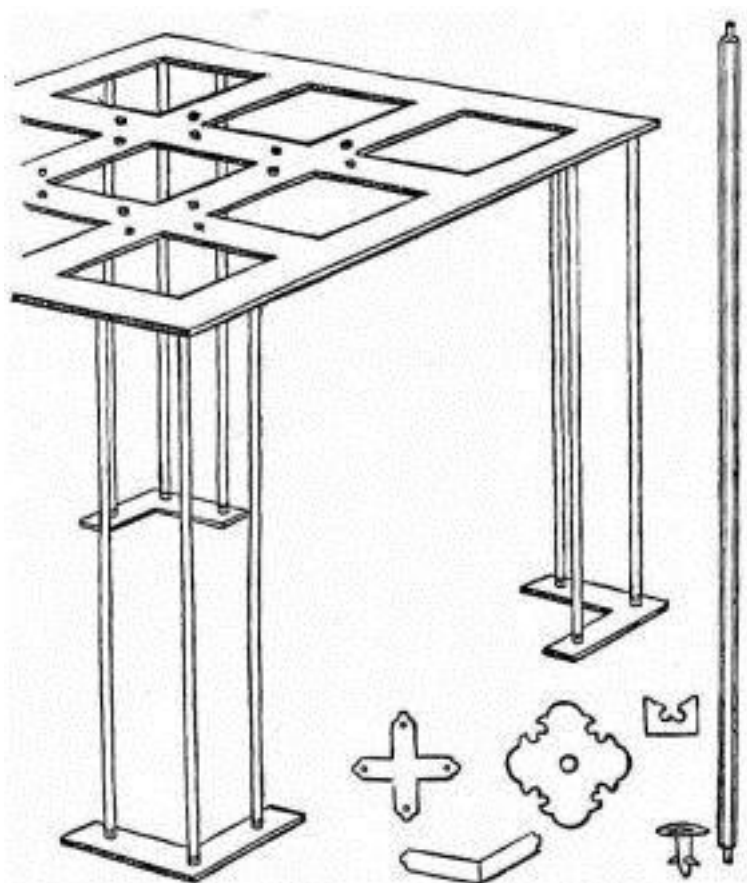

Рис. 138.—Каркас для драпировки комнаты в куры.

В то время как *кура* обычно стоит изолированно от жилого дома, она часто соединена с домом легкой деревянной конструкцией, покрытой крышей и легко разрушаемой в случае пожара. Такая квартира может быть использована под кухню, или веранду для кухни, или кладовую для домашней утвари. Здесь приведен рисунок (рис. 139), показывающий внешний вид конструкции такого рода, которая слегка прикреплена к стенкам *куры*. Эта квартира использовалась как кладовая, и на эскизе показаны деревянный ящик, фонари, ведра и другие предметы, которые могли скопиться в сарае или кладовой дома.

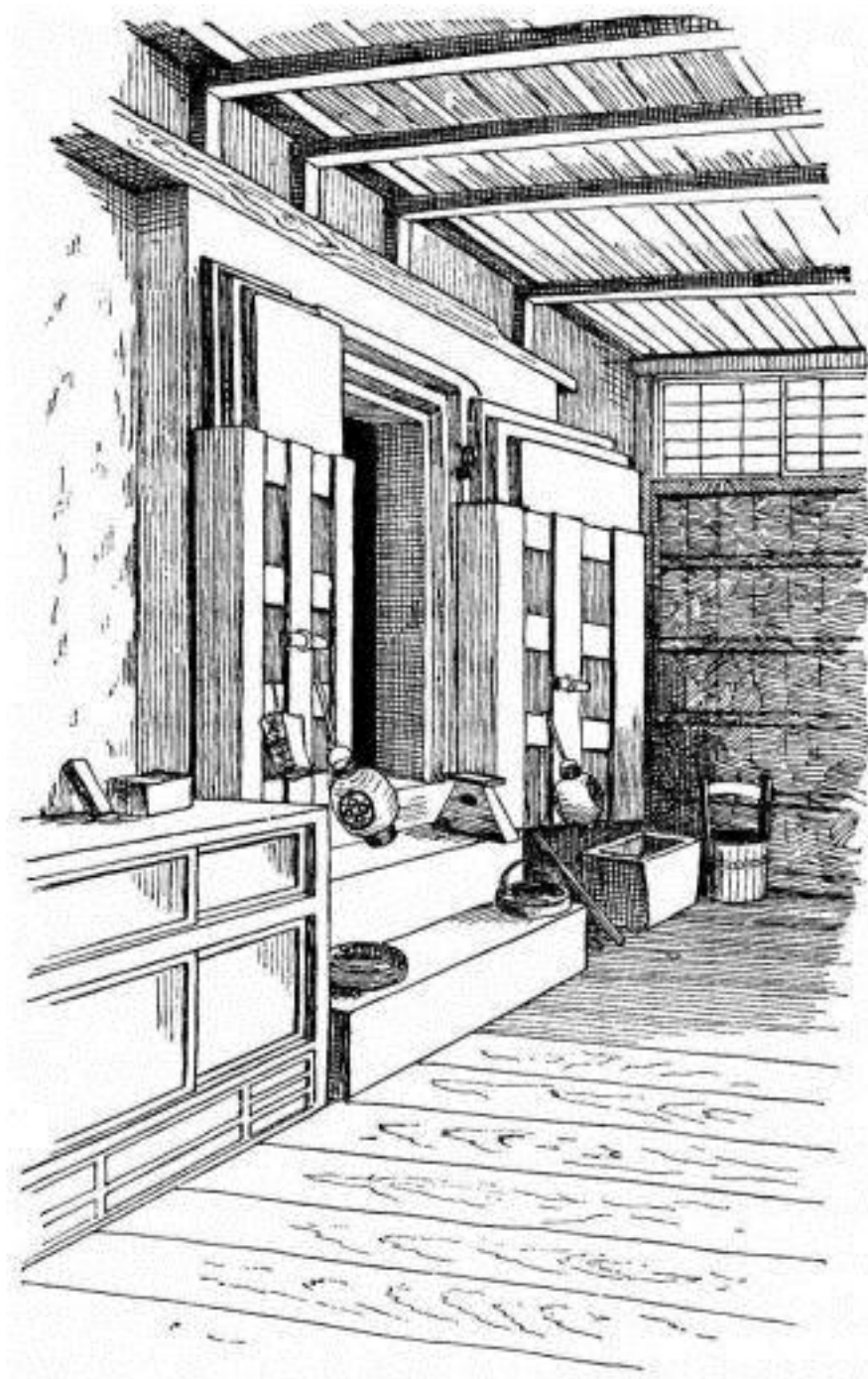

Рис. 139. Пространство между жилым помещением и курой, перекрытое и используемое как кухня в Токио.

Тяжелые двери *куры*, которые постоянно остаются открытыми, имеют обшивку из досок, удерживаемых на месте деревянным штырем, который проходит через железную скобу в двери. Этот кожух предназначен для защиты двери, которая, как и стены *куры*, состоит из глины и штукатурки, поддерживаемых прочной рамой, от царапин и ударов; и в то же время он устроен так, что в случае пожара его можно мгновенно снять и закрыть дверь. Легкая конструкция, образующая это крыльцо, может быстро сгореть, оставив *куру* нетронутой.

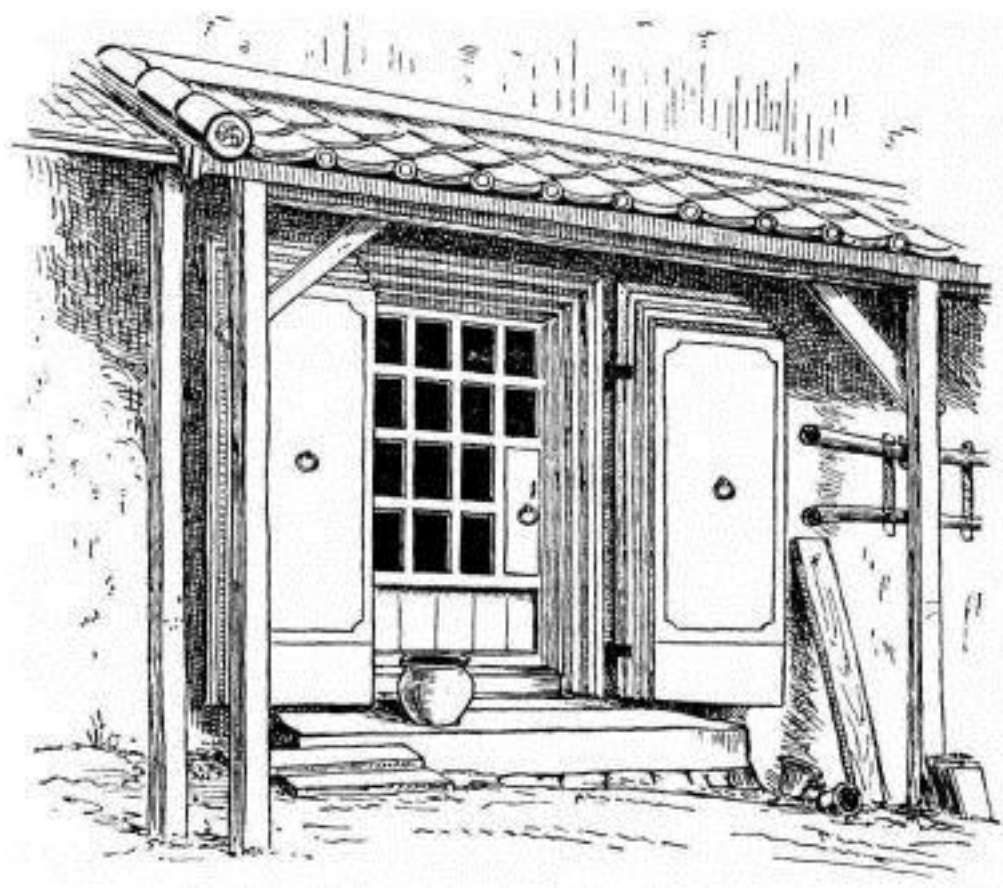

Рис. 140. Дверной проем старой куры в Киото.

Часто внешняя сторона *куры* обшита досками, удерживаемыми на месте длинными деревянными полосами, которые вставляются в скобы, которые прочно прикреплены к стенкам *куры*. Эти крючки можно увидеть на [рис. 57](#), хотя в случае с этим зданием деревянная обшивка никогда не применялась. Такая облицовка предусмотрена для лучшей защиты стен от воздействия погодных условий.

На [рис. 139](#) (см. стр. 162) *кура* изначально была построена примерно в пятнадцати футах от главного дома, а впоследствии промежуточное пространство было перекрыто крышей, как показано на чертеже.

Двери *куры* представляют собой тяжелые конструкции и обычно остаются открытыми для вентиляции; однако раздвижная дверь с массивными решетками эффективно закрывает вход, когда толстые двери остаются открытыми. На [рис. 140](#) изображен дверной проем старой *куры* в Киото, иллюстрирующий эти особенности. На [рис. 141](#) показан большой ключ от внутренней решетчатой двери, в то время как на [рис. 142](#) показан висячий замок от внешних дверей.

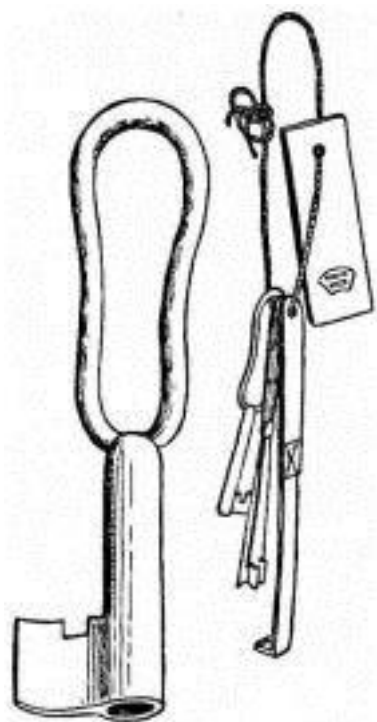

Рис. 141. Ключ от куры и связка ключей.

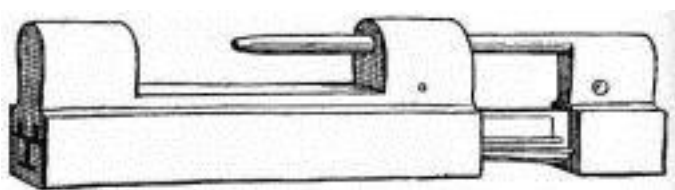

Рис. 142.—Навесной замок на куру.

Верхняя комната *куры* часто используется как кладовая, заменяя загородный чердак; и здесь можно найти связки сушеных трав, кукурузу, старую прялку, сундуки и, действительно, именно такие предметы, которые в конечном итоге находят пристанище на чердаках наших домов. В этом разделе было бы более систематичным рассматривать *токонома* и *чигай-дана* отдельно; но при описании интерьеров было трудно описать их, не включив в то же рассмотрение эти ниши, поскольку они являются неотъемлемой частью основного помещения.

В моих замечаниях о домостроении упоминался потолок и способ его изготовления и удержания на месте, поскольку описанная там форма потолка является почти универсальной по всей стране. Японское слово, обозначающее потолок, — *тэндзе*, что буквально означает “небесный колодец”.

При выборе древесины для потолка особое внимание уделяется тому, чтобы доски были идеально ровными и правильными, без признаков сучков. Древесина, которая очень ценится для потолка, а также для другой внутренней отделки, - это разновидность кедра, добываемого в болотах Хаконэ и других местах Японии. Он насыщенного, теплого серого или коричневого цвета, и часто для этой цели используются доски огромной толщины. Это дерево называется *Джин-дай-суги*, что означает “кедр эпохи Бога”. Древесина под названием *хи-но-ки* часто используется для изготовления потолков.

Редко можно увидеть потолок, отличающийся от обычной формы, состоящий из легких, тонких квадратных планок в виде потолочных балок, на которые крест-накрест опираются

тонкие деревянные планки с перекрывающимися краями. Такую форму потолка можно увидеть повсюду, с севера на юг, в гостиницах, частных домах и магазинах. Эта форма столь же универсальна в Японии, как и обычный белый оштукатуренный потолок у нас. Однако во многих других формах потолков предпочтение отдается древесине с наиболее извилистой структурой.

В маленьких домиках, построенных для чаепитий, потолок часто выполнен в каком-нибудь деревенском стиле: либо слой тростника, опирающийся на бамбуковые стропила, либо тонкие широкие полосы дерева, сплетенные или спутанные, как для плетения корзин.

Иногда потолок вместо того, чтобы быть плоским, имеет форму арки; то есть стороны поднимаются вверх, как крыша, и сходятся вверху в виде плоской панели, или потолок может быть составлен из панелей квадратной или угловой формы.

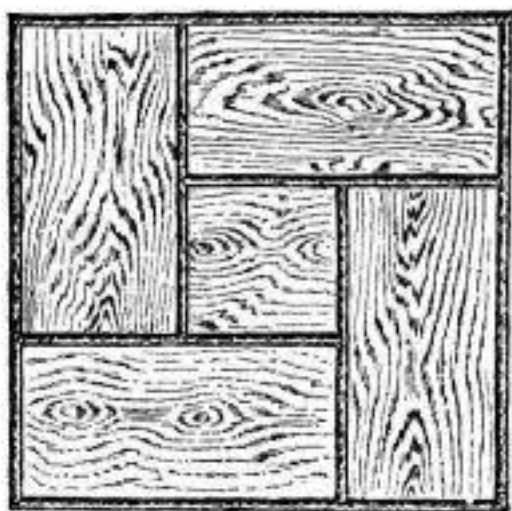

Рис. 143.—Обшитый панелями потолок.

Очень сложный и красивый потолок виден на [рис. 127](#) (см. стр. 146). Предполагается, что конструкция имитирует деревенскую соломенную крышу. Центральная панель состоит из огромной доски из кедра, неправильной формы, вырезанной таким образом, чтобы линии были видны рельефно, что придает ей вид очень старого дерева, в котором более мягкие линии были стерты. Круглые палки, образующие каркас для доски, и те, что окаймляют потолок, а также те, что идут от углов потолка к углам доски, сделаны из красной сосны с неповрежденной корой. Расходящиеся стропила сделаны из большого желтого бамбука, в то время как балки поменьше, идущие параллельно стенам комнаты, состоят из мелкого темно-коричневого и полированного бамбука; основная часть потолка сделана из коричневого тростника, называемого *хагу*, — это соломенная крыша. Этот потолок был просто очарователен; он был чистым, непорочным и эффектным; он придавал помещению возвышенный вид и, более того, был насквозь конструктивным. Наши архитекторы вполне могли бы имитировать это, не изменяя ни единой детали.

Потолок, изображенный на странице 156 ([рис. 134](#)), состоял из квадратных панелей из кедра, расположенных по обе стороны от двойного изогнутого бамбука, который проходил по потолку по диагонали из одного угла комнаты в другой. На бамбуке красивыми иероглифами было выгравировано китайское стихотворение. Красота этого потолка заключалась не только в его общем причудливом эффекте, но и в богатой древесине и хорошем мастерстве, которое повсюду проявлялось в его конструкции. То же самое можно сказать и о потолке,

показанном на рис. 126 (см. стр. 145); здесь, действительно, вся комната была похожа на шкаф для одежды. В последнее время эти панельные потолки стали чаще использоваться. На рис. 143 представлена форма потолка, которую можно иногда увидеть, состоящая из больших квадратных досок *суги* с каркасом из бамбука или дерева *кейяки*.

Кажется немного любопытным, что пространство, заключенное под крышей (фактически чердак), используется редко, если вообще используется. Здесь по ночам крысы устраивают настоящий карнавал; и человеку трудно заснуть из-за шума, который эти вредители поднимают, устраивая скачки и сражаясь на тонких и гулких досках, составляющих потолок. Крысы прокладывают себе дорогу по балке, которая проходит через весь конец дома от одного угла до другого; и эта балка называется *недзуми-башира*, что буквально означает “крысиный столб”.

В своих замечаниях о строительстве домов я упомянул оштукатуренные стены и различные цветные песчинки, используемые в штукатурке. Существует множество способов обработки этой поверхности, с помощью которых достигаются любопытные эффекты. К штукатурке иногда примешивают маленькие серые и белые камешки. Раковины небольшого пресноводного двусторчатого моллюска (*Corbicula*) измельчают на кусочки и смешивают с гипсом. В провинции Микава я видел железно-серую штукатурку, в которую были замешаны короткие волокна мелко нарезанной конопля, волокна блестили в штукатурке; эффект был странным и поразительным. В провинции Оми не было ничего необычного в том, что белые оштукатуренные поверхности были гладко отделаны, когда железная пыль равномерно наносилась на поверхность, пока штукатурка была еще влажной, и, окисляясь, придавала всему теплый коричневато-желтый оттенок.

При оклейке оштукатуренных стен рисовой пастой не используется, так как личинки некоторых насекомых могут повредить поверхность. Вместо этого используется разновидность морских водорослей, похожих на исландский мох, слизистая часть которых образует цемент. Этот материал используется в проклеивающей бумаге, а также в картоне или жесткой бумаге, которая изготавливается путем склеивания нескольких листов вместе.

Оштукатуренные помещения часто оклеивают обоями; и даже когда штукатурка окрашена и оштукатуренная поверхность остается открытой, обычно используется бумага под названием *коши-бари*, которую натягивают на стену на высоту двух футов или более, чтобы защитить одежду от штукатурки. Такое обращение можно наблюдать в общих комнатах.

Каким бы простым и неприязательным ни казался интерьер японского дома, удивительно, на сколько мест в их, казалось бы, голых комнатах могут быть потрачены изобретательность и художественный вкус столяра-краснодеревщика. Естественно, разнообразие дизайна и отделки *tokonoma* и *chigai-dana* не ограничено, за исключением размеров их помещений; поскольку благодаря подоконникам и вертикальным стойкам, полкам и маленьким шкафчикам, раздвижным дверям с поверхностями для кисти художника и разнообразию используемых пород дерева у ремесленника есть широкое поле для проявления своего особого мастерства. Потолок, хотя и демонстрирует меньшее разнообразие в своей структуре, тем не менее представляет собой хорошее поле для декоративных работ, хотя любые достижения в этом направлении за пределами традиционной формы становятся очень дорогостоящими из-за большой поверхности, с которой приходится иметь дело, и дорогостоящей отделки шкафов. Уступая *chigai-dana* по декоративному значению (за исключением, конечно, потолка, который, как мы уже видели, редко отходит от почти универсального характера тонких досок и поперечных планок), я склонен полагать, что

рамма привлекает наибольшее внимание дизайнера и требует более тонкой работы от краснодеревщика. Это правда, что площади, которые нужно покрыть, невелики, но узоры, которые могут быть резными или решетчатыми, — геометрические узоры в резьбе или перфорированные узоры в панелях, — должны обладать прочностью и выделяться, чего нет в другой внутренней отделке помещения.

The *Камои*, или перемишка, как мы уже видели, представляет собой балку, которая проходит полностью поперек стены комнаты на высоте почти шести футов от пола (рис. 103). На его нижней поверхности расположены канавки, по которым проходят *фусума*; между этой балкой и потолком остается пространство в два фута или более, в зависимости, конечно, от высоты помещения. Высота самой балки от пола, почти постоянный фактор, всегда ниже, чем у наших дверных проемов, потому что средний рост японцев меньше нашего; и для многих иностранцев эта балка удручающе низкая, что могут подтвердить те, кто разбивал о нее головы, переходя из одной комнаты в другую. Пространство между *камои* и потолком называется *рамма* и предлагает еще одно поле для проявления той декоративной способности, которая так естественна для японцев. Это пространство может быть занято просто закрытой оштукатуренной перегородкой, точно так же, как в наших домах мы неизменно заполняем аналогичное пространство, которое проходит через широкие складные двери между анфиладой комнат. В японской комнате, однако, принято делить это пространство на две или более панелей, — обычно на две; и в этой зоне у дизайнера и столяра достаточно места для воплощения тех очаровательных сюрпризов, которые можно увидеть в японских интерьерах.

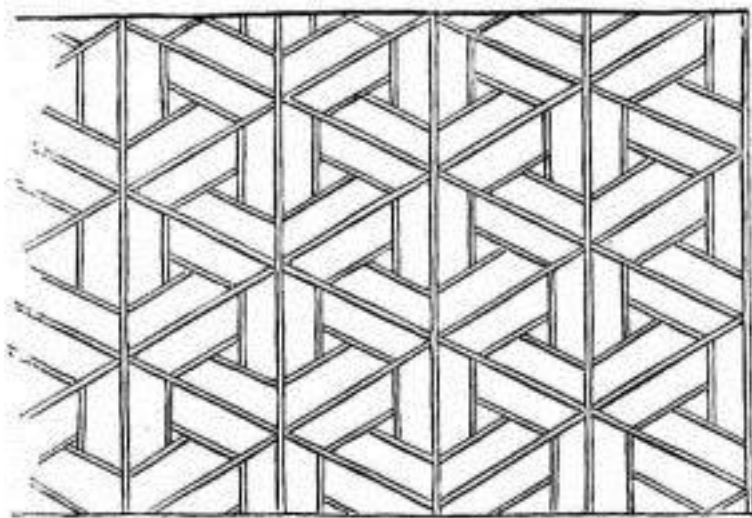

Рис. 144.— Рамма в деревне Хаконе.

Дизайнов, конечно, бесчисленное множество, и они могут состоять из подгузников и геометрических рисунков; или каждая панель может состоять из одной деревянной планки с нанесенным рисунком, в то время как остальная древесина срезана, оставляя темные тени комнаты за пределами в качестве фона для дизайна; или дизайн может быть в виде тонкой панели из кедра, на которой перфорированными элементами вырезаны узоры в виде птиц, цветов, волн, драконов или других объектов. Панели с резьбой очень часто используются в отделке *раммы*, с рисунками, похожими на панели, которые сейчас импортируются из Японии; но рисунки выполнены по более крупным образцам.

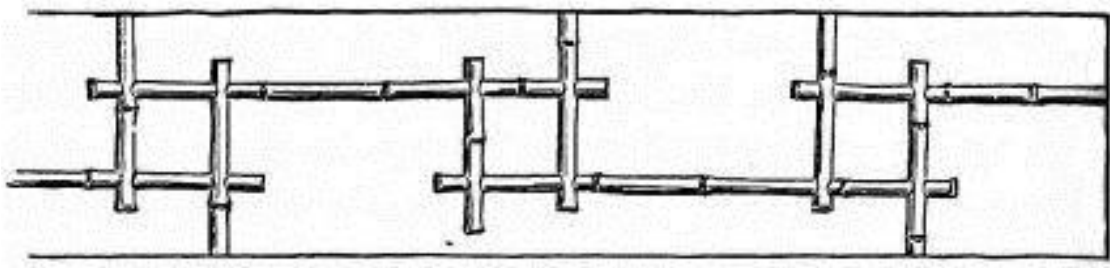

Рис. 145. Бамбуковая рама.

Какой бы легкой и воздушной ни казалась работа, она, тем не менее, должна быть выполнена прочно, поскольку на панелях такого типа редко можно увидеть какие-либо смещенные или сломанные участки.

Рисунок, представленный на [рис. 144](#), выполнен *раммой* из старого дома в деревне Хаконе. Комната была очень большой, и в *рамме*, которая имела почти двадцать четыре фута в длину, было четыре панели. Легкая решетка из бамбука - любимое и распространенное приспособление для этой местности. Рисунок, представленный на [рис. 144](#), выполнен *раммой* из старого дома в деревне Хаконе. Комната была очень большой, и в *рамме*, которая имела почти двадцать четыре фута в длину, было четыре панели. Легкая решетка из бамбука - любимое и распространенное приспособление для этой местности. На [рис. 145](#) приведена простая форма такого рода, которую можно часто видеть. В одном доме в Токио мы видели похожий рисунок, выполненный на фарфоре ([рис. 146](#)) - центральный вертикальный стержень покрыт темно-синей глазурью, в то время как более светлые горизонтальные стержни были белого цвета. Следует понимать, что в любом случае промежутки между конструкциями, за исключением перфорированных, свободно открываются в соседнюю комнату. Благодаря этим открытым *раммам* обеспечивается гораздо лучшая вентиляция помещений, когда *фусума* закрыта. Часто встречается сочетание перфорированных панелей и решетки из бамбука ([рис. 147](#)).

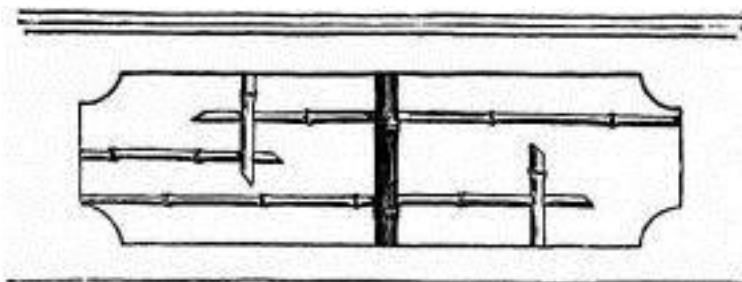

Рис. 146. Фарфоровая рама в Токио.

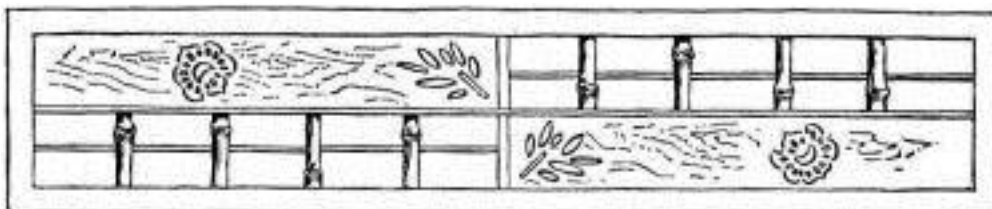

Рис. 147. Рамка из бамбука и перфорированная панель.

The *Рамма*, требующая большого мастерства в проектировании и исполнении, - это те, в которых резчик по дереву, нарисовав свой рисунок на цельной доске, срезает всю древесину вокруг нее, оставляя рисунок свободным; и затем он подвергается изящной обработке.

В старом доме в Годзио, Ямато, находится *рамма* с единственной панелью во всю длину комнаты. Рис. 148 иллюстрирует этот дизайн, состоящий из хризантем, закрепленных на бамбуковой решетке, и вырезанных из цельной доски, при этом цветы и тонкий узор листьев выполнены с одинаковой тщательностью с обеих сторон; фактически, *рамма* в каждом случае спроектирована так, чтобы ее можно было видеть из обеих комнат. Я часто замечал, что в довольно старых домах *рамма* соответствовала этому описанию. В старом доме в Яцусиро, в Хиго, я видел очень красивую форму этой природы (рис. 149). *Рамма* была разделена на две панели, и дизайн переходил от одной панели к другой. Это представляло собой деревенский способ проведения воды с помощью деревянных корыт, подпертых ветвистыми палками и связанных вместе прутьев. Изображение длинных листьев какого-то водного растения с неровными из-за частичного разложения краями было удивительно хорошо передано. Доска, из которой был сделан рисунок, должно быть, была толщиной менее дюйма, и все же эффект рельефа был удивительным. Белое вещество, похожее на мел, заполняло промежутки в резьбе, создавая впечатление, что когда-то весь рисунок был побелен, а красящее вещество впоследствии стерлось. Дом был довольно старым, и работа была выполнена местным художником.

Примечательным фактом, на который стоит обратить внимание, является то, что в небольших городах и деревнях, в отдаленных друг от друга регионах, по-видимому, есть мастера, способные спроектировать и выполнить эту изящную и художественную резьбу, — ибо таковыми они, несомненно, и являются. Повсюду по всей Империи мы находим хорошую работу всех видов и свидетельства того, что работники всех ремесел *выучились* своему ремеслу, а не “обслуживали” его, и работают дома. Другими словами, люди повсюду ценят художественные замыслы и их надлежащее исполнение; и, следовательно, люди, способные в своих различных областях, находят их услуги востребованными, где бы они ни находились. Этим общим утверждением я не имею в виду, что хороших работников в Японии не тянет в крупные города в поисках работы, скорее, что небольшие города и деревни повсюду не лишены такого класса, и что распространение таких ремесленников гораздо шире, чем у нас. И насколько у нас такие условия отличаются, можно увидеть из того факта, что в нашей стране есть сотни городов и тысячи деревень, где плотник как раз способен соорудить укрытие от непогоды; и если он попытается украсить его — но мы не будем будить воспоминание об этих поразительных ужасах из фестончатых юбок, окаймляющих карнизы и каждое отверстие, и сделанных художником, по возможности, еще более отвратительными.

По всей ширине и протяженности этой страны с населением тридцать шесть миллионов человек изобилуют люди, способные к художественному творчеству, и люди, способные оценить такую работу. В нашей стране с населением в пятьдесят пять миллионов человек приходится искать крупные населенные пункты для подобной работы, поскольку в других местах хорошая работа и ее оценка являются исключительными.

В Нагое, в доме бедняка, я увидел простую и остроумную форму *рамы*, на которой две тонкие доски, одна из светлого, а другая из темного кедра, были вырезаны в виде контуров гор. Они были расположены рядом, и с обеих сторон передавался вид двух горных хребтов. Рис. 150 дает слабое представление о внешнем виде этой простой *рамы*. Существует множество предложений по отделке и использованию вентиляции помещений с помощью определенных участков фриза, которые могут быть с успехом применены при отделке наших интерьеров.

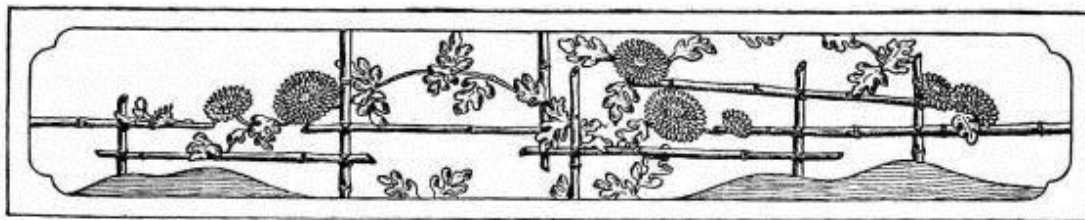

Рис. 148. Резная деревянная рамма в деревне Годзио, Ямато.

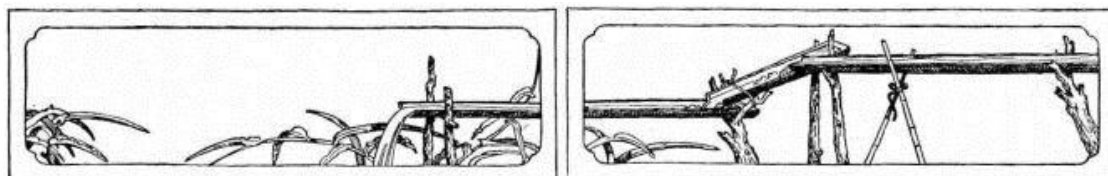

Рис. 149. Резная деревянная рама в городе Яцусиро, Хиго.

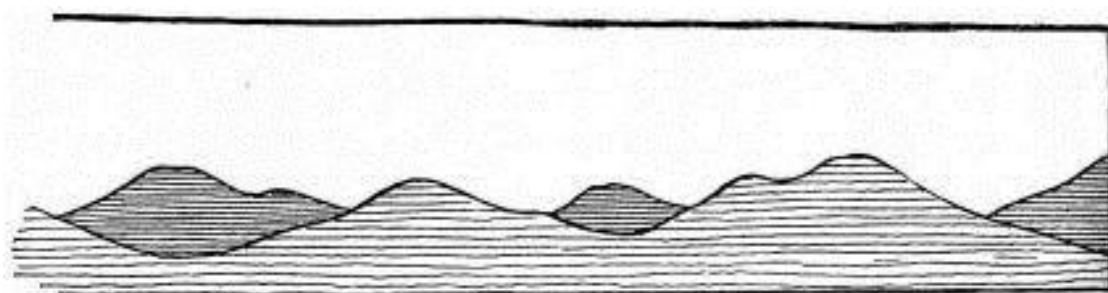

Рис. 150. Рамма, составленная из двух тонких досок, в Нагое, Овари.

Поскольку в закрытое помещение свет поступает через *седзи*, сами окна, то есть определенные отверстия в постоянных перегородках, которые можно рассматривать как окна, в большинстве случаев утратили свой функциональный характер и превратились просто в декоративные элементы, многие из которых являются строго декоративными и вообще не выполняют никаких функций окна. Эти отверстия принимают бесконечное разнообразие форм и появляются в самых неожиданных местах помещения. Они могут располагаться низко у пола или близко к потолку; действительно, они встречаются между комнатами при наличии постоянных перегородок, и аналогичные отверстия можно увидеть в перегородке, которая отделяет *токонома* от *чигай-дана*. Окно часто возникает в перегородке, которая продолжается на небольшом расстоянии от внешнего края *токономы*. Это окно обычно квадратное и закрывается *седзи*. Верхний крест-кусочек *где* рамки проектов на каждом конце, так что он может быть повешен на месте на железных крюках (рис. 151). Если окно находится рядом с *токономой* то *седзи* вывешивают снаружи комнаты, так как таким образом оно лучше смотрится изнутри. Если это происходит в перегородке рядом с *чодзу-бачи*, *седзи* вешают внутри комнаты. Иногда *седзи* опираются на рифленые планки или брусья, которые крепятся над и под окном, и часто они проходят внутри перегородки, то есть в двойной перегородке. *Седзи* в этом случае часто готовят двумя порциями, причем частями вправо или влево. Обрамление *седзи*, образующих окна, часто является проявлением изысканного вкуса. Рисунки часто представляют собой геометрические фигуры, как на рис. 152; хотя видны и другие рисунки, как на рис. 153, представляющие гору. Поскольку эти конструкции сделаны из очень тонких полос белой сосны, может показаться, что в таких примерах части каркаса должны были быть прикреплены к бумаге, чтобы удерживать их на месте, поскольку нет средств удерживать такой каркас на месте без какого-либо подобного метода.

В Нагое, в старом доме, я видел замечательную перегородку из темного кедра, в которой круглое окно пяти футов в диаметре было закрыто панелью из тонкого кедра, в которой был перфорирован рисунок в виде волн; рисунок был самого изящного описания. Любопытные, формальные, изогнутые языки воды, похожие на молодые побеги папоротника, длинный изящный накат волн и круглые капли, подвешенные над ломающимися гребнями, создавали очаровательный эффект, поскольку свет, проникающий снаружи, освещал эти различные отверстия.

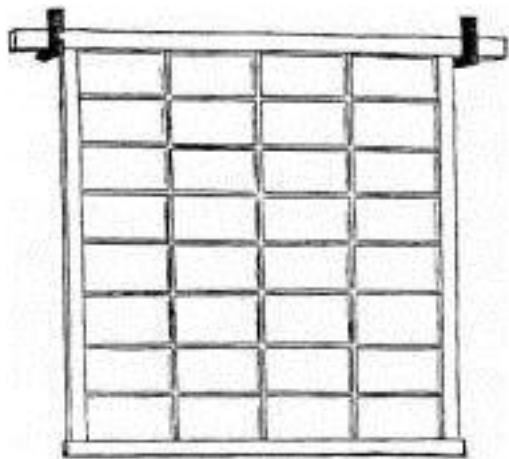

Рис. 151. Седзи для окна.

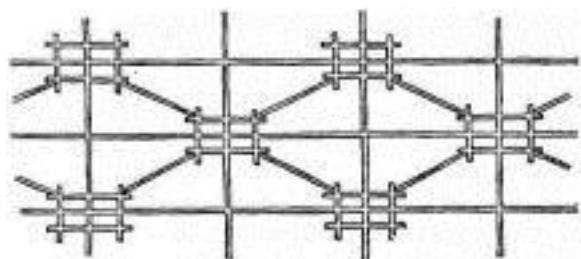

Рис. 152. Седзи—оконная рама.

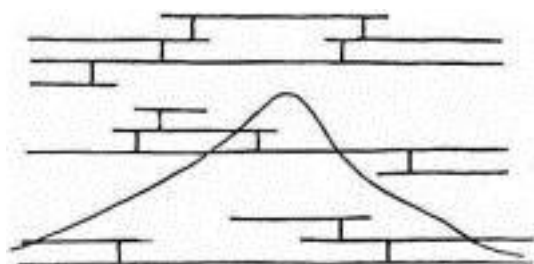

Рис. 153. Седзи—рама для окна.

Когда эти окна находятся на втором этаже, они расположены так, чтобы выходить в какой-нибудь приятный сад или отдаленный пейзаж; для этой цели окно обычно круглое, хотя оно может быть в форме полумесяца или веерообразное; действительно, кажется, что дизайнам этих проемов нет конца. Проемы такого рода между комнатами могут иметь или не иметь *седзи*, но они всегда имеют решетку из бамбука или какого-либо другого материала, расположенную определенным декоративным образом. На наружных окнах есть не только *седзи*, но также могут быть декоративные решетки. На [рис. 121](#) большое круглое окно рядом с *токономой* имело чрезвычайно изящную бамбуковую решетку.

Большое внимание уделяется окошку, которое находится в нише, используемой для письма. Рама этого окна может быть покрыта лаком, а решетка и *седзи* часто являются чудом искусства краснодеревщика. Окна необычной конструкции часто располагаются в каком-нибудь проходе или пространстве в конце веранды, ведущем в туалет, если таковой имеется. На прилагаемом рисунке (рис. 154) показано окно такого типа, видимое снаружи; решетки были железными, а деревянная отделка под отверстием состояла из чередующихся панелей из кедровой коры и светлого дерева.

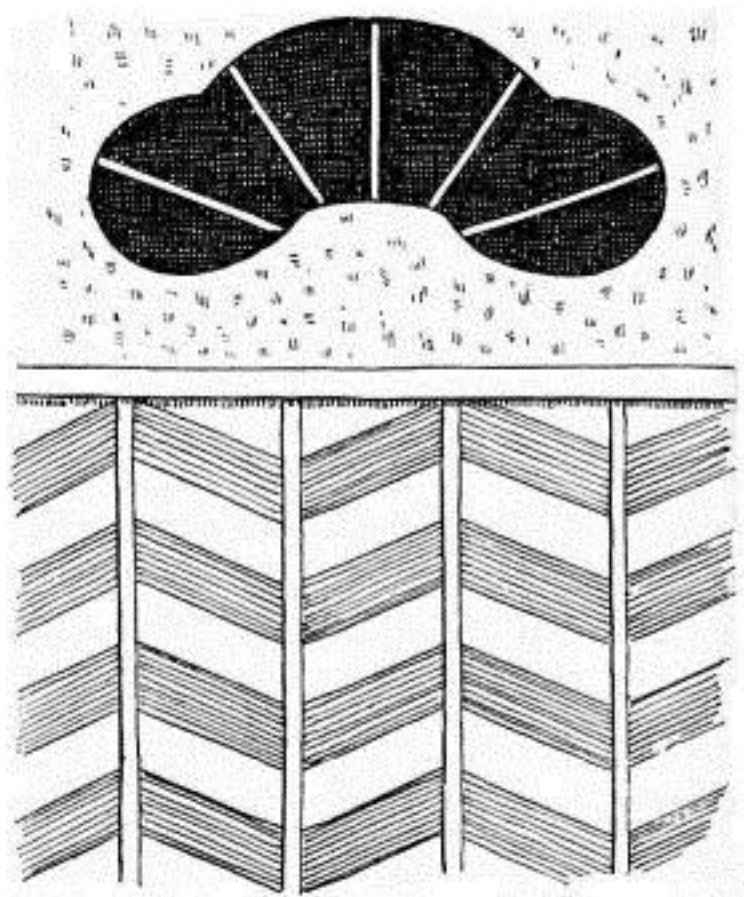

Рис. 154.—Окно.

Существуют сотни форм этих окон, или *mado*, как их еще называют. Те немногие, на которые были сделаны ссылки, дают некоторое представление о почти исключительно декоративном характере этих отверстий. Стоит отметить, что каждая форма имеет соответствующее название, и специально подготовлены книги, в которых приведены многие конструкции окон и способы их изготовления.

В главе о садах дается несколько описаний и эскизов других форм окон, принадлежащих летним домикам.

Открытый характер японского дома привел к разработке разнообразных форм переносных ширм, бамбуковых абажуров, штор и тому подобного, на которые было затрачено много изобретательности при конструировании и бесконечное количество художественного таланта. *Бийо-бу*, или складные ширмы, слишком хорошо известны, чтобы требовать большего, чем мимолетный намек. Они состоят из нескольких панелей или фальцев, обтянутых с обеих сторон плотной бумагой. Узкая деревянная кайма образует внешнюю рамку, которая может быть простой или покрытой лаком. Углы торцевых фальцев, а также другие части каркаса украшены деталями из кованого металла. Непосредственно внутри

рамы проходит кайма из парчи разной ширины, а по ее внутреннему краю - узкая полоска парчи; внутри нее находится панель или часть, предназначенная для восприятия усилий художника. На каждой складке или панели может быть нанесено отдельное изображение; или, как это чаще всего бывает, непрерывный пейзаж или композиция занимают всю сторону экрана. Многие великие художники Японии воплотили некоторые из своих лучших работ на экранах такого рода, и цены, по которым продаются некоторые из них, просто баснословны.

Богатые и сильно позолоченные ширмы, которые сейчас так редко можно встретить, представляют собой чудеса декоративной живописи. В то время как передняя часть экрана может иметь широкий пейзаж, задняя часть может быть просто золотой поверхностью или иметь несколько схематичных штрихов бамбука, сосны и т.д. Черного цвета. Мне говорили, что на многих старых ширмах было так много сусального золота, что часто совершалось святотатство - их уничтожали из-за золота, содержащегося на их поверхности.

Шестипанельная позолоченная ширма, вне всякого сомнения, является самым богатым декоративным предметом домашнего обихода, когда-либо изобретенным. Конечно, нет другого устройства, в котором задействовано так много декоративных искусств. Богатая лакированная рама, кованые металлические крепления, кайма из золотой парчи и большой простор для кисти художника (поскольку при оформлении обеих сторон шестикратной ширмы получается площадь почти пять футов в высоту и двадцать четыре фута в длину) придают большое разнообразие богатству украшений. Богатое тусклое сусальное золото, которым он покрыт, смягчает отражения и придает свету теплый, сияющий тон. Его регулируемая природа позволяет демонстрировать рисунок при любом освещении. Сейчас мы, конечно, говорим о подлинных старинных золотых ширмах, которые выпускались в двух наборах. Тот, у кого есть такие ширмы, может считать себя особенно удачливым. На одном из рисунков (рис. 155) изображен зимний пейзаж, написанный Кано Цунэнобу, и ему почти сто семьдесят лет; на другом изображен летний пейзаж того же художника. На оборотных сторонах яркими и энергичными штрихами раскрашены бамбук и сосна. На рис. 156 показан один угол рамки экрана с металлическим креплением. Эти экраны могут иметь две складки, или три, или даже шесть, как в данном случае. Набор экранов, когда они не используются, упаковывают в шелковые мешочки, а затем помещают в длинный узкий деревянный ящик (рис. 157). Этот ящик, как и другие предметы домашнего обихода, такие как бюро и комоды, имеет длинные подвесные железные ручки, которые при повороте вверх выступают над уровнем верха, образуя удобные петли, через которые можно просунуть палку, и, таким образом, в случае пожара их можно легко переносить на плечах человека.

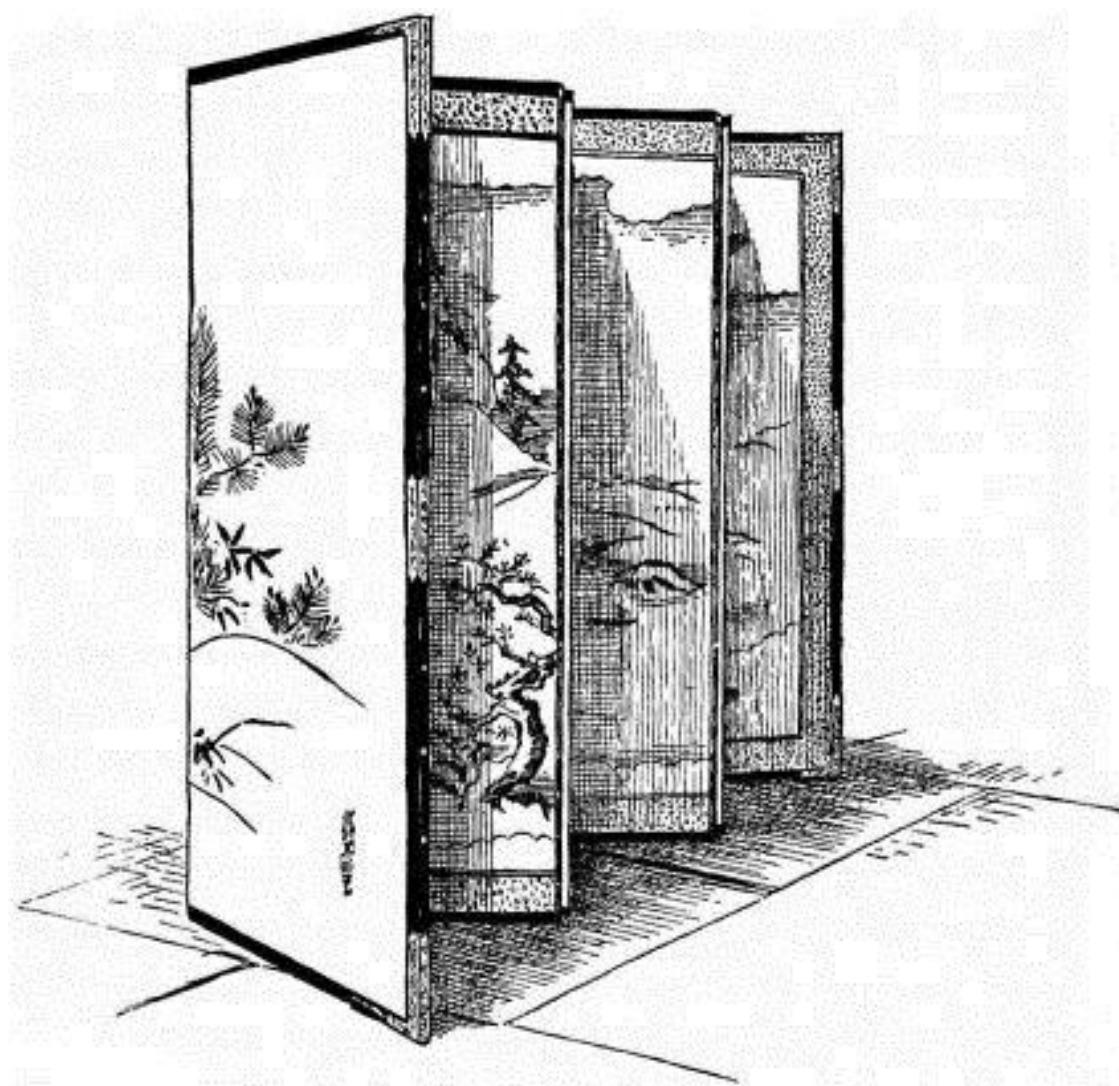

Рис. 155. Бийо—бу, или складная ширма.

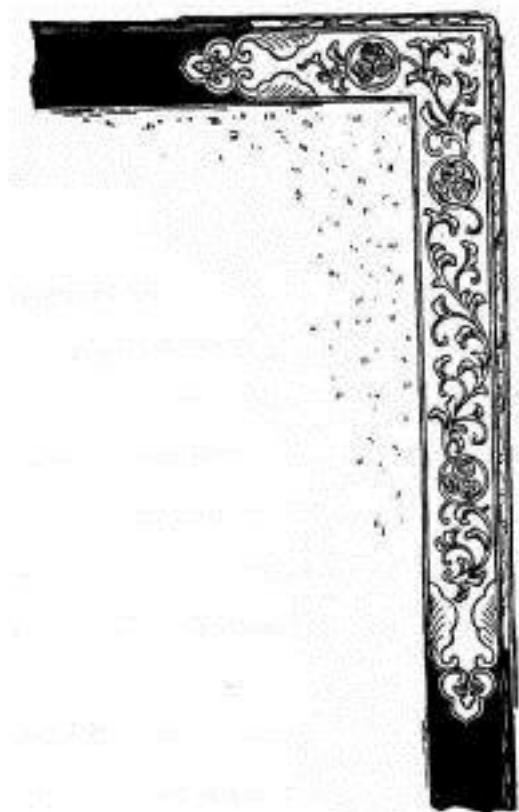

Рис. 156. Кованое металлическое крепление рамы экрана.

Когда экран раскладывается и ставится на пол, предусмотрены различные устройства для предотвращения раскачивания торцевых панелей ветром. Эти приспособления могут иметь форму какой-либо металлической фигурки, выполняющей роль чеки, или тяжелого глиняного груза, выполненного в форме, показанной на [рис. 158](#), причем конец сита вставляется в прорезь в грузе.

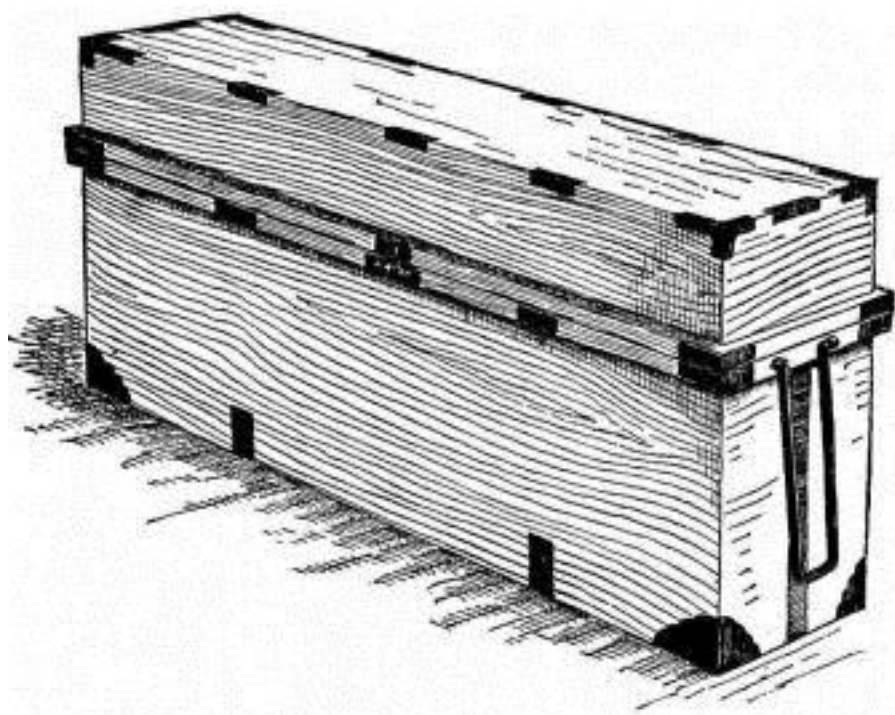

Рис. 157. Экранный ящик.

В определенные праздничные дни у людей, живущих на более широких магистралях, принято открывать свои дома и выставлять ширмы; и в Киото в такое время можно прогуляться по улицам и увидеть замечательную выставку этих прекрасных предметов.

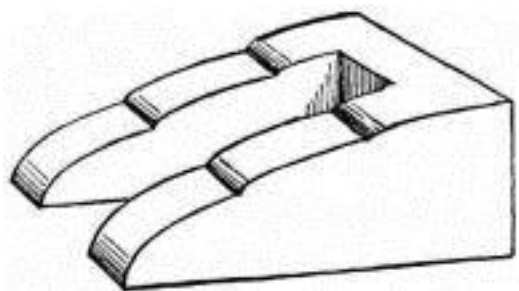

Рис. 158. Опора для грохота.

Видна ширма, характерная для Киото и, вероятно, более южных районов, в которой панели из тростника и бамбука, разделенные на тонкие прутья, вставлены в каждую створку ширмы. Такой экран при растяжении пропускает определенное количество света, а также воздуха, и его можно использовать летом.

Низкий экран с двумя складками, называемый *фуросаки бие-бу*, устанавливается перед *фуро*, или сосудом для кипячения воды для чая. Цель этого - защитить *фуро* от ветра и предотвратить разлет пепла по комнате. Иногда эти ширмы изготавливают из твердого дерева, с расположенными под прямым углом створками, панели из тростника; а в углу ширмы прикрепляется небольшая полка, на которую можно поставить чайные принадлежности. Такой экран изображен здесь (рис. 159); существует множество конструкций для такого рода экранов.

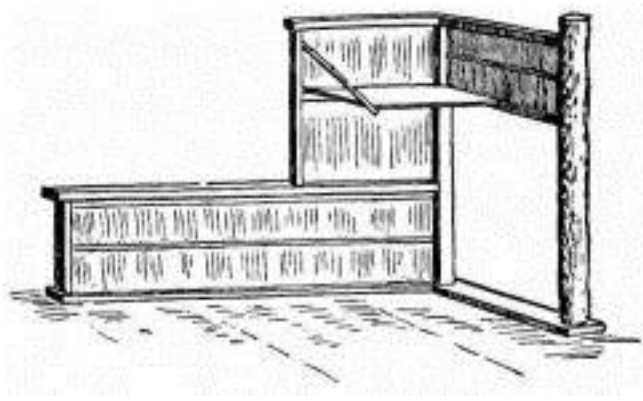

Рис. 159.—Фуросаки Бие-бу.

В старомодной *генке*, или прихожей, стоит массивная деревянная ширма с тяжелой рамой, поддерживаемая двумя поперечными ножками. Эта ширма называется *tsui-tate*, и является предметом мебели, принадлежащим прихожей. Часто она богато украшена золотым лаком и обычно намного ниже по высоте, чем обычная ширма. В старых японских книжках с картинками часто представлена такая форма. Миниатюрные модели *tsui-tate* (рис. 160) изготавливаются из керамики или фарфора и предназначены для того, чтобы стоять перед чернильным камнем, чтобы предотвратить разбрызгивание ковриков при растирании чернил. В другой форме *tsui-tate* изготавливается подставка, имеющая стойки, расположенные таким образом, что экран, покрытый плотной бумагой, или панель могут быть размещены на подставке и удерживаться в вертикальном положении с помощью этих стоек, как показано на рис. 161.

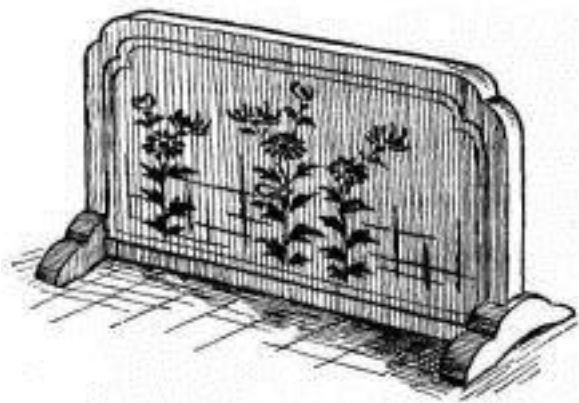

Рис. 160. Модель цуй—тате в керамике.

Когда *седзи* снимаются, и комната становится широко открытой для света и воздуха, в качестве солнцезащитных экранов используются занавески, сделанные из полос бамбука или тростника; обычно их подвешивают чуть ниже края дополнительной крыши или *хисаси* или могут быть подвешены непосредственно за пределами комнаты. Их можно свернуть и связать или опустить до любой желаемой длины. Эти шторы могут быть как однотонными, так и с нанесенными на них изящными узорами из виноградных лоз или тыкв, или обычными узорами. Эти узоры создаются либо путем подгонки швов на бамбуке в виде зигзага или другого рисунка, как показано на [рис. 162 \(А.\)](#), либо на тонких полосках бамбука могут быть вырезаны квадратные выемки по их нижним краям, как на [рис. 162 \(В\)](#). В этом случае оттенок помещения внутри создает необходимый фон для создания дизайна, как показано на [рис. 163](#). Эти устройства называются *норэн*; если они сделаны из бамбука, они называются *сударе*.

В иллюстрированных книгах часто встречается фигурный экран, подобный тому, что показан на [рис. 164](#). Он состоит из лакированной подставки, от которой отходят два вертикальных стержня, которые, в свою очередь, поддерживают поперечную перекладину, мало чем отличающуюся от некоторых форм вешалок для полотенец; от нее зависит занавес из ткани, достаточно длинный, чтобы подметать пол. Я никогда не видел этого предмета, хотя он, вероятно, используется в домах дайме.

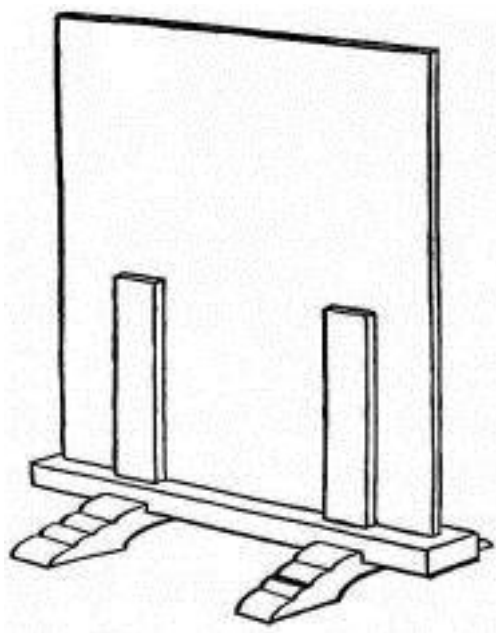

Рис. 161.—Цуй-тейт.

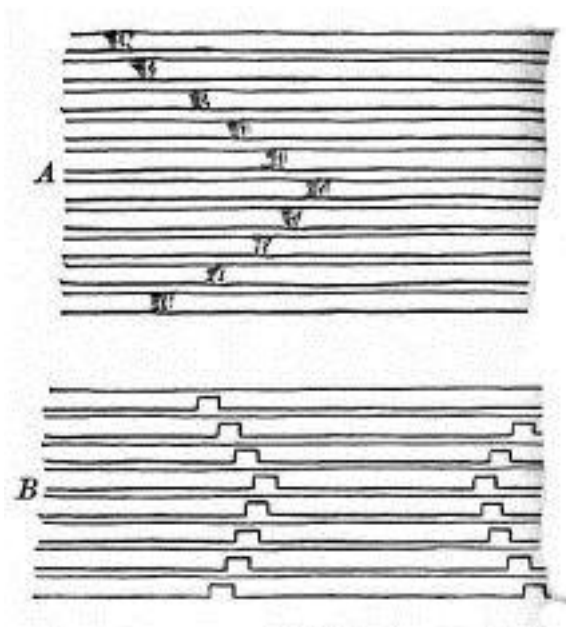

Рис. 162.Бамбуковые занавески.

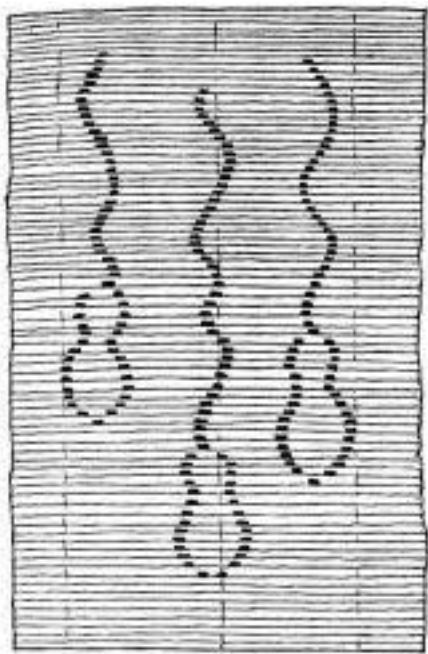

Рис. 163. Бамбуковая занавеска.

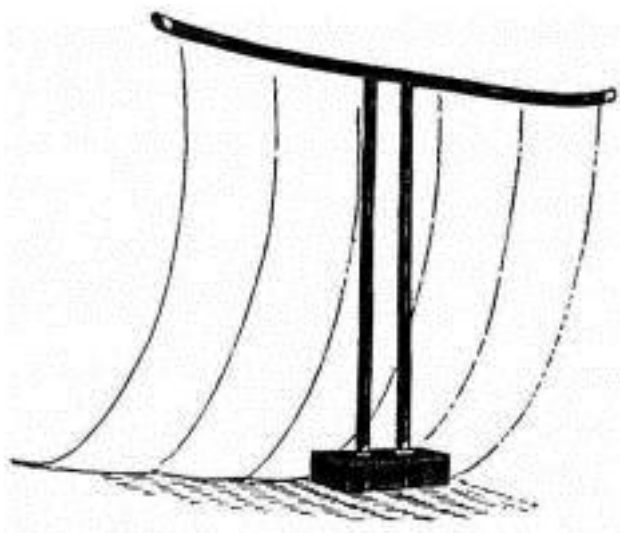

Рис. 164.—Шторный экран.

В дверных проемах и проходах часто можно увидеть ширму или занавес, состоящий из бахромы из шнуров, на которые наподобие бусин нанизаны короткие полоски бамбука с черными семенами через равные промежутки. Часть одной из таких занавесок с бахромой показана на [рис. 165](#). Преимущество такой занавески не только в том, что она является хорошей ширмой, но и в том, что заключенные могут проходить через нее, так сказать, без необходимости поднимать ее. Существует множество форм этих занавесок, и в настоящее время японцы экспортируют множество изящных занавесок, сделанных из стеклянных бусин и срезов тростника.

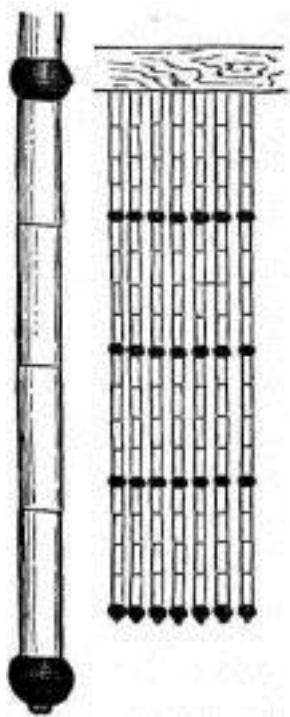
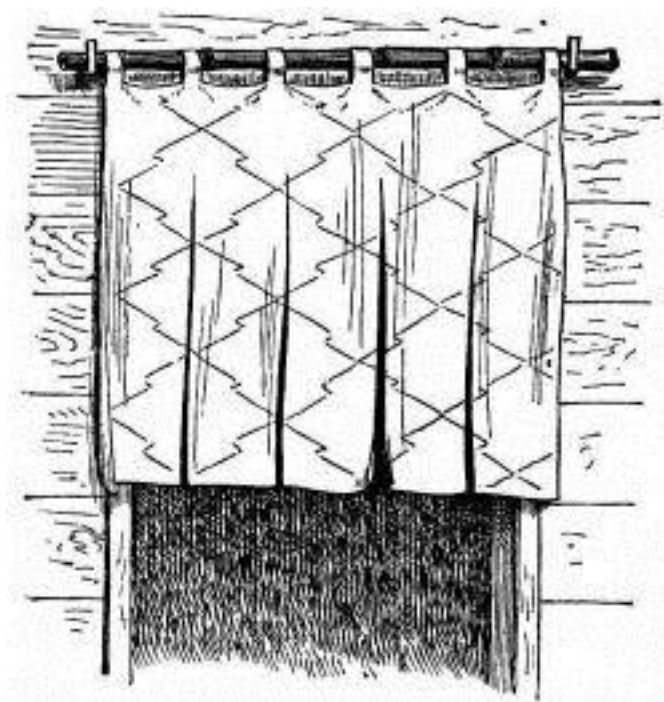

Рис. 165. Шторы с бахромой.

Тканевые занавески используются при входе на кухню, а также для экранирования ниш, похожих на шкафы. Ткань разрезается через определенные промежутки времени, оставляя ряд длинных лоскутов. Эта занавеска не так легко колышется на ветру, и через нее можно легко пройти, входя в комнату (рис. 166). Перед японским магазином можно увидеть похожую по форме занавеску с прорезями через определенные промежутки времени, чтобы на нее не воздействовал обычный ветер.

Несомненно, существует множество других форм ширм и занавесок, не перечисленных здесь, но большинство из описанных представляют собой обычные формы, которые обычно наблюдаются.

ГЛАВА IV. ИНТЕРЬЕРЫ (Продолжение).

Кухня в Японии, как и в квартире, варьируется в той же степени, что и в нашей стране, и меняется таким же образом; то есть в сельской местности, в домах высшего класса, как в Японии, так и в Соединенных Штатах, кухня большая и часто просторная, хорошо освещенная и воздушная, в которой происходит не только приготовление пищи и мытье посуды, но и подача блюд. Кухня обычного городского дома в обеих странах часто представляет собой темную узкую комнату, плохо освещенную и совершенно лишенную комфорта для повара. Среди домов этого класса кухня - наименее выделяющаяся из японских комнат; ей не хватает той опрятности и четкости, которые так характерны для других комнат. Часто это узкое крыльцо или сарай со скатной крышей, редко, если вообще когда-либо, имеющий потолок; его открытые стропила почернели от дыма, который выходит через люк, через который часто проникает единственный свет, освещающий тусклый интерьер. В городских домах кухня часто выходит на ту сторону дома, которая примыкает к улице, по той причине, что сад находится в задней части дома, и лучшие комнаты выходят на эту территорию; находясь также на улице, кухня удобна для продавца рыбы и овощей, а также для всего кухонного движения, которое слишком часто у нас приводит к тому, что наши маленькие лужайки устилаются оберточной бумагой от мясных свертков и другими приятными воспоминаниями о дневном ужине. В сельской местности кухня обычно находится в конце дома, обычно выходя в какую-нибудь пристройку, похожую на крыльцо, где удобно хранить кадки, ведра и т.д., А также зимний запас дров.

Рис. 167. Кухня в старом фермерском доме в Кабутояме.

В общественных гостиницах и больших загородных домах, а также во многих крупных городских чайных обычный приподнятый пол разделен узкой площадкой, полом которой служит твердая утоптанная земля; и эта площадка образует аллею от дороги к сердцу дома и даже через дом к саду за ним. Это позволяет человеку пройти в центр дома без необходимости снимать обувь. Носильщики и слуги приносят багаж гостя и кладут его прямо на циновки; а на постоянных дворах больше уединения обеспечивается за счет того, что *каго* выносятся в центр дома, где посетитель может выйти на пороге той самой комнаты, которую ему предстоит занять. Для перекрытия этой аллеи используется доска или другая регулируемая платформа, чтобы жильцы могли переходить из одной части дома в другую босиком или в носках.

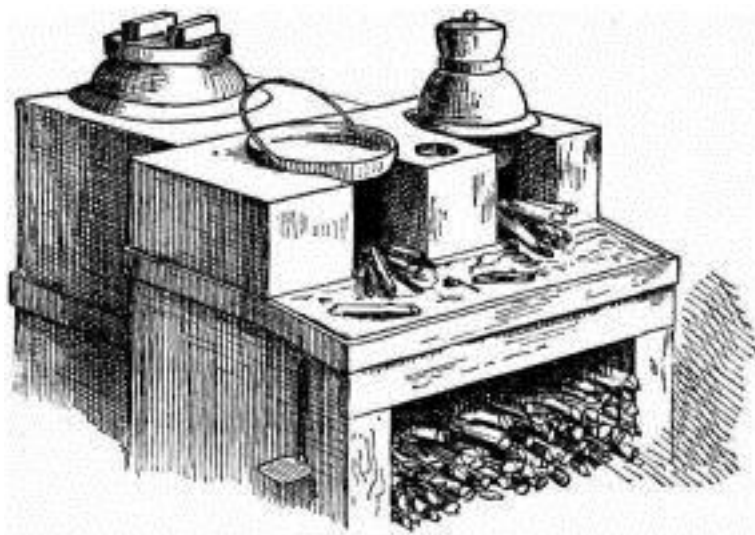

Рис. 168.—Кухонная плита.

Если это помещение находится в общественной гостинице, офис, общая комната и кухня граничат с одной стороны этого прохода. В общей комнате уход за детьми, шитье и различные семейные обязанности продолжают под крышей с толстыми стропилами и соломенной крышей, которая почернела от дыма кухонного очага и покрылась такой же почерневшей паутиной, что при освещении красноватым светом очага приобретает странный вид. Сейчас мы говорим о северных загородных домах, особенно там, где камин, как в доме айно, находится посередине пола. В загородных домах лучшего класса кухня большая и вместительная; колодец всегда удобно расположен рядом и часто под одной крышей. На кухне японского дома используется огромное количество воды; и если колодец находится снаружи, то рядом с колодцем устраивается корыто, в которое наливается вода, и из этого корыта бамбуковый носик подает воду в большой резервуар для воды на кухне. В непосредственной близости от колодца всегда мокро и грязно; овощи, рис, посуда и почти каждая посуда и предметы питания, кажется, попадают под этот поток воды.

На рис. 167 (стр. 186) приведен эскиз старой кухни Кабутояма в западной части провинции Мусаси. Этой кухне почти триста лет, и она принадлежит богатому и независимому японскому фермеру. Впереди виден большой деревянный колодец с бордюром, над которым натянут канат. Рядом находится желоб, из которого бамбуковый желоб ведет к какому-то желобу в другой части дома. *Камадо*, или кухонная плита, видна слева, а за ней находится комната, частично закрытая *фусума*. Прямо у колодца можно увидеть двух девушек, занятых приготовлением ужина, который заключается в расставлении блюд на маленьких приподнятых лакированных подносах, которые должны быть внесены, когда ужин будет готов. Рядом с плитой стоят маленькие переносные подставки из мягкого камня, используемые в качестве жаровен. Фальшпол состоит из широких досок; на кухнях неизменно деревянные полы, которые часто очень гладкие и отполированные.

Обычная форма кухонной плиты представлена на рис. 168; она сделана из битых плиток и глины, спрессованных вместе, аккуратно оштукатуренных и зачерненных снаружи. В этой плите есть два углубления для костра, которые открываются прямо спереди; и это сооружение опирается на прочную деревянную раму, имеющую место для золы спереди и пространство под ней, в котором хранятся дрова и древесный уголь. Иногда эта плита, сохранившая ту же форму, изготавливается из меди; внутри нее хранится вода, а небольшие

отверстия позволяют опускать бутылку с вином, чтобы нагреть ее, поскольку саке пьют горячим, без примеси горячей воды.

На другой кухне в доме в Имадо, Токио, была установлена вытяжка из листового железа для отвода дыма наружу. Вероятно, это современное устройство (рис. 169).

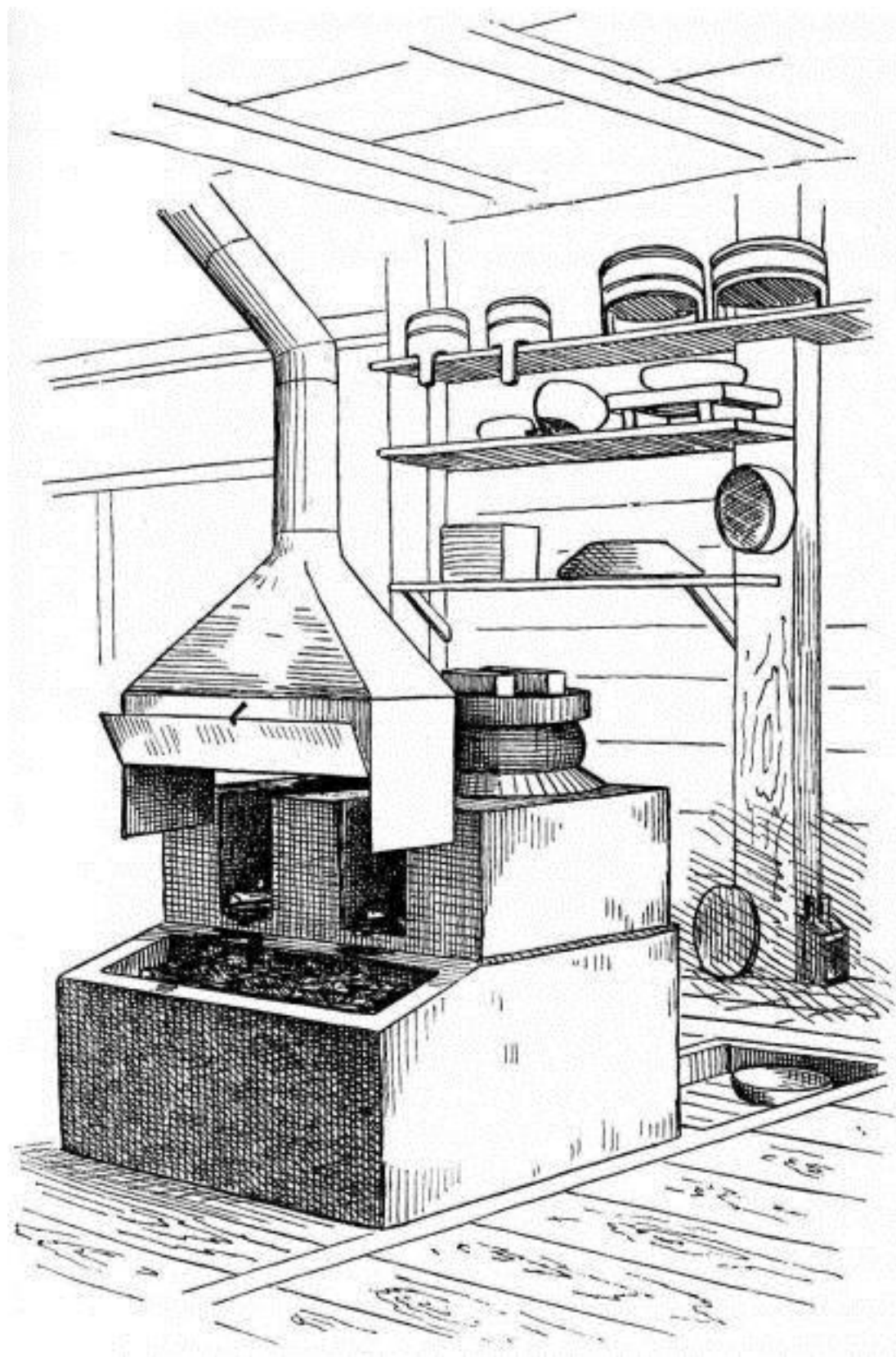

Рис. 169. Кухонная плита с дымоотводом.

На [рис. 170](#) приведен эскиз кухни в Токио, в которой плита представляла собой закрытое сооружение из камня с воронкой на конце, как в наших печах. Владелец этого дома сказал мне, что такая печь использовалась в его семье по меньшей мере на протяжении трех поколений. На этой кухне видна зона на уровне земли, в которой стоит раковина с перевернутым чайником для риса. Рядом с раковиной стоит огромный кувшин для воды, рядом с ним удобно расположены ведро для воды и ковшик для черпака; над ним находится полка, на которой стоят многочисленные ведра и бадьи. На одном из столбов висит обычная бамбуковая подставка для шампуров, деревянных ложек, лопаточек и т.д., а под ней - футляр для мясных и рыбных ножей. На бамбуковом шесте висят несколько полотенец, а также две большие рыбы головы, из которых готовится жидкий суп. На столбе у входа в печь висит грубое проволочное сито, с помощью которого просеивают золу в поисках маленьких кусочков несгоревшего древесного угля, которые всегда экономят, а рядом стоит закрытый сосуд для хранения этих углей. Рядом с плитой стоит обычная каменная жаровня для подогрева воды для чая.

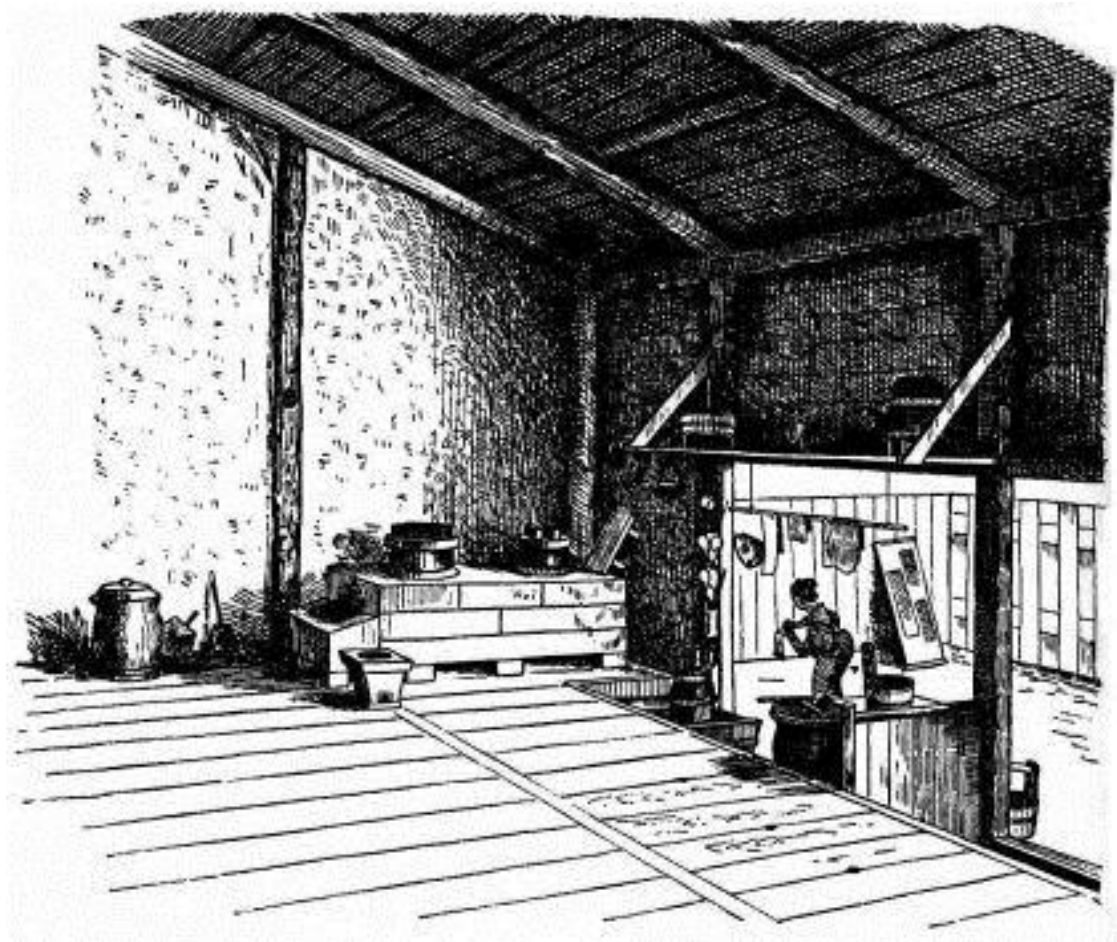

Рис. 170. Кухня в городском доме.

На [рис. 171](#) более четко представлена форма этой жаровни, которая называется *сичирин*. Это удобное и экономичное устройство для приготовления небольших каш или для кипячения воды, для чего используется древесный уголь. Вместо сильфонов для растопки или ускорения огня используется вентилятор. Также используется короткая бамбуковая трубка, с помощью которой легкие повара действуют как мехи при выполнении подобной работы.

На рис. 172 более четко видны бамбуковая подставка и футляр для ножей внизу, которыми комплектуется практически каждая кухня. Часто в общественных гостиницах кухня выходит на улицу, где повара можно увидеть на виду за работой. В нашей стране в закусочных часто одинаково демонстративно выставляют блюда, приготовленные на гриле и тушеные, в качестве аппетитного стимула для привлечения гостей.

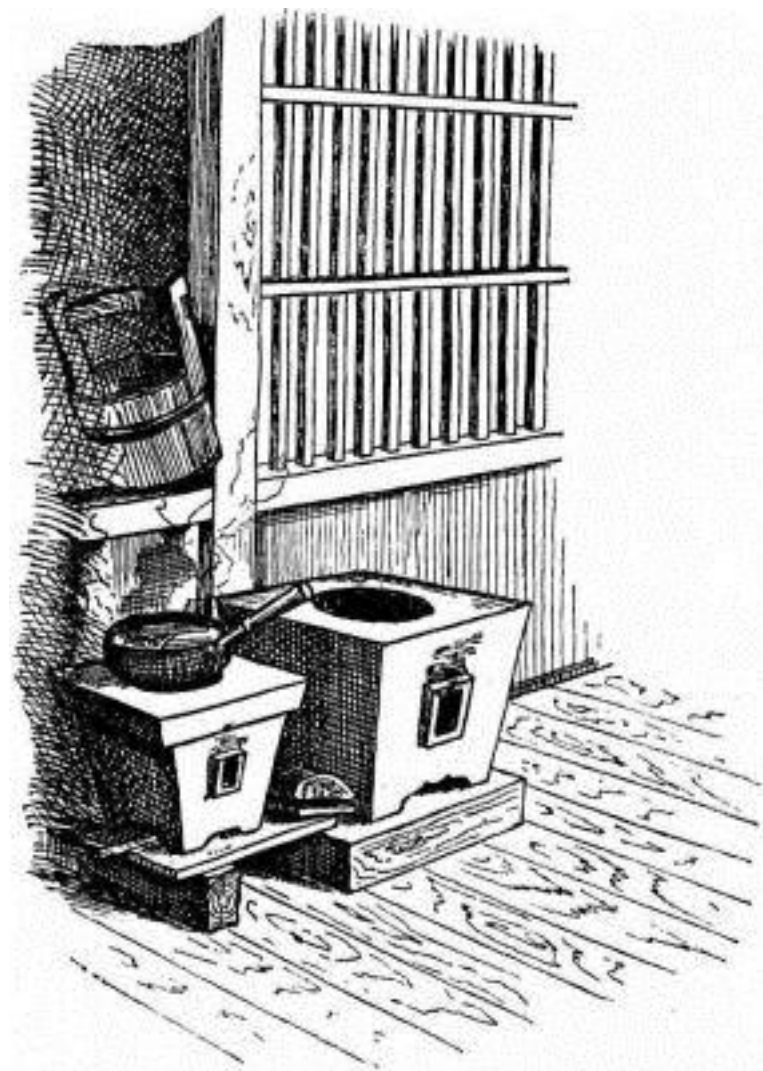

Рис. 171.—Жаровни.

На рис. 174 показано общее устройство кухни на севере Японии, да и по всей стране. Здесь камин находится в центре комнаты. Над огнем на цепи подвешен чайник, а вокруг него сгруппировались другие чайники для разогрева. Над головой висит решетка, на которой подвешивают рыбу и мясо, и таким образом дым, поднимающийся от костра, используется для их приготовления. Иногда над дымом подвешивают большой пучок соломы, и в этот пучок соломы втыкают маленьких рыбок, насаженных на заостренные палочки, как булавки в подушечку для булавок.

На рис. 175 показано более сложное приспособление для подвешивания чайника. Это сложный механизм с любопытным шарниром, так что его можно поднимать или опускать по желанию.

В хижине крестьянина можно увидеть простую посуду (рис. 173), сделанную из бамбука, которая отвечает той же цели. Это называется *цзи-цзай*, что означает “по своей воле”. В передней части рис. 175 видна квадратная медная коробка с двумя круглыми отверстиями.

Эта коробочка наполнена водой, которая нагревается на огне, и предназначена для разогрева саке, или вина. Щипцы воткнуты в золу в одном углу. Они состоят из пары длинных железных палочек для еды, скрепленных на одном конце большим кольцом, чтобы, так сказать, одна ножка щипцов не потерялась. Чтобы поднять горячие угли с помощью этого кухонного инструмента, требуется немалая сноровка, так как в непривычных или неловких руках кольцо не позволяет остриям соприкасаться.

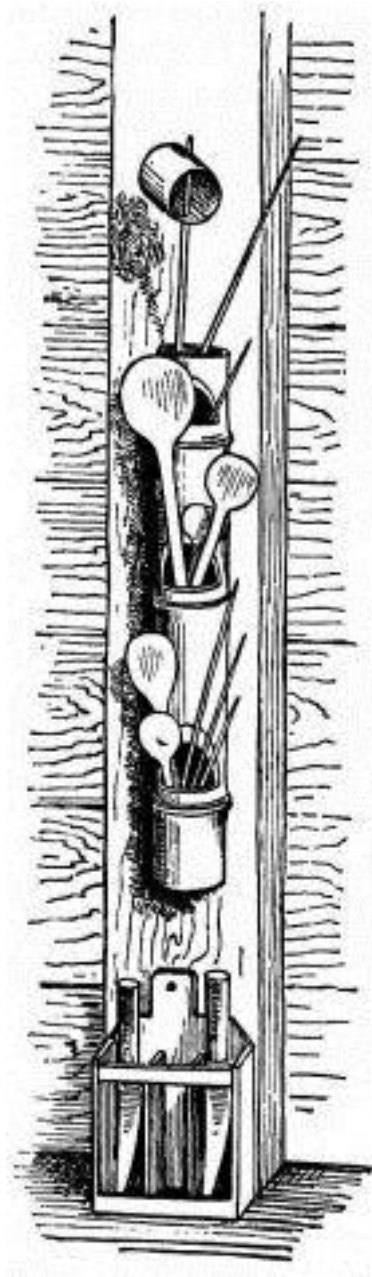

Рис. 172. Бамбуковая подставка и футляр для ножей.

Рис. 173.—Цзи-цзай

Возможно, здесь уместно упомянуть приспособление для удержания горшка над огнем, замеченное в лодке, плывущей по реке Китаками, и которое, вероятно, используется на севере Японии, хотя я никогда не видел его в доме. Он состоял из вертикальной палки с пазом в центре. В этот паз вставлялась шарнирная палка, лежащая горизонтально и расположенная таким образом, что ее можно было регулировать на любой высоте. [Рис. 176](#) (стр. 195) лучше любого описания проиллюстрирует принцип его работы.

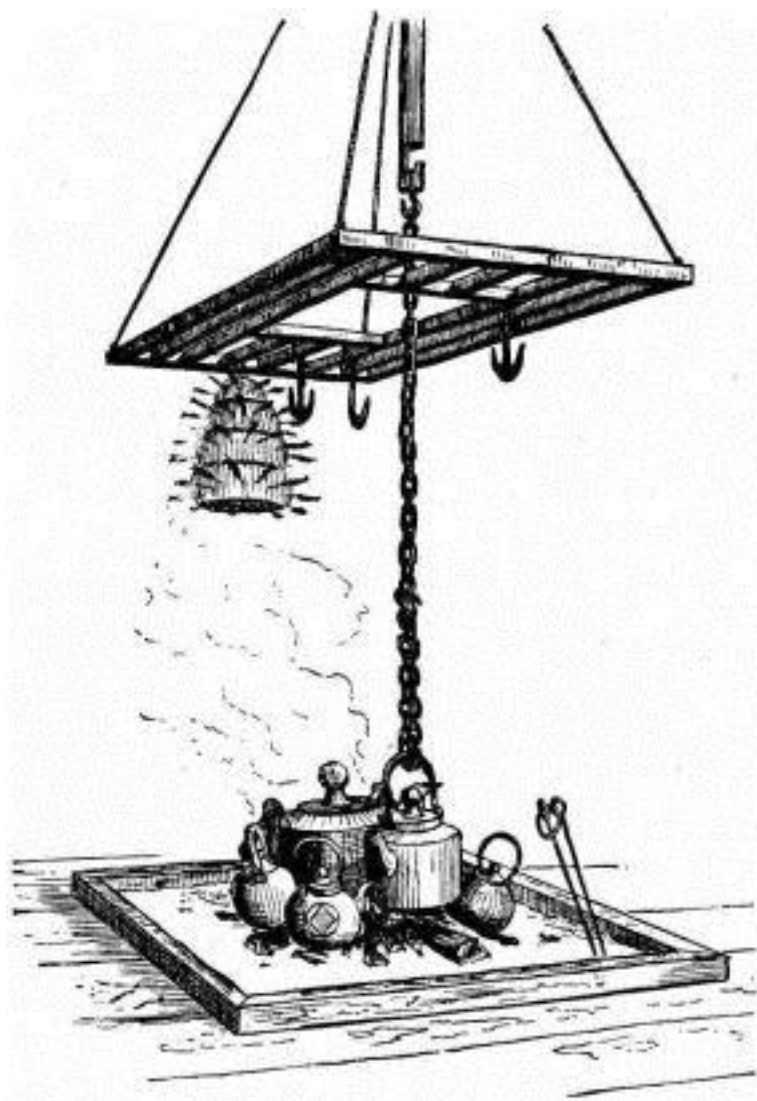

Рис. 174.Камин в загородном доме.

Пол в большинстве комнат, постоянно покрытый циновками, уже описанными в предыдущих главах, не требует особого внимания; во всяком случае, пол часто состоит из грубых досок, уложенных таким образом, что между ними образуются неравномерные промежутки. Когда в доме есть надлежащий холл или вестибюль, пол состоит из широких досок; и удивляет гладкое, похожее на слоновую кость, отполированное состояние, в котором часто содержатся такие полы. В загородных домах нередко можно увидеть полы из полированного дерева в некоторых передних комнатах, и когда человек едет по дороге, он часто может увидеть отражение сада за ними в их полированных поверхностях. В загородных гостиницах пол в передней части дома часто дощатый. Однако циновки на полах распространены повсеместно от крайнего севера до крайнего юга Империи.

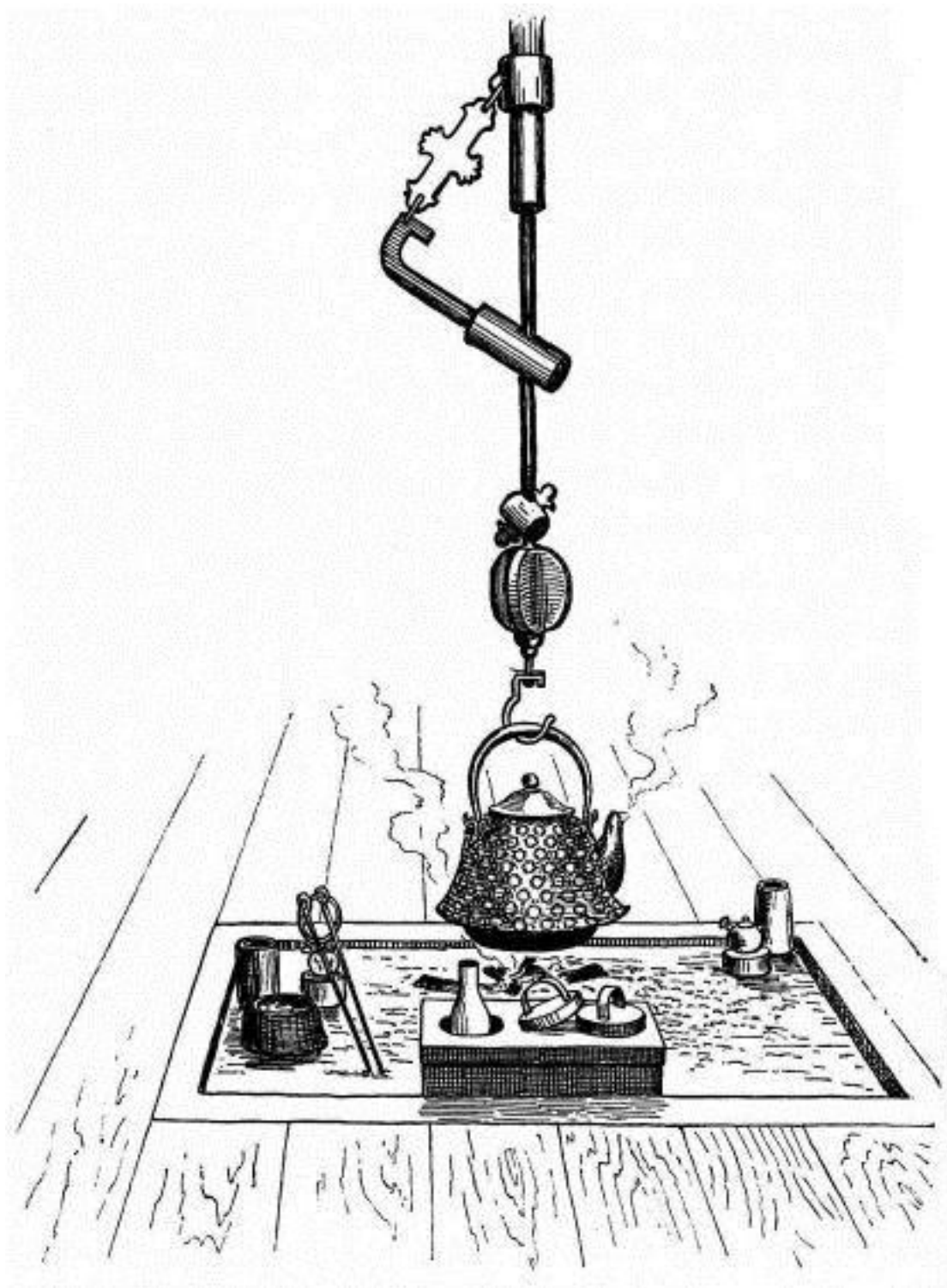

Рис. 175.—Лучший камин.

В домах торговцев, граничащих с улицей, устланный циновками пол обычно заканчивается в нескольких футах от подоконника, причем пространство между ними состоит из земли. Когда пол приподнят, пространство между краем пола и землей обычно заполняется простыми деревянными панелями, хотя иногда на панели вырезаются рисунки в виде цветов или обычных фигур. Эти панели часто расположены так, что их можно снять, открывая пространство под полом, в котором можно спрятать обувь, зонтики и т.д.

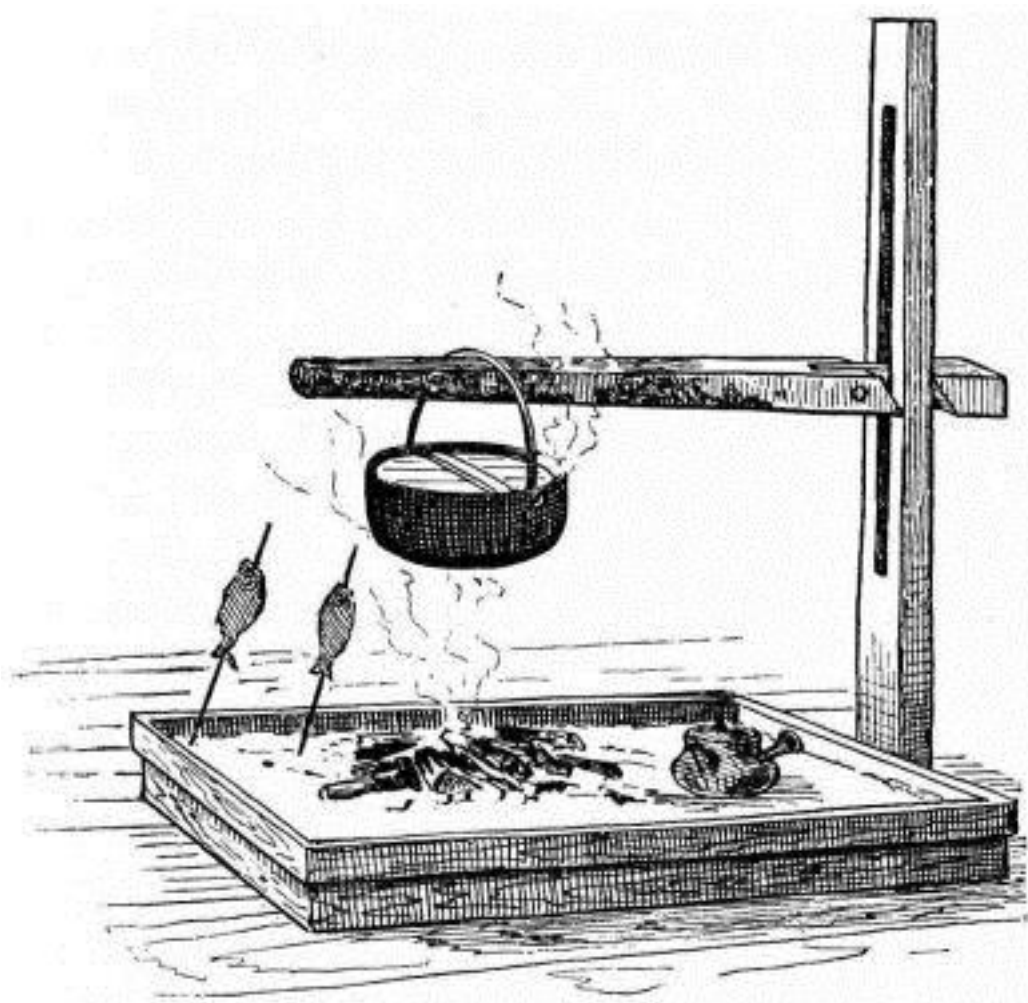

Рис. 176. Регулируемое приспособление для поддержки чайника.

Одна из удивительных особенностей, которая поражает иностранца, когда он знакомится с японским домом, - это полное отсутствие стольких вещей, которые у нас загромождают шкафы или вьют беличьи гнезда на чердаке, — я говорю сейчас об обычном доме. Причина этого в том, что у людей никогда не развился скупой дух накапливать грузовики и мусор с мыслью, что когда-нибудь это может пригодиться: этот дух, когда он развит, становится манией, превращающей чердак и сарай человека в лавку старьевщика. Немногие необходимые предметы, хранящиеся у японцев, спрятаны в коробках, шкафах, в промежутках под полом.

Полы на кухнях в любом случае деревянные, как и в холлах, на верандах и во всех переходах. В домах более высокого класса грунт под полом готовится из гравия и строительного раствора, смешанного с глиной, или щебеночного покрытия.

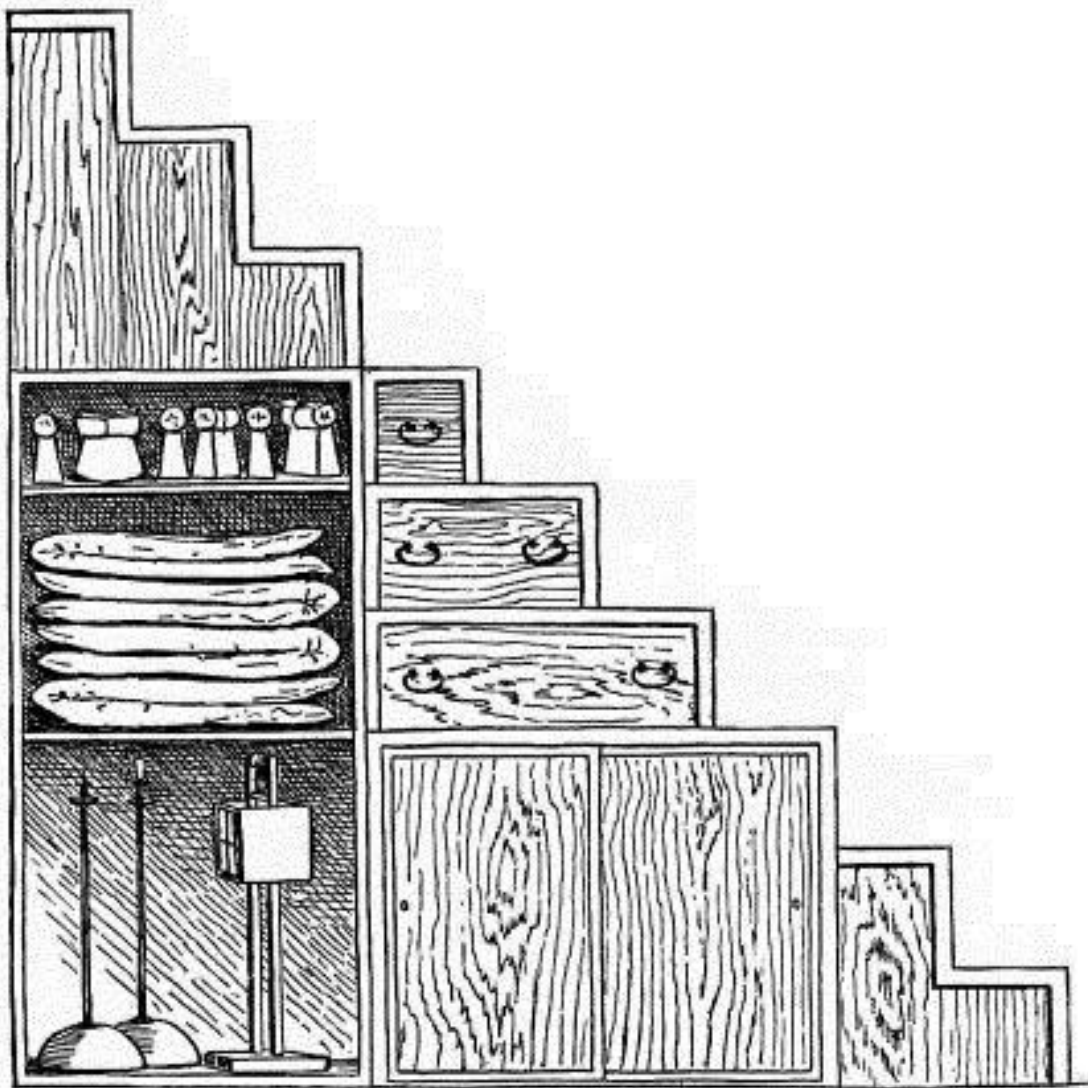

Рис. 177.—Кухонный шкаф, выдвижные ящики, буфет и лестница вместе взятые.

В японском доме есть множество шкафов. Большие шкафы, закрываемые раздвижными ширмами или *фусумами*, используются для хранения одежды и постельных принадлежностей. *Тансу* — комод, мало чем отличающийся от нашего бюро, — часто устанавливают в шкафу, который также является вместилищем для сундуков. Обычный высокий шкаф можно увидеть не так часто; и если в наших домах считается необходимым, чтобы каждая комната была оборудована шкафом, то в японском доме спальни редко содержат такие удобства. В определенных нишах установлены низкие шкафы, верхняя часть которых образует глубокую открытую полку. На кухне для посуды используются комоды и аналогичные приспособления. В провинции Оми часто можно увидеть шкаф с полками и буфетом под ними; на полках выставлены блюда большего размера. На кухне часто есть совмещенный с лестничным пролетом шкаф; и у этого шкафа обычно есть дверца, качающаяся на петлях. В этом шкафу часто хранятся постельное белье, подушки, подсвечники и ночники. На рис. 177 показан внешний вид этого шкафа. В коридоре также иногда можно увидеть шкаф, в который убирают *гэта*, или деревянные сабо. Подобный шкаф описан далее.

Поскольку большинство домов одноэтажные, а пространство между потолком и крышей никогда не использовалось, как у нас, лестницы встречаются нечасто; если они и

встречаются, то примитивны по своей конструкции. Лестницу, встроенную в конструкцию здания и закрывающуюся снизу, я никогда не видел в Японии; здесь также нет никакого подхода к широким, низким ступеням и площадкам или винтовым лестницам, с которыми мы знакомы в американских домах. Если дом двухэтажный, лестница принимает форму довольно крутой стремянки; то есть у нее есть две боковые части, или веревки, в которых ступени, сделанные из толстых досок, врезаны. Эта лестница настолько крута, что при подъеме человеку приходится ступать боком, иначе его колено ударится о ступеньку выше. Редко бывает так, чтобы за что-то удобно было держаться: однако, если таковое имеется, оно состоит из деревянной полоски, прикрепленной к стене, или веревки, закрепленной таким же образом. Передняя часть ступеньки открыта, то есть подступенка отсутствует; но если задняя сторона ступеньки выходит в открытое помещение, то сзади прибиваются деревянные рейки.

В красивом доме, недавно возведенном в одном из императорских садов, есть удивительно чистая и простая лестница с перилами (рис. 178).

На постоянных дворах и больших фермерских домах часто можно увидеть стремянку, которую при необходимости можно снять. Другой вид, общий для того же класса домов, имеет вид ряда квадратных коробок, нагроможденных одна на другую, как набор блоков разного размера. Однако это компактная конструкция, хотя на самом деле она состоит из нескольких отсеков, которые могут быть разделены. Существует множество форм такого рода лестниц. У того, что показано на рис. 177, первые две ступеньки закрыты; затем идет низкий шкаф с раздвижными дверцами сбоку, верхние углы которого образуют еще одну ступеньку. На шкаф опираются еще три ступеньки, на каждой из которых есть выдвижной ящик сбоку. Рядом с ним находится высокий шкаф, поддерживающий сверху еще две или три ступеньки. Этот шкаф обычно имеет распашную дверцу — особенность, редко встречающуюся где-либо в собственно японском доме. В этом шкафу на полу стоит ночник, или *андон*, и высокие подсвечники, а наверху убраны постельное белье и подушки; или его можно использовать для подносов и посуды. Ступени не такие крутые, как в виде лестницы, не имеют балясин или поручней и удивительно прочные. Здесь уместно сказать, что дерево, из которого изготовлена лестница, а также некоторые этажи, имеет высокую отделку, часто с поверхностью, напоминающей полированную слоновую кость. Я часто осматривал дерево в поисках следов воска или полироли, нанесенных на его поверхность, но ничего не находил. Расспросы выявили любопытную информацию о том, что вода из ванны часто используется для увлажнения ткани, которой протирают дерево; и, очевидно, сальные выделения кожи имели большое отношение к часто достигаемому прекрасному блеску. Когда в доме есть *генка*, или холл, ступени, числом две или три, такие же широкие, как холл, и обычно ступени несколько выше наших ступеней. Эти ступеньки в каждом случае постоянно встроены в конструкцию пола. Ступени, ведущие с веранды на землю, обычно имеют форму квадратных или неправильной формы блоков из камня или дерева; если ступенька деревянная, то это может быть поперечный срез какого-нибудь огромного дерева или массивная доска. Ступени других форм могут состоять просто из двух боковых частей, причем ступени сделаны из досок и врезаны внутрь (рис. 179); или может быть изготовлена более компактная конструкция с очень низкими поручнями. Все эти формы регулируются, то есть их можно разместить в любой части веранды.

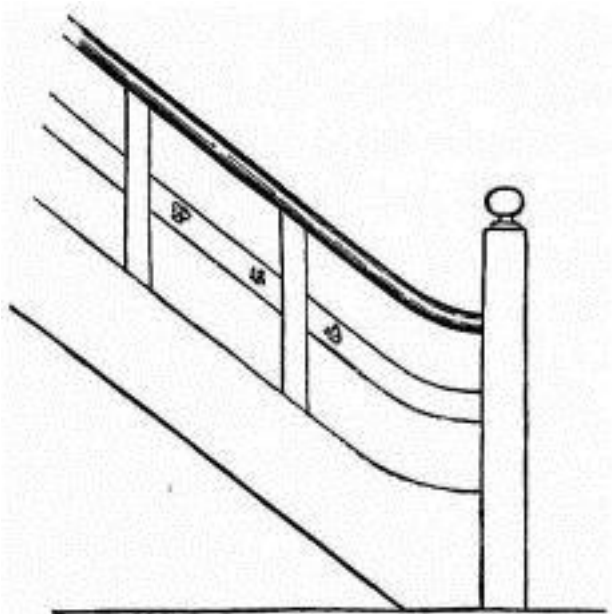

Рис. 178.—Перила лестницы.

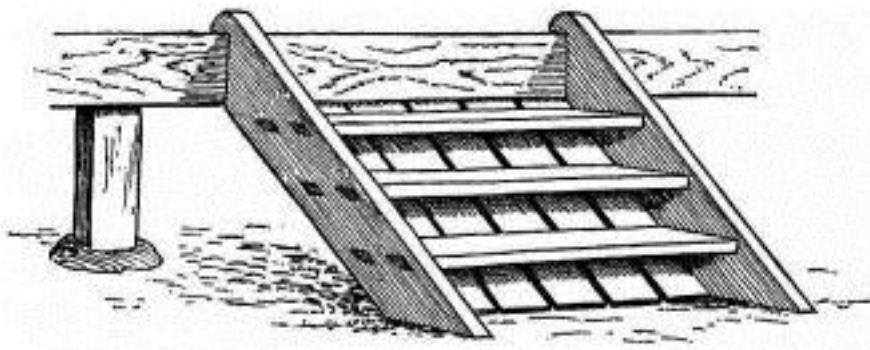

Рис. 179.Ступени на веранду.

Нет такой черты общественной жизни в Японии, которая подвергалась бы более невежественному, а в некоторых случаях и умышленному, обращению, чем обычай общественного купания; тем не менее, я осмелюсь сказать, что в японской жизни нет такой черты, заслуживающей более искренней похвалы, чем та же самая система общественного купания. Но этим утверждением я не хочу сказать, что мы немедленно приступим к устройству ванн в японском стиле и будем обустраивать их по японской моде. Японцы, как и другие восточные народы, веками привыкали видеть наготу, не вызывая у них ни малейшего внимания и никоим образом не предполагая нескромности. У нас, напротив, эффект был иным; и ужасный результат виден в почти полном исчезновении в нашей стране классической драмы и замене ее балетом - танцами и бурлесками, — фактически всем, что может представить вульгарному взору тысяч людей женские формы в скудных одеждах.¹⁶ Турецкая женщина считает свою сестру-христианку не только нескромной и вульгарной, но и абсолютно аморальной, потому что она, не краснея, разгуливает по людным улицам с обнаженным лицом; но христианка знает, что установленные обычаи турецкой драмы нарушаются. ее страна считает такое разоблачение вполне уместным. Девушка, которая в нашей стране сочла бы нескромным появляться среди членов своей семьи в *домашнем халате*, и при этом под ярким газовым фонарем, среди множества незнакомых людей, появляется с низко опущенным *корсажем*, совершает поступок, который турецкой женщине показался бы необъяснимым. Японцу вид наших ослепительных бальных залов с девушками в *платьях с декольте*, сжимающимися в объятиях своих партнеров и кружащимися под

звуки возбуждающей музыки, должен показаться самым диким развратом, какой только можно вообразить; ибо в Японии полы, за исключением низших классов, никогда не смешиваются. Здесь не принято устраивать свободные и веселые пикники, кататься на санях, кататься на лодках и устраивать вечерние вечеринки среди девочек и мальчиков; не принято пожимать руки, дружески целоваться. Если приезжий из Японии в эту страну является ограниченным и безмозглым писакой, он, вероятно, поразит своих друзей дома рассказами о вопиюще аморальном характере христиан. Как бы он ни был незнаком с бездельниками на углу, глазающими на каждую проходящую мимо девушку, или с тем классом, который заполняет наши прогулки с единственной целью поглазеть на девушек, которые здесь для того, чтобы на них пялились, что он должен думать о нашем народе, когда посещает наши летние курорты на берегу моря и видит молодую девушку — нет, их целые стаи — бредущих по песку под ярким солнцем, босых, одетых только в один халат, который, намкнув, прилипает к ее фигуре и делает ее объектом созерцания батальона молодых людей, которые хотят, чтобы на них пялились? окаймите пляж!

В Японии, среди низших классов, мужчины и женщины моются вместе, но со скромностью и приличиями, которые непостижимы для иностранца, пока он сам не увидит этого. Несмотря на то, что они обнажены, в них нет непристойного обнажения личности. Находясь в ванне, они поглощены своей работой, и хотя болтают и смеются, кажется, что совершенно не обращают внимания друг на друга. Грубейшая клевета была написана о японцах в связи с их обычаем публичного омовения; и я рискну заявить, не опасаясь противоречия, что интеллигентный японец, впервые видящий многие из наших обычаев, не зная условий, в которых он вырос, нашел бы бесконечно больше поводов для осуждения как нескромных, чем интеллигентный иностранец, впервые увидевший определенные японские обычаи, с тем же первоначальным невежеством относительно того, что эти обычаи подразумевают.

Если чистоплотность стоит рядом с благочестием, то воистину японцы - благочестивая раса.¹⁷ Простое утверждение без оговорок, что многие японцы в своих общественных банях моются в одной и той же воде, могло бы показаться непристойной привычкой. Конечно, если бы такое утверждение действительно было верно в отношении наших собственных низших классов, это было бы самой грязной привычкой. Однако, когда становится понятным, что японские рабочие — такие, как плотники, каменщики и другие — часто моются два или три раза в день и по необходимости должны входить в ванну в состоянии чистоты, которого наши рабочие редко достигают, если вообще когда-либо достигают, утверждение теряет часть своей силы. Когда далее добавляется, что эти люди не моются в ваннах, а некоторое время кипятятся или отмокают в них, а затем на помосте, с дополнительным ведром воды и полотенцем, моются и вытираются, грязный характер этого представления приобретает совсем другой аспект. Японец, знакомый с его просторными театрами, похожими на амбары, с его публичными чтениями под открытым навесом или собраниями в помещении, в котором одна или все стороны могут быть открыты для воздуха даже в середине зимы, посмотрел бы на обычные публичные собрания нашего народа в лекционных залах, классных комнатах и других закрытых помещениях, где воздух часто становится настолько зловонным, что люди падают в обморок и с трудом добираются до двери, чтобы глотнуть свежего воздуха, - японец, говорю я, справедливо счел бы такую практику грязной до последней степени. И что бы он сказал, например, на одном из наших великих политических собраний, где огромное немытое стадо потных и возбужденных людей фактически оmyвает свои нежные перепончатые легкие совместным дыханием сотен людей!

Общественные бани, однако, нас не интересуют, хотя в этом отношении неплохо было бы сравнить нашу страну с Японией, где в последней стране в каждой деревне и в каждом

городке, а в городе почти на каждой площади есть общественные бани, где за один-два цента можно найти удобства для принятия горячей ванны; в то время как в нашей стране общественные бани есть только в крупных городах, и лишь немногие из них могут похвастаться такой роскошью. Что касается частных домов в нашей стране, где принято мыться, то проведенный опрос показывает, что лишь немногие обладают таким удобством, как ванна.

В массах нашего народа мытье по субботам вечером может быть принудительным, а может и не быть; когда это происходит, это представление обычно проводится на кухне с подачей горячей воды из чайника. Но в Японии почти в каждом доме представителей высшего и среднего классов есть все необходимое для принятия горячих ванн; и даже среди беднейших слоев населения, как в сельской местности, так и в городе, недостатка в этом удобстве нет, а дополнительные удобства в виде общественных бань при желании доступны повсюду.

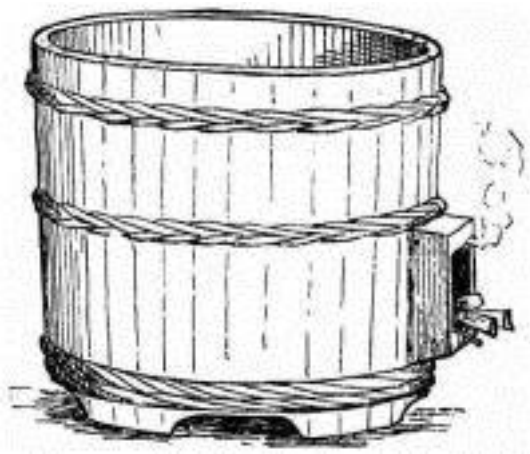

Рис. 180.—Ванна с боковой духовкой.

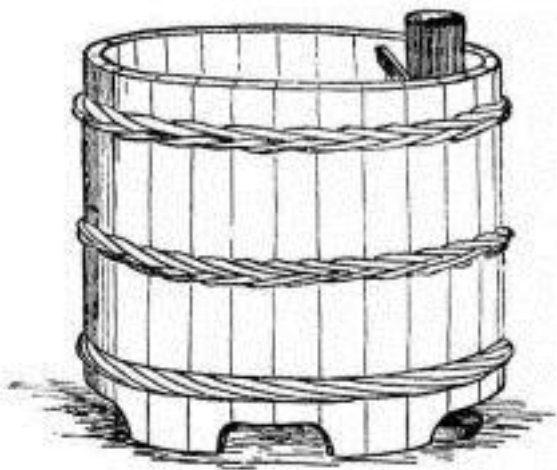

Рис. 181. Ванна с внутренним дымоходом.

Существует множество форм ванн для купания, все они большие и глубокие. Способы прямого нагрева, которые, безусловно, являются наиболее экономичными, достигаются различными способами. В обычной форме (рис. 180) на одном конце около дна ванны вставляется небольшая медная камера - горловина с обрамлением из камня, глины или гипса. В этой камере разводится огонь, и при необходимости воду можно довести до точки

кипения. Внутри ванны несколько поперечных перекладин предотвращают соприкосновение купальщика с горячей камерой, в которой горит огонь. В другой форме медная воронка или трубка проходит непосредственно через дно ванны (рис. 181). Дно этой трубки имеет решетку из проволоки; затем в трубку помещается древесный уголь, и при его сгорании вода быстро нагревается. Под трубкой устанавливается поддон для сбора угля и золы, которые попадают внутрь. В более сложной форме (рис. 182) ванна состоит из двух секций, разделенных перегородкой помещения. Эти две секции соединены рядом бамбуковых трубок или дымоходов, так что вода может свободно циркулировать. В секции снаружи находится топка, в которой разводится огонь; благодаря такому расположению купальщик избавляется от дискомфорта от дыма от костра.

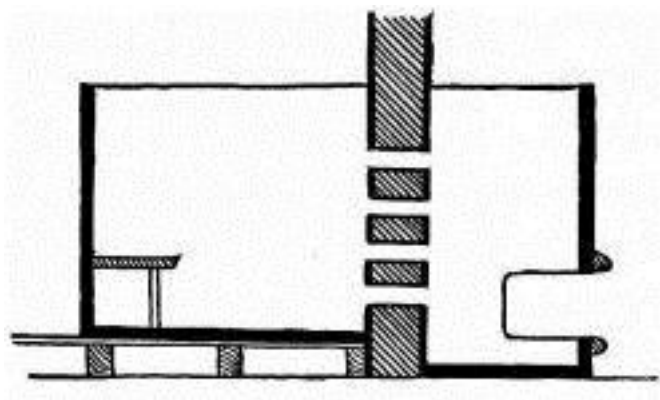

Рис. 182.—Ванна в разрезе, с духовкой снаружи помещения.

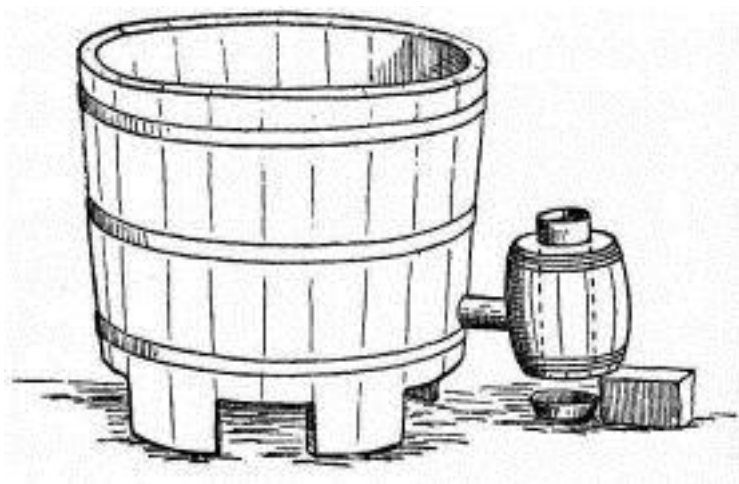

Рис. 183. Ванна с наружной нагревательной камерой.

Очень превосходная форма ванны показана на рис. 183, в которой снаружи ванны находится камера, похожая на небольшой деревянный бочонок, закрытый с обоих концов; через этот бочонок проходит медная трубка, в которой разводится огонь из древесного угля. Бочка соединена с ванной большой бамбуковой трубой с маленькой квадратной дверцей внутри, которую купальщик может закрыть, если вода станет слишком горячей. Во многих случаях вытяжка устроена таким образом, что дым от огня уносится прочь. Эти ванны стоят на большом деревянном полу, доски которого наклонены к центральному желобу. Здесь купальщик ополаскивает себя отдельным ведром с водой, предварительно буквально пропарившись в воде, температура которой настолько высока, что иностранец не может ее вынести.

Очень распространенная форма ванны в сельской местности состоит из большого и неглубокого железного котла, к верхней части которого прикреплена деревянная насадка, чтобы вода оставалась внутри на достаточную глубину (рис. 184). Костер разводится под чайником — у купальщика есть поленница, которую он подкладывает под себя и на которую встает, чтобы защитить ноги от ожога. Эта ванна называется *Гоэмон буро*, названная в честь Исиавы Гоэмона, — знаменитого грабителя времен Тайко, которого угощали ванной в кипящем масле.

Рис. 184. Ванна с железным основанием.

Несомненно, существуют и другие формы ванн с удобствами для подогрева воды, но приведенные здесь формы включают в себя основные виды. Нет никаких причин, по которым аналогичные удобства не могли бы быть внедрены в нашей стране в случаях, когда отсутствуют акведуки или городское водоснабжение. Существует множество форм ванночек для ног и больших деревянных бадей с высокими спинками, в которые наливается горячая вода; но нет необходимости описывать их здесь.

В то время как в японском доме, как мы видели, существуют самые широкие удобства для принятия горячей или холодной ванны, незначительные удобства для мытья лица и рук не всегда столь очевидны. Подобные попытки чаще всего напоминают примитивный деревенский дом у нас дома, где человек либо спускается на кухню и среди нагромождения ведер ухитряется умыться, либо берет жестяной таз и идет к колодцу, — и это свежим прохладным утром гораздо приятнее. В сельской местности японца можно увидеть во дворе или на обочине дороги, умывающимся в ведре или неглубокой лохани; на постоянных дворах и даже в частных домах человеку дают медный таз, и, когда приносят ведро с водой, он использует часть веранды в качестве умывальника. То, что удобства для этой цели в какой-то степени существуют, видно из прилагаемых эскизов.

Тот, что показан на рис. 185, иногда можно встретить на загородных постоянных дворах на севере страны. Он состоит из неглубокого желоба, установленного на полу в конце веранды или коридора. В корыте стоит прочное ведро для воды с крышкой и медный умывальник.

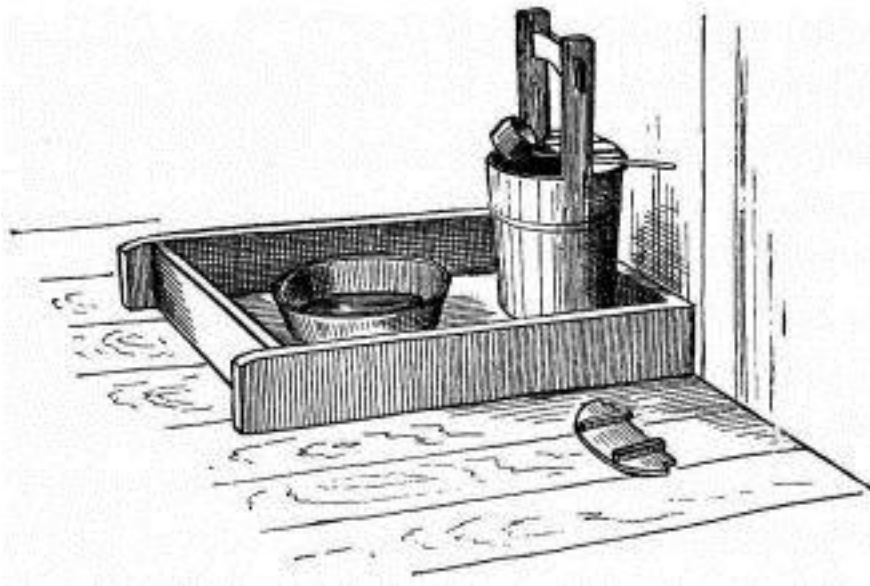

Рис. 185.Туалет в загородном отеле.

Удобства, показанные на [рис. 186](#), находились в частном доме в Токио. Здесь желоб находился выше уровня пола, в углублении коридора, который проходил позади анфилады комнат. Деревянная отделка вокруг него была выполнена с большой тщательностью. Раздвижные оконные рамы, оклеенные плотной белой бумагой, пропускали достаточно света; в то время как богато украшенный коричневый глиняный кувшин, чистый деревянный ковш, медный таз и причудливая вешалка для полотенец привлекали своей аккуратностью и простотой.

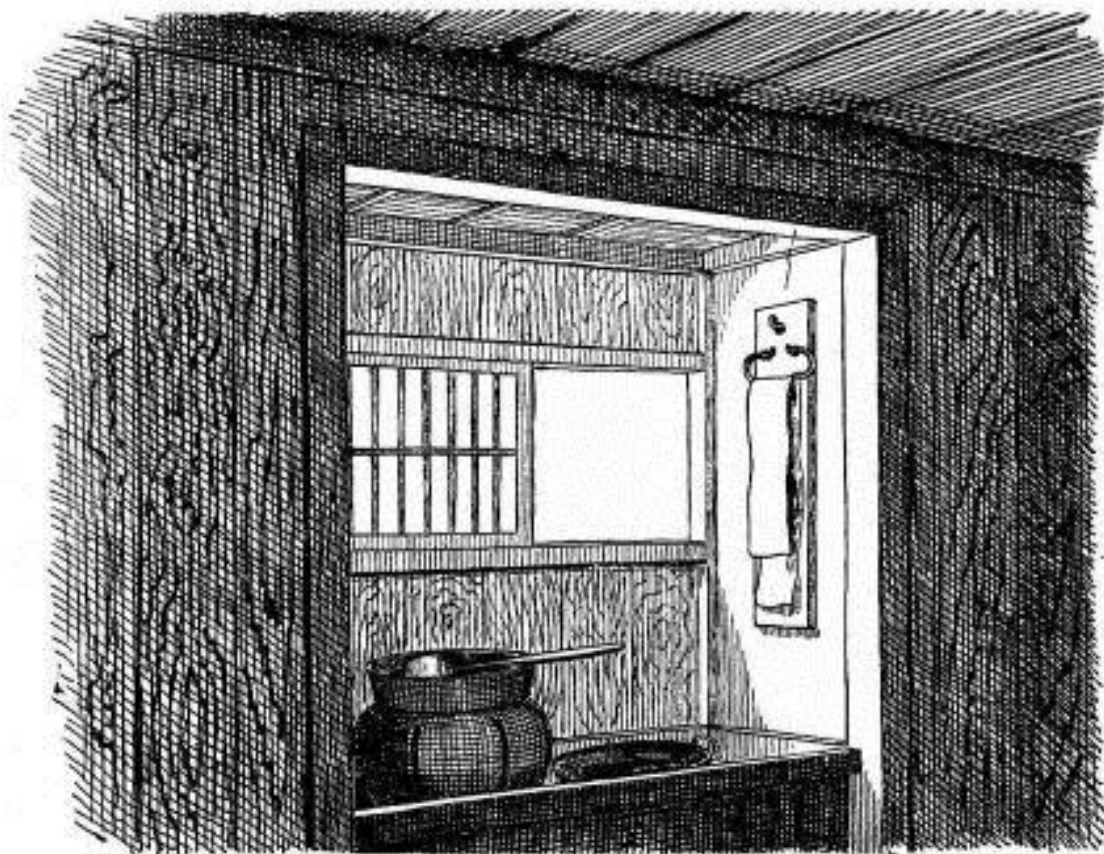

Рис. 186.Туалет в частном доме.

Может показаться странным, что кто-то приходит в восторг от такого простого предмета, как корыто и несколько честных приспособлений для мытья рук и лица; тем не менее такое простое и разумное устройство приносит облегчение по сравнению с некоторыми гостевыми комнатами дома, где человек, желающий совершить довольно энергичное действие - броситься в воду с вытянутыми локтями, обнаруживает, что эти свободные движения до последней степени ограничены полком бессмысленных туалетных принадлежностей в форме истонченных бутылочек, кружек, мыльниц с гремящими крышками и миниатюрными, тяжелыми сверху. кувшины теснились вокруг его умывальника, и все они стояли на плите из белого мрамора. Вещи неизбежно ломаются, если их слишком сильно опустить на такое дно. После таких воспоминаний начинаешь восхищаться японской раковиной с ее прочной раковиной с плоским дном, вместительным глиняным кувшином для воды и достаточным пространством, в котором можно плескаться, не опасаясь забрызгать обои или разбить кучу бесполезных туалетных принадлежностей.

Последняя описанная форма является обычной для частных домов. Удобства такого рода, расположенные на уровне пола и не доставляющие никаких хлопот привыкшим к ним японцам, оказываются чрезвычайно неудобными для иностранца, который вынужден совершать свой туалет в согнутой позе.

Часто места для туалетов становятся чрезвычайно привлекательными благодаря декоративным изделиям из дерева, используемым при их изготовлении.

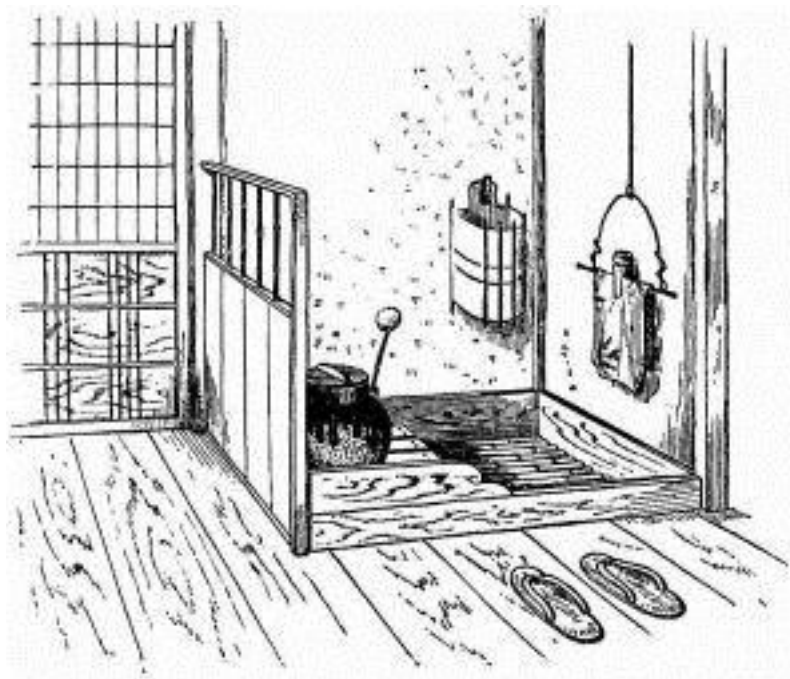

Рис. 187.Туалет, скопированный из японской книги.

Рис. 187 представляет собой рисунок из японской книги, озаглавленной “Яе Гаки но Ден”. Я изменил рисунок, чтобы он больше соответствовал нашим методам изображения перспективы. Он был установлен в конце веранды, на уровне пола. Низкая перегородка с одной стороны образовывала экран; в образованном таким образом углублении находилась низкая полка для глиняного кувшина для воды. Дно раковины состояло из бамбуковых прутьев, расположенных близко друг к другу, через которые пролитая вода по соответствующим каналам попадала на землю снаружи. На стене висел бумажный фонарь, а

ковшик и вешалка для полотенец были под рукой. Можно было бы привести и другие формы, но было показано достаточно, чтобы проиллюстрировать, насколько хорошо эти удобства организованы для такой важной ежедневной операции, как мытье лица и рук. Дополнительные удобства для простого мытья рук предлагаются в *чодзу-бачи*, описание и рисунки которых будут приведены в этом разделе.

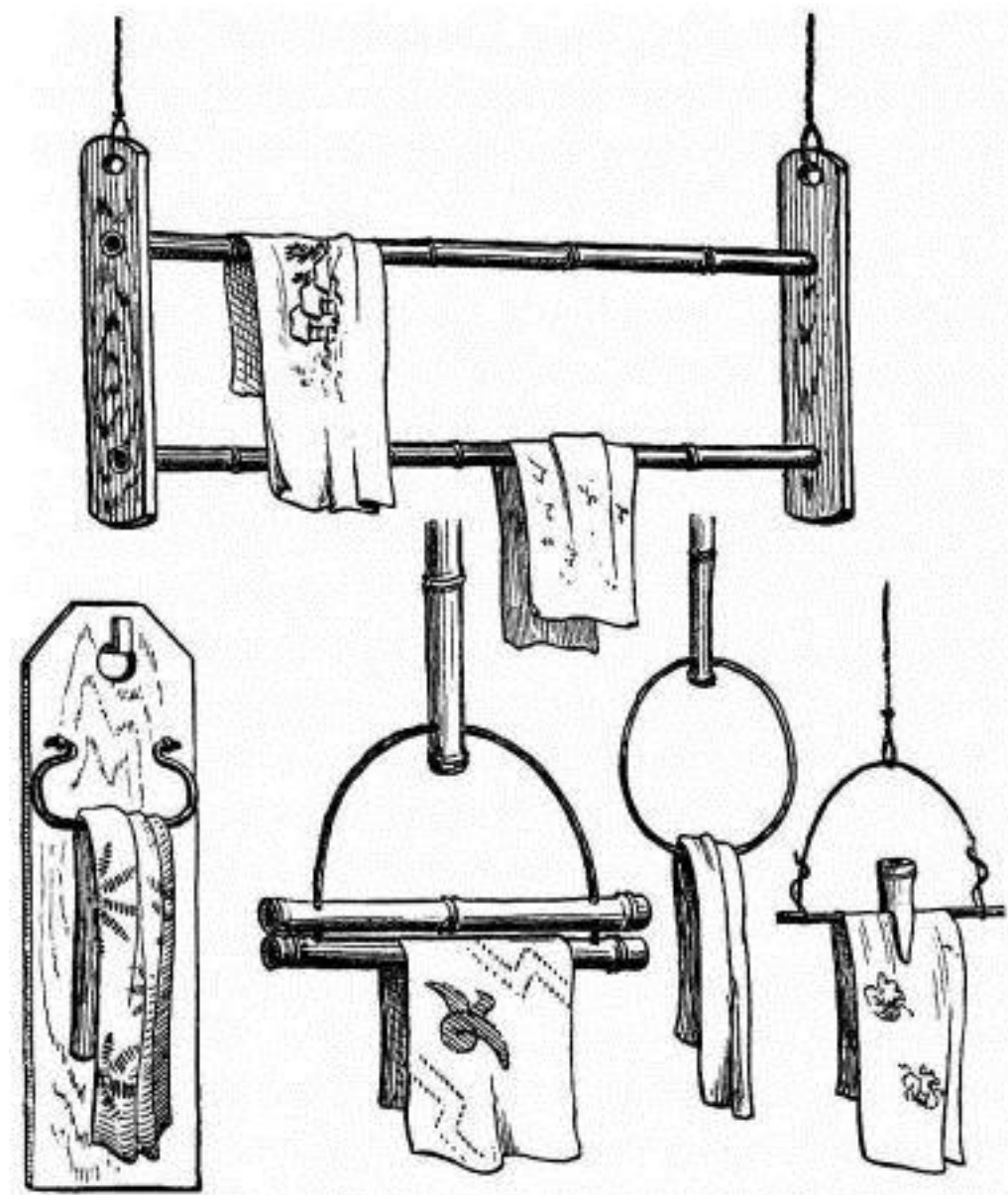

Рис. 188-192.—Формы полотенцесушителей.

Вешалка для полотенец заслуживает особого внимания из-за своей чрезвычайно простой конструкции. Существует множество форм, большинство из которых выполнены в деревенском стиле и предназначены для подвешивания. Следующие рисунки (рис. 188-192) иллюстрируют некоторые из широко используемых форм. Самый простой вид имеет форму бамбукового кольца, подвешенного на бамбуке большего размера, к концу которого оно прикреплено. Другой формой, и очень распространенной, является бамбуковая коромысло, нижние концы которого прочно прикреплены к бамбуку большего размера, удерживая в то же время кусок бамбука, который свободно скользит вверх и вниз по коромыслу и под действием собственного веса опирается на полотенце, которое может быть перекинуто

через нижний бамбук. Другая форма состоит из бамбуковой петли, подвешенной сбоку к доске, которая подвешивается к стене.

Полотенца - это красивые предметы из хлопка или льна, на которых обычно нанесены схематичные рисунки двух оттенков синего.

Прожив некоторое время в Японии, понимаешь, как мало предметов первой необходимости для личного комфорта. Далее он понимает, что его личный комфорт усиливается отсутствием многих вещей, которые считаются незаменимыми дома. Что касается кровати и ее устройства, то японцы свели это дело к самому простому выражению. Весь пол, фактически весь дом, - это кровать, и человек может броситься на мягкие циновки, на сквозняке или вне его, наверху или внизу, и найти гладкую, твердую и ровную поверхность, на которой можно спать, — никаких скрипящих пружин, жестких бугорков или неудобных впадин, ожидающих его, но поверхность кровати шириной с саму комнату и чрезвычайно удобная. Если быть более точным, кровать застелена на циновках; нет ни спинки кровати, ни каркаса, ни какой-либо ограниченной области, на которой стоит кровать или в пределах которой она находится.¹⁸ Постельное белье, состоящее из легких или сильно стеганых одеял, расстилается на полу, одно или несколько из которых образуют кровать, а другое служит покрывалом. Самые обычные из них набиты хлопком; лучшие сделаны из шелка и набиты шелковой нитью. В частных домах часто покупают кровать, состоящую из нескольких таких шелковых одеял, — и из них получается самая восхитительная кровать. Летом иностранец находит эти ватные одеяла в целом слишком жаркими и душными; и ему всегда не хватает чистых простыней, которые дома служат между постельным бельем и его персоной, хотя при желании предоставляется чистая ночная рубашка, которая заменяет простыни. Днем эти одеяла складывают и убирают в какой-нибудь шкаф.

Подушка обычной формы, или *макура*, представляет собой легкую закрытую деревянную коробку с плоским или слегка выпуклым дном. Сверху этой коробки закреплена небольшая подушечка цилиндрической формы, набитая гречневой шелухой. Эта подушка привязана к коробке, и той же веревочкой, которая удерживает ее на месте, крепится и наволочка, представляющая собой просто лист мягкой бумаги, сложенный в несколько раз, как показано на приведенных здесь рисунках (рис. 193).

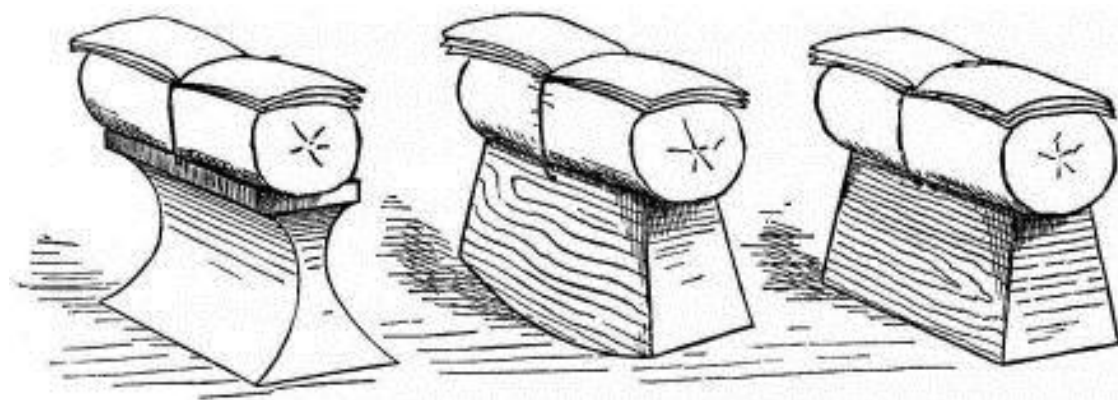

Рис. 193. Формы подушек общего пользования.

Существует множество других форм подушек, либо в виде жесткой подушки, либо в виде квадратной продолговатой коробки, концы которой сделаны из дерева, а остальное - из плетеных корзин. Фарфоровые подушки тоже встречаются, но редко. Существует также множество разновидностей переносных, некоторые из которых складываются и убираются в виде маленького компаса, а другие имеют форму коробки, внутри которой есть выдвижные

ящички и места для бумажного фонарика, спичек, зеркала, расчески и различных предметов туалета. Ими обычно пользуются путешественники. Японец с такой подушкой может в буквальном смысле встать с кровати и ходить; ведь если у него есть подголовник или подушка с этими удобствами, он может прекрасно обходиться без них. Подушки во всех случаях расположены таким образом, чтобы поддерживать голову естественным образом, когда плечо опирается на пол, как показано на следующем рисунке (рис. 194). Иностранцу, пока он к ней не привыкнет, японская подушка кажется чрезвычайно неудобной, и его первый опыт обращения с ней приводит к затеканию шеи на следующее утро; и время от времени в течение ночи у него возникает ощущение, что он падает с кровати, поскольку любое свободное движение головы приводит к тому, что она сваливается с подушки.

Однако, привыкая к ней, понимаешь, что у этой подушки есть свои плюсы: шея остается свободной, чтобы под ней циркулировал воздух, а голова остается прохладной. Эта своеобразная форма подушки была необходимостью для японцев до тех пор, пока волосы укладывались в жесткую *косичку*, и до сих пор является необходимостью для женщин с их методами причесывания; но с общим отказом от *косички* со стороны мужчин некоторые из них прибегают к подголовникам, больше похожим на наши подушки, хотя и гораздо меньших размеров и жестче, и в целом, я полагаю, многие находят эту замену более удобной.

Рис. 194.—Показано положение головы на подушке.

Эта простая форма кровати требует от горничной гораздо меньше работы, чем наши приготовления. В большой гостинице одна девушка будет убирать за весь дом. На самом деле эта работа до смешного проста. *Футоны*, или одеяла быстро складываются и убираются прочь или подвешиваются через перила балкона для проветривания. Она берет в руки огромную стопку легких коробок из-под подушек и несет их в нижнюю комнату; здесь она развязывает тесемки, удерживающие подушки на месте, заменяет испачканные листы чистой сложенной бумаги — и работа по заправке постели закончена. С помощью тряпки для вытирания пыли, состоящей из полосок плотной бумаги, привязанных к концу тонкого бамбука, помещения протираются и готовятся к приему следующих гостей. Поскольку работы, связанные с туалетом, выполняются в других частях дома, комнаты приводятся в порядок за невероятно короткое время.

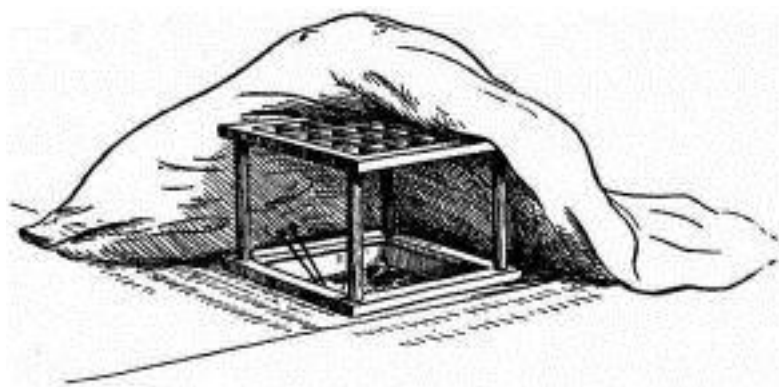

Рис. 195. Устройство обогрева в полу.

В переполненной гостинице каждый гость может занять место размером с одну циновку, и таким образом будет занят весь пол. Зимой предоставляется одеяло из толстой ваты, которое выполнено в виде огромного предмета одежды с вместительными рукавами. Во многих комнатах в полу есть квадратное отверстие, в котором при необходимости можно разжечь огонь из древесного угля; это называется *ро*. Над *кроватью* устанавливается квадратная деревянная рама, и постельное белье, которое кладется поверх этой рамы, тщательно прогревается, так что можно ложиться спать в самом теплом из гнезд. Днем человек может завернуться в часть постельного белья и согреться у маленького угольного очага, горящего под ним. [Рис. 195](#) иллюстрирует это отверстие в полу с рамой наверху, предохраняющей постельное белье от попадания в камин вниз. Небольшой деревянный ящик используется для хранения глиняного сосуда для углей, и его берут с собой в постель вместо раскаленного камня или кирпича, которые часто используются дома для аналогичной цели. Из-за легковоспламеняющейся природы постельных принадлежностей многие пожары должны возникать из-за неосторожного использования этой роскоши.

В этой связи следует добавить, что гостям часто предоставляют маленькие квадратные тонкие подушки, на которых они могут сидеть; и часто можно увидеть легкую круглую подушку, которая используется в качестве опоры для локтей, когда человек полулежит ([рис. 196](#)).

Противомоскитные сетки, или *кая*, есть во всех домах, ими снабжаются даже самые бедные люди. Обычная форма сетки сделана в форме квадратного ящика, почти такого же большого, как комната, и при установке на место он подвешивается по четырем углам на веревках, которые привязаны к колышкам в четырех углах комнаты. Меньшая сетка для младенцев сделана на каркасе из бамбука, похожем на клетку, и ее можно надеть на младенца, куда бы он ни упал, чтобы поспать на циновках.

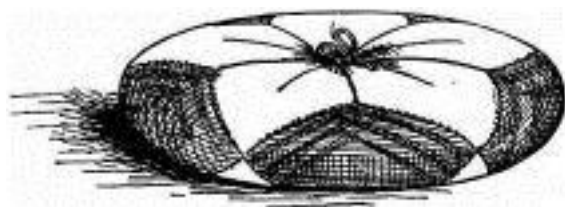

Рис. 196—Подлокотник.

Неотъемлемым атрибутом каждого японского дома, от самого изысканного до самого скромного, является *хибачи*. Этот предмет состоит из сосуда, частично заполненного мелкой золой, содержащей при использовании несколько кусочков горящего древесного угля. Этот сосуд может быть из бронзы, железа, фарфора, фаянса или даже из дерева, облицованного

медью, или представлять собой деревянную шкатулку, содержащую глиняный сосуд. Самая обычная форма *хибачи* состоит из квадратного деревянного ящика, облицованного медью, между которым и деревом находится слой глины или гипса (рис. 200). Очень дешевой и распространенной формой является деревянная шкатулка, в которой находится цилиндрическая банка из черной неглазурованной фаянсовой посуды (рис. 197).

Пара железных прутьев, обычно скрепляемых вместе на одном конце большим кольцом, служат щипцами и используются на манер палочек для еды. Их либо втыкают в золу, либо, если в деревянном ящике находится отдельно жаровня, в углу этого ящика может быть закреплена бамбуковая трубка, в которой хранятся щипцы.

У бронзового *хибачи* по бокам имеются ручки или кольца для удобства перемещения. В квадратной коробке для *хибачи* с противоположных сторон прибиваются планки, которые служат ручками; или, как это чаще бывает, по бокам коробки прорезаются узкие отверстия для размещения пальцев, как показано на предыдущем рисунке (197).

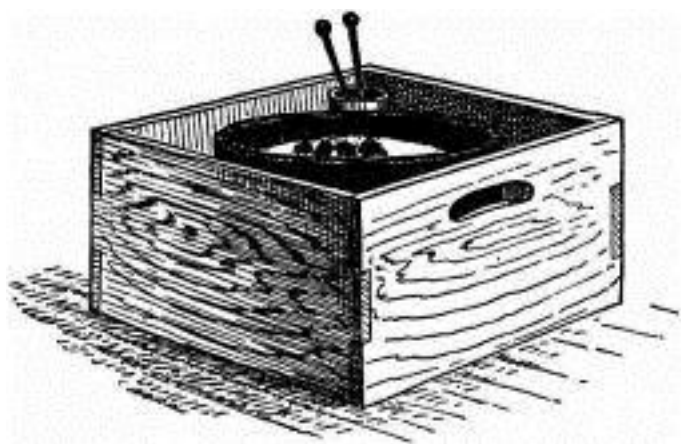

Рис. 197.—Обыкновенный хибачи.

В бронзовых и железных *хибачи* проявлено много искусства и сноровки, а формы, которые можно было бы найти в обычном японском доме, считались бы драгоценными камнями в домашней коллекции безделушек. Даже деревянные *хибачи* часто являются предметами изысканного вкуса. Мы вспоминаем старинную шкатулку, сделанную из тончайшего зернистого дерева, в одном конце которой были выдвижные ящики для трубок и табака, а вокруг основания шкатулки проходила глубокая полоса черного лака, инкрустированная жемчужными узорами, представляющими в различных положениях удила лошади. Неожидаемости в их дизайне настолько разнообразны и часто необъяснимы, что можно почти представить, как художник-оформитель с завязанными глазами открыл словарь предметов и выбрал первое попавшееся слово в качестве темы для своего предмета.

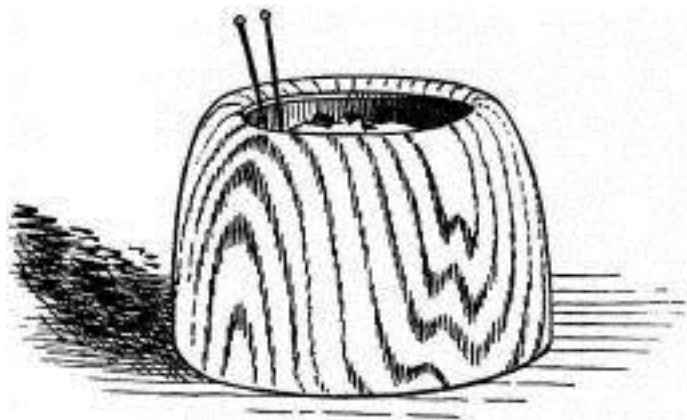

Рис. 198.—Хибачи.

Очень любимая форма деревянных *хибачи* показана на [рис. 198](#). Он состоит из цельного куска дуба или другой твердой древесины, обточенного в цилиндрической форме, рельефность которого достигается специальной обработкой, а внутренняя сторона облицована медью. Старинный, богато раскрашенный и отполированный с возрастом, пользуется большим уважением.

The *Хибачи* может быть довольно объемным изделием, а также выполнять функции плиты. Предусмотрено железное кольцо с тремя ножками или решетка, охватывающая коробку, на которой держится чайник или даже запекается рыба. *Хибачи* - это своего рода переносной камин, вокруг которого собирается семья, чтобы посплетничать, выпить чаю или погреть руки. На рисунке, представленном на [рис. 199](#), изображен маленький ребенок, который греется, завернувшись в толстую ночную рубашку. Часто можно наблюдать, как японцы рассеянно помешивают щипцами угли или золу, точно так же, как мы любим делать дома.

Рис. 199.—Хибачи.

Это чувство побуждает многие семьи постоянно поддерживать огонь в *хибачи*; и мне сказали, что в одной семье в Токио огонь поддерживался непрерывно более двухсот лет.

На зимних вечеринках слуги заранее готовят *хибачи*, по одному для каждого гостя; место, где каждый должен сесть на устланный циновками пол, часто обозначается маленькой квадратной матерчатой подушкой. [Рис. 200](#) иллюстрирует приготовление *хибачи* для компании.

Когда бы вы ни пришли в гости к другу, зимой или летом, его самый первый акт гостеприимства - поставить перед вами *хибачи*. *Хибачи* есть даже в магазинах, их приносят и раскладывают на ковриках, когда входит посетитель.

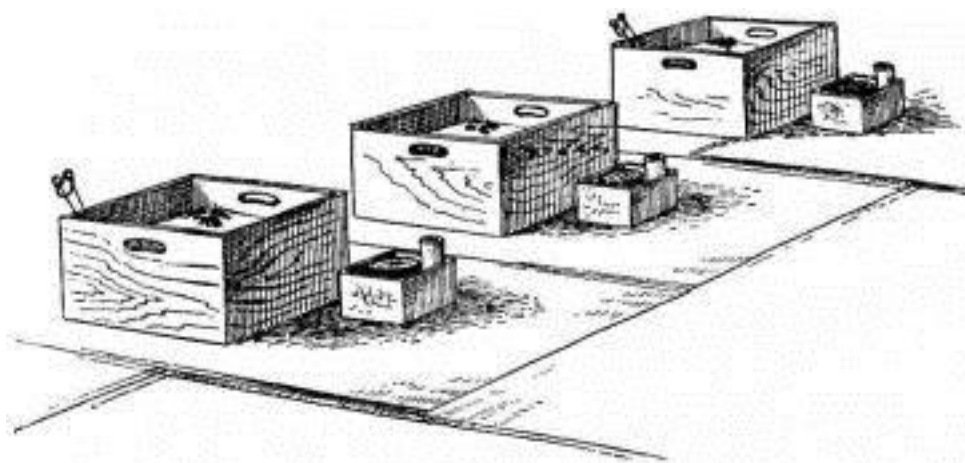

Рис. 200.—Хибачи, приготовленный для компании.

Посетителям также обычно подают *хибачи* *меньшего размера*, называемую *табако-бон* (рис. 201). Это удобное приспособление, используемое курильщиками, и обычно оно представляет собой квадратную деревянную коробку, содержащую небольшой глиняный сосуд для хранения горячих углей и сегмент бамбука с крышкой или без нее. Этот последний представляет собой ручное острие, и большое изящество проявляется в его использовании, либо путем отворачивания головы, либо прикрывая рот рукой. Плевательница, как ее обычно используют у нас, кажется вульгарной по сравнению с японской. Иногда *табако-бон* делают из ствола дуба, в котором имеется естественное углубление (рис. 202). Эту форму часто можно увидеть в японских книжках с картинками. Другая форма показана на рис. 203. Для этого существует множество различных дизайнов, некоторые из которых очень странные. Для пополнения *хибачи* горячими углями предусмотрена неглубокая железная миска, называемая *дай-дзю-но* (рис. 204).

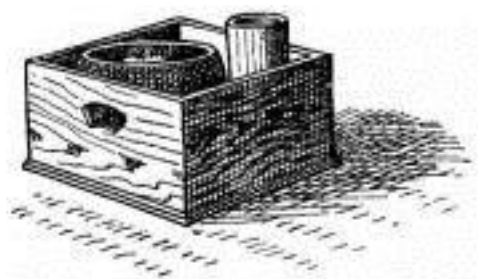

Рис. 201.—Табако-бон.

К дну этой чаши приклепана изогнутая железная полоска, которая, в свою очередь, прикреплена к деревянной подставке. Чаша имеет железное гнездо, в которое вставлена деревянная ручка. В этом сосуде слуга приносит горящие угли.

Рис. 202.—Табако-бокс.

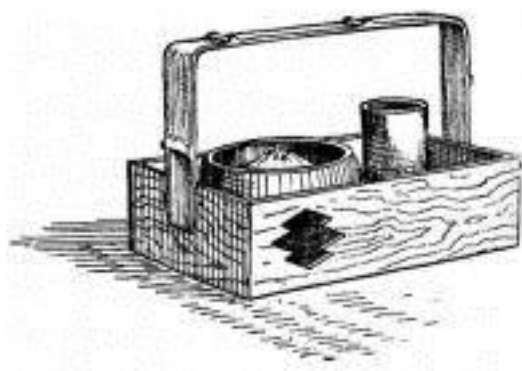

Рис. 203.—Табако-бокс.

Когда *хибачи* приготовлено должным образом, золу принято насыпать пирамидальной кучкой вокруг углей и нанести на нее ряд расходящихся линий. Древесный уголь для пополнения костра обычно хранят в корзинке, хотя иногда используется глубокий деревянный ящик с ручкой. Корзинки, используемые для этой цели, всегда вкусны и от старости часто приобретают насыщенный коричневый цвет. В корзине находится пара старых латунных или медных стержней для обработки угля. Одна полоска угля, закопанная вертикально в золу, горит в течение нескольких часов. У торговцев древесным углем есть любопытный способ использовать мелкие и измельченные фрагменты древесного угля, смешивая порошок с каким-нибудь видом морских водорослей, а затем формируя из массы круглые шарики размером с крупный апельсин. При изготовлении этих шариков он проделывает движения, точно такие же, как при изготовлении снежков. После этого они сушатся на солнце и, кажется, очень хорошо горят. Проезжая по улицам, часто видишь лотки, наполненные этими черными шариками, выставленными на солнце.

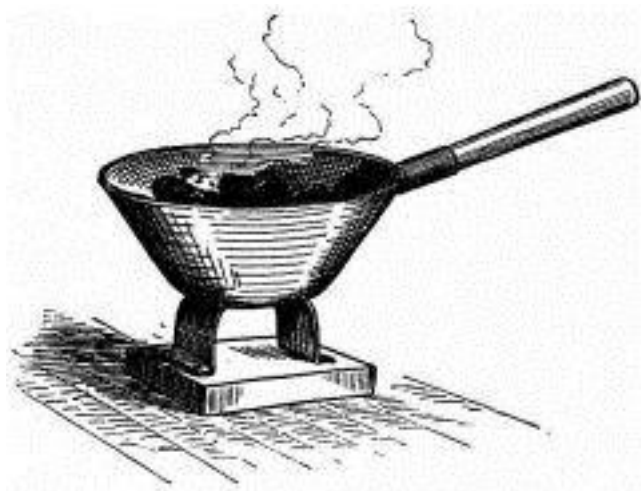

Рис. 204. Поддон для хранения горящих древесных углей.

До того, как в Японии появился керосин, средства освещения имели самое скудное описание. Трудно представить, с какими трудностями, должно быть, сталкивался студент при изучении китайской классики при слабом свете, испускаемом крошечными фитилями или тусклым и колеблющимся пламенем свечи из растительного воска, — свете, который становится еще более слабым, когда пропускается через бумажный фонарь. Рассказывают, что в прежние времена набожные исследователи китайской классики имели обыкновение по ночам читать по одному иероглифу за раз при тусклом освещении тлеющим угольком на конце ароматической палочки, которую подносили вплотную к странице! Из многих вещей, которые японцы переняли и быстро использовали у западных стран, я не знаю ничего, что

было бы таким большим благом для всего народа, как керосин. Западная медицинская практика быстро вытесняет эмпирическую китайскую практику, и когда это будет достигнуто, это, вне всякого сомнения, станет величайшим благом. Однако многие отдаленные районы, а также тысячи жителей городов все еще находятся под влиянием китайских методов, и благотворное воздействие рационального лечения болезней еще не получило широкого распространения; но повсюду в Империи яркий свет керосина удлинил день для всех.

Японские свечи изготавливаются из растительного воска, фитиль которых состоит из рулона бумаги, мало чем отличающегося от обычной бумажной лампы-зажигалки. Этот фитиль, будучи полым, прикрепляется к острому железному стержню длиной около дюйма в подсвечнике (в Англии подсвечник с колючкой вышел из употребления несколько столетий назад; в Японии он сохранился до сих пор). В верхней части свечи фитиль выступает твердым острием. Когда свеча догорит, ее снимают с подсвечника и надевают на конец новой свечи, который затем настраивают на острый выступ. С помощью этого простого устройства для горения используется вся свеча.

Превосходный вид свечей, произведенных в провинции Айдсу, красиво окрашен в яркие цвета, с узорами из цветов и других декоративных предметов.

От свечей зависят освещение комнат, а также зажигание ручных фонариков, которые носят по улицам, и тех, которые используются в доме, - последние состоят из квадратной или шестиугольной рамки, обтянутой бумагой и прикрепленной к концу короткой ручки.

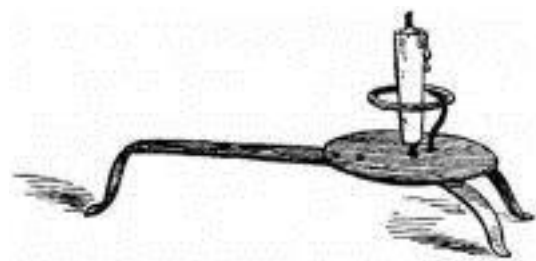

Рис. 205. Железный подсвечник.

Распространенная форма японского подсвечника, называемого *те-секу*, представлена на [рис. 205](#). Это грубое приспособление, сделанное из железа, опирающееся на три ножки и имеющее широкий диск, предотвращающий попадание расплавленного воска на коврики, и кольцо вокруг свечи, предотвращающее ее падение. Его легко поднять с пола за более длинную руку.

Другая распространенная форма подсвечника состоит из полусферического основания из латуни десяти-пятнадцати дюймов в диаметре, от которого на высоту двух футов или более отходит стержень из того же металла, на конце которого находится обычная чашечка со шпорой. Свечи с таким описанием показаны на [рис. 177](#) (стр. 196).

Щипчик для снятия табака обычно имеет форму тупого пинцета, которым извлекают сгоревший фитиль; однако слуги часто берут *хибаси*, или щипцы и, вынув фитиль, втыкают его в золу от *хибачи*.

Подсвечники в деревенском стиле, изготовленные из необычных пород дерева, изготавливаются в Никко и на других известных курортах скорее как сувениры, которые можно унести с собой, чем как предметы, предназначенные для реального использования.

Японская лампа обычно имеет форму неглубокого блюда, в котором обжигается растительное масло. Фитиль, состоящий из длинных тонких стержней из сердцевины,

удерживается маленьким железным кольцом, к которому прикреплена шпора вместо ручки. Несгоревшая часть фитиля выступает за пределы блюда, и по мере того, как он догорает на одном конце, его перемещают вдоль. Блюдце помещено в железный диск или кольцо, которое подвешено внутри рамки, обтянутой бумагой. Общая форма этой лампы, или *andon*, показана на [рис. 206](#). Он состоит из квадратной деревянной рамы, обтянутой бумагой, открытой сверху и снизу и имеющей с одной стороны подвижную крышку, которую можно поднимать, когда за лампой нужно ухаживать. Эта рама крепится к двум стойкам, которые отходят от деревянной подставки, в которой может быть выдвижной ящик с дополнительными фитилями и парой щипцов для воспламенения. Эти стойки проходят над фонарем и имеют поперечину, за которую фонарь поднимается, и еще одну поперечину чуть ниже, с которой свисает фонарь. Свет от этого ночника слабый и неуверенный, и при нем человек едва может разглядеть, что происходит в комнате.

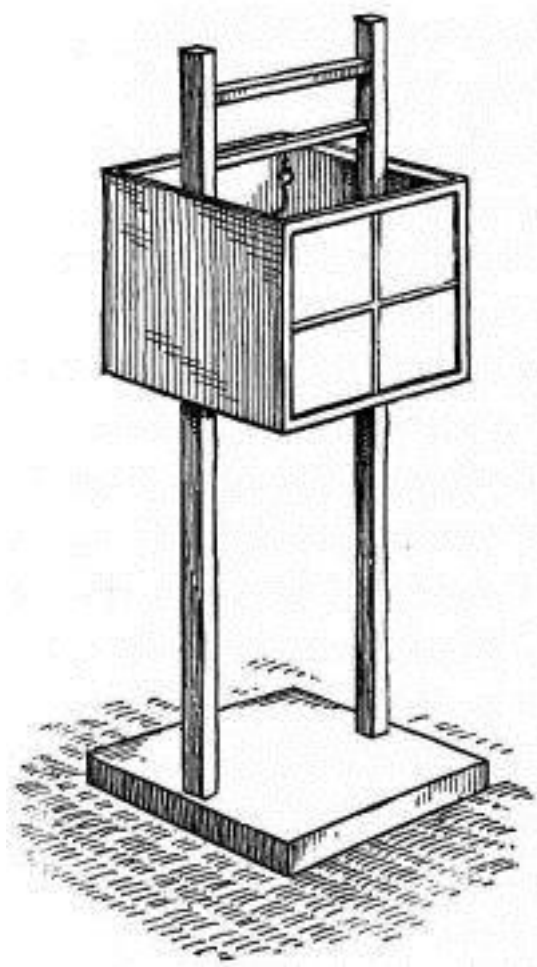

Рис. 206.—Лампа.

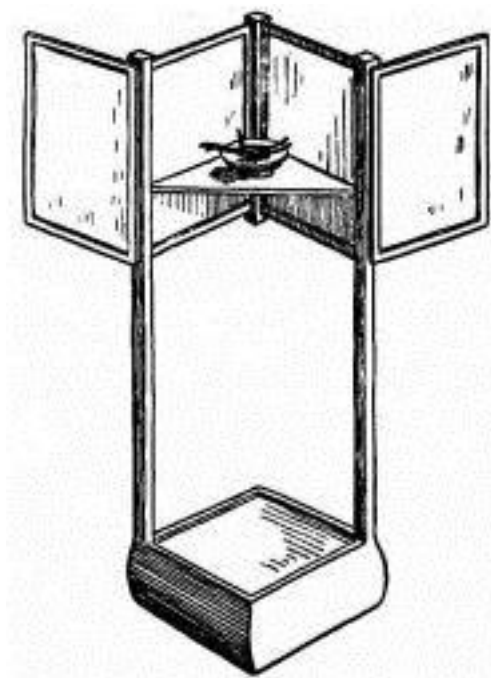

Рис. 207.—Лампа.

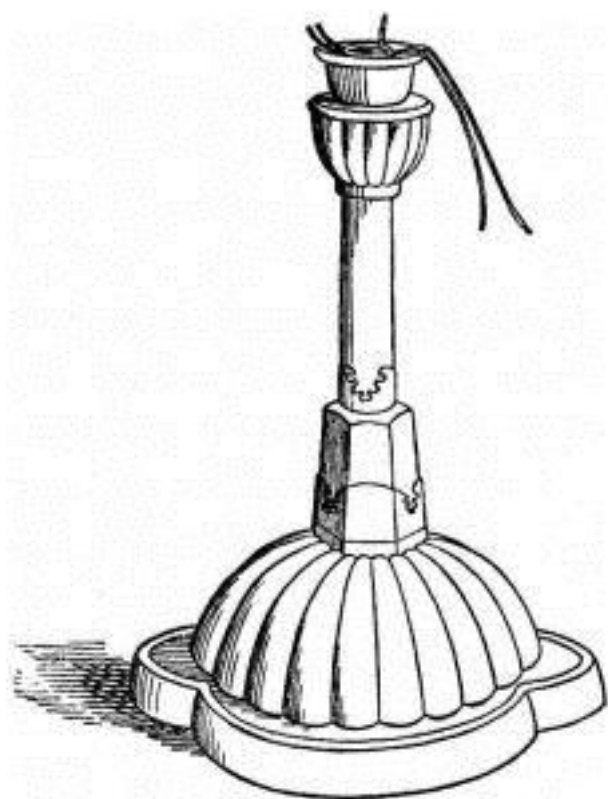

Рис. 208.—Лампа и лакированная подставка.

Существует много видов *андона*, некоторые из них очень изобретательны. Одна форма цилиндрическая и состоит из двух рам, расположенных одна внутри другой, причем внешняя рама вращается в пазу в подставке. Одна половина каждого фонаря накрыта бумагой, так что при повороте внешней рамы отверстия сближаются, и таким образом обеспечивается доступ к лампе. Другая форма *андона* (рис. 207) открывается по-другому, с небольшой полочкой в одном углу для хранения блюдца с маслом.

Еще одна форма (рис. 208) скопирована со старой цветной книжки с картинками; она состоит из искусно выполненной лакированной подставки, вмонтированной в металл, с лампой, поддерживаемой сверху.

В коридорах и на верхушках лестниц светильники часто крепятся к стене. В Осаке я увидел любопытный экземпляр, который представлен на рис. 209. Рама подвешивалась на петлях к доске, которая была прикреплена к стене (петли находились вверху), и опиралась на доску, как на крышку, и поднималась, когда лампе требовалось внимание. В андоне в Осаке я видел хорошую железную заготовку (рис. 210), сделанную для подвешивания лампы.

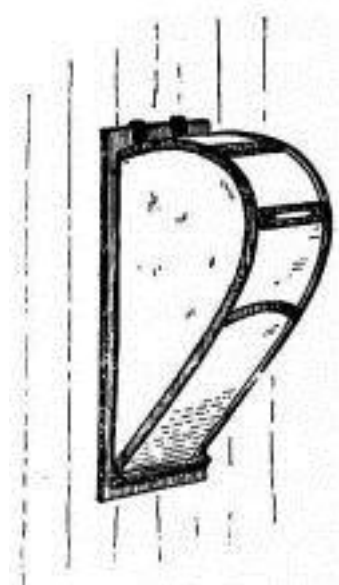

Рис. 209.—Настенный светильник.

Рис. 210.—Лампа.

Светильники из керамики встречаются редко. Рис. 211 представляет собой эскиз старинного светильника из посуды Орибе из коллекции автора. Наклонная часть внутри поддерживает фитиль, а крышка имеет насечки спереди и сзади, чтобы обеспечить проход фитиля. Другая форма из той же коллекции, изготовленная в провинции Ига, показана на рис. 212. В этой лампе фитиль, должно быть, был сделан из какого-нибудь волокна; в фитильной трубке видно отверстие, через которое можно протягивать фитиль. В ручке лампы есть прорезь, чтобы ее можно было повесить на стену. Вполне возможно, что эти две лампы, или, по крайней мере,

последняя, предназначены для *ками-дана*, полки, которая поддерживает домашнюю святыню. В связи с лампами из керамики, возможно, стоит добавить, что время от времени можно встретить глиняный подсвечник. То, что показано на [рис. 213](#), представляет собой керамику из коллекции автора, изготовленную из керамики овари.

Рис. 211.—Керамическая лампа.

Рядом с *чодзу-бачи*, свисающий с края крыши веранды наверху, обычно можно увидеть железный фонарь, обычно причудливую старую ржавую штуковину, подвешенную на цепи и, когда ее зажигают, пропускающую сквозь отверстия в боку едва заметный свет. На [рис. 240](#) и [рис. 253](#) (стр. 255 и 267) можно увидеть фонари с таким описанием.

Рис. 212.Керамическая лампа.

Уличные фонари часто прикрепляют к коротким тонким столбам у ворот или дверного проема жилого помещения. Обычная форма этой рамы и фонаря представлена на [рис. 214](#). Его высота не превышает пяти футов, и он кажется хрупким сооружением для демонстрации на людной улице. Однако сама хрупкость и легкость таких предметов, которые часто выставляются напоказ в полной безопасности на оживленных магистралях, являются ярким свидетельством мягких манер японцев. Невольно задаешься вопросом, как долго такой изящный уличный фонарь мог оставаться нетронутым на наших улицах, когда мимо толпятся люди, которые кажутся исключительно продуктом нашей цивилизации. Эти и тысячи подобных контрастов заставляют вдумчивого человека задуматься о нравах и обычаях двух великих цивилизаций.

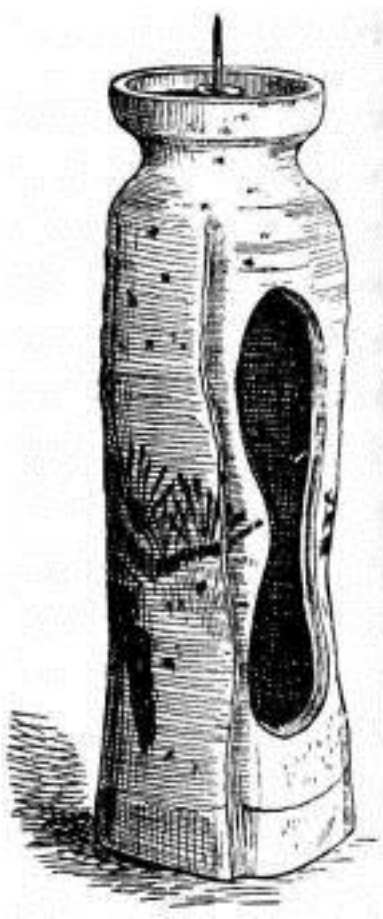

Рис. 213.—Керамический подсвечник.

Рис. 214.—Стационарный уличный фонарь.

Почти в каждом доме можно увидеть на полке, называемой *ками-дана*, любопытное маленькое архитектурное сооружение, которое при более тщательном рассмотрении

оказывается моделью святилища Шин-то или главной деталью алтаря Шин-то - круглым зеркалом. На полке перед ним стоят несколько ламп (или одна-единственная лампа) и подносы, иногда содержащие подношения с едой. Если святыня имеет форму шкатулки, то к ней прилагаются различные маленькие латунные подставки, деревянные планки с написанными на них иероглифами, короче говоря, миниатюрное изображение, по-видимому, принадлежностей, используемых в большом храме. Полка находится высоко на стене, под самым потолком; и в старых домах эта область черная от скоплений дыма от маленькой лампы, которую зажигают каждую ночь и которая, возможно, горела там столетие. Это святилища Шин-то.

Буддийские домашние святыни с фигурой Будды или одного из его учеников, или, возможно, какого-то другого бога, гораздо более богато украшены и покоятся на полу, по крайней мере, так мне сообщили. Мой информатор также рассказал мне, что большинство людей поклоняются святыням обеих великих религий и что у всех буддистов, за исключением очень строгих, в домах есть святыни синто. Действительно, известно, что буддисты и даже буддийские священники заходили в римско-католический собор в Осаке и благоговейно склонялись перед алтарем и другими символами чужой религии. Терпимость и милосердие, проявляемые в таких действиях, вызывают жалость, если вспомнить взаимно враждебное отношение двух великих ветвей христианской Церкви!

Цветы и воскурение благовоний обычно сопровождают буддийскую домашнюю святыню, в то время как перед святилищами Шин-то благовония не сжигаются. В буддийских святилищах ставят перед собой медные светильники или подвесные светильники, в то время как перед святилищем Шин-то зажигают свечи из растительного воска. В неглазурованной керамике ручной работы, называемой *кавараке*, обжигают масло, которое также используется для подношений пищи. Для подношений вина используются овальные бутылки необычной формы с длинными узкими горлышками; они называются *мики-доккури*, — *мики* - это название вина, приносимого в жертву богам, а *токкури* название бутылки *саке*. Перед этими святынями часто можно увидеть, как обитатели дома склоняют головы, хлопают в ладоши, а затем, потирая ладони друг о друга в умоляющем жесте, молятся с большой серьезностью. Насколько я заметил, в каждом доме есть такой домашний алтарь. В магазинах тоже часто можно увидеть святыню; а в более крупных и богатых магазинах святыня часто стоит очень дорого. В знаменитом шелковом магазине в Токио находится большая модель храма Шин-то, подвешенная на железных прутьях к потолочным балкам. Перед ней висят два больших металлических фонаря. Мне показалось, что это проявление благочестия было довольно показным и шло параллельно подобным проявлениям, которые иногда можно было наблюдать дома; однако в этом предположении я, возможно, поступаю несправедливо. Среди интеллигентных слоев населения домашняя святыня, по-видимому, предназначена только для женщин—членов семьи, поскольку мужчины переросли эти суеверия; и было интересно наблюдать, что в Японии, как и везде, женщины - как правило, менее информированные - составляли большинство тех, кто посещал публичные богослужения.

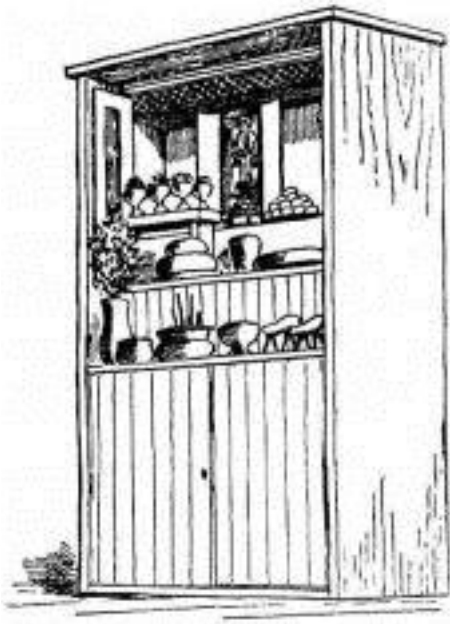

Рис. 215.—Домашняя святыня.

Приведенный здесь набросок буддийской домашней святыни (рис. 215) был замечен в доме самого убогого вида. Различные сосуды были наполнены вареным рисом, буханками *моти*, приготовленными из особого сорта риса, и несколькими незрелыми персиками. На нижней полке, в правом углу, видны сладкий картофель и редиска, стоящие на четырех ножках и похожие на игрушечных оленей или каких-то других животных. Указывало ли это на работу детей или изображало лошадей, на которых могли ездить боги, не было установлено.

Домашней святыней, которой дети добровольно и естественно поклоняются, являются птичьи гнезда, построенные в доме. Обычное дело, не только в сельской местности, но и в крупных городах, таких как Токио, когда ласточка, которую трудно отличить от европейских видов, строит свое гнездо в доме — не в отдаленном месте, а в комнате, где семья может быть наиболее активно занята, или в магазине, выходящем на улицу со всем ее оживленным движением. Очень частое появление гнезд этих птиц в домах - еще одно из многих свидетельств мягкости этого народа и доброты, проявляемой им к животным.

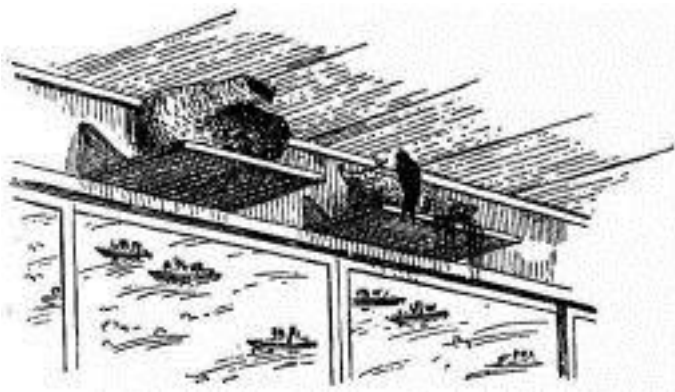

Рис. 216.—Ласточкины гнезда в частном доме.

Когда птица строит свое гнездо в доме, под ней сразу же устраивают небольшую полочку, чтобы циновки внизу не были запачканы. Присутствие птицы в доме считается хорошим предзнаменованием, и дети с большим удовольствием наблюдают за строительством гнезда и окончательным выращиванием птенцов. Я заметил, что многие гнезда, построенные внутри

дома, были сделаны гораздо искуснее, чем те, что были построены на более открытых местах. Судя по тому, как симметрично были сконструированы многие из них, можно было почти вообразить, что птицы прониклись некоторыми художественными инстинктами людей. [Рис. 216](#) иллюстрирует внешний вид группы гнезд этих птиц в доме.

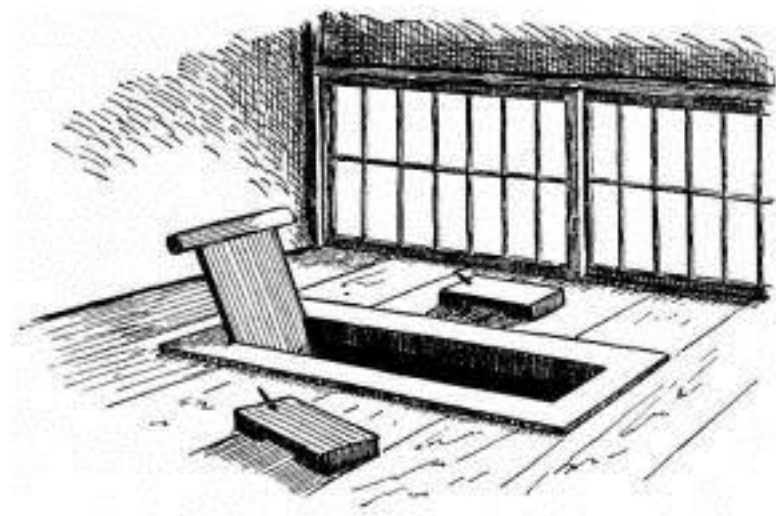

Рис. 217. Внутреннее убранство уборной.

Это было бы проявлением ложной деликатности, если бы не было сделано намека на уборную, которой в японском доме часто уделяется часть внимания художника. Из-за своего положения в доме, и особенно в общественном месте, он часто является источником большого дискомфорта. Однако в частных домах высшего класса в Японии меньше раздражения и бесконечно меньше опасности из этого источника, чем во многих домах богатых людей в наших больших городах. В сельской местности уборная обычно представляет собой небольшую коробку, вынесенную из дома, вход в которую наполовину закрыт вращающейся дверью. В городских домах лучшего класса он находится в одном углу дома, обычно в конце веранды, а иногда их два по диагонали, как покажет ссылка на планы. Любопытное суеверие, связанное у многих с положением уборной по отношению к дому, — возможно, след китайского *Фун-шуй*. Уборная обычно имеет два отделения, в первом из которых находится деревянный или фарфоровый писсуар; последняя форма называется *асагаова*, как предполагается, чтобы напоминать цветок ипомеи, — слово, буквально означающее “утреннее лицо” ([рис. 219](#)). Деревянные часто заполняются еловыми ветками, которые часто пополняются. Внутреннее отделение имеет прямоугольное отверстие, вырезанное в полу, а в уборных высшего класса оно оснащается крышкой с длинной деревянной ручкой. Деревянные элементы вокруг этого отверстия иногда покрывают лаком. В этом месте часто можно надеть соломенные сандалии или деревянные сабо.

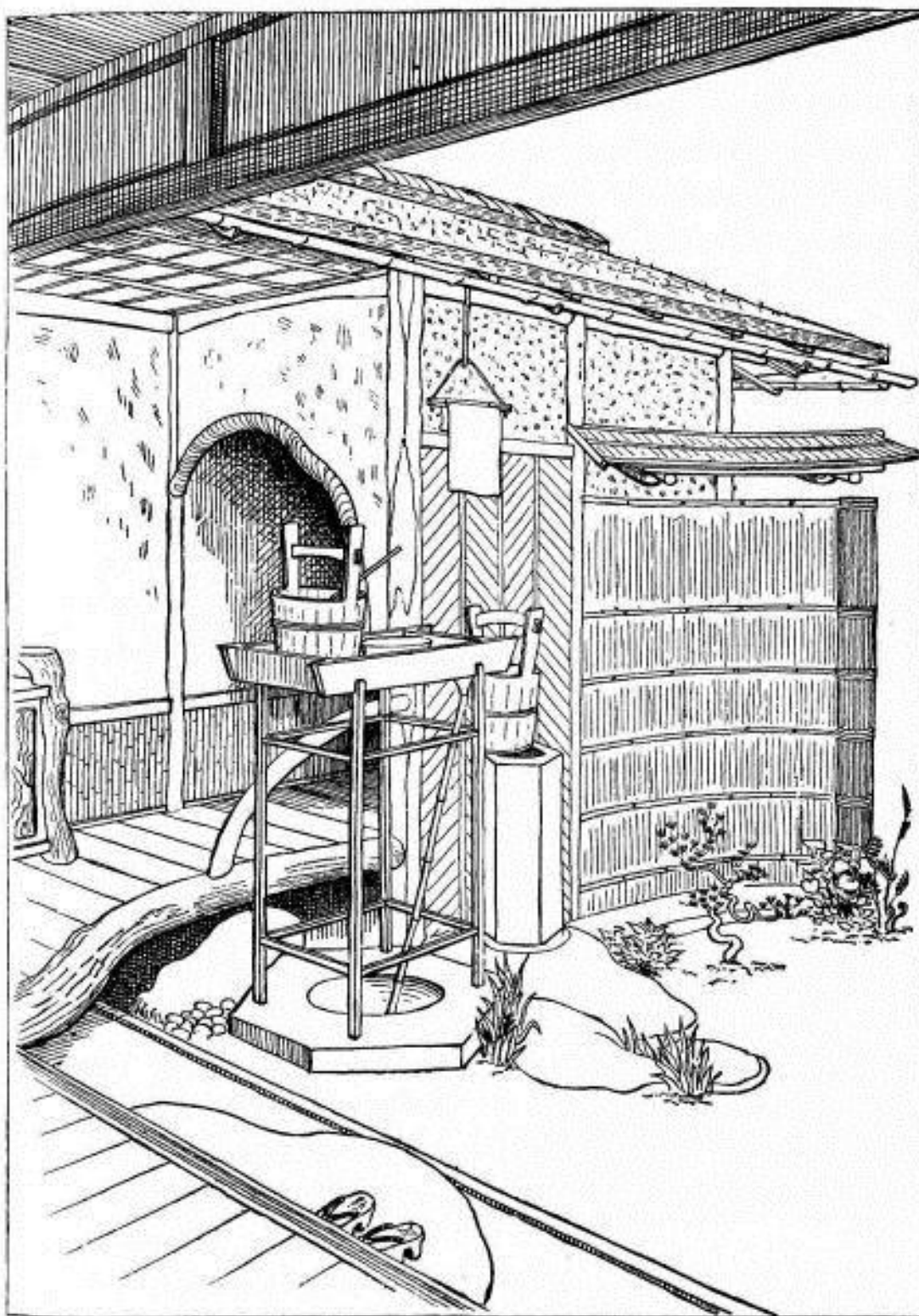

Рис. 218.— Вход в гостиницу в деревне Хачи-иши, Никко.

Интерьер этих квартир обычно прост, хотя иногда представляет собой чудеса кабинетной работы. Большое мастерство и вкус часто проявляются в подходах и внешней отделке этих мест.

На рис. 217 показан интерьер туалета обычной формы. На рис. 218 показано появление одного из них в гостинице в Хати-иши, недалеко от Никко. Планка в передней части рисунка изображает веранду; от нее под прямым углом отходит узкая платформа, окаймленная

естественным стволом дерева; слева виден угол маленького шкафчика; потолок покрыт циновками из тонких полосок дерева, а под ним находится бамбуковое дадо. Вход в первую квартиру обрамлен скрученной виноградной лозой, в то время как другие ветки в их естественном состоянии составляют каркас. За арочным проемом находится еще один, закрытый вращающейся дверью; и обычно это единственное место в доме, где можно найти дверь на петлях, за исключением, возможно, высокого шкафа под кухонной лестницей. Крыша густо покрыта миниатюрной черепицей, о которой уже упоминалось. Снаружи построена небольшая сетчатая ограда, под ней аккуратно посажено несколько растений - и показан типичный туалет высшего класса. Деревянное корыто, стоящее на четырех ножках и вмещающее ведро с водой и умывальник, очевидно, является дополнением для удобства иностранных гостей. *Чодзу-бачи* с вешалкой для полотенец, подвешенной наверху, как уже было описано, является универсальным атрибутом этого места.

Рис. 219. Уборная, соединенная с домом торговца в Асакусе.

Изучая этот набросок, сделанный на постоялом дворе в захолустной деревне, пусть он, по справедливости, вспомнит аналогичные удобства во многих захолустных деревнях христианского мира!

На [рис. 219](#) показана уборная торговца в Асакусе, Токио. Дверь представляла собой прекрасный образец корпусной работы, с узорами, инкрустированными деревом разных цветов. Интерьер этого заведения ([рис. 220](#)) также был прекрасно отделан и скрупулезно убран.

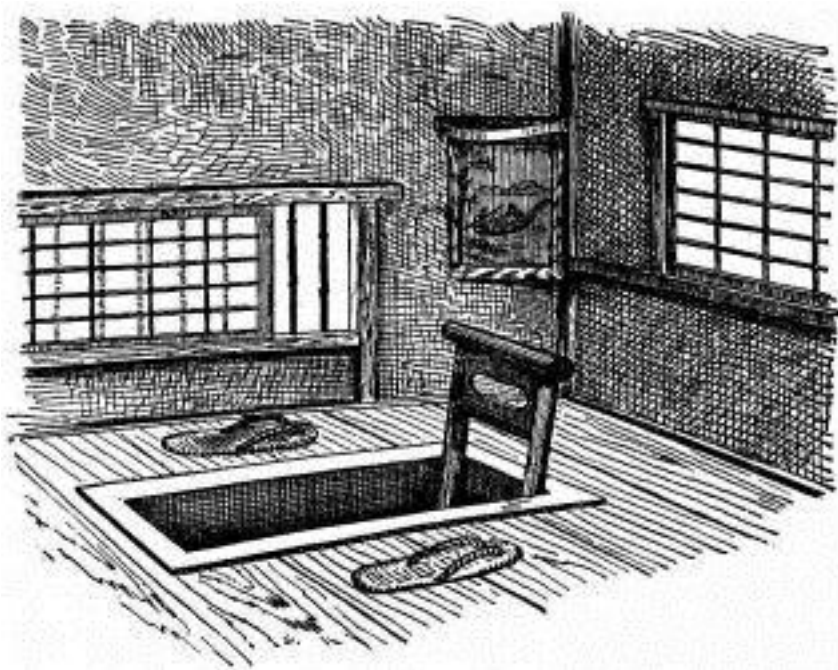

Рис. 220. Интерьер уборной в Асакусе.

Емкость в уборной состоит из половины бочки из-под масла или большого глиняного сосуда, утопленного в землю, с удобным доступом к нему снаружи. Его опорожняют каждые несколько дней люди, которые ходят своими обычными маршрутами; и в качестве иллюстрации ценности этого материала для сельскохозяйственных целей мне сказали, что в Хиросиме при аренде более бедных многоквартирных домов, если три человека занимали комнату вместе, сточные воды оплачивали аренду одного, а если пятеро занимали одну и ту же комнату, арендная плата не взималась! Действительно, огромная ценность и важность этого материала настолько велика для японского фермера, который полностью зависит от него в обогащении своей почвы, что в сельской местности личные удобства для путешественников всегда устраиваются на обочине дороги в виде ведер или полубочек, утопленных в землю.

Судя по нашим стандартам скромности в отношении этих вопросов, у японцев, по-видимому, нет признаков деликатности в их отношении; или, чтобы быть более справедливым, возможно, следует сказать, что среди них нет наигранной ложной скромности — чувства, которое, по-видимому, развилось исключительно среди англоговорящих людей, а среди некоторых из них достигло таких смехотворных высот абсурда, что часто чревато серьезными последствиями. Но у японцев могло сложиться впечатление, что публичность, приданная ими сбору этого важного удобрения, притупила всякую чувствительность с их стороны, если она когда-либо существовала, в этом вопросе.¹⁹ Действительно, конфиденциальность в этом вопросе была бы невозможна, если учесть, что в городах — как, например, в Токио — с населением почти в миллион человек этот материал ежедневно вывозится на фермы за пределами города, причем сосуды, в которых он транспортируется, представляют собой длинные цилиндрические ведра, которые несут люди и лошади. Если чувствительные люди оскорблены этими условиями, они должны признать, что секрет удаления сточных вод успешно разгадывался японцами на протяжении веков, так что ничто не пропадает даром. И не менее важно также то, что о том классе болезней, которые поражают наши сообщества в результате наших неэффективных усилий по утилизации сточных вод, японцы, к счастью, знают очень мало. В этой стране нет глубоких хранилищ с многолетними отложениями,

загрязняющими землю, или подземных труб, отводящих сточные воды в неглубокие бухты и заливы, где они загрязняют воздух и распространяют болезни и смерть.

С другой стороны, следует признать, что их водоснабжение очень серьезно страдает из-за того, что эти сточные воды смываются в реки и колодцы с рисовых полей, где они оседают; а бедствие холеры, которая почти ежегодно бросает свою опустошающую тень на многие из их южных городов, вызвано почти повсеместной обработкой земли методами орошения; и, как следствие, распределение сточных вод по этим наземным путям делает невозможной защиту систем водоснабжения от загрязнения.

ГЛАВА V. ВХОДЫ И ПОДХОДЫ.

При изучении архитектуры домов Японии по сравнению с архитектурой домов Америки любопытно наблюдать относительную степень важности, придаваемой сходным чертам двумя народами. У нас самый обычный дом в городе или деревне будет иметь определенную входную дверь, и почти всегда с некоторыми украшениями в виде тяжелых панелей, витиеватых скоб и подпорок, поддерживающих какое-либо покрытие наверху, и ступенек, ведущих к нему, столь же претенциозных; в обычном японском доме, напротив, этот вход, как мы увидим, часто, хотя и не всегда, имеет самый неопределенный характер. У нас, опять же, лестницу холла или парадного входа можно увидеть сразу при входе в дом, и эта часть имеет некоторое отображение в балясинах и изящно изогнутых перилах, а в домах более высокого класса архитектор уделяет ей особое внимание; однако в Японии, если дом двухэтажный, лестницы никогда не видно, и она редко бывает чем-то большим, чем прочная и крутая стремянка. С другой стороны, конек крыши, который в Японии почти неизменно образует самую живописную деталь экстерьера дома, у нас является не чем иным, как линией соединения самого простого навеса; хотя в больших зданиях предпринимались слабые попытки украсить эту высокую и бросающуюся в глаза линию перевернутым чугунным узором, который не только абсолютно бесполезен как конструктивная особенность, но, что касается дизайна, мог бы одинаково подходить для края безвкусной валентинки или декоративной бахромы, которая поставляется в коробке из-под изюма "Малага". .

Таким образом, поскольку мы привыкли к парадной двери со ступеньками и перилами и к определенному претенциозному архитектурному оформлению, трудно представить себе дом без некоторых таких характерных символов на его портале. Однако в обычном японском доме мы часто тщетно ищем такие признаки. В домах обычного класса и даже в домах более важных вход часто обозначен нечетко; человек может войти в дом через сад и поздороваться на веранде, или он может пройти в дом через нечетко очерченную границу рядом с кухней — что-то вроде черного хода с передней стороны. В других домах этот вход осуществляется через небольшую площадку с циновками, которая ничем не отличается от других комнат, за исключением того, что внешний край ее фальшпола находится на некотором расстоянии от карниза, а между ним и подоконником пол - мать-земля. Одна или две ступеньки, состоящие из отдельных досок по ширине помещения, ведут от земли к полу. Крыша в этом месте может быть двускатной, что более точно указывает на вход. Эти

неопределенные входы, однако, принадлежат только домам того, что можно назвать средним и низшим классами, хотя даже в домах среднего класса хорошо обозначенные входы и даже входы с некоторыми претензиями не редкость. Некоторые могут быть склонны усомниться в утверждении, что в обычных домах вход часто более или менее расплывчато очерчен. Однако в качестве любопытного доказательства этого у меня есть планы двух домов японских архитекторов, состоящих из нескольких комнат и представляющих собой жилища, намного превосходящие обычный тип; и хотя я консультировался со многими японскими друзьями относительно этих планов, ни один из них не смог сказать мне, где находится главный вход или должен быть!

В домах более высокого класса вход выполнен в виде широкого выступающего крыльца со специальной двускатной крышей, украшенной искусной резьбой по дереву спереди, причем отверстие такое же широкое, как и само крыльцо. Пол состоит из широких досок, идущих под прямым углом к подоконнику, который имеет желобки для установки *дверей amado*, или штормовых дверей. С этого этажа можно попасть на следующий этаж с помощью одной или двух ступенек, причем край пола рядом со ступенями имеет желобки для размещения *седзи*. Задняя перегородка этого зала является постоянной. С обеих сторон раздвижные ширмы ведут в комнаты внутри. По бокам вестибюля проходит деревянная перегородка, а стена над ней оштукатурена. Низкая ширма, называемая *цуй-тейт*, обычно является единственным украшением зала; а в старину на стене за *цуй-тейт* висело любопытное оружие с длинной рукоятью, которое сейчас можно увидеть только как музейные образцы. У этого экрана нет складок; рама толстая и покрыта лаком, а поперечные ножки тяжелые и тоже покрыты лаком.

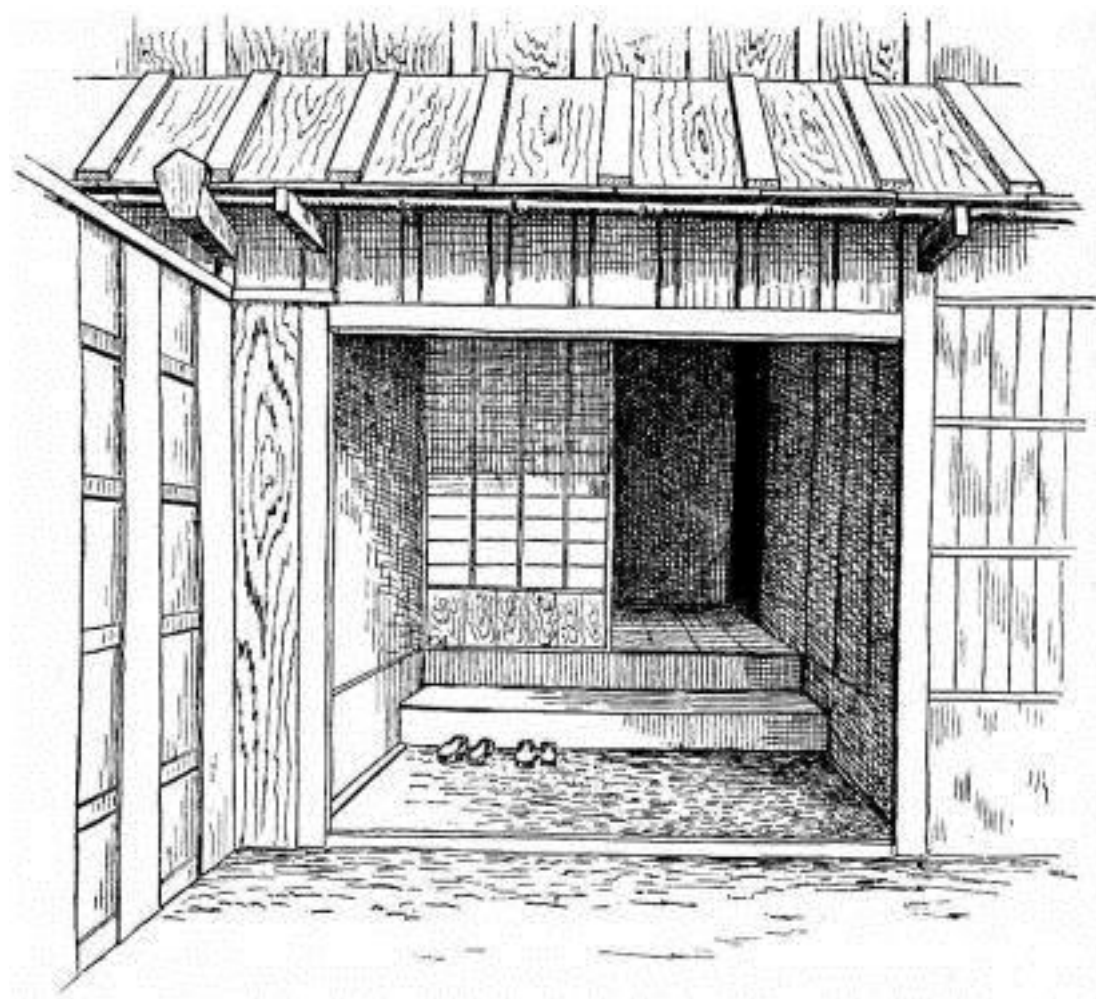

Рис. 221.—Главный вход в дом.

В некоторых домах пол в холле, как и в вестибюле, выложен досками; а полировка ступеней и пола имеет такую изысканную гладкость цвета слоновой кости, что украшенная ширма и фусума отражаются как в тенистой и тихой водной глади. Даже здесь нет ничего особенного, кроме выступа в виде крыльца и двускатной крыши на внешних границах этого входа.

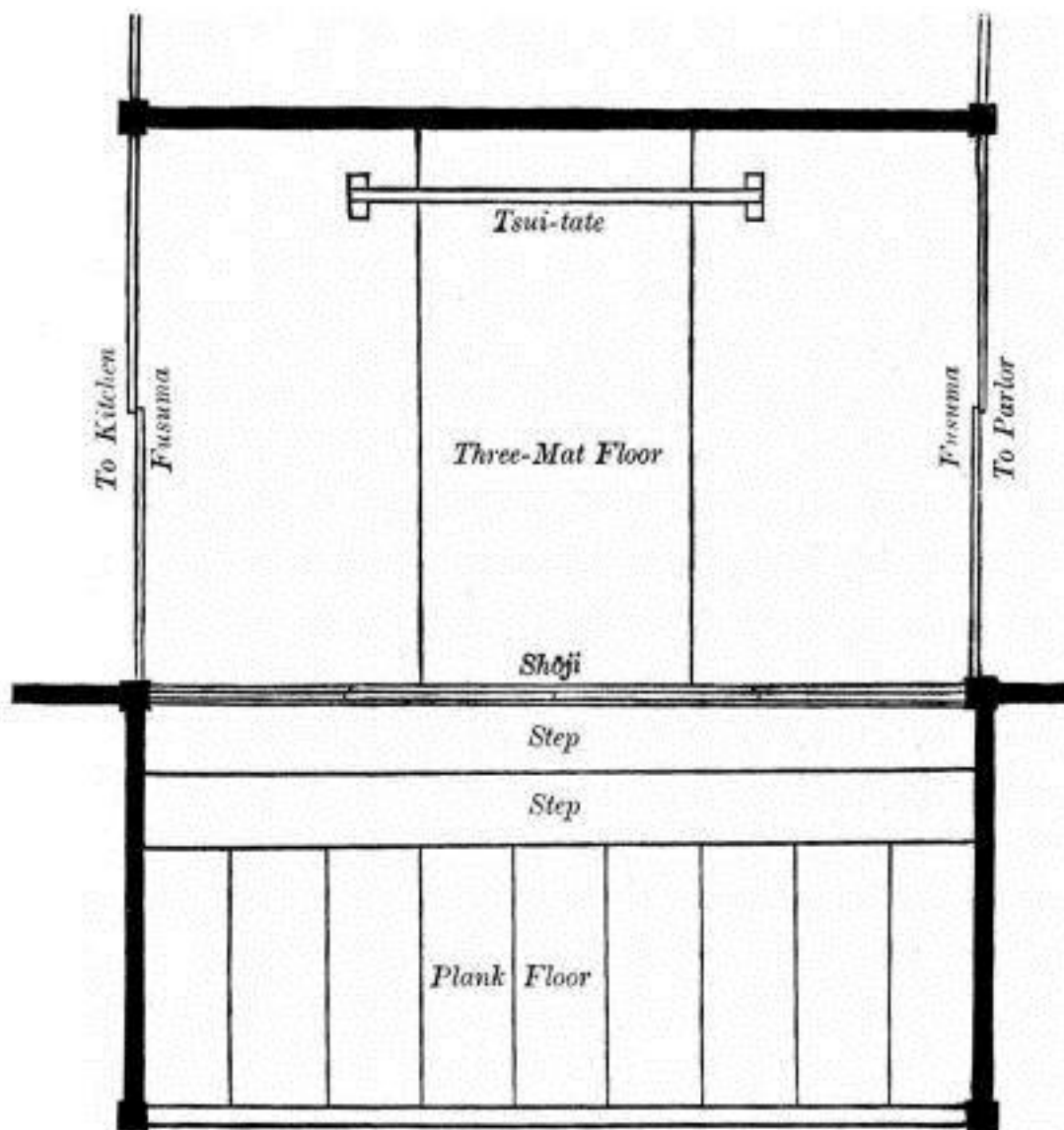

Рис. 222. План вестибюля и холла.

Может показаться, что соответствующая архитектура этого важного портала была перенесена на ворота — тяжелые двери на петлях, засовы, решетки и все остальное; поскольку в проходах заметная, хотя часто и фиктивная, прочность проявляется в навесе из балок и черепицы, поддерживаемом столь же массивными стойками.

На рис. 221 показан вид входа в дом, изображенный на страницах 54 и 55. Это дом самурая, и он является прекрасным примером того, как джентльмен может войти в дом при обычных обстоятельствах. Слева от входа находится оштукатуренная перегородка, отделяющая холл от кухни. Справа находится небольшая комната, отделенная от вестибюля *седзи*, не *фусума*. Это можно считать комнатой ожидания, куда приглашают деловых гостей; здесь обычно ждет слуга, чтобы сопровождать посетителей. Сразу за ней попадаешь в анфиладу комнат,

которые граничат с садом в задней части дома. У непосредственного входа есть подоконник; переступив через него, ступаешь на земляной пол.

Подоконник имеет желобки для размещения *амадо*, которые устанавливаются на место, когда дом закрывается на ночь. Когда в доме есть определенный вход, подобный этому, обычно есть удобства для хранения дорожного снаряжения, такого как зонтики, фонари и деревянные сабо. Например, в обычных домах в целях экономии места часть фальшпола вестибюля состоит из подвижных досок, которые можно поднимать, открывая под ними пространство, достаточно просторное для размещения этих предметов.

Приведенный здесь план (рис. 222) показывает холл, который часто можно увидеть в домах более высокого класса. Зона между входом и *седзи* выступает в виде крыльца со стороны дома, а зона с тремя матами находится внутри самого дома. Надписи на плане четко объясняют различные части.

В узком холле старого дома недалеко от Уэно в Токио я получил прилагаемый эскиз шкафа для обуви (рис. 223). Беглый осмотр различных сабо, которые там были, выявил те же особенности ходьбы, что и у нас, — некоторые были с заниженной пяткой, другие носились по бокам. Здесь были сабо самых разных размеров и разновидностей — обычные сабо школьников, к которым все еще прилипала засохшая уличная грязь, и лучшие сабо с лакированными боками и тонко сбитой подошвой. Сбоку висел комплект шнурков для обуви, готовый на всякий случай.

Рис. 223.—Шкаф для обуви.

В другом доме, прямо в вестибюле, я заметил полку-стеллаж над *фусума*, предназначенную для хранения семейных фонариков (рис. 224). С таким же успехом здесь можно констатировать — факт, который, вероятно, хорошо известен большинству наших читателей, — что японцы почти всегда берут с собой зажженные фонари, когда выходят ночью на улицу. На внешней стороне этих фонарей нарисован герб, или *тол*, семьи, или название дома: человек, ориентированный на бизнес, может разместить его на своем фонаре каким-нибудь причудливым рисунком. Эта привычка носить с собой фонари настолько устойчива, что в ясные лунные ночи фонарь становится предметом реквизиции; и ничто так не поражает иностранца, как вид множества пожарных на крыше горящего здания, держащих в руках зажженные фонари! Фонарики складываются в маленький циркуль; а на полке для фонарей, которую мы показали, стояло несколько коробок из толстого картона, в которые были сложены фонарики. На каждой коробке был нарисован рисунок, соответствующий дизайну фонаря внутри. В этом случае указывалось название семьи или герб.

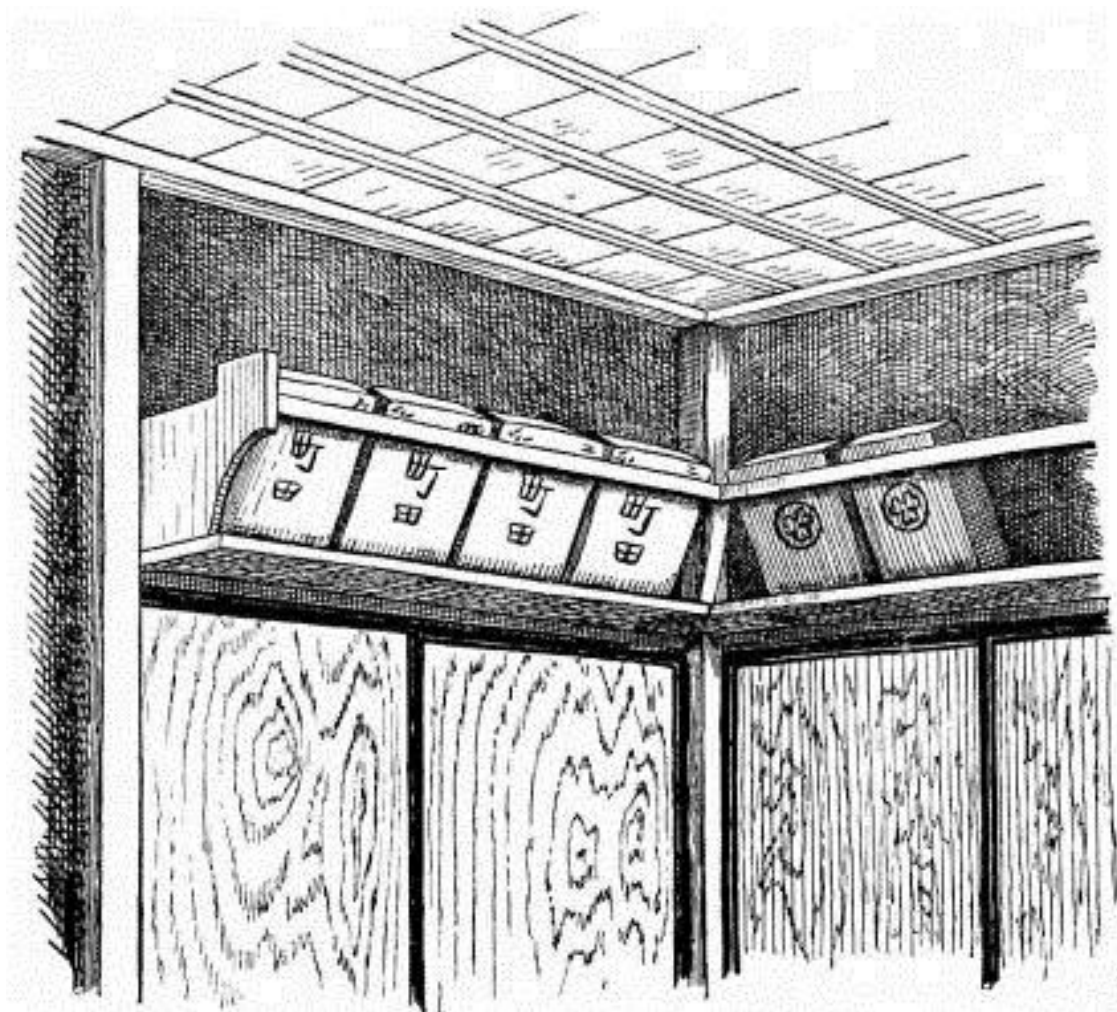

Рис. 224.—Полка для фонарей в прихожей.

В этом вестибюле *фусума* была обита не плотной бумагой, а панелями из темного кедра. Эффект был очень насыщенным.

В домах *дайме* вход всегда величественно отмечен специальной крышей и поддерживающей ее массивной конструкцией из резных балок, часто ярко раскрашенных, а окружающая обстановка соответствует достоинству этого важного региона.

Рис. 225.—Решетчатый вход с раздвижной дверью.

Дверные проемы магазинов и гостиниц, когда они определенно возникают, представляют собой большие квадратные проемы, прочно, но аккуратно зарешеченные, причем постоянно, часть их приходится откидывать. Подоконник такого отверстия находится на небольшом расстоянии от земли, и человек, войдя, перешагивает через этот подоконник на земляной пол внутри, называемый *до-ма*. Здесь он оставляет деревянные башмаки, когда ступает на приподнятый пол. На рис. 225 показан внешний вид этого дверного проема.

Веранда - неотъемлемая часть японского дома. Само слово имеет восточное происхождение, и трудно представить восточный дом с какими-либо претензиями без какой-либо веранды. В японском доме это почти продолжение пола комнаты, находящееся лишь немного ниже его уровня. Веранда - это нечто большее, чем роскошь; это необходимость, вытекающая из своеобразной конструкции дома. *Седзи*, с их изящными рамами и белой бумажной обивкой, которые заменяют наши стеклянные окна, пропускающие свет в комнату, по самой своей природе легко повреждаются дождем; край комнаты; следовательно, там, где они проходят, должен находиться на расстоянии нескольких футов от карниза; крыши или любого дополнительного навеса от дождя, который может быть построено над *седзи*. Таким образом, на этой линии матированный пол заканчивается, и за ним продолжается дощатый пол различной ширины, на внешнем краю которого имеется единственная канавка для размещения другого набора экранов из дерева. Они называются *amado*, буквально "дождевая дверь", и ночью и во время сильных штормов они закрыты. Временами, однако, между *амато* может идти дождь; но, хотя он и увлажняет веранду, он редко достигает *седзи*.

В обычных домах веранда не имеет внешних ограждений, хотя в домах знати они часто присутствуют. Ширина веранды варьируется пропорционально размерам дома. В некоторых храмах пол веранды может быть десяти футов или более в ширину и покрыт толстым слоем лака, как в некоторых храмах Никко. В обычных домах эта зона может достигать трех или четырех футов в ширину. Ссылка на планы (рис. 97 и 98; стр. 113, 116), а также к

вертикальному сечению (рис. 103; стр. 126), даст четкое представление об этой платформе и ее отношении к дому. Существуют различные способы обработки этого элемента; он всегда опирается на деревянные столбы, грубые или обтесанные, которые, как и стойки дома, опираются на отдельные камни, частично зарытые в землю. Пространство между краем веранды и землей почти всегда остается открытым, как будет видно из рис. 37, 48, 49, 50 и 95 (страницы 55, 66, 68, 70, 106), хотя в домах Киото его иногда заполняют простой доской или панелями; и кое-где есть одна или несколько панелей, которые проходят взад и вперед по пазам, так что при необходимости можно пройти под домом. Доски, из которых состоит пол веранды, могут быть узкими или широкими; однако обычно они довольно узкие и проходят параллельно краю веранды, хотя в некоторых клетушках это широкие доски, идущие под прямым углом. Когда эта платформа поворачивает за угол, концы досок могут быть скошенными (как на рис. 226, А) или квадратными (как на рис. 226, Б), в последнем случае концы попеременно выступают друг за друга. Иногда пол состоит из узких полос толстой доски с глубоко скошенными или закругленными краями (рис. 226, В). В этом стиле между досками оставляется значительное пространство. Эффект от такой обработки считается деревенским и живописным, но, конечно, ходить по нему не так приятно. При такой форме веранды *амадо* проходит в канавке в непосредственной близости от *седзи*.

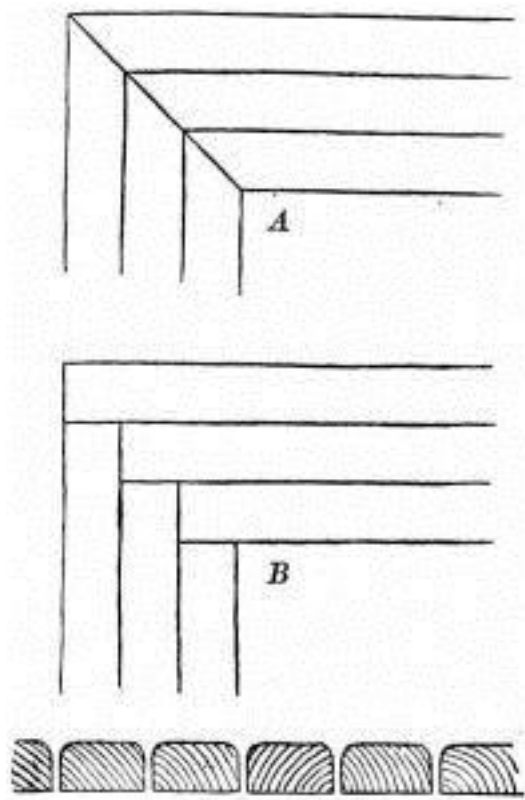

Рис. 226.—Пол веранды.

Высота веранды значительно различается от земли; чаще всего она настолько низкая, что человек, сидящий на ее краю, может удобно поставить ноги на землю. В этом случае ступеньку образует один широкий блок, либо из камня, либо из дерева. Когда веранда находится на большей высоте от земли, устанавливаются постоянные или регулируемые ступеньки, числом две или три. Распространенная форма веранды-ступени показана на рис. 179 (стр. 199). Очень хороший тип веранды, зарисованный из старого дома в Киото, показан на рис. 227. Способ, которым стойки поддерживают широкие нависающие карнизы, внешний вид дополнительной крыши, называемой *хисаси*, *седзи*, как они выглядят,

некоторые закрытые, некоторые открытые, открывающие вид на комнаты внутри, и другие детали, которые будут описаны ниже, показаны на этом рисунке.

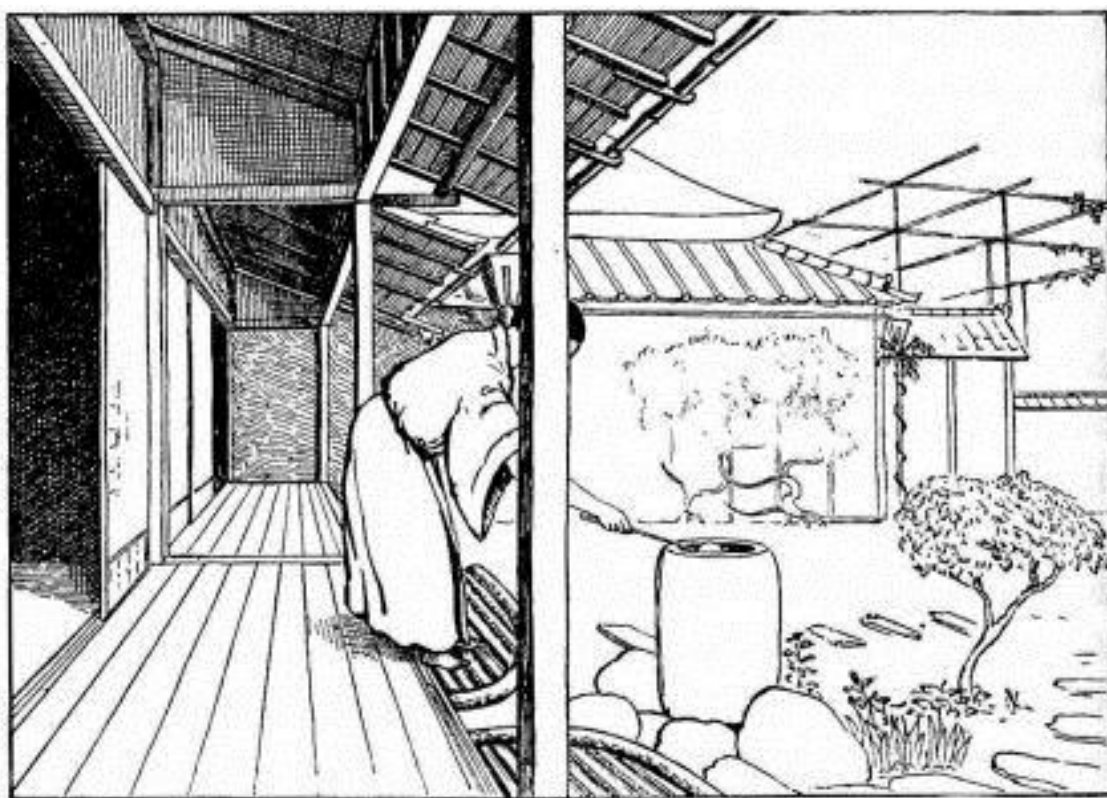

Рис. 227. Веранда старого дома Киото.

Комнаты на втором этаже также выходят на балкон, платформа которого, как правило, намного уже, чем та, что находится внизу. На этом балконе обязательно есть перила или балюстрада; и здесь много хорошей художественной работы представлено в дизайне и отделке, с простыми и экономичными приспособлениями, очевидными, как и во многих других элементах дома. Эта конструкция с прочными перилами наверху имеет промежутки между поддерживающими ее стойками, заполненные множеством причудливых устройств из решетки, бамбука или панелей с перфорированным рисунком. Обычно рядом с платформой от стойки к стойке проходит узкая перекладина, так что любой упавший предмет не может выкатиться; между концевыми стойками рельса эта деталь часто снимается, чтобы легче было смахивать пыль и грязь. (На [рис. 228](#) деталь, обозначенная Как А, является съемной).

На [рис. 229](#) изображена панель с балюстрады в Мацусиме. При этом рисунок из бамбука был прорезан насквозь, создавая очень легкий и красивый эффект. На [рис. 230](#) показана другая панель с балюстрады в Фудзисаве; перфорированный рисунок в виде драконов в различных позах украшал каждую панель, которая удерживалась на месте рамкой, составленной из круглых прутьев красной сосны.

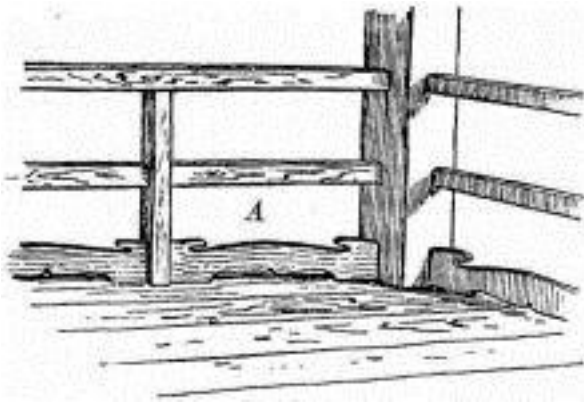

Рис. 228. Балконные перила.

Кажется удивительным, что наши архитекторы не так часто используют этот метод перфорации в своих декоративных работах — рисунки могут быть настолько четкими и острой формы, в то время как темный оттенок комнаты или пространства за ее пределами придает дизайну глубину цвета, которая в то же время постоянна. У японцев этот метод декорирования является излюбленным как для внешней, так и для внутренней отделки, и они проявили большую изобретательность и оригинальность в бесконечном разнообразии дизайнов для этого способа обработки. Ничто не кажется им слишком трудным — летящие птицы, плавающие рыбы, набегающие волны и восходящее солнце, цветы и бабочки; действительно, весь спектр графического оформления не представлял для них никаких трудностей. В процессе изготовления фигурных полотен и крепа используются трафаретные формы из плотной бумаги, а при печати обоев используются те же методы.

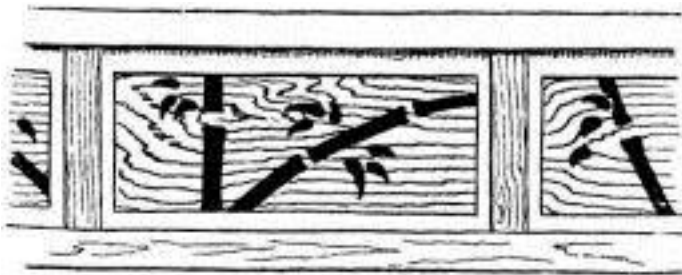

Рис. 229. Балконные перила и перфорированные панели.

В балконных перилах (рис. 231) было изготовлено очень тонкое устройство, использующее в качестве средней перекладины небольшой бамбук, непосредственно под которым находилась другая перекладина, состоящая из продольного сечения середины большого бамбука; такое сечение включало также поперечные перегородки бамбука. К этому процессу часто прибегают при изготовлении каркаса из изящных *седзи*, но редко можно увидеть, чтобы он использовался в балюстраде. Эффект чрезвычайно утонченный и деликатный; и понимаешь, что в стране, где такие хрупкие узоры встроены в такое открытое строение, должно отсутствовать грубых, шумных детей, с которыми мы знакомы и которые за короткое время стали бы для японского дома такими же разрушительными, как сильное землетрясение и тайфун вместе взятые. Далее понимаешь, что в этой стране мужчины должны стоять там, где им подобает стоять.

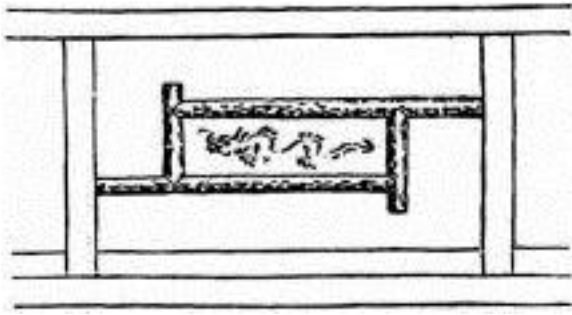

Рис. 230. Балконные перила.

Балюстраду часто делают очень прочной, как можно видеть на [рис. 232](#), сделанном в доме знаменитого гончара в Киото. Столбы имели металлические верхушки, а через определенные промежутки времени вдоль верхнего рельса были закреплены металлические пластины.

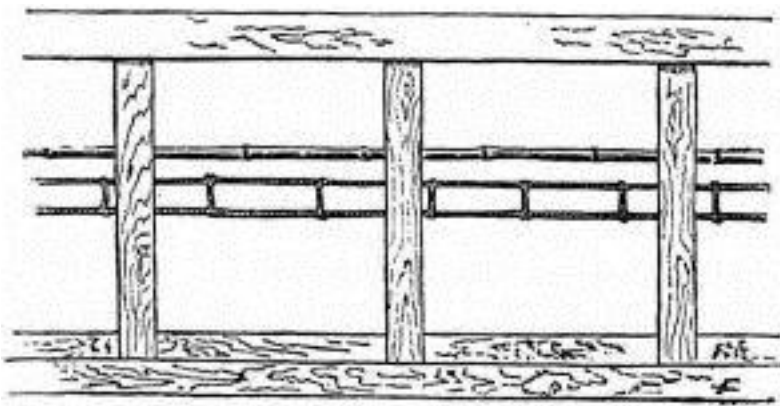

Рис. 231. Балконные перила.

Временных гостей часто принимают на веранде, где подают *хибачи*, *табако-бон*, а также чай и пирожные. Летними вечерами здесь намного прохладнее, чем на застеленном циновками полу внутри, и вид на сад создает приятное место для отдыха. По его краю иногда ставят цветочные горшки; на нем играют дети; и в длинной анфиладе комнат он образует удобный переход из одной квартиры в другую. Часто это единственный способ попасть в комнату в одном конце дома, если только не проходить через другие комнаты, поскольку во многих случаях нет внутренних проходов или коридоров, как у нас. Излишне говорить, что веранда поддерживается в скрупулезной чистоте, а ее деревянный пол часто полируют.[20](#)

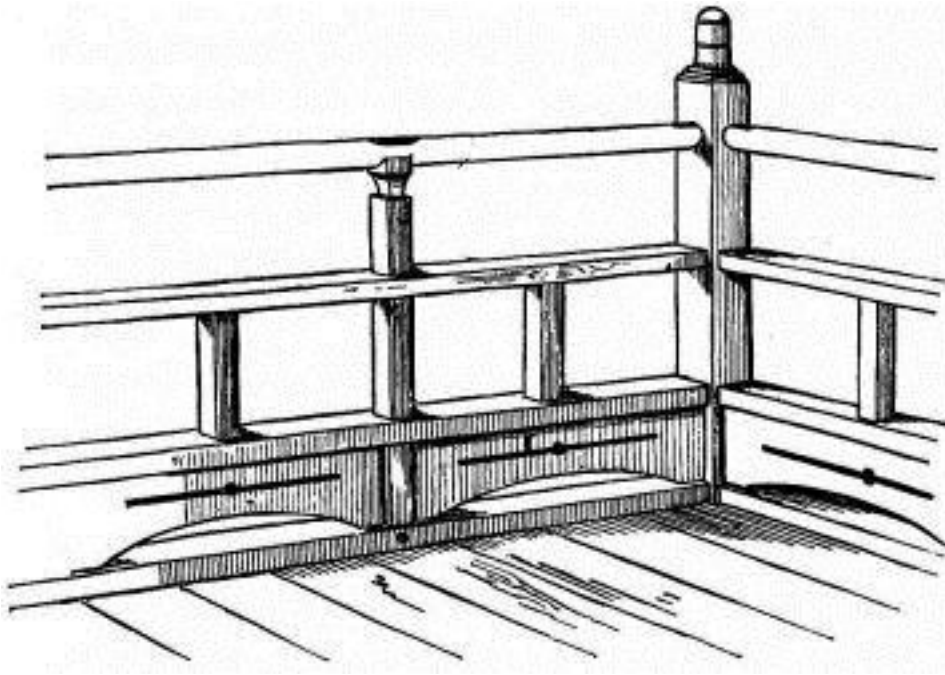

Рис. 232. Балконные перила.

Те *амадо*, или дождевые двери, которыми веранда закрывается ночью и в ненастную погоду, выполнены в виде легких деревянных ширм размером примерно с *седзи*. Они сделаны из тонких досок, скрепленных легким каркасом с несколькими поперечными перекладинами. *Ставни* проходят в единственном углублении по внешнему краю веранды; ночью дом надежно закрывается этими ставнями, и жаркими летними ночами в квартирах становится почти душно. Однако во многих домах предусмотрена вентиляция в виде длинного узкого отверстия чуть выше *решетки*. Панели изготавливаются таким образом, чтобы они вставлялись в эти отверстия, так что зимой холод в некоторой степени может быть защищен от проникновения внутрь. В необычно штормовые дни и во время преобладания тайфуна закрытый таким образом дом достаточно темен и мрачен.

Эти ставни - шумная особенность японского дома. Внутри нет хлопающих дверей или гремющих задвижек; восхищаешься тихой и бесшумной манерой, с которой *фусума* мягко передвигаются взад и вперед; а мягкие циновки, поддающиеся давлению еще более мягких ног, когда обитатели, как кошки, легко переступают по ним, успокаивают перенапряженные нервы, и невольно сравниваешь их с топотом тяжелых ботинок по нашим деревянным полам или облаками грязной пыли, выбиваемой из наших ковров во время любой грубой детской игры. В японском доме всех этих невзгод счастливо удастся избежать. Однако истина вынуждает меня сказать, что утром вас грубо будят слуги, отодвигающие в соответствующие ниши эти наружные деревянные ширмы; и это действие обычно бывает достаточно шумным. В публичных домах это представление заменяет звон колокольчика или бьющего в барабан гонга (китайское орудие пытки, от которого наш народ, кажется, получает особое удовольствие); ибо не только дребезжащий стук этих звонких ставен, но и яркий свет дневного света там, где до этого вы были погружены в темноту, вызывает у вас внезапный и болезненный шок.

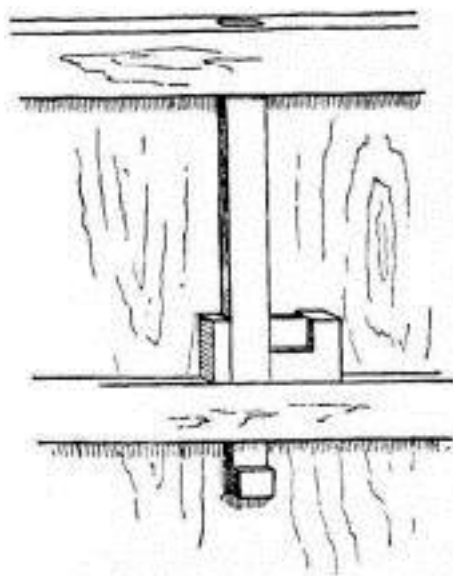

Рис. 233.—Замок дождевой двери снят.

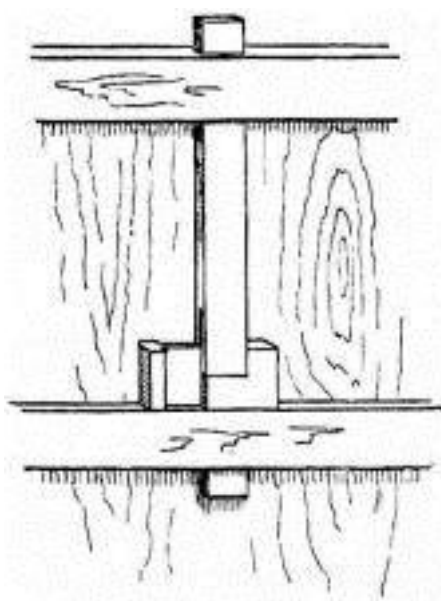

Рис. 234.—Замок дождевой двери закрыт на засов.

У японцев есть ряд любопытных приспособлений, с помощью которых запираются или запираются на засов эти ставни. Насколько я знаю, единственный ночной замок, который есть в доме, прикреплен к ним. Эти устройства настолько слабы, что вряд ли выдержали бы атаку зубочисткой в руках подлого вора. Японцу наши дома должны казаться настоящими тюрьмами с замками, засовами и автоматическими защелками при каждом открывании, а входная дверь снабжена такими таинственными устройствами, что изнутри она столь же неприступна, как и снаружи. В какой стране воров, должно быть, думает он о себе, когда находит дверные коврики, скребки для мытья дверей, ковшики для фонтана, термометры и т. Д., прикованные цепями, привинченными или прикрученными к дому болтами! Самое простое устройство для запираения раздвижной двери, или *амато*, осуществляется с помощью кольца, прикрепленного к стойке, сбоку от которой *крепится амато*. В раме *amado* есть маленькая железная петелька; кольцо надето на петлю, и деревянная булавка удерживает его на месте. Другая форма замка состоит из вертикального деревянного засова, который проходит через верхнюю раму *amado*, а также через поперечную перекладину чуть ниже. Поднимаемый засов удерживается на месте другим куском дерева, который скользит

таким образом, чтобы засов не откатывался назад. Однако ссылка на эскизы (рис. 233, 234) лучше объяснят работу этого хитроумного устройства. Иногда для удержания последнего *амадо* на месте используется простая деревянная булавка. Все эти различные устройства находятся на последней *панели управления*; поскольку, когда она заблокирована, все остальные защищены.

В старых домах на внешнем краю канавки, в которой проходят *амадо*, можно заметить железные ручки с круглыми выступами (рис. 235). Они расположены через промежутки, соответствующие количеству зерен, и предназначены для предотвращения вынимания зерен из паза снаружи и, таким образом, удаления. В наши дни это устройство редко встретишь.

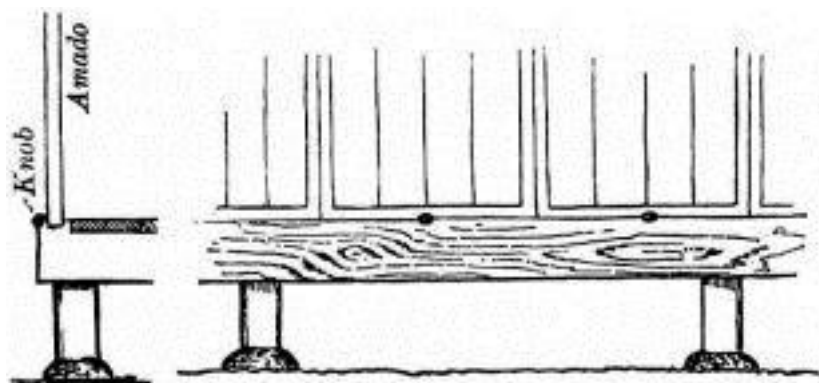

Рис. 235. Ручка для дождевой двери.

На втором этаже *тобукуро* может находиться на той стороне дома, которая проходит под прямым углом к балкону. Поскольку *амадо* выдвигаются одна за другой, необходимо повернуть их за угол балкона, за угловую стойку. Чтобы они не соскальзывали с угла при повороте стойки, к углу балкона прикреплен небольшой железный валик; *амадо* выдвигается им наполовину, а затем поворачивается в другой паз. Ссылка на эскиз (рис. 236) показывает положение этого валика и две его формы. Следует заметить, что в этом месте нет канавки, так что *амадо* можно поворачивать, не поднимая их.

В *амадо*, которые закрывают вход в дом, в торцевой есть маленькая квадратная дверца, называемая *кугури-до*; она может скользить взад-вперед или качаться на петлях. Он используется как вход после того, как дом закрывается на ночь. Его также называют сейсмозащитной дверью, поскольку через нее заключенные могут легко и быстро найти выход во время внезапной чрезвычайной ситуации без необходимости снимать *ограждение*.

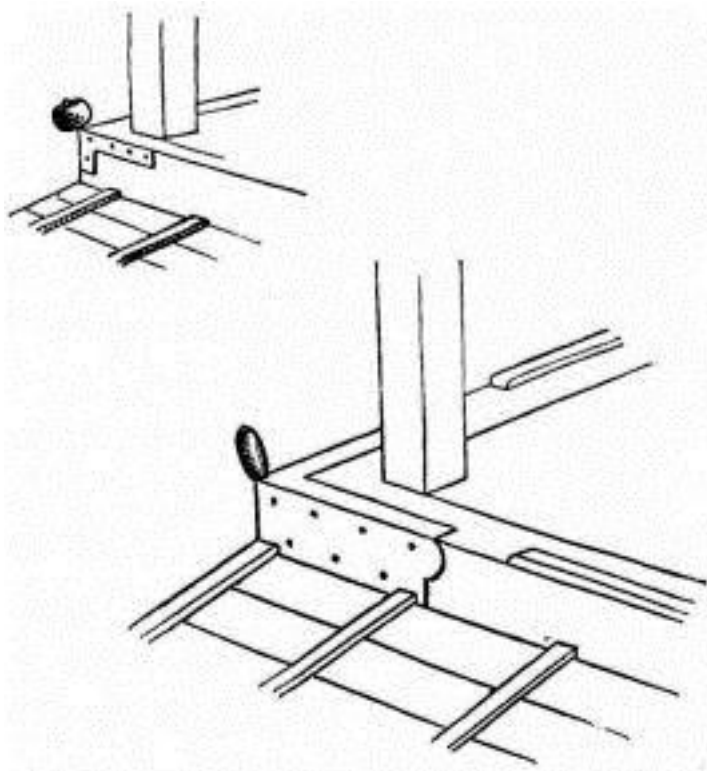

Рис. 236. Угловой ролик для дождевой двери.

На ночь компания *amado* закрывает не только веранду, но и вход в дом, а также окна, когда это происходит. Днем эти ставни убираются в шкафы, называемые *то-букуро*. Эти шкафы устанавливаются с одной стороны проема или места, подлежащего закрытию, и сразу за канавкой, в которую должны входить ставни. Они имеют ширину всего одной створки, но достаточно глубоки, чтобы вместить количество, необходимое для закрытия любого входа. Согласно планам (рис. 97 и 98; страницы 113, 116) расположение этих шкафов можно увидеть; и на уже приведенных видах домов, в частности на фиг. 35, 38, 49 и 50 (страницы 53, 56, 68 и 70), их можно увидеть на концах веранд, балконов, входов и окон.

В обычном доме *тобукуро* делается из тонких досок и имеет вид неглубокого ящика, прикрепленного к стене дома. На больших постоянных дворах фасад *тобукуро* часто состоит из одной крупнозернистой доски. Сбоку у шкафа есть выемка, так что рука может поочередно хвататься за края каждого *амадо*, когда оно тянется к углублению, в котором проходит. Слуга будет стоять у *тобукуро* и быстро вынимать *амадо* одно за другим, толкая их по желобку, как вереницу вагонов.

The *тобукуро* почти всегда устанавливается сбоку от дома; однако иногда его приходится устанавливать на веранде в таком положении, что, будь он постоянным, он загораживал бы свет. В таком случае он устанавливается на шарнирах, так что после того, как *амадо* убраны на день, его можно развернуть под прямым углом от веранды и прислонить к стене какого-нибудь крыльца или пристройки. Эта форма раскачивания *то-букуро* представлена на приведенном выше рисунке (рис. 237).

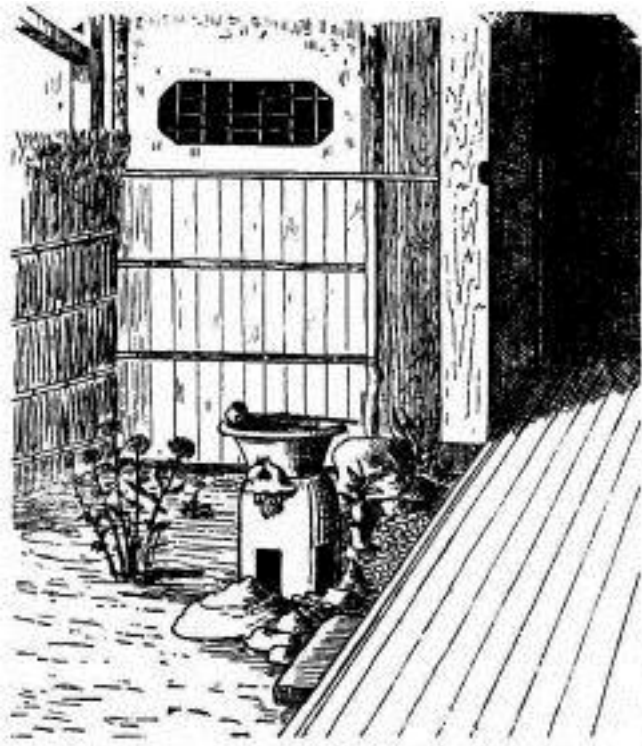

Рис. 237. Веранда с изображением распашного шкафа для защиты от дождя, а также Чодзу—бачи.

Любопытное свидетельство чистоплотности японцев можно увидеть в *чодзу-бачи*, сосуде для воды в конце веранды рядом с уборной. Это удобно исключительно для мытья рук. Этот сосуд, если он сделан из бронзы или керамики, стоит на какой-либо подставке или столбе, который поднимается из земли у края веранды. О его важности свидетельствуют декоративные элементы, часто присутствующие в его структуре и окружении. В своей простейшей форме он состоит из деревянного ведра, подвешенного к бамбуку, который свисает с карниза крыши веранды наверху. К этому бамбуку подвешивается и ковшик (рис. 238). Обычно рядом висит вешалка для полотенец. Более распространенная форма *чодзу-бачи* состоит из сосуда из бронзы, керамики или фарфора, поддерживаемого прочно воткнутым в землю столбом, вокруг основания которого насыпано несколько истертых на пляже камешков вперемешку с более крупными камнями; так что при мытье рук (которое всегда выполняется путем зачерпывания воды из сосуда и выливания ее на руки) пролитая вода попадает на гальку, и таким образом можно избежать образования неприглядной лужи воды. В простых формах *чодзу-бачи*, таких, как та, что показана на рис. 49 (стр. 68), камешки заключены в рамку из плиток, закрепленных в земле по краям, причем эта рамка иногда имеет треугольную, а иногда круглую форму.

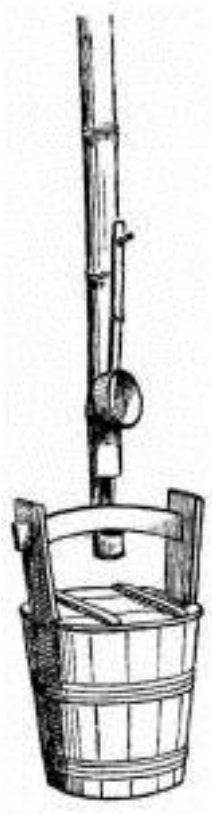

Рис. 238.—Чодзу-бачи.

В качестве опоры для этих сосудов используются самые причудливые приспособления: это может быть ствол дерева, с одной стороны которого вырастает ветка, покрытая листьями и цветами; или это может быть конец резного столба из какого-нибудь старого здания, как показано на [рис. 237](#). Любимая опора состоит из стойки руля, оставшейся от какого-нибудь старого кораблекрушения, как показано на [рис. 239](#), в доме джентльмена в пригороде Токио. Обычно сосуд изготавливается из бронзы, и часто можно заметить редкие старинные формы, используемые для этой цели, покрытые богатой патиной. Часто вода подается по бамбуковой трубе и падает непрерывным потоком среди гальки.

Многие формы *чодзу-бачи* имеют форму тяжелых толстых каменных блоков с углублением наверху для удержания воды. Формы камня бесконечно разнообразны: это может быть грубо обтесанный камень, или квадратный столб, или каменная арка с углублением для воды в верхней части арки; действительно, в конструкциях для этой цели проявляются самые причудливые фантазии. Обычная форма, однако, цилиндрическая ([рис. 240](#)); камень может быть выполнен в форме урны ([рис. 241](#)). Однако, какой бы ни была форма, они, как правило, представляют собой монолиты.

Рис. 239.—Чодзу-бачи.

Обычно каменные *чодзу-бачи* имеют небольшой деревянный каркас с крышей наверху, чтобы опавшие листья не падали в воду. Большие камни неправильной формы с углублениями для воды можно увидеть у входа в маленькие строения, используемые для церемониальных чаепитий; в этом случае камень лежит прямо на земле. В то время как в большинстве случаев *чодзу-бачи* лишь слегка отодвинута от края веранды, так что до нее можно легко дотянуться ковшом, который всегда стоит на верхней части сосуда, в более изысканных местах с краю веранды сооружается небольшая платформа, называемая *хисаси-йен*. Эта платформа имеет пол из бамбуковых прутьев или круглых или шестиугольных деревянных брусков. Эта платформа часто ограждена перилами, а сверху обычно свисает причудливый старый железный фонарь, который освещает *чодзу-бачи* ночью. На рис. 240 изображен внешний вид этой платформы с *чодзу-бачи* в доме знаменитого гончара Киемидзу в Киото; а на иллюстрации старой веранды в Киото (рис. 227, стр. 244) показан японец, моющий руки.

Здесь, как и везде, проявляются вкус и изобретательность, позволяющие сделать этот уголок изысканным и художественным. В его композицию входят редкие породы дерева и дорогие изделия из камня; вокруг него растут красивые цветы, вьющиеся лианы и карликовые сосны; и специально подготовлены книги, иллюстрирующие множество способов, которыми можно обеспечить это удобство.

Общая опрятность и чистоплотность людей хорошо демонстрируется почти повсеместным присутствием *чодзу-бачи*, не только в домах и гостиницах, но и в общественных учреждениях в самых оживленных частях города, — железнодорожная станция, на которую стекаются сотни людей, не является исключением.

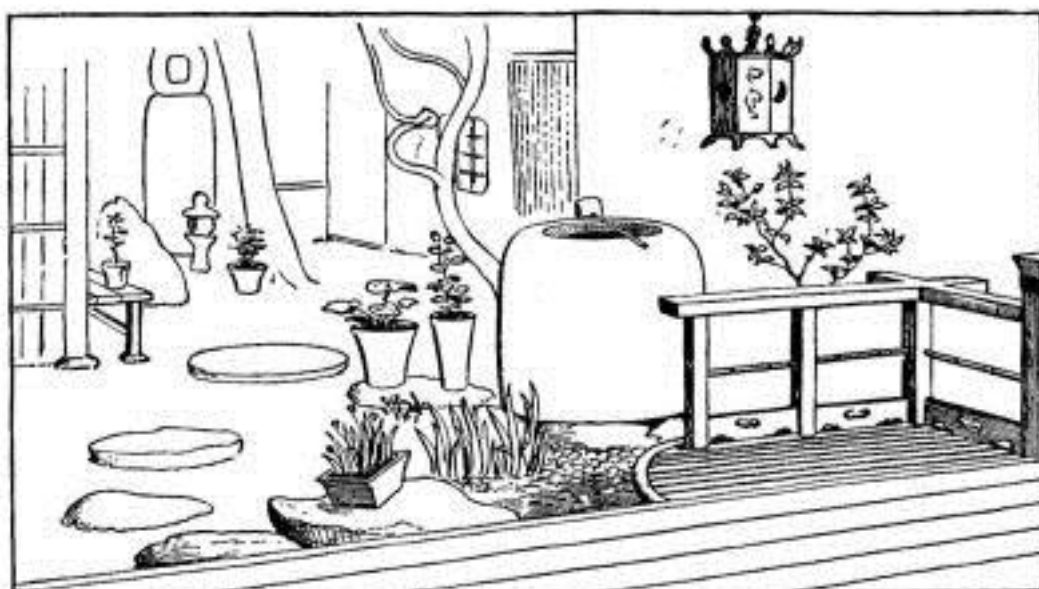

Рис. 240.—Чодзу-бачи.

В то время как на той стороне дома, которая выходит на улицу, практически не предпринимается попыток архитектурного оформления, воротам, напротив, уделяется много внимания, и многие из этих входов весьма примечательны своим дизайном и структурой. Они, как и заборы, сильно различаются по своей легкости или прочности. Ворота, окаймляющие улицу, часто имеют самое солидное описание — хорошо заперты изнутри, над ними есть крыша, и когда они выкрашены в черный цвет, как это часто бывает, выглядят достаточно мрачно. Однако, будь то массивные или легкие ворота, они обычно живописны. Деревенский стиль часто можно увидеть даже в подъездах городских домов; хотя они часто выглядят хрупкими, редко можно увидеть их в руинах или даже в полуразрушенном состоянии. Многие из них сделаны из легкого тонкого материала, хотя вертикальные стойки представляют собой прочные бревна, хорошо закрепленные сзади дополнительными стойками, а сверху — прочные поперечные балки. Часто причудливые старые корабельные доски или прочные и скрученные ветви образуют каркас для самых изысканных панелей из плетеных полос или перфорированных узоров, а центральные ребра ряда панелей образуют сплюснутые полосы темного бамбука. Все эти контрасты сильного и хрупкого, грубого и деликатного в дизайне, материале и исполнении — сюрпризы, которые придают такое очарование японским работам подобного рода.

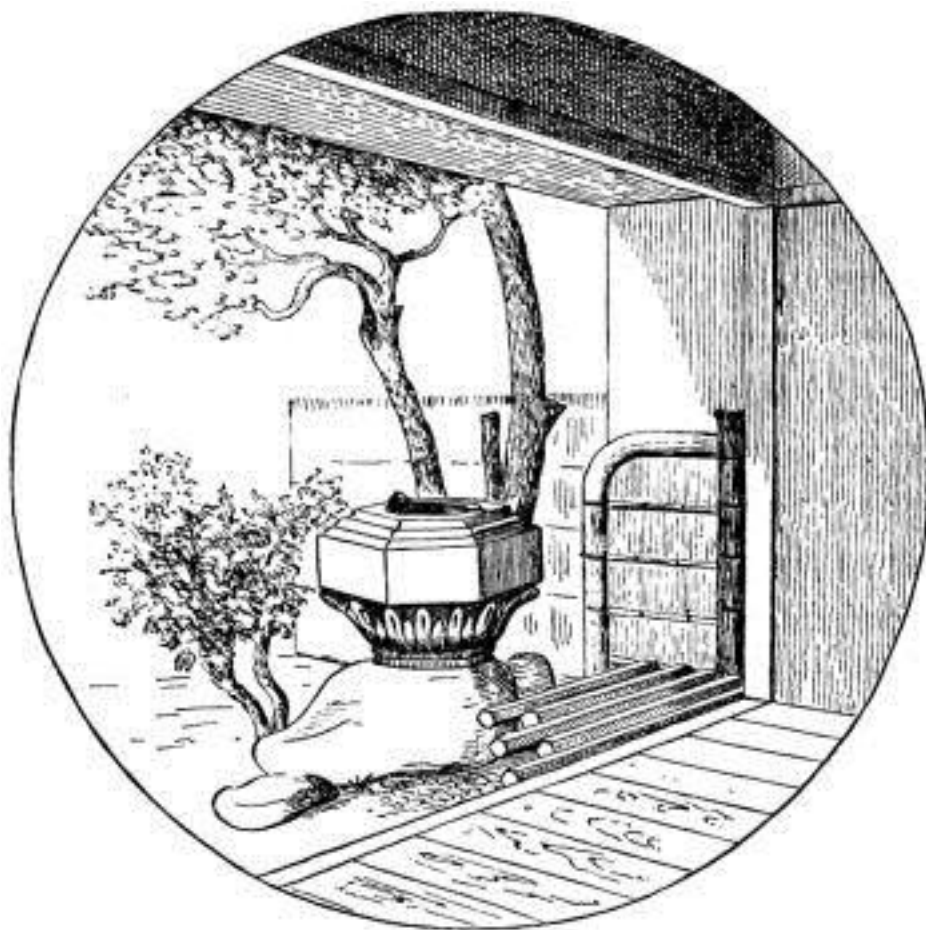

Рис. 241.—Чодзу-бачи и Хисаси-йен.

Существует много различных типов шлюзов. В городе один тип можно увидеть в длинном ряду зданий, которые образуют часть ограды *ясики*; это прочные и тяжеловесные сооружения. Подобные ворота видны в толстых высоких стенах из черепицы, глины и штукатурки, которые окружают *ясики*. Встречается другой тип, в котором ворота с обеих сторон окружены высокими, легкими деревянными или плотными бамбуковыми заборами; и еще один, который встречается в садовых заборах и часто имеет самое легкое описание.

Первого рода, образующего вход в *ясики*, здание которого не рассматривалось в данной работе, грубый набросок приведен на [рис. 242](#). Это ворота, принадлежащие небольшому *ясики* недалеко от Кудана в Токио, которые открываются в длинное низкое здание, прочное и тяжелое по конструкции. Большие ворота имеют с обеих сторон узкие отверстия для обычного прохода. Для привратника с одной стороны предусмотрено зарешеченное и защищенное окно, из которого он может видеть любого входящего или выходящего; узкий, хотя и глубокий ров перед входом перекрыт камнем. Ворота, хотя и прочные, кажутся гораздо более прочными, чем они есть на самом деле; ворота, по-видимому, утыканы тяжелыми засовами с круглыми головками, которые, как мы видели, часто отличаются претенциозной прочностью, поскольку сделаны из тончайшего листового металла и легко прикреплены. Широкие металлические планки, гнезда и крепления различных балок изготовлены из одной и той же листовой меди. Ворота такого типа часто окрашиваются в черный или ярко-красный цвет, а в старину были чудесно украшены цветными и металлическими изделиями.

Рис. 242.—Ворота в здании ясики.

К другой группе относятся обычные ворота городских домов высшего класса. [Рис. 243](#) является типичным примером такого описания. На чертеже показан внешний вид ворот изнутри и проиллюстрирован способ укрепления вертикальных стоек дополнительными стойками и скобами. Двойные ворота скреплены прочным деревянным брусом, на манер аналогичных ворот в домашних условиях. В шлюзах такого типа обычно имеется небольшая раздвижная дверь, нижний край которой находится в футе от земли, как раз на такой высоте, чтобы человек мог пролезть через нее, согнувшись. Для того чтобы иностранец мог войти в это отверстие или выйти из него, не споткнувшись и не сбив шляпу, требуются значительные навыки и практика. Когда эта маленькая решетчатая дверь отодвигается, иногда звенит колокольчик или гремит несколько кусков железа, подвешенных на веревочке, в качестве предупреждения слуге внутри. Иногда это дополнительное отверстие имеет поворотную, а не раздвижную дверь; в этом случае получается любопытная погремушка, если привязать несколько коротких бамбуковых сегментов к доске, которая подвешивается к воротам: они довольно громко гремят всякий раз, когда ворота двигают. [Рис. 244](#) иллюстрирует внешний вид этого примитивного, но остроумного дверного молотка.

Рис. 243. Ворота городского дома изнутри.

Для запираания маленькой раздвижной дверцы в шлюзе придумано несколько любопытных способов, один из которых изображен здесь (рис. 245). Слева от рисунка показана часть двери. Деталь, свисающая с панели в воротах, прижимается к краю двери скользящим засовом, который при отодвигании встает на место, позволяя двери скользить мимо. Однако трудно пояснить это с помощью описания; ссылка на рис. 245 проиллюстрирует это. Мало того, что большие ворота имеют эти отверстия меньшего размера, но и у уличных входов в магазины и гостиницы дверь, закрывающая вход, имеет маленькую дверцу либо на петлях, либо на роликах. Это называется сейсмической дверью, так как через нее во время внезапной опасности убегают заключенные, а большие двери или ставни от дождя могут быть связаны или заклинены при раскачивании здания.

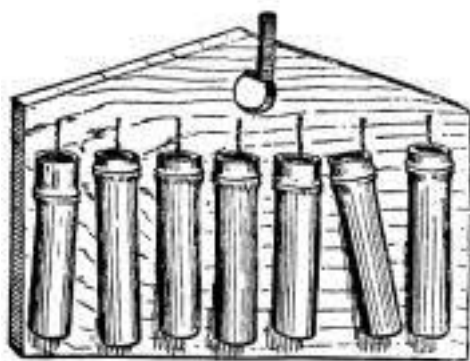

Рис. 244.—Задвигка-погремушка.

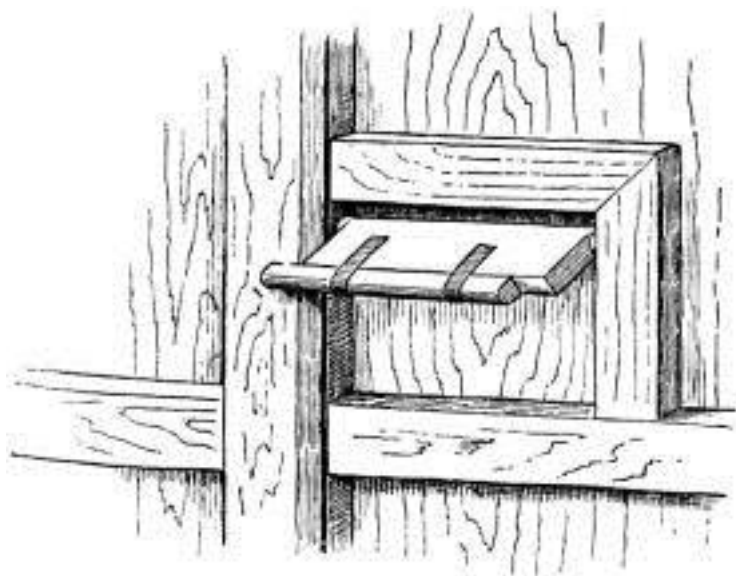

Рис. 245.—Засов для маленькой раздвижной двери в шлюзе.

Ворота, показанные на [рис. 246](#), были нарисованы на дороге, которая граничит с прудом Синобадзу в парке Уэно, Токио. Он представляет собой простой формы ворота в высоком деревянном заборе, который ограждает дом и сад с улицы. Двойные ворота состоят из цельных тонких досок; сверху из узкой панели вырезано украшение; легкая перекладина, удерживаемая на месте двумя кронштейнами, венчает все целое, и получаются простые, но привлекательные ворота. На этом рисунке хорошо показан долговечный способ возведения забора. Здесь можно увидеть прочные деревянные подоконники, поддерживаемые плоскими камнями, которые, в свою очередь, опираются на каменную стену; а промежуток между нижним краем досок и подоконником является общей чертой конструкции забора. Зарешеченное отверстие в заборе рядом с воротами позволяет общаться с заключенными снаружи.

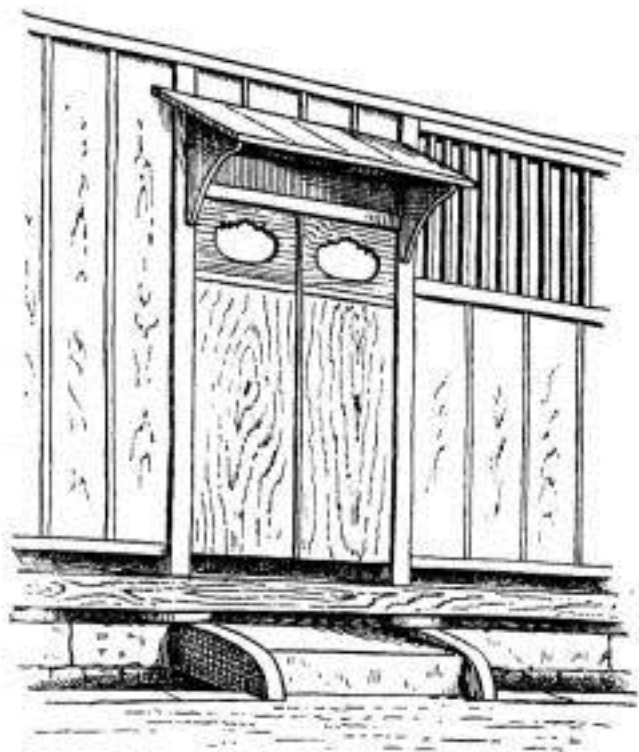

Рис. 246.—Ворота в городскую резиденцию.

Более сложные ворота на той же улице показаны на [рис. 247](#). В этих воротах одна из панелей скользит в канавке за другой панелью, которая фиксируется. Эти панели заполнены оплеткой из тонких полос кедра. Над этими низкими панелями находится прочная сетка из дерева. Круглые стойки ворот скреплены сверху круглой балкой, а также широкой и тонкой планкой, на которой вырезан изящный перфорированный узор. Крыша ворот сделана из широких тонких досок, поддерживаемых поперечными элементами, проходящими через вертикальные стойки и закрепленными на месте шпонками. Дверная табличка, состоящая из тонкой доски, на которой написано имя жильца, прибита к столбу.

На [рис. 248](#) изображены ворота на дороге, ведущей из Сиба в Синагава, недалеко от Токио. Он был замечателен красотой своих пропорций и чистотой дизайна. Две вертикальные стойки состояли из натуральных стволов деревьев, очищенных от коры, на которых видны выступы, оставшиеся после удаления ветвей. Поперечная деталь, венчающая все целое, была специально подобрана так, чтобы придать своим концам изгиб кверху, подобный тому, который можно увидеть в верхней поперечной балке *tori-i*.²¹ Она была обрезана с трех сторон, одна соответствовала нижней грани, а две другие - чтобы выровнять ее с воротами; и эти поверхности создавали живописный эффект, пересекая неровности ствола, создавая волнообразный и неправильный срез. Прямо под этой балкой находилась черная, изъеденная червями доска от какого-то старого кораблекрушения, а сразу под ней была еще одна поперечная шпала в форме огромного зеленого бамбука. Сами ворота были составлены из легких узких полос, расположенных на расстоянии полдюйма друг от друга, между которыми виднелись четыре поперечных перекладины внутри. Небольшая квадратная площадка в одном углу была оформлена для небольшого дополнительного входа. Ворота были обрамлены с каждой стороны крыльями, сколоченными из досок и увенчанными тяжелыми деревянными перилами; и эти крылья соединялись с самой аккуратной из бамбуковых оград, которая опиралась на каменный фундамент, который, в свою очередь, образовывал внутреннюю стену уличного желоба. Тяжелые плиты из обработанного камня перекинули мост через водосток, а перед воротами была каменная плита неправильной формы, демонстрирующая нетронутый естественный откос от выступа; с каждой стороны и вокруг этой плиты земля была вымощена круглыми, истертыми на пляже булыжниками. Эти ворота были чрезвычайно привлекательны; и нет никаких причин, по которым именно такой вход, возможно, за исключением бамбукового, нельзя было бы использовать для многих наших собственных летних резиденций.

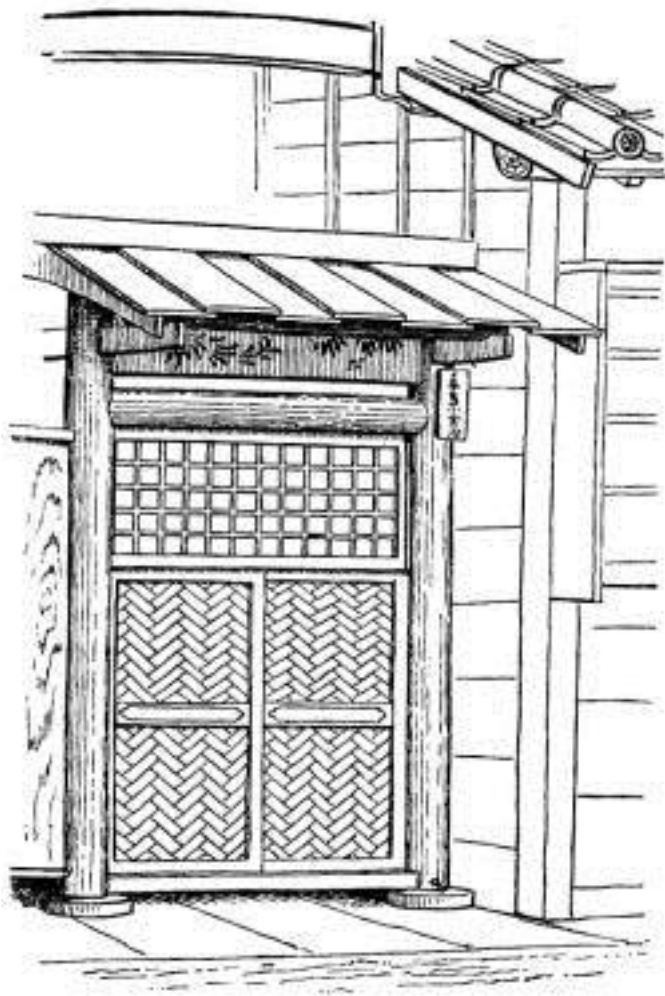

Рис. 247. Ворота в городскую резиденцию.

Еще один шлюз, не такой красивый, но демонстрирующий одну из многих гротескных идей японцев, показан на [рис. 249](#). Здесь верхняя поперечная балка представляет собой огромное и кривое бревно - старое бревно, которое притащили из леса как раз в тот момент, когда оно упало в развалинах с какого-то дерева. Этот своеобразный способ выгибания ворот с помощью извилистой палки встречается довольно часто.

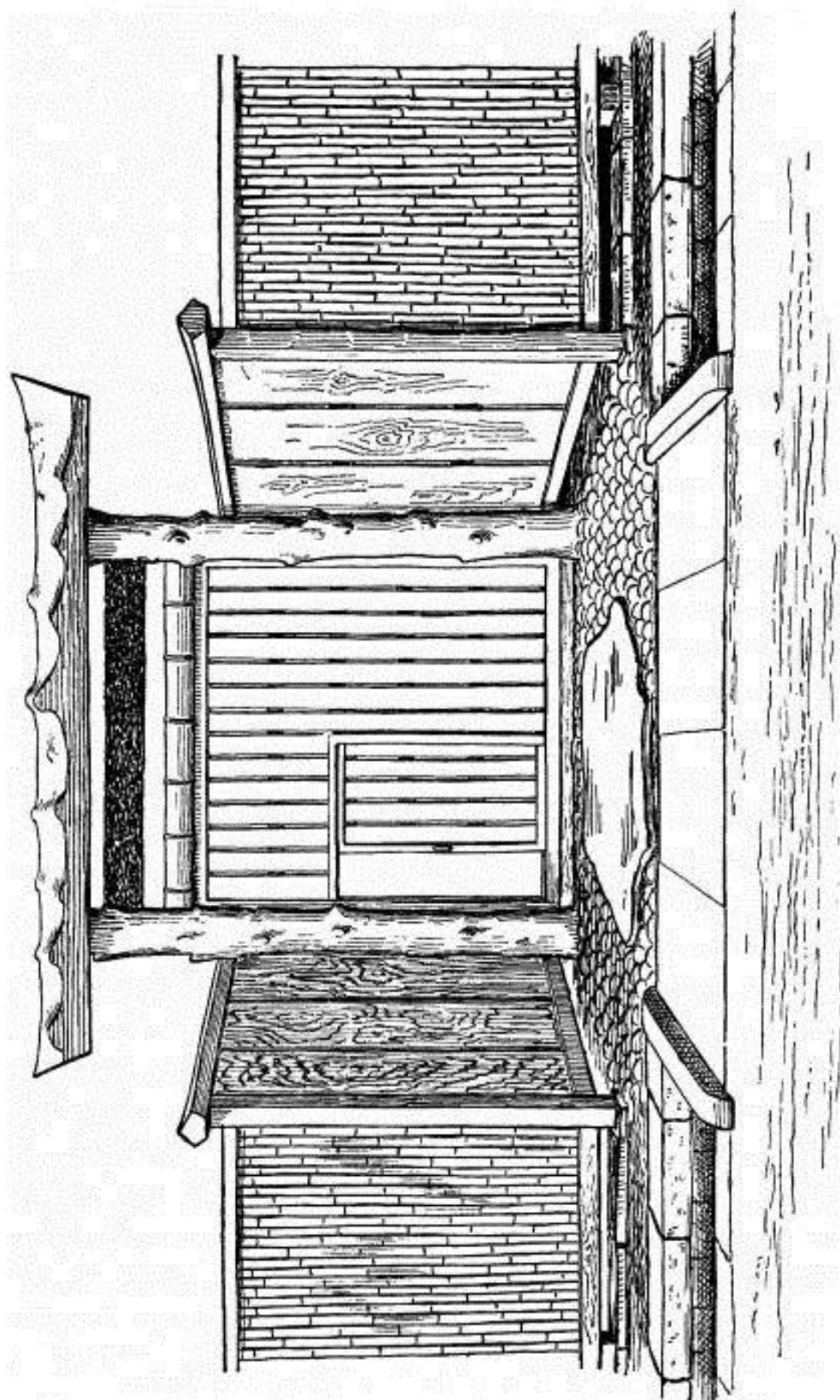

Рис. 248. Ворота близ Токио.

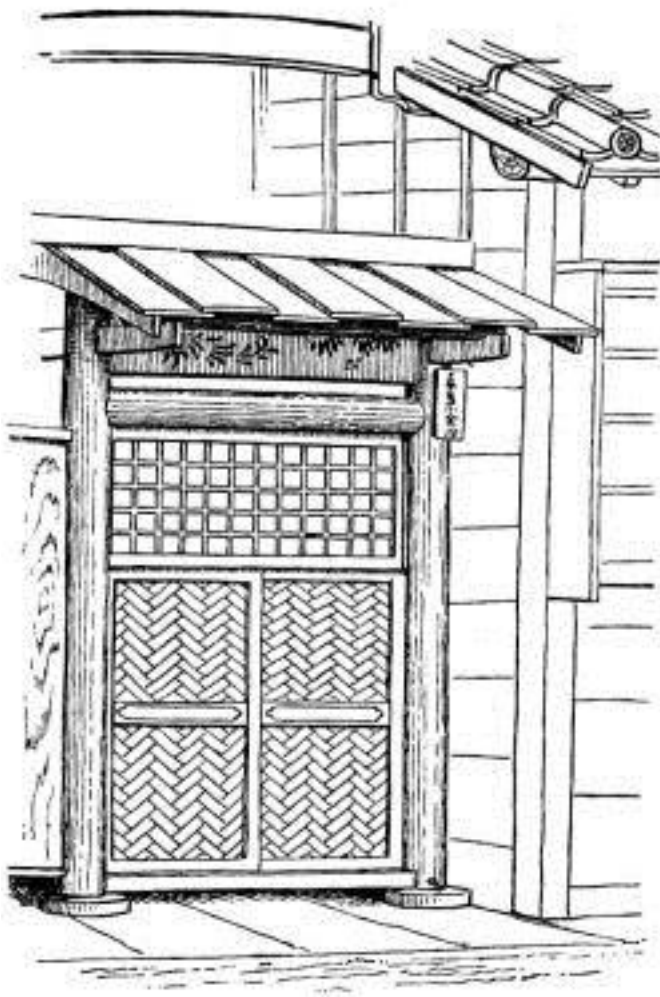

Рис. 249.—Шлюз.

На рис. 250 представлена типичная форма ворот, часто наблюдаемая в пригородах Токио и южнее. Его крыша довольно большая и сложная, но при этом не тяжелая. Ворота имеют широкую нависающую крышу из коры; гребень состоит из больших бамбуковых стволов, расположенных продольно в два ряда, каждый ряд отделен друг от друга, а также от крыши толстыми седловинами из коры, лежащими поперек гребня, вся масса связана вместе и прикреплена к крыше корнем с черными волокнами, концы этих шнуров скручены вверху в виде декоративного плюмажа. Бамбук меньшего размера располагался с интервалом почти до карниза крыши. Стропила внизу были разных размеров и форм в сечении, круглые и квадратные. Эскиз более полно объяснит структуру.

На рис. 251 и 252 изображены деревенские ворота в одном из больших императорских садов Токио. В одном из них два грубых бревна образуют столбы, забор состоит из больших бамбуковых брусьев по три штуки, чередующихся по обе стороны от перил, к которым они привязаны. Это был просто портал. У другой были гладкие круглые столбы ворот с легкими деревянными воротами с плетеной панелью, а забор с каждой стороны был сделан из камыша. Эти ворота и заборы были введены в качестве приятного декора в саду.

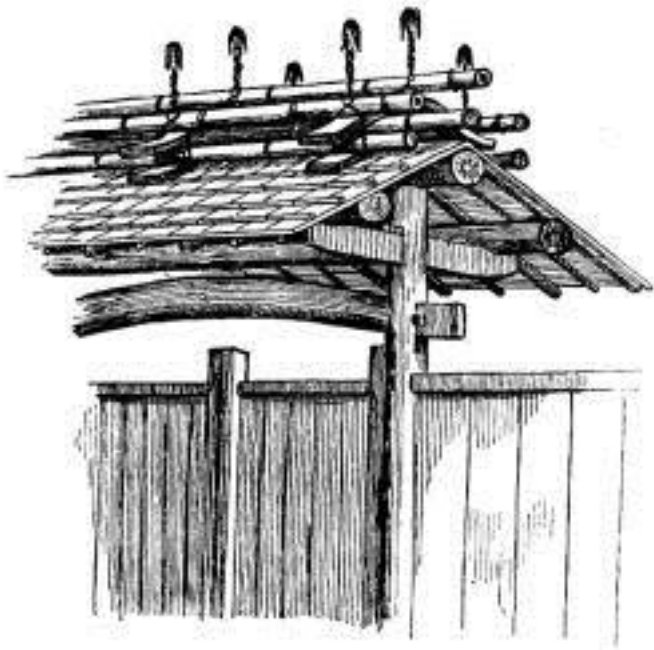

Рис. 250. Ворота в деревенском стиле.

В деревне Миядзима олени выходят из леса и бродят по улицам. Чтобы они не могли проникнуть в дома и сады, проходы охраняются самыми легкими решетчатыми воротами, к которым сверху подвешен груз на веревке или длинном бамбуке. Гиря выполняет двойную функцию, удерживая ворота закрытыми, а также громко стуча в них, когда их открывает посетитель, привлекая таким образом внимание слуги.

Большие складные ворота часто крепятся с помощью поперечного бруса, мало чем отличающегося от способа крепления ворот в нашей стране. Для легких откидных ворот железное кольцо, прикрепленное к одним воротам скобой, приспособлено для того, чтобы надевать его на ручку или гвоздь на других воротах. В *ясики* часто можно увидеть ворота, свидетельствующие о неиспользовании, и узнать, что в прежние времена такими воротами пользовались только в редких случаях особые гости большой важности.

Существует бесконечное разнообразие форм садовых ворот; многие из них состоят из легчайшего плетения и изготавливаются исключительно для создания живописных эффектов. Другие, хотя и для той же цели, более массивны. На рис. 253 изображена причудливая садовая калитка, ведущая в другой сад за ее пределами. Какими бы хрупкими и невзрачными ни казались эти ворота, им было почти сорок лет. Дом справа за воротами предназначен для чайных церемоний, а огромная рыба, которую можно увидеть подвешенной слева, сделана из дерева и при ударе издает гулкий звук; по сути, это колокол, созывающий гостей из комнаты для гостей в чайную за ним в нужное время. Владелец этого заведения - учитель и мастер *Ча-но-ю*, и известный знаток древних письмен.

Рис. 251.— Ворота в деревенском стиле.

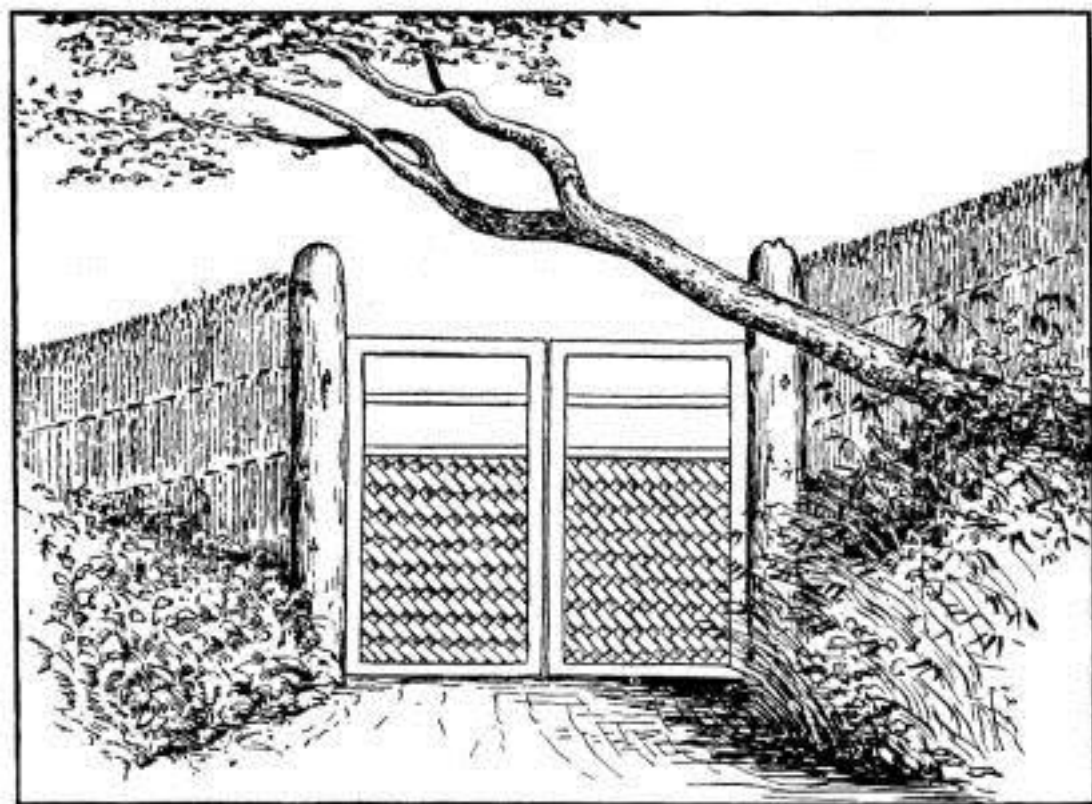

Рис. 252.— Садовая калитка в деревенском стиле.

Разнообразие дизайна и конструкции заборов кажется практически неисчерпаемым. Многие из них представляют собой прочные сооружения, другие — самые легкие из возможных, - некоторые сделаны из прочного каркаса и тяжелых кольев, а другие - из пучков тростника и бамбуковых палок; и между ними существует бесконечное разнообразие промежуточных форм. В конструкцию этих заборов входят самые разнообразные материалы — тяжелые бревна, легкие доски, палки из красной сосны, бамбука, тростника, сучьев и

хвороста. Пучки тростника и вообще почти все виды растений, которые могут быть связаны в пучки или выдерживать собственный вес, используются для создания этих пограничных перегородок.

У заборов есть особые названия, происходящие либо от их формы, либо от веществ, из которых они сделаны; так, маленький декоративный заборчик, выступающий из стены дома, называется *содэ-гаки*,—*содэ* означает “рукав”, а *каки* - ”забор”, форма которого имеет причудливое сходство с любопытным длинным рукавом японского платья. Забор, сделанный из бамбука, называется *ма-гаки*; в то время как забор, сделанный из ароматизированного дерева, из которого делают зубочистки, называется *куро-модзи-гаки*, и так далее.

Существует много различных групп японских заборов. Под одной группой можно упомянуть все те, которые окружают землю, на которой стоит дом. В городе они часто довольно высокие, обычно построены из досок и опираются на прочные рамы, опирающиеся на каменный фундамент. В сельской местности такие заборы едва ли больше бамбуковых решеток, да и те самого легкого вида. Многие заборы строго декоративные, состоящие либо из легких решеток, ограничивающих определенные участки, либо образующих небольшие ширмы, выступающие со стороны дома, либо со стороны более прочных заборов или стен. Из них дизайнов бесконечное множество.

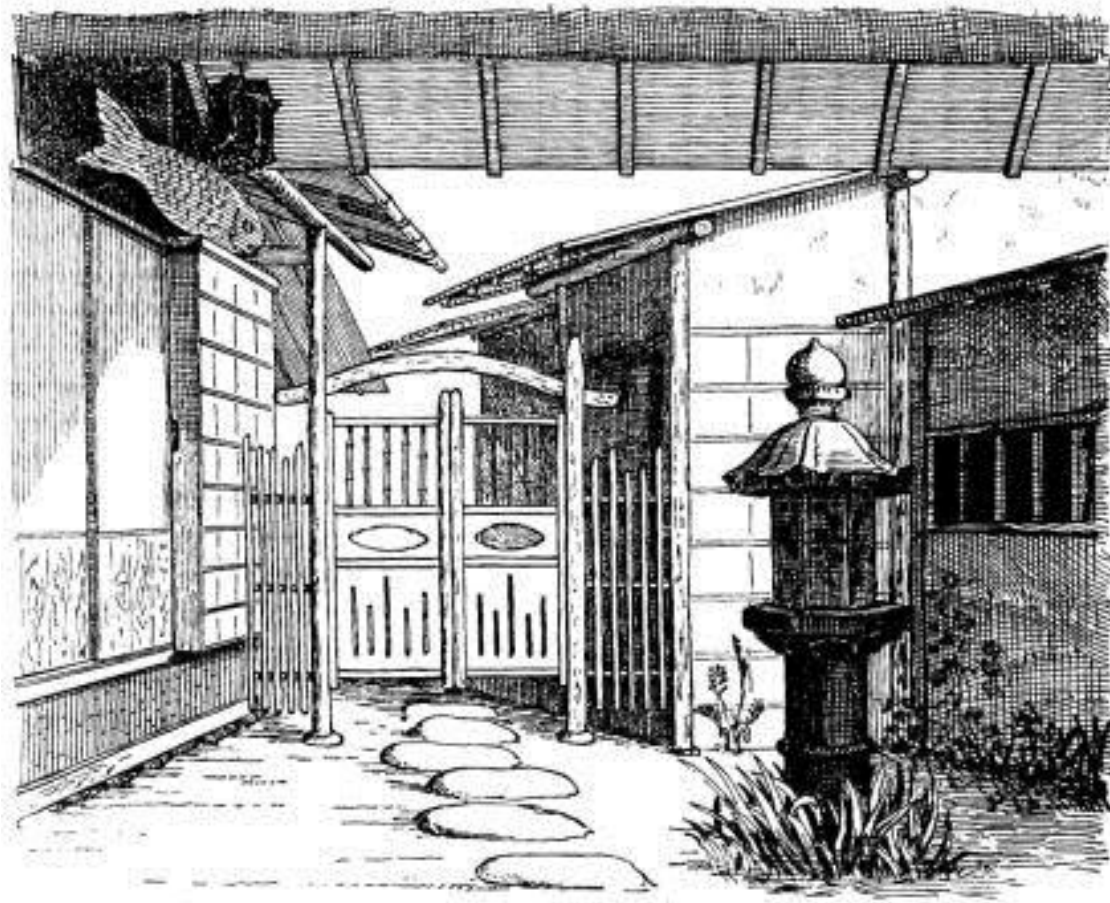

Рис. 253.—Садовые ворота.

Давайте рассмотрим более подробно некоторые из основных японских типов заборов. Простой дощатый забор состоит, как и у нас, из верхней и нижней шпал, к которым прибиваются доски. Полезная модификация обычного дощатого забора состоит в том, что

верхняя и нижняя рейки сделаны из толстой доски шириной три-четыре дюйма и прибиты сбоку к столбам забора. Доски для забора прибиваются к этим рейкам попеременно с одной и другой стороны. Прерывистый вид рельсов создает приятный эффект, и полезной цели также служит уменьшение давления ветра, который так часто дует с большой силой, поскольку при закреплении досок таким образом между досками образуются промежутки шириной с рельсы. [Рис. 254](#) иллюстрирует часть забора такого типа, внешний вид которого в разрезе виден сверху. Эту особенность дощатых заборов можно было бы с успехом воспроизвести в нашей стране.

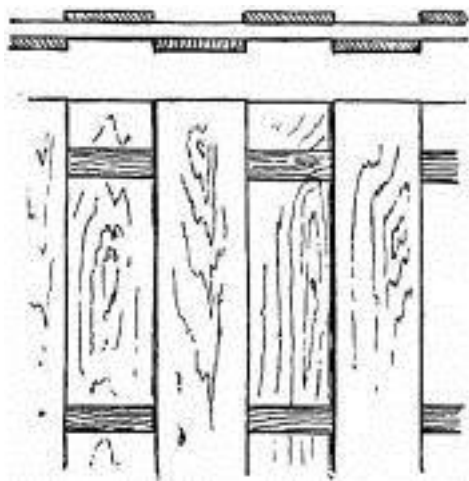

Рис. 254.—Обычный деревянный забор.

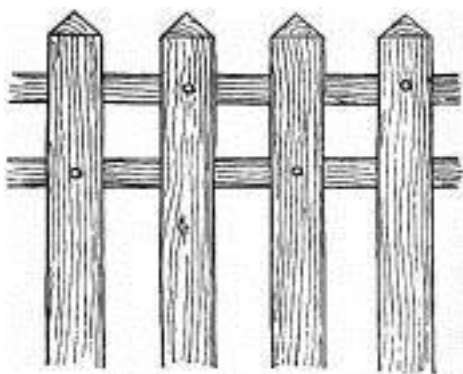

Рис. 255.—Забор из кольев.

Тяжелые заборы из кольев изготавливаются путем врезания в каждый кол, который состоит из толстого квадратного куска, и пропускания рейки через сделанные таким образом пазы, а затем закрепления каждого кола на нужном месте. Во многих заборах такого типа есть две перекладины рядом друг с другом, в то время как нижние концы кольев прикреплены к фундаментному элементу или подоконнику, который приподнят на дюйм или два от земли каменными подпорками с интервалами. Благодаря такой обработке подоконник защищен как от разрушительного воздействия насекомых, так и от сырости почвы. На [рис. 255](#) показан внешний вид такого ограждения. Такие ограждения повышают надежность, вбивая в землю дополнительные столбы на расстоянии двух футов или более и связывая их вместе рейками, как показано на воротах ([рис. 243](#), стр. 258).

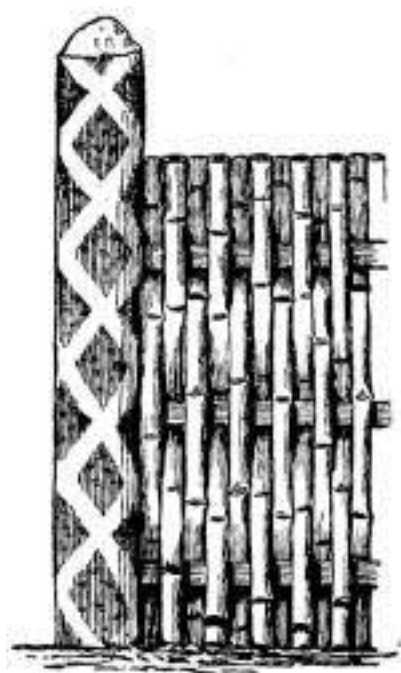

Рис. 256.—Бамбуковая изгородь.

Очень удобный в эксплуатации вид забора сделан из бамбука, который вплетен в рейки забора, как показано на [рис. 256](#). Бамбуковые кольца удерживаются на месте благодаря своей эластичности. Следует заметить, что столб, поддерживающий этот забор, а также показывающий сторону ворот, отмечен любопытным образом. Этот столб представляет собой прочную деревянную палку в ее естественном состоянии, с нее снимается только кора. Дизайн, выполненный в насыщенном коричневом цвете, в данном случае выполнен в виде ромбовидных промежутков, хотя часто можно увидеть спиральные линии, подобные тем, что на парикмахерской стойке. Этот рисунок обжигается, и обугливаемая древесина, следовательно, становится нерастворимой, а также неизменной по цвету. Мне было любопытно узнать, как такой рисунок был выжжен в этом формальном узоре, и я узнал, что длинную прочную веревку или полоску соломы, смоченную в воде, сначала наматывали вокруг столба по широкой спирали в двух направлениях, оставляя ромбовидные промежутки. Когда была приготовлена подстилка из горячих углей, столб подвергся воздействию этого жара, и древесина, не защищенная влажной соломенной лентой, обуглилась. Этот простой, но оригинальный способ получения однотонных украшений насыщенного коричневого и стойкого цвета может быть по-разному использован американскими архитекторами.

Заборы, построенные между приусадебными участками и, следовательно, граничащие с садами, выполнены различными декоративными способами. Очень прочный и долговечный забор показан на [рис. 257](#), сделанный в деревне Хаконэ. Столбами в данном случае служили натуральные стволы деревьев, а с одной стороны были закреплены скобы из того же материала, скрепленные толстыми деревянными штифтами. Перила состояли из таких же частично обтесанных стволов деревьев, в то время как перегородка забора состояла из небольшого бамбука, вплетенного в шпалы.

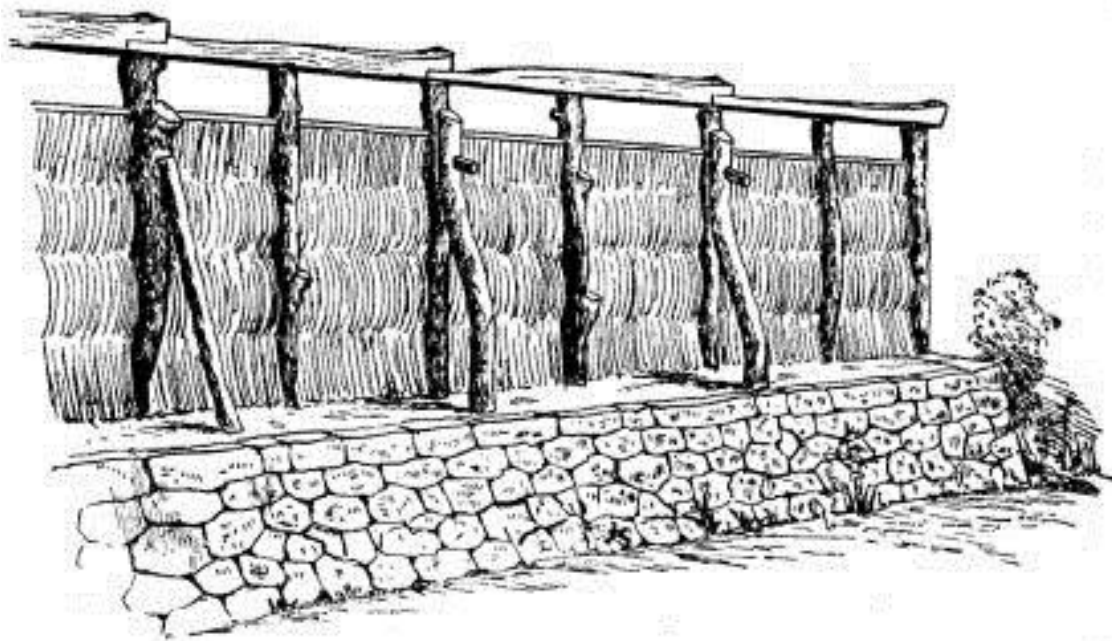

Рис. 257.—Забор в деревне Хаконе.

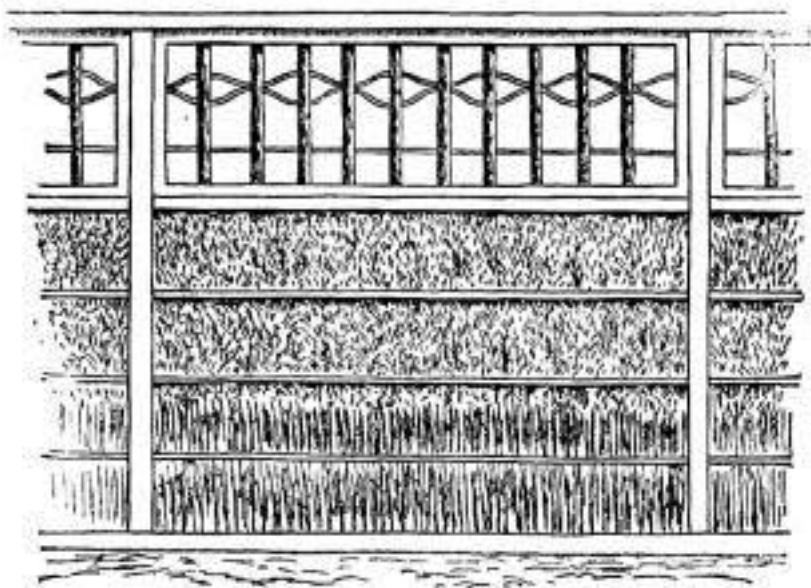

Рис. 258.—Загородка в загородном стиле.

Еще один забор более декоративного характера ([рис. 258](#)) по эскизу, сделанному в Токио. При этом нижняя часть была заполнена массой прутьев, удерживаемых на месте тонкими поперечинами; а верхние панели состояли из прутьев красной сосны, перевитых тонкой виноградной лозой, образующей простую решетку.

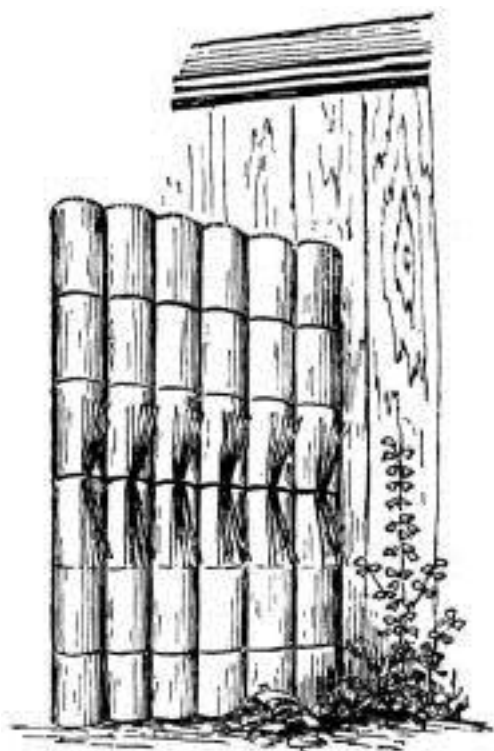

Рис. 259.Содэ—гаки.

В *содэ-гаки*, или рукавном ограждении, проявляется величайшая изобретательность в дизайне и изготовлении; их разнообразие кажется бесконечным. У меня есть японская работа, специально посвященная этому виду забора, в которой представлены сотни различных дизайнов — квадратные верхушки, изогнутые вершины, круглые или вогнутые края, вырезанные панели и бесконечное разнообразие мелких деталей. Этот вид забора всегда строится со стороны дома или из более постоянного забора или стены. Он редко превышает четыре-пять футов в длину и является строго декоративным, хотя часто полезен для того, чтобы скрыть какую-то особенность дома, которую желательно скрыть.

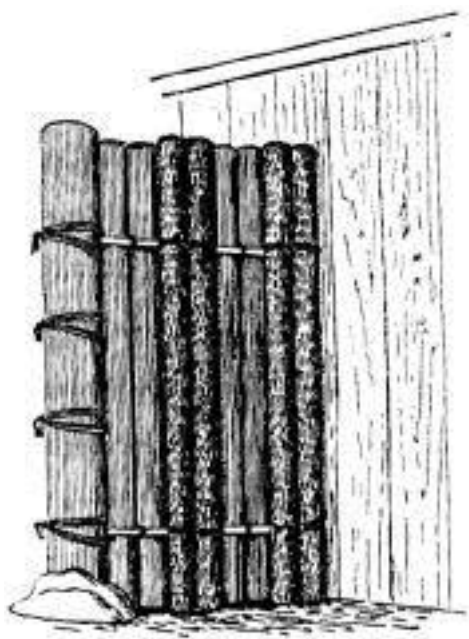

Рис. 260.Содэ—гаки.

На рис. 259 изображена изгородь, в которой цилиндрические пучки тростника связаны вместе корнем с черными волокнами и скреплены кусочками бамбука. К каждому столбику привязаны маленькие пучки хвороста в качестве необычного элемента декора. На [рис. 260](#) цилиндрические пучки тростника и веток прикреплены попарно с каждой стороны [рис. 259](#). представляет собой изгородь, в которой цилиндрические пучки тростника связаны между собой корнем с черными волокнами и удерживаются вместе кусочками бамбука. К каждому столбику привязаны маленькие пучки хвороста в качестве необычного элемента декора. На [рис. 260](#) цилиндрических пучков тростника и прутьев попарно прикреплены с каждой стороны бамбуковых шпал, которые тянутся от внешнего столба к деревянному забору, из которого *вытекает* содэ-гаки. В еще одной форме (рис. 261) верхняя часть состоит из пучка толстого тростника, перевязанного широкими полосами черного волокна, которое так часто используется в подобной работе. С этого места, по-видимому, свисает широкая масса коричневого тростника, распространяющегося по мере того, как он достигает земли. Такие заборы могли бы быть добавлены в наши сады, поскольку необходимые материалы, такие как камыш, тростник, ветки и т.д., легко достать в этой стране. В прочных деревянных заборах нередко можно увидеть отверстия размером с небольшое окно, защищенные выступающей деревянной решеткой ([рис. 262](#)).

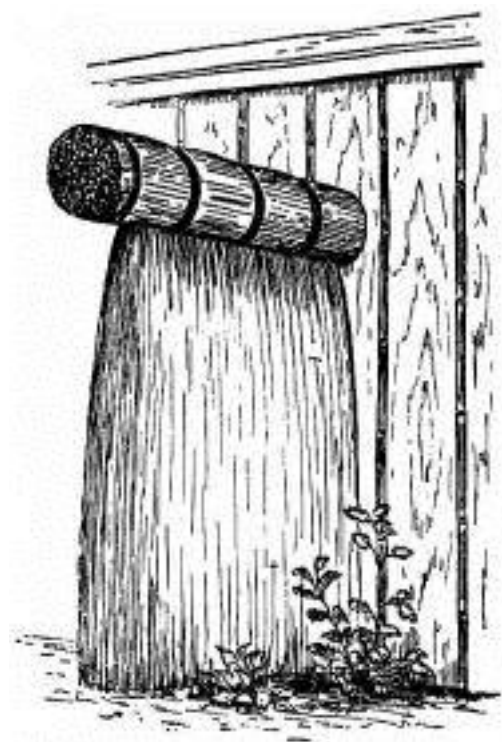

Рис. 261. Содэ—гаки.

Помимо заборов, некоторые из которых только фигурные, здесь есть прочные стены, выложенные плиткой и штукатуркой или смешанной глиной. Эти сооружения покоятся на каменном фундаменте, имеют ширину в два-три фута у основания и поднимаются на высоту восьми футов или более, на этой высоте они могут быть не более двух футов в ширину и увенчаны перекрытием из черепицы, похожим на миниатюрную крышу. Внутренняя часть этих стен заполнена глиняными обломками и битыми плитками, в то время как снаружи плитки расположены упорядоченно последовательными слоями.

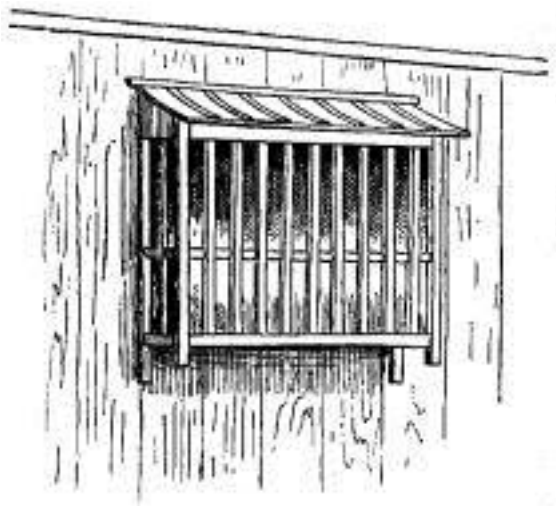

Рис. 262. Зарешеченный проем в заборе.

Большие вольеры, или *яшики*, обычно окружены стенами такого рода.

ГЛАВА VI. САДЫ.

Японский сад, как и дом, обладает чертами, которые никогда не встречаются в подобных местах Америки. У нас он либо создан по образцу определенных французских стилей, либо это просто клумбы с цветами в виде лоскутков или строгих наличников, или узкие клумбы, окаймляющие дорожки; и даже эти попытки обычно предпринимаются только на больших площадях. Небольшие сады, которые можно увидеть вокруг наших обычных жилищ, за редким исключением представляют собой заросли кустарника или жалкие попытки посадить как можно больше различных видов цветов на данном участке; а когда приходит зима, не остается ничего, кроме урожая мертвых стеблей и множества отвратительно оформленных шпалер, выкрашенных в зеленый цвет.

Поэтому неудивительно, что по мере того, как в последние годы у нашего народа постепенно пробуждалось представление о пригодности и гармонии цвета, традиционная цветочная клумба была безнадежно заброшена, и теперь зеленая трава растет на могилах большинства из этих тщетных попыток бросить вызов Природе. Заменитель травы обладает, по крайней мере, тем достоинством, что не вызывает раздражения глаз и требует лишь небольшого ухода, за исключением интенсивного нажатия механической газонокосилки. Однако эта замена является признанием в неспособности и невежестве — все равно как если бы декоратор, после тщетной борьбы со своими фресками на каком-нибудь потолке, с отвращением сдался и выкрасил всю поверхность в один цвет.

Секрет японского сада в том, что они не прилагают слишком много усилий. Та сдержанность и чувство приличия, которые характеризуют этот народ во всех их декоративных и других

художественных работах, здесь проявлены в совершенстве. Более того, среди столь многого мимолетного они видят необходимость создания устойчивых достопримечательностей в виде маленьких прудов и мостиков, каменных фонарей странной формы и скал с надписями, беседок и загоронок в деревенском стиле, причудливых дорожек из камня и гальки и всегда большого количества вечнозеленых деревьев и кустарников. Мы, действительно, слабо нащупали этот путь с нашими цементными вазами, мозаичными павильонами, зелеными от ядовитого состава, и чугунными фонтанами такой конструкции, что никто больше не удивляется росту безумия среди нас. Один из каждых ста фонтанов, которые обожает наш народ, имеет форму двух чугунных ребятишек, стоящих в чугунном бассейне и держащих над головами зонт из листового железа, с кончика которого бьет струя воды, - постоянный душ только для них, в то время как трава и все вокруг может быть иссушенной и желтой от летней засухи!

Японцы довели свое садово-парковое искусство до такого совершенства, что с помощью их методов можно изысканно украсить участок площадью в десять квадратных футов. Участки земли, которые в этой стране слишком часто засоряются угольной золой, чайной гущей, жестяными банками и мусорными бочками, в Японии придают глазу очарования самыми простыми способами. Чистота, простота, несколько маленьких вечнозеленых кустарников, одна или две небольшие грозди цветов, деревенская изгородь, выступающая сбоку от дома, один-два цветочных горшка причудливой формы с несколькими отборными растениями — достигается самая простая форма сада. Японцы настолько восхищаются садами и садовыми эффектами, что используют для этой цели самые маленькие полоски земли. В перенаселенном городе, среди самых бедных домов, часто можно увидеть в углу небольшого участка земли, который проходит между подоконником и фальшполом, миниатюрный сад, разбитый в каком-нибудь неглубоком ящике или даже на самой земле. В садах с любыми претензиями незаменимым элементом является небольшой пруд или водная гладь неправильных очертаний. Если можно повернуть ручей так, чтобы он протекал по саду, достигается одно из величайших очарований; а крошечный водопад дает все, что только можно пожелать. С помощью обломков скалы и округлых валунов можно передать живописные черты ручья; через него перекинута маленькая деревенская мостик из камня и дерева, и даже через самый маленький пруд будет перекинута что-то вроде моста. Почти всегда встречаются несколько небольших кочек и небольшая гора высотой в шесть-восемь футов, по которой проходит тропинка.

В садах большего размера эти маленькие горы иногда достигают двадцати, тридцати и даже сорока футов в высоту и возводятся с ровной земли с большим трудом и затратами. На их вершине устроена небольшая деревенская смотровая площадка с соломенной крышей, с которой, если открывается вид на Фудзи, действительно можно достичь вершины. В еще более крупных садах, то есть садах размером в несколько сотен футов с каждой стороны, пруды и мостики, небольшие холмы и извилистые дорожки, с кустарниками, подстриженными в виде круглых шаров разного размера, и соснами гротескной формы с длинными извилистыми ветвями, тянущимися у самой земли, — все это искусный садовник комбинирует таким образом, что территория кажется, без преувеличения, в десять раз обширнее.

Рис. 263.—Садовая табличка.

Камни неправильной и гротескной формы и огромные каменные плиты являются важной особенностью всех садов; действительно, представить японский сад без множества живописных камней странной формы так же трудно, как представить американский сад без цветов. В Токио, например, поскольку вблизи города нет подходящих камней такого рода для украшения сада, камни часто перевозят за сорок-пятьдесят миль только для этой цели. Здесь есть каменоломни, где можно увидеть и приобрести камни, которые можно использовать для возведения грубой стены подвала у себя дома, а также потертые морем камни различных форм и цветов, в том числе камни красного цвета, за которые можно заплатить сто долларов и больше, привезенные с Садо, острова на северо-западном побережье Японии. Японцы настолько восхищаются камнями и скалами для украшения сада, что в их различных работах на тему садоводства правильное расположение камней описывается и прорисовывается с кропотливой точностью. На рисунках японских садов, которые будут приведены ниже и воспроизведены из работы под названием “Тикусан Тейдзодэн”, написанной в начале прошлого века, будет показано расположение камней в различных садовых композициях.

Каменные таблички, мало чем отличающиеся от определенного типа надгробий и показывающие грубый откол скалы от основного выступа, часто устанавливают в садах. На поверхности скалы выгравирована какая-то соответствующая надпись. Прилагаемый рисунок (рис. 263) представляет собой табличку такого рода из знаменитого чайного сада в Омори, знаменитого своими сливовыми цветами. Легенда в вольном переводе гласит: “Вид цветущей сливы заставляет чернила течь в письменном зале”, что означает, что человек вдохновляется на сочинение стихов под влиянием этого окружения. Эта табличка была установлена на небольшом холмике, к которому вели ступени, окруженные причудливыми соснами и кустарниками. Рисунок дает лишь общее представление о ее внешнем виде.

Рис. 264. Иши—доро в Токио

Каменные фонари (*иши-доро*) являются одним из наиболее распространенных, но важных элементов декора сада. Действительно, редко можно увидеть сад, даже небольшого размера, без одного или нескольких из этих любопытных предметов. Обычно они сделаны из мягкой вулканической породы, а обычные можно купить за несколько долларов. Они напоминают прочные каменные столбы различных очертаний, круглые, квадратные, шестиугольные или восьмиугольные; или верхняя часть может быть шестиугольной, в то время как поддерживающий ее стержень может быть круглым столбом; или они могут быть неправильной формы, сложенные из изъеденной водой породы. Верхняя часть выдолблена, оставляя различные отверстия, вырезанные в декоративной форме; и в эту полость по особым случаям помещают лампу или свечу. Обычно они состоят из двух или трех секций. Есть по крайней мере три различных типа— короткие и широкие, с верхушками в форме гриба, обычно стоящие на трех или четырех ножках; высокие, стройные; и третья форма, состоящая из нескольких секций, сложенных на значительную высоту и похожих на пагоду, для имитации которой, насколько я знаю, они могут быть сделаны.

Рис. 265. Иши—доро в Миядзиме

Рис. 266. Иши—доро в Сирако, Мусаси.

Эти каменные фонари называются *иши-доро*. Легенда гласит, что в древние времена на некоей горе был пруд, в окрестностях которого неоднократно выходили разбойники и нападали на путешественников. Вследствие этого бог по имени Ирухико повелел построить каменные фонари для освещения дорог, поскольку камень был более долговечным материалом. Говорят, что во втором году правления Суйко (594 г. н.э.) в храме, построенном принцем Шотоко, был воздвигнут первый *иши-доро*, и легенда гласит, что он был перенесен из региона, названного этим храмом выше.²²

Рис. 267. Иши—доро в Уцунумии.

Здесь приведено несколько набросков, иллюстрирующих некоторые из наблюдаемых *формиши-доро*. Тот, что показан на [рис. 265](#), был сделан на территории храма Миядзима, на берегу внутреннего моря. Тамошний священник сообщил мне, что этому каменному фонарю более семисот лет. Его основание было погребено, и в целом вид различных частей свидетельствовал о большом возрасте. На рис. 264 и 266 представлены формы из Токио и Сирако, а на рис. 267 - искусно выполненная форма из Уцунумии.

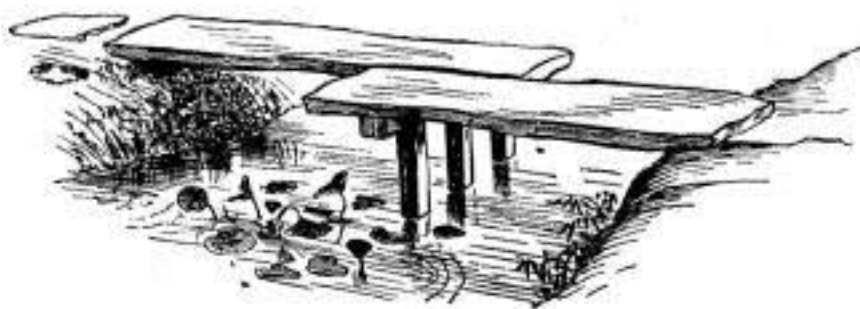

Рис. 268.—Каменный пешеходный мост.

Маленькие мостики из камня и дерева являются чрезвычайно хорошими примерами деревенской работы, и их можно было бы с успехом скопировать в нашей стране. Остроумное устройство для смещения камней вбок (рис. 268) или сочетания моста со ступенями, как это видно на некоторых из них, определенно уникально.

На рис. 269 показан каменный мост в одном из больших садов Токио. Пролет этого моста составлял десять или двенадцать футов, и все же сам мост был сложен из цельной каменной плиты. На рис. 270 показан небольшой ручей в частном саду в Токио. Здесь пешеходный мост состоит из необработанной каменной плиты. *Иши-доро*, изображенный на том же эскизе, состоит из нескольких естественно истертых камней, за исключением части фонаря, которая была вырезана.

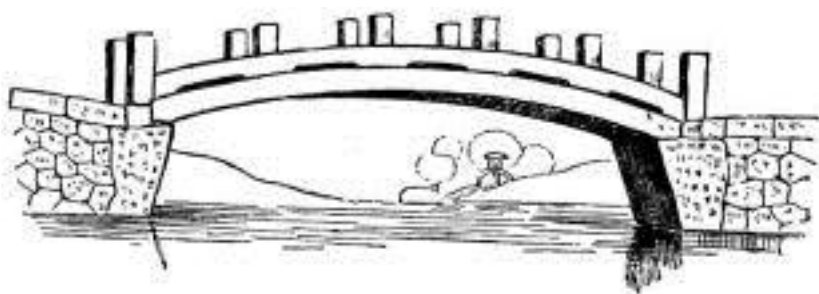

Рис. 269.—Каменный пешеходный мост.

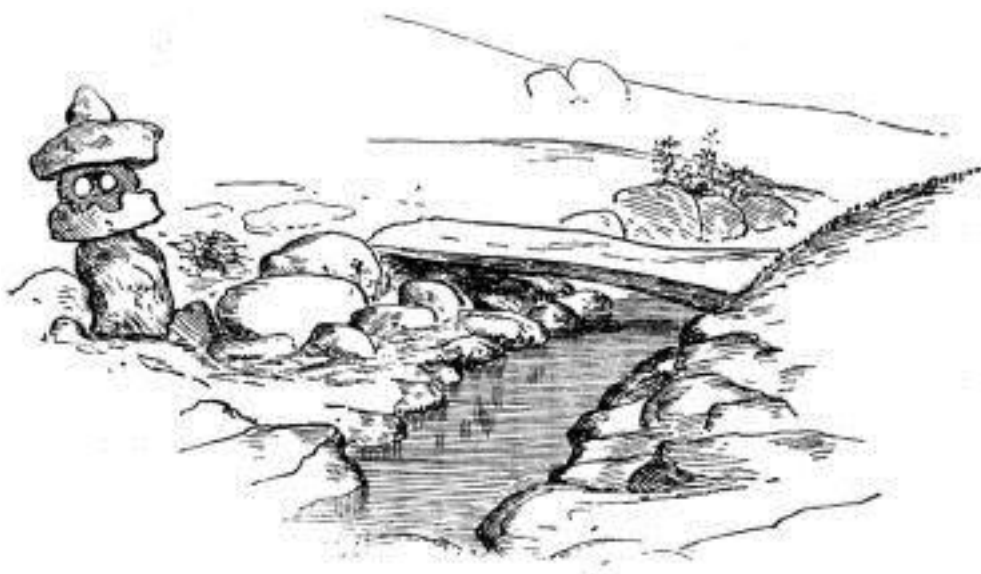

Рис. 270. Садовый ручей и пешеходный мостик.

Беседки просты и живописны; иногда в них есть сиденье и *до-ма*, или земляной пол; в других случаях пол устлан досками или циновками. Эти дома, как правило, открытые, квадратная соломенная крыша держится на четырех угловых стойках; другие снова будут иметь две стороны, закрытые постоянными перегородками, в одной из которых имеется декоративный проем или окно. Мы не можем понять, что имеет в виду такой умный наблюдатель, как Рейн, когда он утверждает, что в японском саду нет беседки, поскольку редко можно увидеть сад любого масштаба без беседки, и невозможно сослаться ни на одну японскую книгу по этому предмету, в которой не упоминались бы эти маленькие деревенские укрытия и места для отдыха.

Посадка виноградных лоз и деревьев вокруг окна летнего домика часто задумывается восхитительно. Мы вспоминаем круглое окно одного из них, которое имело самый красивый внешний вид. Три стороны летнего домика были закрыты постоянными оштукатуренными перегородками, окрашенными в насыщенный коричневый цвет, с очень широкой соломенной крышей, отбрасывающей темный оттенок на устланный циновками пол. В перегородке напротив открытой стороны было идеально круглое окно пяти футов в диаметре. У этого отверстия не было ни рамы, ни лепнины, просто штукатурка заканчивалась прямо по границе; темно-коричневые бамбуковые брусья различной толщины, закрепленные поперек этого отверстия горизонтально, образовывали каркас; по вертикали к бамбуку была прикреплена плотная решетка из коричневого тростника. Над этим окном и вокруг него — оно выходило на солнечную сторону — снаружи была тщательно приручена виноградная лоза с сочно-зелеными листьями, так что окно было более или менее затенено ею. Эффект солнечного света, падавшего на виноградную лозу, был неописуемо изысканным. Когда два или три листа оказывались между солнечными лучами, цвет был насыщенным темно-зеленым; там, где кое-где по всей массе единственный лист лишь прерывал свет, виднелись ярко-зеленые вспышки, похожие на изумрудные драгоценные камни; в некоторых местах ослепительный солнечный свет сверкал, как искры. В нескольких местах виноградная лоза и листья просунулись сквозь камышовую решетку, и, следовательно, они находились в глубокой тени. Я не пытался зарисовать его, поскольку ни один рисунок не смог бы передать представление о необычайном богатстве и очаровании этого эффекта, с прохладной и затененной комнатой внутри, темно-коричневой решеткой из бамбука и тростника, просторным круглым отверстием и, прежде всего, эффектом разнообразной сочной зелени, который значительно усиливался, когда ветер трепетно шевелил завесы из листьев снаружи и, таким образом, менял расположение изумрудных цветов внутри.

Мое внимание впервые привлекло к нему то, что я заметил нескольких японцев, которые смотрели на него через открытую ограду и в восторге восхищались этой очаровательной концепцией. Такую комнату и окно можно было бы легко обустроить в наших садах, поскольку у нас есть несколько лоз со светлыми, полупрозрачными листьями, которые можно использовать таким образом.

Рис. 271.—Летний домик в частном саду, Токио.

На рис. 271 показан вид летнего домика в частном саду в Токио. Четыре грубых столба и несколько поперечных шпал образовывали каркас; он имел приподнятый пол, край которого образовывал сиденье, и две оштукатуренные перегородки под прямым углом, в одной из которых было прорезано круглое окно, а в другой - длинный узкий проем наверху; и венчала все это крытая густой соломой крыша, вершину которой венчал перевернутый глиняный таз. Независимо от того, был ли таз сделан специально для этой цели или нет, его теплый красный цвет придавал приятный эффект серому соломенному покрытию. Перед ним и вокруг него в приятном беспорядке были расставлены камни, в то время как множество экзотических цветов и причудливо подстриженных кустарников добавляли ему очарования, а тропинку, ведущую к нему, пересекал небольшой ручей.

Рис. 272 представляет собой эскиз летнего домика в одном из императорских садов Токио. Каркас, как и на последнем рисунке, состоял из круглых палок с сохраненной корой; он был увенчан соломенной крышей, увенчанной гребнем из соломы и бамбука. Очень привлекательная особенность была проявлена в решетках, которые отходили по диагонали от каждого столба, — каркас этих решеток состоял из ветвей деревьев, выбранных за их неправильную форму. Решетка была сделана из бамбука и тростника, и каждая решетка имела свой дизайн. Скамейка внутри была фарфоровой, а вокруг небольшого холмика, на котором стоял летний домик, росли причудливо подстриженные кусты и карликовые сосны.

Проемы или окна в этих летних домиках часто отличаются необычным дизайном. Следующие эскизы (рис. 273, 274) дают слабое представление о внешнем виде этих деревенских отверстий: одно представляет собой тыкву, каркас которой сделан из виноградной лозы; другое напоминает гору, решетка сделана из бамбука.

Рис. 272.—Летний домик в императорском саду, Токио.

Для создания бордюрных живых изгородей часто используют деревья большого размера, которые образуют второй барьер над ровно подстриженными кустарниками, растущими рядом с дорожкой. Дерево джинко выращивают таким образом, чтобы оно распространялось веером в одном направлении на ширину тридцати футов или более, в то время как толщина его не может превышать двух футов. Требуется бесконечное количество терпеливой работы по привязыванию всех больших и маленьких веточек к бамбуковым опорам, чтобы придать деревьям такие странные формы.

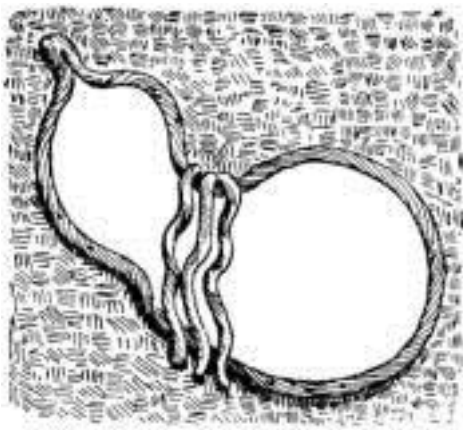

Рис. 273.—Оформление в загородном стиле в летнем доме, Кобе.

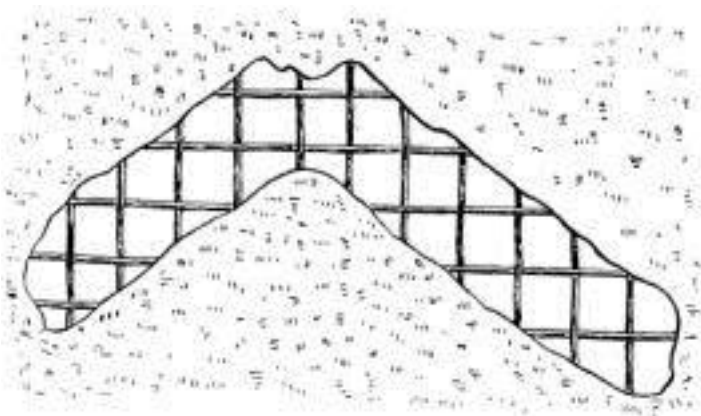

Рис. 274.—Деревенский проем в летнем домике, Оказаки.

В саду Фукиагэ в Токио можно увидеть некоторые удивительные эффекты ландшафтного озеленения. Вдалеке вы замечаете возвышенность, фактически холм, возможно, пятидесяти или шестидесяти футов в высоту; приближаясь к нему с равнины, покрытой сочной зеленой травой, вы пересекаете небольшое озеро, перекрытое в одном месте единственной каменной плитой; затем вверх по ущелью, по которому сбегает настоящий горный ручей, и через скальное основание, настолько естественное, что, пока череда разломов и смещений, синклиналей и антиклиналей, быстро сменяющих друг друга, не пробудит вашу геологическую память грубым потрясением, вы не сможете поверить, что вся эта колоссальная масса материала была перенесена сюда человеком. , с расстояний, измеряемых лигами; и что несколько сотен лет назад существовала низкая равнина, на месте которой сейчас скалистые ущелья и темные лощины, с густыми лесными деревьями, отбрасывающими на все свои прохладные тени. Вы поднимаетесь по живописной лесной тропинке на вершину холма, который венчает деревенская беседка с широкой верандой, откуда открывается прекрасный вид на Фудзи. Оглядываясь назад, в сторону парка, вы ожидаете увидеть внизу овраг, но, к вашему изумлению, вашему взору открывается абсолютно плоская равнина, заросшая кустарником, напоминающая коротко подстриженную чайную плантацию, ровная до вершины холма и простирающаяся на значительное расстояние. Вы потеряли ориентиры по компасу? Идя в направлении этой ровной поросли кустарника, вас ждет новый сюрприз; заглядывая сквозь кусты, вы смотрите вниз на склоны крутого холма, на который вы только что поднялись. Лесные деревья, густо покрывающие склоны холма, были подстрижены вверху до абсолютного уровня; и эта обработка продолжалась так много лет, что верхушки образовали плотную массу, которая со стороны беседки выглядела как непрерывная полоса низких кустарников, растущих на ровной земле.

Я говорил о любви японцев к садам и садовым эффектам, для которых используются самые маленькие участки земли. В качестве иллюстрации этого я вспоминаю случай в дешевой гостинице, где я был вынужден принимать пищу или голодать до поздней ночи. Ближайшее окружение указывало на бедность, сам дом был бедно обставлен, циновки жесткие и неровные, а прислуга очень дешево одета. В комнате, где подавалась наша трапеза, было круглое окно, через которое виднелись любопытный каменный фонарь и сосна, ветви которой тянулись через отверстие, а за ним открывался прекрасный вид на какие-то высокие горы. С того места, где мы сидели на циновках, были видны все признаки прекрасного сада снаружи; и, недоумевая, как в таком бедном доме может быть такой прекрасный сад, я подошел к окну, чтобы посмотреть. Каково же было мое удивление, когда я обнаружил, что участок земли, из которого росли фонарь и сосна, был всего трех футов в ширину! Дальше шел низкий дощатый забор, а за ним простирались рисовые поля соседнего фермера. Дома такая узкая полоска земли, по всей вероятности, была бы вместительнее битого стекла и консервных банок и проходом для бродячих кошек; здесь, однако, все было чисто и опрятно, и этот узкий участок земли, не годный ни для каких других целей, использовался исключительно на благо комнаты внутри.

Упоминались пруды и ручьи как желательные элементы при создании сада. Там, где вода недоступна для этой цели или, возможно, из-за оригинальности идеи, японцы иногда создают обманчивый пруд, в котором абсолютно нет воды; однако различные особенности пруда выполнены настолько идеально, что эффект воды создается иллюзией ассоциации. Пруд имеет неправильную форму, по краю которого в скрытых от посторонних глаз горшках с

растениями растут ирис и ряд растений, которые естественным образом произрастают у влажных берегов. Дно пруда выложено мелкой серой галькой, а деревянный мостик ведет к небольшому островку в центре. Вид этого высохшего пруда с веранды в высшей степени обманчив.

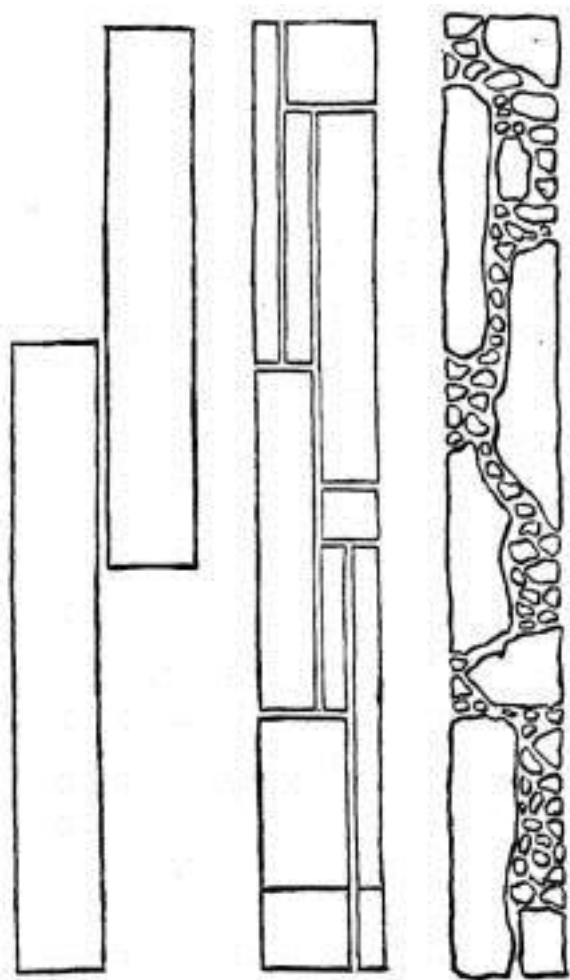

Рис. 275.—Различные формы садовых дорожек.

В настоящих прудах растут либо лотосы, либо другие водные растения, либо они могут быть отданы на откуп черепахам или золотым рыбкам, и часто они очень искусно перестроены деревянными, деревянными или каменными мостиками. Небольшие мысы с каменными фонарями, стоящими на их концах, как миниатюрные маяки, деревянные беседки или скамейки, решетки, поддерживающие пышную поросль глицинии, и извилистые сосны с длинными ветвями, тянущимися над водой, - вот лишь некоторые из многих особенностей, которые придают особое очарование, столь характерное для японских садов.

Каменные дорожки бывают разных видов. Иногда каменные плиты могут быть уложены ровно, и тогда каждая может быть уложена в линию поперек дорожки или отрегулирована таким образом от одной стороны к другой, чтобы получилась зигзагообразная дорожка; в других случаях дорожка может состоять из длинных плит, ровно подстриженных, или из больших неправильной формы плит, прерываемых маленькими камнями, утрамбованных в твердую землю. На рис. 275, скопированном из “Тикусан Тейзодэн”, показаны некоторые из этих устройств; а представление о том, как выложены каменные дорожки, хорошо проиллюстрировано на рис. 283 и 284 (стр. 291, 292), скопированы из той же работы. Вход с

улицы виден слева. Каменная дорожка ведет через внутренний двор ко вторым воротам, а оттуда к *генке*, или входу в дом.

Рис. 276.—Деревянное корыто для растений.

Цветы, кустарники и карликовые деревья в горшках и кадках обычно используются в непосредственной близости от веранды, а также в саду для декоративных элементов; и здесь со вкусом подобранные деревенские эффекты используются в дизайне и материале больших деревянных емкостей. На рис. 276 изображено неглубокое корыто, сделанное из фрагмента старого кораблекрушения, почерневшего от времени и установленного на подставке из темного дерева. В этом желобе лежат два камня, бронзовый краб и несколько водных растений. Другой деревянный цветочный горшок большого размера (рис. 277) сделан из досок старого сосуда, древесина которого продырявлена Тередо, а зерна сильно истерлись от времени. Его форма позволяет нести его двум мужчинам.

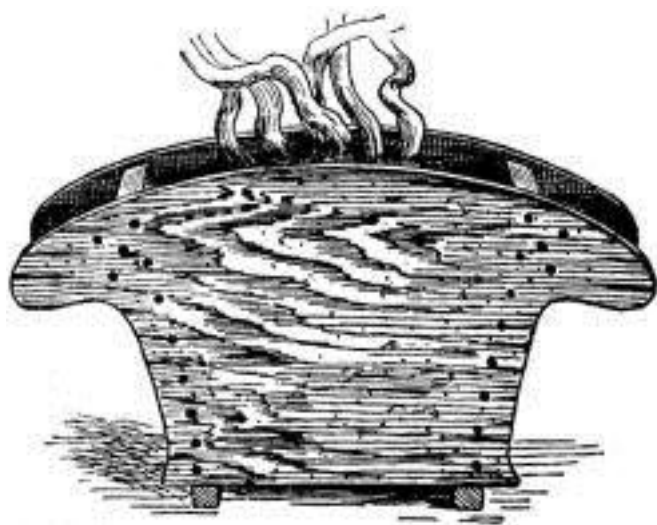

Рис. 277. Горшок для растений из старой доски.

Одними из самых необычных объектов, связанных с садами, являются карликовые сливовые деревья. Прежде чем в цветении появятся признаки жизни, можно было бы, конечно, подумать, что коллекция карликовых сливовых деревьев - это просто фрагменты старых, почерневших и искривленных ветвей или корней, как будто фрагменты мертвой древесины были выбраны с целью гротескного показа! Действительно, ничего более безнадежного для цветов или жизни нельзя было себе представить, чем внешний вид этих неправильных, сплюснутых и даже продырявленных палочек и пеньков. Их держат в доме на солнечной стороне, и, пока на земле еще лежит снег, они выпускают длинные, нежные поникающие веточки, которые вскоре усыпаются множеством самых красивых розоватых соцветий, какие

только можно себе представить; и, как ни странно, за все это буйное цветение не появляется и следа зеленых листьев.

Рис. 278 представляет собой попытку показать внешний вид одного из этих феноменальных сливовых деревьев. Ему было больше сорока лет, и он был около трех футов в высоту. Каким садоводческим колдовством поддерживалась жизнь в этом почерневшем пне, знает только японский садовник. И такая жизненная сила! Не несколько хилых веточек и соцветий в качестве завершающего усилия, а восхитительный рост самых сильных и изящных цветов. Сосны не менее замечательны в своем роде. Очень любопытно увидеть крепкую старую сосну, мужественную и грубоватую со своими узловатыми ветвями и извилистым стволом, которой, возможно, сорок или пятьдесят лет, но все же не более двух футов в высоту, растущую в цветочном горшке; или толстый ствол сосны, стоящий вертикально в цветочном горшке и выпускающий мощные ветви, покрытые листьями (**рис. 279**), и другие, обученные таким образом, что это кажется невероятным.

Рис. 278.—Карликовая слива.

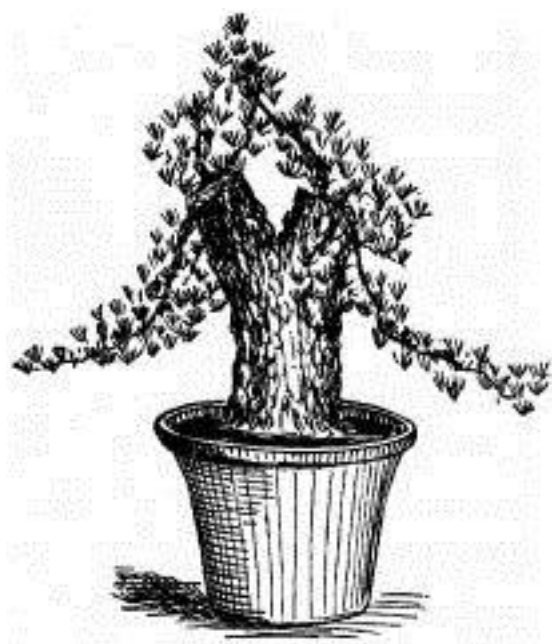

Рис. 279.—Карликовая сосна.

В большом саду в Токио я видел одно из таких деревьев, которое раскидывалось симметричным выпуклым диском диаметром двадцать футов или более, но не превышало двух футов в высоту ([рис. 280](#)); еще одно, у которого ветви были приучены принимать вид сплюснутых дисков ([рис. 281](#)). Может показаться, что художественный и живописный вкус садовника проследовал за кустарниками вплоть до их зимнего укрытия соломой; ибо, когда они укутаны от зимнего холода и снега, объекты даже в таком виде выглядят причудливо и привлекательно, к тому же они наиболее тщательно защищены, как можно видеть на [рис. 282](#) на странице 290.

Рис. 280. Сосна необычной дрессировкой.

В этом кратком очерке японских садов были затронуты только наиболее характерные черты, да и то в самых общих чертах. Было бы более уместно включить в эту главу декоративные ограды, особенно *содэгаки*,. Однако было сочтено лучшим включить ограждения всех видов в одну рубрику; и это было сделано в предыдущей главе. Деревенские колодцы, которые так много добавляют к эффекту сада, могли бы с таким же успехом быть включены и сюда; но по тем же причинам было сочтено лучшим включить вместе с колодцами несколько кратких упоминаний о водоснабжении и деревенских водопроводах, — и поэтому эти темы объединены под одним заголовком в следующей главе.

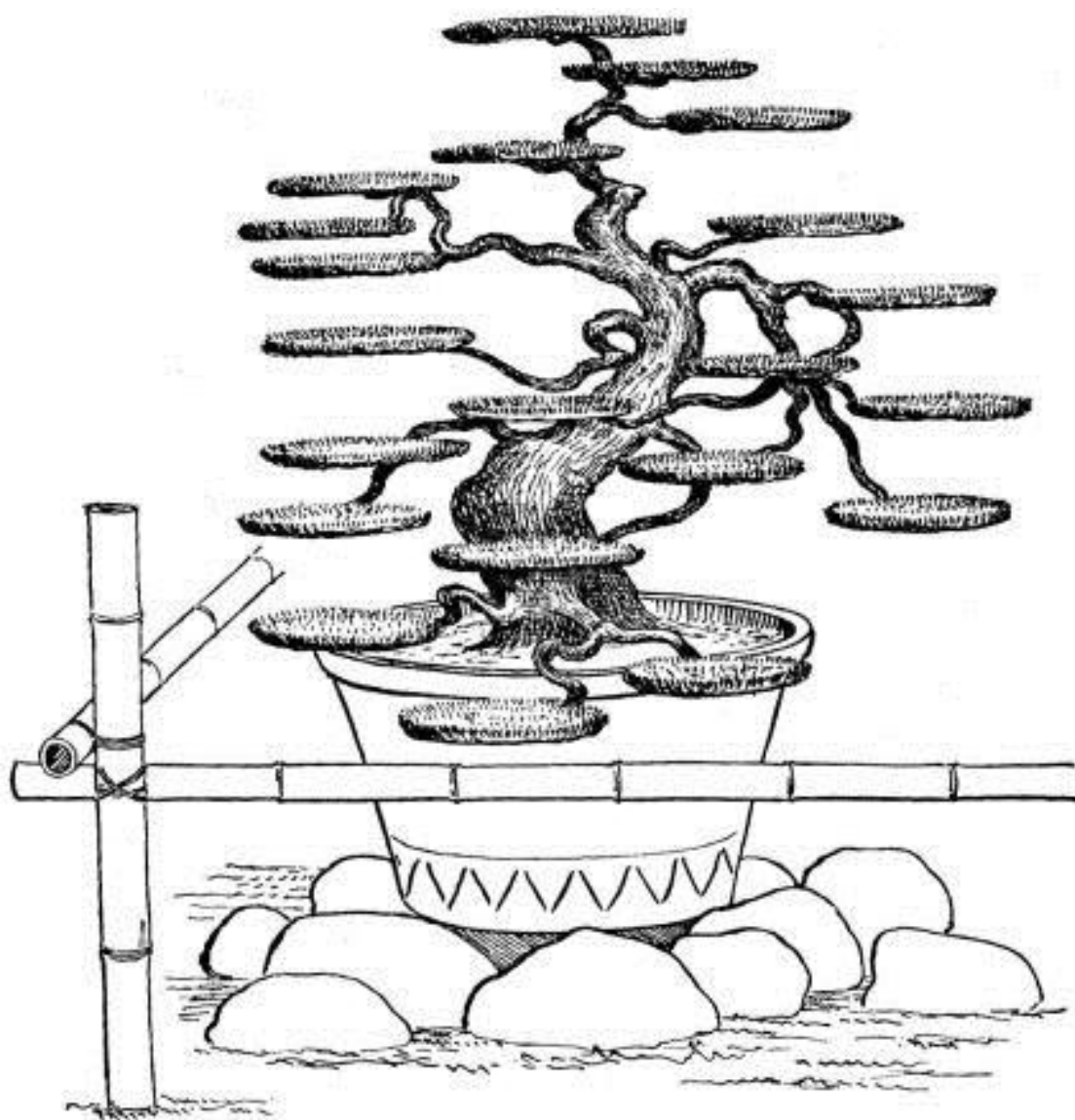

Рис. 281.—Карликовая сосна.

В этой главе, посвященной садам, я сожалею об отсутствии общих набросков собственно сада; но те несколько набросков, которые я сделал, были слишком несовершенны, чтобы рискнуть попытаться их воспроизвести. Более того, нельзя было отдать ни малейшей справедливости совершенно оригинальному характеру японского сада, со всем его разнообразием и красотой. Вместо этого, однако, я воспроизвел ряд видов частных садов из японской работы на эту тему, опубликованной в начале прошлого века, — хотя, что касается их общего расположения и внешнего вида, они могли быть скопированы с садов, которые можно увидеть в этой стране сегодня.

Рис. 282.—Кусты, укутанные на зиму соломой.

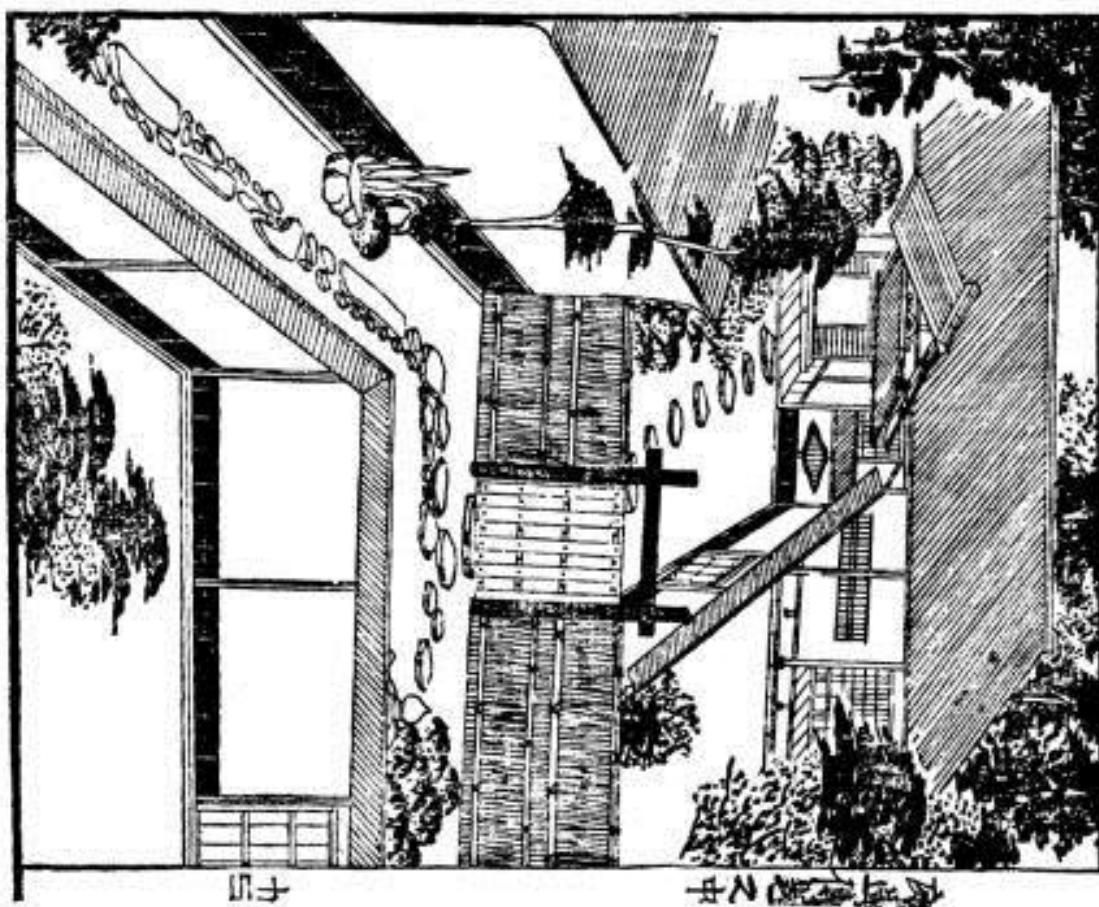
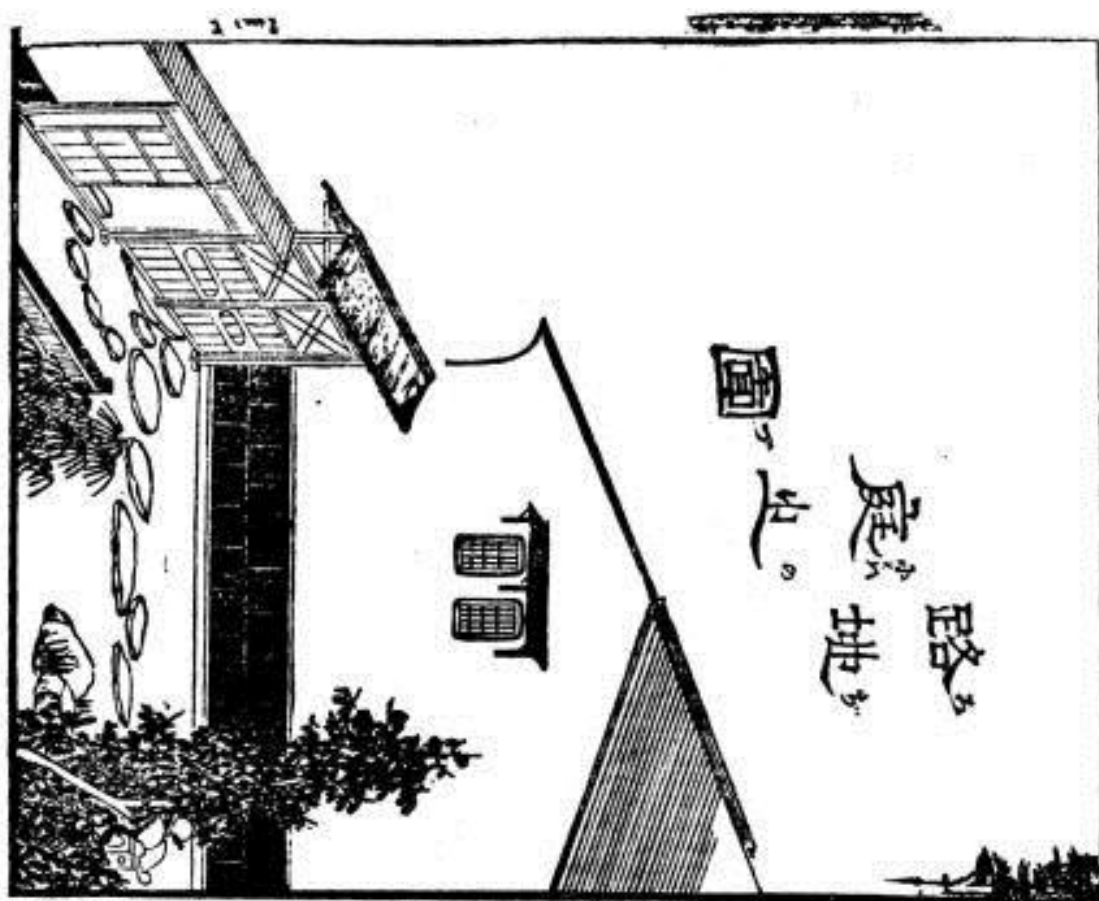

Рис. 283. — Показаны подходы к дому. (Воспроизведено по японскому произведению "Тикусан тэйдзодэн".)

Первая иллюстрация (рис. 283) показывает соотношение различных зданий с подходами с улицы, которая находится слева. Здесь видны две калитки: большая с распашными воротами закрыта; меньшая с раздвижными воротами открыта. Здание с двумя маленькими окнами и черным фундаментом - это *кура*. Дорожка из каменных плит неправильной формы ведет по бокам *куры* ко вторым воротам; а за ними каменная дорожка продолжается к *генке*, или главному входу в жилище. Рисунок представляет собой любопытную смесь изометрической и линейной перспективы, с некоторыми резкими смещениями точки обзора и точек схода, чтобы полностью показать различные детали в пределах пластины. На других иллюстрациях изображены соответственно небольшой сад, принадлежащий дому священников буддийского храма (рис. 284), сад, примыкающий к дому торговца (рис. 285; согласно легенде, владелец - торговец материалами для одежды и хлопком), и сад, примыкающий к резиденции дайме (рис. 286). Все эти сады были разбиты в Сакаи, Идзуми, почти двести лет назад, и некоторые из них, возможно, сохранились до сих пор. Изучение этих причудливых рисунков позволит читателю узнать декоративные изгороди, причудливые камни, деревенские колодцы, *иши-доре*, *чодзу-бачи*, каменные дорожки и любопытные деревья и кустарники, столь характерные для японского сада и совершенно непохожие на все, с чем мы знакомы, в геометрических формах, которые мы привыкли считать садами.

Рис. 284. — Маленький сад, принадлежащий священникам буддийского храма.
(Воспроизведено по японскому произведению “Тикусан тэйдзодэн”.)

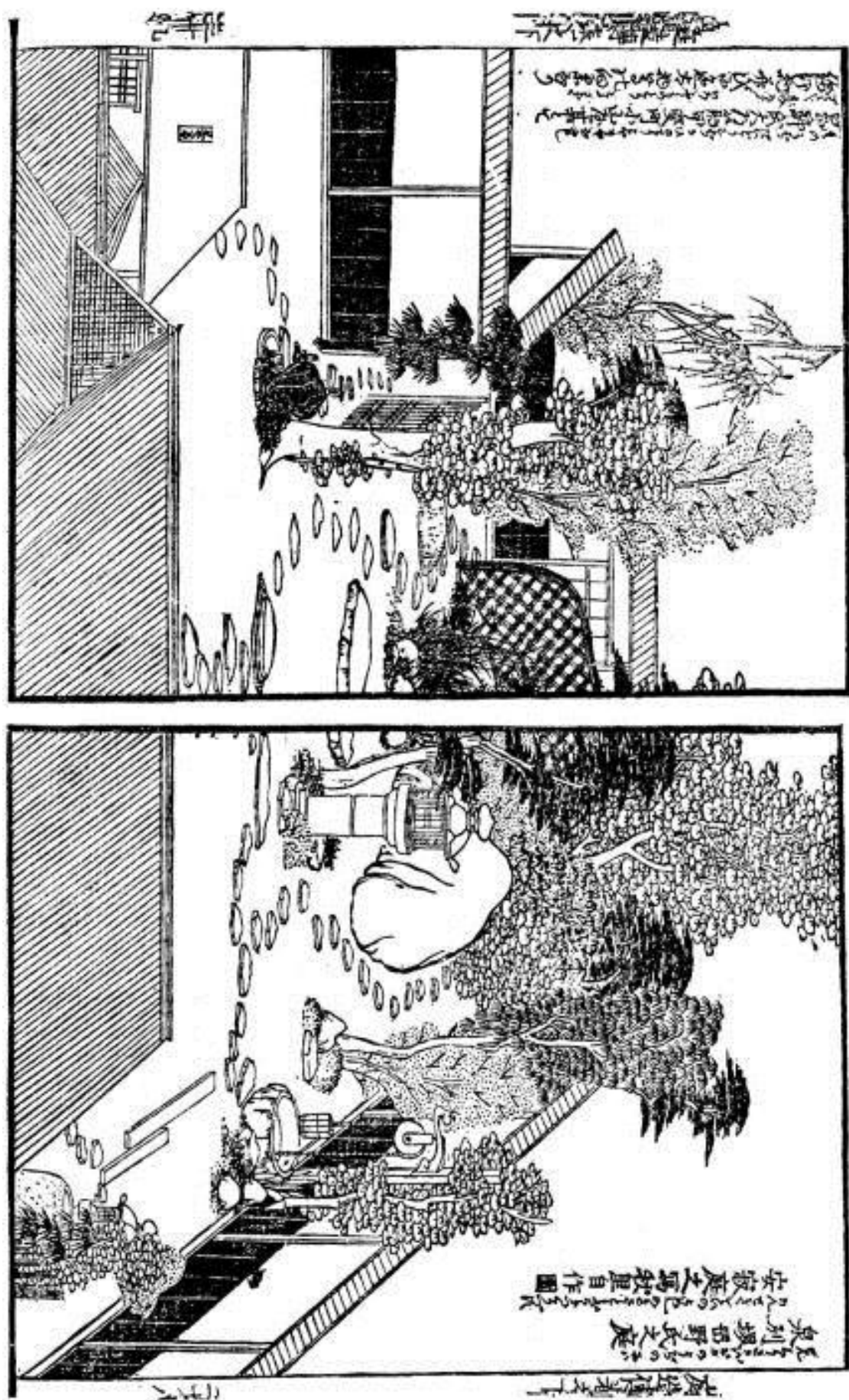

Рис. 285. — Сад торговца. (Воспроизведено по японскому произведению “Тикусан тэйдзодэн”.)

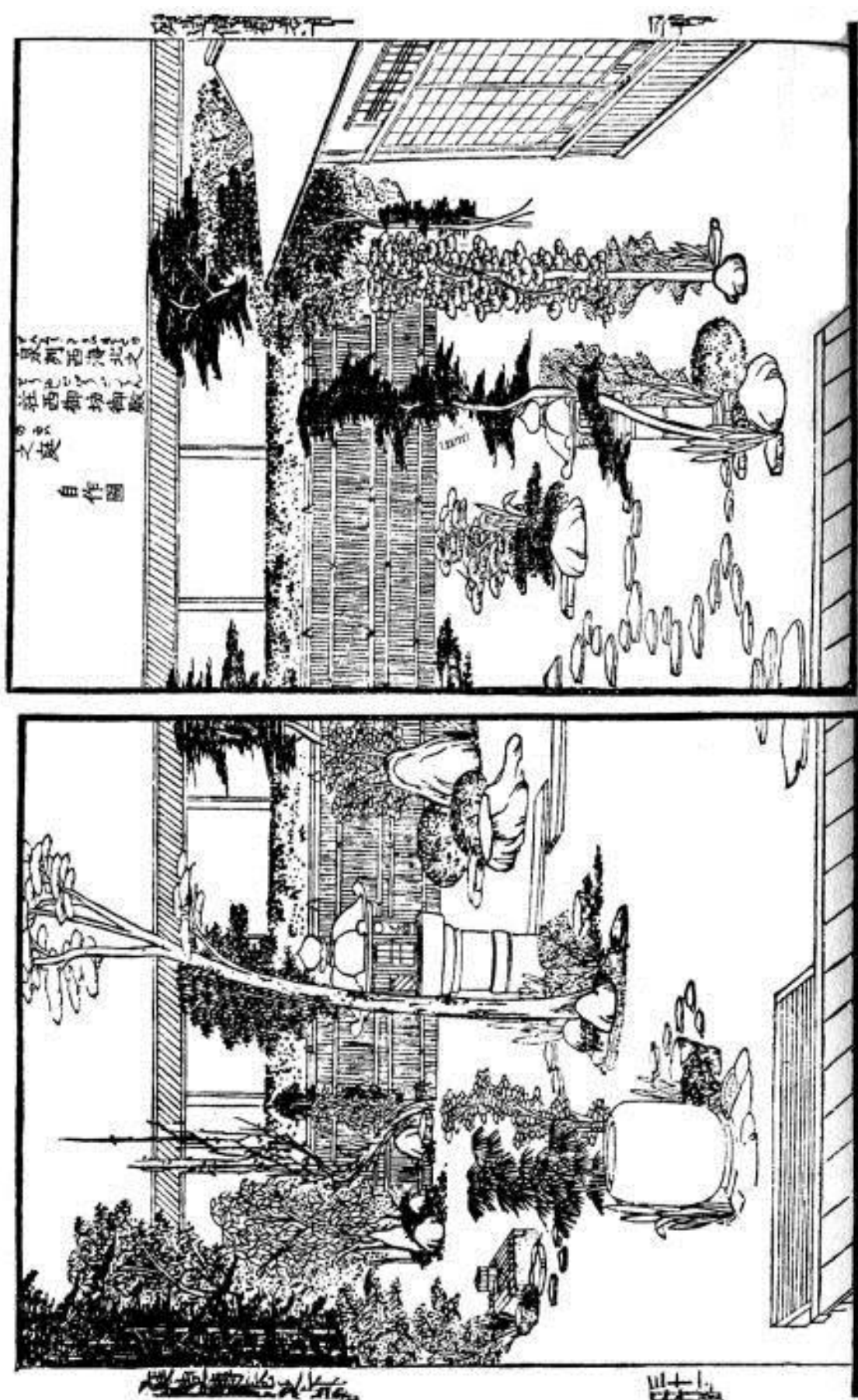

Рис. 286. — Сад дайме. (Воспроизведено по японскому произведению “Тикусан тэйдзодэн”.)

Примечательным фактом является то, что различные деревья и кустарники, украшающие японский сад, можно успешно пересаживать снова и снова, не снижая их жизнеспособности. Почти ежедневно можно увидеть деревья очень больших размеров, которые волокут по улицам по пути из одного сада в другой. За несколько дней у человека может быть разбит мощный и здоровый сад — деревья высотой в сорок-пятьдесят футов и столько же лет, крепкие кустарники и нежные растения, обладающие жизненной силой и выносливостью под умелым управлением японского садовника, что позволяет перевозить их из одного конца города в другой. Если по какой-то причине владельцу придется уступить свое место, каждый камень и декоративная изгородь, каждое дерево и растение, имеющие коммерческую ценность, могут быть выкопаны, проданы и тайком перевезены в течение одного дня в какую-нибудь другую часть города. И такие превратности часто выпадают на долю японского сада, каким бы долговечным он ни был. Все это сооружение, за исключением круглого колодца, может быть перенесено как по волшебству из одного конца страны в другой.

ГЛАВА VII. ПРОЧИЕ ВОПРОСЫ.

За исключением нескольких крупных городов, водоснабжение Японии осуществляется с помощью деревянных колодцев, вырытых в земле. В Токио, помимо обычных колодцев, которые встречаются в каждой части города, есть система акведуков, по которым вода поступает из Тамагавы на расстояние двадцати четырех миль, а из Канды - на расстояние десяти миль или более. Вряд ли в компетенцию данной работы входит привлекать внимание к чрезмерной загрязненности большей части колодезной воды в Токио и других частях Японии, как показали многочисленные анализы, или к несовершенному способу транспортировки воды из отдаленных мест в Токио и Иокогаму. За ценными и интересными статьями на эту тему читателя отсылают к Журналу Азиатского общества Японии.[23](#)

Акведуки в городе сделаны из дерева либо в форме тяжелых квадратных дощатых труб, либо круглых деревянных труб. Эти различные проводники пересекаются открытыми колодцами, в которых вода достигает своего естественного уровня, лишь частично заполняя их. Эти колодцы находятся на главных улицах, а также на определенных открытых площадках; и к ним приходят люди не только за водой, но часто и для легкого умывания.

Скоро должно наступить время, когда власти Токио сочтут абсолютно необходимым наладить водоснабжение города. Такое изменение существующей системы потребовало бы огромных затрат с самого начала, но в конечном итоге сообщество получит огромную пользу не только от более эффективных средств тушения ужасных пожаров, которые так часто опустошают их улицы, но и от более здорового водоснабжения для семейного пользования. При их нынешнем несовершенном методе водоснабжения невозможно уберечь систему водоснабжения от местного загрязнения; и хотя уровень смертности в городе низок по

сравнению со многими европейскими и американскими городами, он, несомненно, был бы еще больше снижен, если бы чистая вода стала доступной для всех.

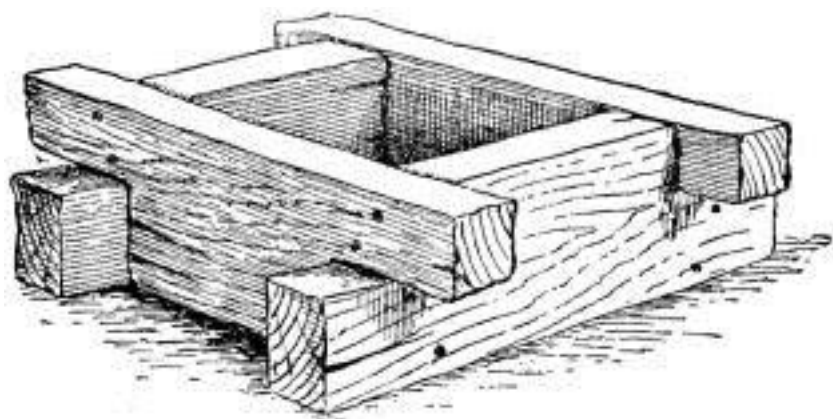

Рис. 287.—Древняя форма колодезного бордюра.

Во многих деревнях, где существуют природные условия, горный ручей протекает по каналу, проложенному в скалах, через центр деревенской улицы; и, таким образом, вода для приготовления пищи и других целей подается прямо к двери каждого дома на этой улице.

Колодцы сделаны в форме бочек из прочных прутьев высотой пять-шесть футов. Они слегка сужаются на своих нижних концах и вставляются одна в другую; и по мере углубления колодца секции регулируются и опускаются. Таким образом часто заглубляют колодцы большой глубины. Сделанный таким образом колодец, поскольку он выступает над землей, имеет вид обычной бочки, частично закопанной в землю.

Часто встречаются каменные бордюры круглой формы. Древняя форма колодезного бордюра представляет собой квадратный каркас, сделанный из толстой древесины в форме, показанной на рис. 287. Китайский иероглиф, обозначающий “колодец”, выполнен в форме этой рамки; и проезжая по городу или деревне, вы часто заметите этот иероглиф, нарисованный сбоку дома или над дверью, указывающий на то, что сзади или внутри дома находится колодец. Живописный каменный бордюр, выполненный по этой форме, показан на [рис. 288](#) из частного сада в Токио.

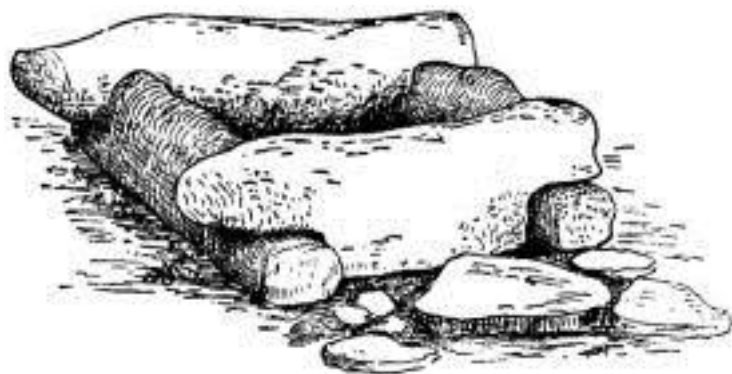

Рис. 288. Каменный бордюр колодца в частном саду.

В то время как воду обычно поднимают с помощью ведра, прикрепленного к концу длинного бамбука, над колодцем возводятся рамы различных форм для поддержки блока, в который продевается веревка с прикрепленным к каждому концу ведром. На [рис. 289](#) показан один из таких кадров. Иногда ствол дерева используют для обслуживания, как показано на рис. 290. В этом случае старый ствол был густо покрыт японским плющом.

На загородной кухне колодец часто находится внутри дома, как показано на рисунке [рис. 167](#) (стр. 186). В сельской местности, так же как и в городе, время от времени можно наблюдать регулярную зачистку колодцев в Новой Англии. В южной части Японии, в частности, очень распространен изгиб колодца; один из них показан на рисунке южного дома ([рис. 54](#), стр. 73).

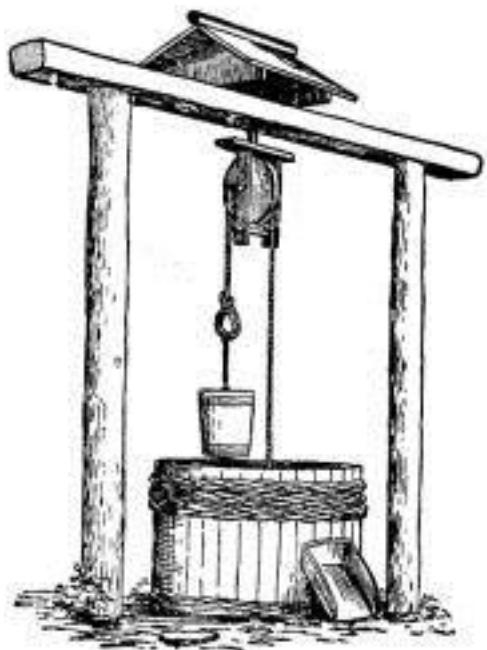

Рис. 289. Деревянный каркас колодца.

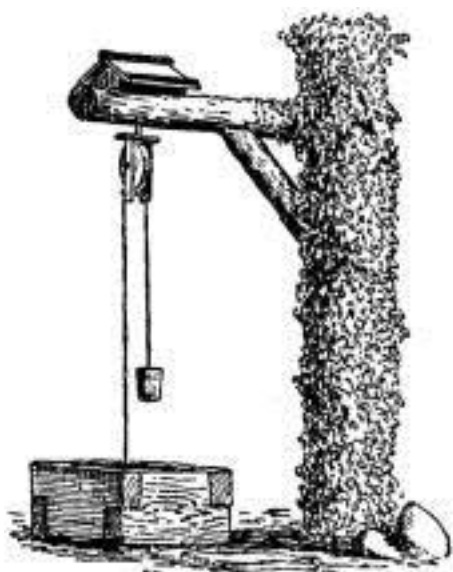

Рис. 290. Каркас колодца в деревенском стиле.

Существует множество способов подачи воды в деревни по бамбуковым трубам. В Киото многие места снабжаются водой, доставляемой таким образом из горных ручьев за городом. В Миядзиму, на берегу Внутреннего моря, вода подается по бамбуковым трубам из горного ручья на западной окраине деревни. Сначала вода подается в единственный неглубокий резервуар, установленный на грубом каменном пьедестале. Резервуар имеет отверстия через определенные промежутки времени по бокам и на торце, и с помощью бамбуковых желобов вода подается в вертикально стоящие бамбуковые трубки, каждая из которых имеет наверху ящик или ведро, в котором установлена бамбуковая решетка для удаления воды с

листьев и веточек. Эти бамбуковые трубы соединены с системой бамбуковых труб под землей, и они ведут к домам на деревенской улице внизу. На рис. 291 приведена иллюстрация этой структуры. Это было старое и протекающее сооружение, но оно образовывало живописную массу рядом с горной дорогой, покрытое густыми зарослями папоротников и мхов и освещенное водой, капавшей со всех сторон.

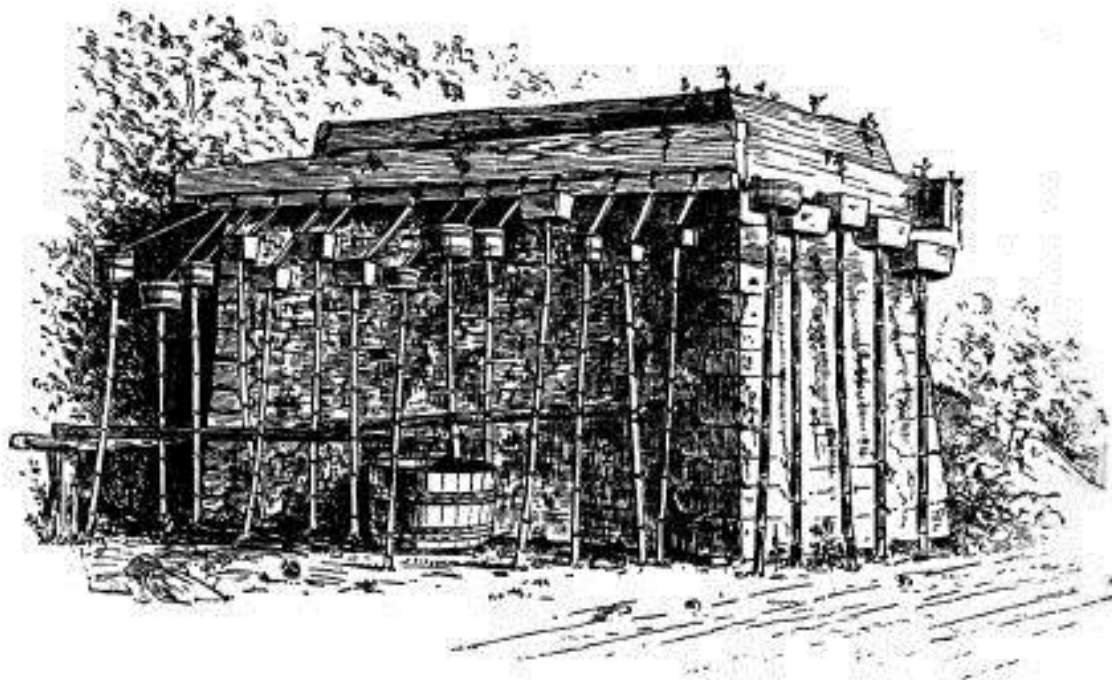

Рис. 291.—Водохранилище акведука в Миядзиме, Аки.

Сразу за этим любопытным водохранилищем я увидел группу небольших акведуков, очевидно, предназначенных для снабжения отдельных домов. На рис. 292 показан один из множества таких объектов, встречающихся вдоль дороги. На рис. 293 представлен один из старых колодцев, которые все еще можно увидеть в Кага Ясики в Токио, — обширная территория, ранее занимаемая даиме Кага, но теперь заросшая бамбуком и спутанными кустами, в то время как кое-где свидетельства его былой красоты видны в заброшенных рощицах и живописных прудах, заросших растительностью. Здания Токийского медицинского колледжа и больницы занимают один участок земли; а новое кирпичное здание Токийского университета, несколько жилых домов для его иностранных преподавателей и небольшая обсерватория образуют другую группу.

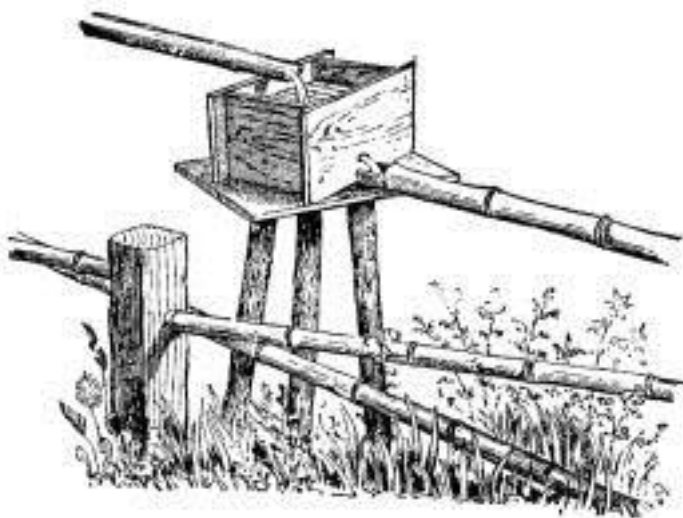

Рис. 292.—Акведуки в Миядзиме, Аки.

На этой большой территории разбросано множество опасных ям, охраняемых только заборами, выкрашенными в черный цвет. Это остатки колодцев, и по их количеству можно составить слабое представление о плотном сообществе, которое заполняло эту местность во времена сегуната. Во время Революции дома были сожжены, а вместе с ними и деревянные ограждения колодцев, и на долгие годы эти глубокие ямы превратились в ужасные ловушки в высокой траве.

Рис. 293.—Колодец в Кага Ясики, Токио.

Эффект деревенщины, которым так восхищаются японцы и который они демонстрируют в своих воротах, заборах и прочем окружении, очаровательно передан в колодцах; считается, что наличие колодца в саду значительно увеличивает его красоту. Отсюда видны причудливые и живописные бордюры, либо из камня, позеленевшего от роста растений, либо из дерева, практически разрушающегося от гниения. Перед глазами буквально замшелое ведро и колодец, но, увы! вода - это не та холодная, чистая жидкость, которую жители Новой Англии привыкли черпать в подобных местах у себя дома, но часто вода далеко не полезная, и для ее приготовления обычно перед употреблением кипятят. Теперь мы имеем в виду городские колодцы; и все же сельские колодцы столь же подвержены загрязнению.

После описания на предыдущих страницах постоянных особенностей дома и его окружения, уместно добавить несколько страниц о тех предметах, которые развешаны по стенам в качестве украшений. Было упомянуто несколько предметов домашнего обихода, таких как подушки, *хибачи*, *табако-бон*, подсвечники и вешалки для полотенец, которые естественным образом ассоциируются с ковриками, кухонными принадлежностями, принадлежностями для купания и т.д. Любое дальнейшее рассмотрение этих подвижных предметов привело бы нас к обсуждению бюро, сундуков, корзин, подносов, посуды и всего ассортимента предметов домашнего обихода и, действительно, могло бы дать материала, достаточного для другого тома.

Однако необходимо добавить несколько страниц об украшении комнаты и принципах, которыми руководствуются японцы в этих вопросах. Поскольку цветы являются наиболее универсальным украшением помещений от высших до низших классов, они будут рассмотрены в первую очередь.

Любовь к цветам - национальная черта японцев. Можно с уверенностью сказать, что ни в одной другой части мира любовь к цветам не проявляется так повсеместно, как в Японии. Для графических иллюстраций цветы являются одной из наиболее распространенных тем; а для декоративного искусства во всех его отраслях цветы естественных или условных форм выбираются в качестве ведущего мотива. В их легких тканях — вышивке, керамике, лаках, обоях, веерах — и даже в их изделиях из металла и бронзы постоянно изображаются и обрабатываются эти очаровательные и скоропортящиеся предметы. В их социальной жизни эти вещи также всегда присутствуют. От рождения до смерти цветы каким-то образом ассоциируются с повседневной жизнью японцев; и в течение многих лет после их смерти их могилы продолжают украшать свежими цветами.

В комнате в самом скромном доме на почетном месте — в *токонома* — будет стоять ваза для цветов, или бамбуковая ветка, свисающая с ее бока, или сосуд какой-либо формы, подвешенный в открытой части комнаты наверху, или перед каким-нибудь декоративным отверстием, в котором выставлены цветы. На улице часто можно встретить продавца цветов, а по ночам цветочные ярмарки - одно из самых распространенных развлечений.

Расставление цветов является частью вежливого воспитания японцев, и в их школах и учителях существуют особые правила и методы их надлежащего отображения. В доме есть специальные места, где уместно выставлять цветы. В *токонома*, как мы уже говорили, обычно представляют собой вазу из бронзы или керамики, в которую помещают цветы, — не разнородную цветовую массу, состоящую из множества цветов, как это слишком часто бывает у нас; но нескольких цветов одного вида или большой ветки вишни или сливы вполне достаточно, чтобы удовлетворить утонченный вкус этих людей. Здесь, как и в других вопросах, японцы демонстрируют свое чувство приличия и бесконечную утонченность. Они больше всего ненавидят наши неряшливые методы, при которых пучок цветов разнородных расцветок упакован и прижат друг к другу, без места для зеленых листьев: мы называем это букетом; и очень правильно, поскольку он напоминает шар, — пестрый шерстяной шар. Эти люди верят в здоровый контраст грубого коричневого стебля и зеленых листьев, подчеркивающий текстурой и цветом непревзойденные жизненные тона нежных лепестков. Мы, однако, по своей глупости слишком часто привыкли срывать цветы, которые природа так ловко разместила на их собственных деревянных стеблях, а затем нитками и колючей проволокой придавать им слабое сходство с добросовестной подделкой модистки из ткани и бумаги; и при таком обращении через несколько часов мы получаем массу, столь же безжизненную.

В своих цветочных вазах они также демонстрируют самое совершенное знание контрастов. Любому человеку со вкусом нет необходимости показывать, насколько неуместны наши позолоченные и часто ярко раскрашенные вазы для цветов для тех предметов, которые в них должны храниться. При использовании таких емкостей все цветовые эффекты и приятные контрасты фактически разрушаются. Японская ваза для цветов часто изготавливается из самой грубой керамики, с неровными пятнами глазури и неправильными контурами; она сделана прочной и тяжелой, с хорошим дном и способна удерживать большую вишневую ветку без опрокидывания. Его шероховатость контрастирует с нежными цветами, которые он содержит. Именно из такого грубого материала, который мы используем для изготовления сливных плиток и кувшинов для патоки, японцы делают самые очаровательные и подходящие вазы для цветов; но их гончары - художники, и, увы! наши - нет.

В этой связи интересно отметить, что в нашей стране художники и другие люди, обладающие художественными вкусами, всегда признавали важность соблюдения надлежащего контраста между цветами и их держателями, и в течение всего лишь нескольких лет были вынуждены, за неимением лучших емкостей, расставлять цветы в немецких глиняных кружках, китайских банках для имбиря и тому подобном. Хотя эти сосуды, безусловно, были достаточно неподходящими, цветы выглядели в них гораздо красивее, чем когда-либо могли бы выглядеть в устрашающих изделиях, специально предназначенных для их хранения, изготовленных американскими и европейскими производителями. Какая сатира на нашу художественную индустрию — отчаянное обращение к пивным кружкам, банкам для имбиря и горшочкам для чернения в качестве подходящих ваз для цветов! Кто не помнит, да и не может видеть сегодня на полках большинства “посудных лавок” отвратительный батальон кричащего фарфора и незаконных паросских ваз, помимо других многочисленных свидетельств полного невежества относительно того, какой должна быть ваза для цветов, в разномастно раскрашенных и украшенных стеклянных сосудах, предназначенных для хранения этих изысканнейших творений Природы?

Помимо вазы для цветов, которая ставится на пол, у японцев есть и другие, которые подвешиваются на крючок, обычно на столбе или перегородке, отделяющей *токоному* от соседней ниши, или иногда на угловом столбе. Когда в комнате устанавливается постоянная перегородка, вполне уместно повесить вазу к средней стойке. Во всех этих случаях ее подвешивают на полпути между полом и потолком. Эти подвесные вазы для цветов бесконечны по форме и дизайну и изготавливаются из керамики, бронзы, бамбука или дерева. Изделия из керамики и бронзы могут иметь форму простых трубочек; однако часто представлены естественные формы, такие как рыбы, насекомые, полоски бамбука и тому подобное.

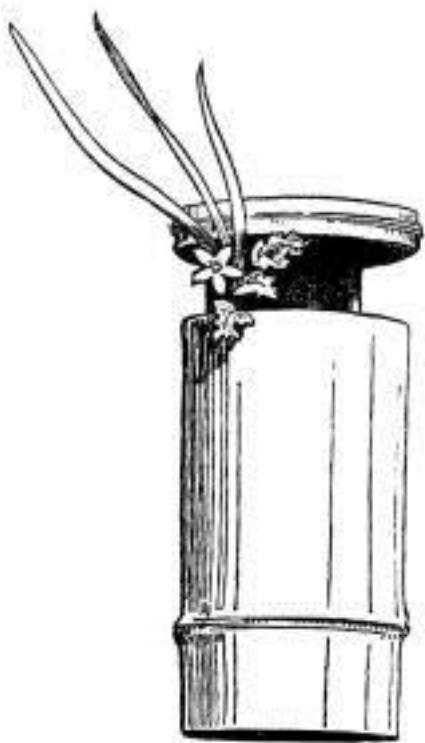

Рис. 294. Подвесная подставка для цветов из бамбука.

Японцы любят старинные предметы, и найденные кувшины часто уродуют, по крайней мере, для антиквара, вставляя в их стенки кольца, чтобы их можно было повесить в качестве подставок для цветов.

Держатель любопытной формы сделан из прочного сучка дерева. Любая причудливая и ненормальная поросль дерева, в которой можно сделать отверстие достаточно большого размера, чтобы в него поместился кусок бамбука для удержания воды, используется для изготовления вазы для цветов. Такой предмет будет украшен крошечными бронзовыми муравьями, серебряной паутиной с бронзовым пауком и жемчужиной, выполненной в форме гриба. Эти и другие необычные прихоти вырезаны из дерева в качестве украшений.

Самой любимой формой подставки для цветов является подставка из бамбука. Бамбуковую трубку обрабатывают различными способами, вырезая различные секции по бокам. На рис. 294 представлена странная, но обычная фигура, созданная для чаепитий "ча-но-ю" и зарисованная на одной из таких вечеринок. Бамбук - замечательный сосуд для воды, и его часть используется для этой цели во многих формах керамики и бронзовых подставок для цветов.

Рис. 295. Подвесной держатель для цветов корзиночной работы.

Корзинки насыщенного коричневого цвета также являются излюбленными вместилищами для цветов, а для хранения воды используется сегмент бамбука. Прилагаемый рисунок (рис. 295) представляет собой эскиз подвесной корзины, цветы в которую были расставлены любителем чайных церемоний и старинной керамики. Многие из этих корзин довольно старые и высоко ценятся японцами. На уличных цветочных ярмарках часто можно увидеть дешевые и любопытные приспособления для удержания цветочных горшков. Прилагаемый рисунок (рис. 296) иллюстрирует форму кронштейна, в котором к тонкой деревянной пластине неправильной формы прикреплена изогнутая ветка дерева, к свободным концам

которой прикреплены деревянные бруски в качестве полок, на которые должны устанавливаться цветочные горшки. Вверху проделано отверстие, чтобы его можно было повесить на стену, и крест-накрест прикреплены маленькие планки для удержания длинных полосок плотной бумаги, на которых обычно пишут стихотворные строфы. Эти предметы имеют самое дешевое описание, их можно приобрести за несколько пенни, и их покупают беднейшие слои населения.

Рис. 296. Дешевый кронштейн для цветочных горшков.

Для держателей цветов, подвешенных сверху, обычной формой является квадратное деревянное ведро или ведро, изготовленное из керамики или бронзы в имитации этой формы. Бамбук, срезанный в горизонтальной форме, также используется для подвесных держателей цветов. Действительно, кажется, нет конца любопытным предметам, используемым для этой цели, — тыкве, полуцилиндрической плитке, морским раковинам, как у нас, и формам, изготовленным из керамики или бронзы в подражание этим предметам.

Подставки для цветов причудливой формы выполнены в виде ведер. Следующий рисунок (рис. 297) представляет собой набросок, сделанный на Национальной выставке в Токио в 1877 году. Его конструкция была очень изобретательной; три шеста низкого ведра были продолжены вверх, образуя части трех маленьких ведер наверху, и каждое из них, в свою очередь, добавляло шест к единственному ведру, венчавшему все целое. Другая форма, сделанная тем же автором, показалась ему не такой симметричной, но была столь же странной.

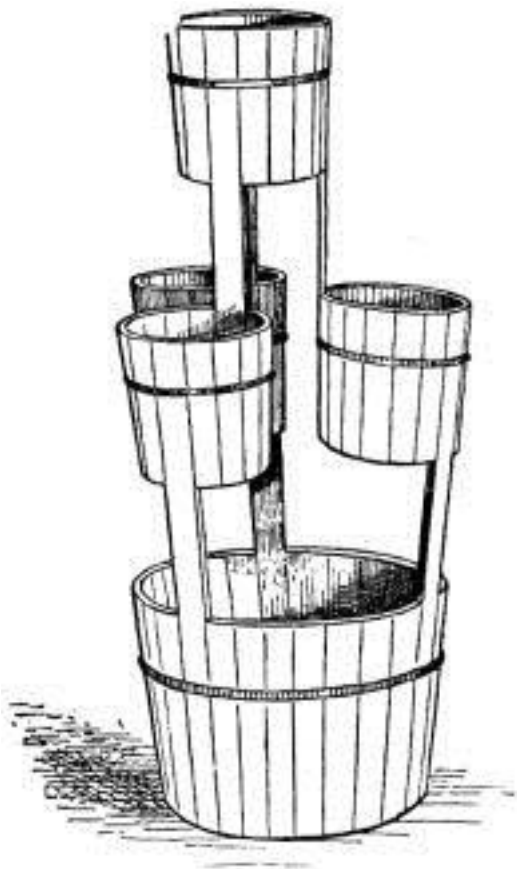

Рис. 297. Любопытная комбинация ведерок для цветов.

Любопытные маленькие плетеные соломенные сумочки сделаны для хранения цветов, или, скорее, бамбуковых сегментов, в которых хранятся цветы. Они сделаны в виде насекомых, рыб, грибов и других природных объектов. Они упомянуты не потому, что обладают особыми достоинствами, а для иллюстрации приспособлений, используемых простыми людьми для украшения своих домов. Также используются деревянные стойки, покрытые богатым лаком, к которым подвешены подставки для цветов. Сейчас эти предметы редко можно увидеть, и мне никогда не доводилось видеть ни одного в употреблении.

В главе, посвященной интерьерам, в *"токонома"* показаны различные формы ваз.

Мой интерес к японским домам впервые возник из-за желания точно узнать, как японцы используют класс предметов, с которыми я был знаком по художественным музеям и частным коллекциям у себя дома; более того, изучение их домов привело меня к поиску тех свидетельств домашнего убранства, которые могли бы соответствовать подвесным корзинам, угловым кронштейнам и особенно украшениям из бересты, грибов, мха, ракушек и тому подобного, которыми часто украшают наши скромные жилища. Было восхитительно обнаружить, что японцы были восприимчивы к очарованию, воплощенному в этих частичках Природы, и что они тоже использовали их в подобных декоративных целях. Поначалу поиски объекта, кроме пустых комнат, казались достаточно бесплодными. На первый взгляд эти комнаты казались абсолютно пустыми; переходя из одной комнаты в другую, приходила мысль, что дом сдается в аренду. Представьте себе комнату без камина и сопутствующей ему каминной полки - целой серии полок для хранения красивых вещей; без окон с удобными промежутками между ними для подвешивания картин или кронштейнов; без стола, редко даже шкафчиков, на которых можно хранить яркие переплеты и любопытные безделушки; без буфетов, на которых можно расставить богатую керамику или блестящий фарфор; без

стульев, письменных столов или кроватей, и, следовательно, без возможности выставить напоказ искусную резьбу или дорогие тканевые покрытия. Действительно, можно было бы задаться вопросом, каким образом этот народ демонстрировал свои красивые предметы для украшения дома.

Однако, изучив японский дом некоторое время, начинаешь понимать, что о демонстрации как таковой у них не может быть и речи, и понимать, что строгая квакерская простота действительно является одним из величайших достоинств японской комнаты. Абсолютная чистота и утонченность, с очень небольшим количеством предметов на виду, на которых может приятно задержаться взгляд, - вот основные черты домашнего убранства, к которым стремятся японцы и которых они достигают с простотой и эффективностью, которых мы никогда не можем надеяться достичь. Наши комнаты кажутся им лавкой диковинок, причем "душными" до последней степени. Такого лабиринта из ваз, картин, табличек, бронзы, с полками, кронштейнами, шкафчиками и столами, заваленными безделушками, вполне достаточно, чтобы свести японца с ума. Мы самым неразумным образом выставляем напоказ каждый предмет подобного рода, находящийся в нашем распоряжении; и с периодическим повторением праздников дня рождения и Рождества и последующим наплывом новых вещей менее красивые, уже выставленные на всеобщее обозрение, изгоняются в комнаты наверху, чтобы освободить место для новых; и когда те, в свою очередь, вытесняются, они поднимаются на чердак, где, по воле провидения, будут разобраны детьми или сохранены для будущих антикваров, чтобы те могли поразмышлять о состоянии искусства в наш век. Наши стены увешаны большими рыбными тарелками, предназначенными для хранения еды; тяжелые бронзовые тарелки, которые в японской комнате сделаны так, чтобы прочно опираться на пол и удерживать большие древесные ветви сливы или вишни с их пышным цветением, у нас часто ставят на высокие полки или устанавливают в каком-нибудь опасном положении над дверью. Гораздо реже можно увидеть демонстрацию невежества, заключающуюся в том, чтобы выставить статуэтку в окно, чтобы сосед напротив мог ее увидеть; когда силуэт, вырезанный из жесткого картона, в таком положении отвечал бы всем требованиям, которые касаются обитателей. Как часто мы разрушаем лучшие усилия художника, выставляя его картину напоказ на фоне какой-нибудь яркой фрески или отвлекающих обоев! И все же, не довольствуясь накопившимся убожеством такой комнаты, мы позволяем обойщику и мебельщику снабдить нас зеркалом в великолепной раме, из которого мы могли бы увидеть содержимое комнаты в обратном порядке или, что еще ужаснее, отражение этих ужасов на противоположных отражающих поверхностях — тщетная попытка Природы вызвать у нас отвращение ко всему этому бесконечным повторением.²⁴

В том, что мы, Америка, не являемся исключением в вопросах сомнительной мебелировки, можно убедиться, послушав английского авторитетного специалиста по этому вопросу, — человека, который сделал больше, чем любой другой писатель, привлекая внимание не только к нарушениям истинного вкуса в домашнем убранстве, но и наиболее рациональным образом указывает правильные пути, по которым следует следовать, не только для того, чтобы избежать того, что является оскорбительным и претенциозным, но и для того, чтобы прийти к лучшим методам и более истинным принципам в вопросах вкуса. Мы ссылаемся на Чарльза Л. Истлейка и его своевременную работу, озаглавленную "Советы по домашнему вкусу". В своих критических замечаниях о банальном вкусе, проявляемом в мебелировке английских домов, он говорит: "это пронизывает и искажает суждение, с помощью которого мы привыкли выбирать и одобрять предметы повседневного обихода, которые мы видим вокруг себя. Он пересекает наш путь на брюссельском ковре в нашей гостиной; он окружает нашу кровать из безвкусного ситца; он заставляет нас отдыхать на стульях и сидеть за столами, которые сконструированы в соответствии с худшими принципами конструирования

и облечены формами, заведомо нехарактерными. Он присылает нам изделия из металла из Бирмингема, которые столь же вульгарны по форме, сколь и непрочны по исполнению. Он украшает лучший современный фарфор самым вызывающим орнаментом. Он украшает наши стены глупыми изображениями растительной жизни или массой неинтересных подгузников. Короче говоря, он предписывает нам обставлять наши дома так же, как мы одеваемся сами, — и при этом иметь не больше чувства истинной красоты, чем если бы искусство было мертвой буквой”. Давайте сравним наши вкусы в этих вопросах с японскими и, возможно, извлечем пользу из этого урока.

В предыдущих главах было дано достаточно подробностей, чтобы можно было понять структурные особенности японской комнаты. Теперь давайте заметим, что общий тон и колорит японской квартиры приглушенный. Здесь царит умиротворяющая атмосфера, и только после того, как вы некоторое время посидите на ковриках, внимание привлекает ненавязчивая обстановка квартиры. Обои *fusuma* нейтральных тонов; оштукатуренные поверхности, когда они одинаково окрашены в схожие тона, преобладают теплые коричневые и каменные тона; потолок из кедровых досок насыщенного цвета этого дерева; повсюду скромно бросающаяся в глаза деревянная отделка, всегда представляющая естественные цвета, не испорченные трудами художника, — все это в совокупности делает комнату тихой и изысканной до последней степени. Пол ярко контрастирует с прохладной соломенной циновкой — однородная яркая поверхность, оттеняемая прямоугольными черными краями циновок. Это такой бесконечный комфорт - найти по всей длине и ширине этой Империи полы, покрытые ненавязчивыми соломенными циновками. Однообразный, подумали бы некоторые: да, здесь есть однообразие свежего воздуха и чистой воды. Такая комната требует лишь небольшого украшения в виде посторонних предметов; действительно, существует лишь несколько мест, где такие предметы можно разместить. Но обратите внимание, что в то время как в наших комнатах можно свободно увешивать стены картинами, не обращая ни малейшего внимания на свет или эффект, в японской комнате есть чистое и свободное углубление от пола до перегородки с капюшоном, которая охватывает его сверху, и это углубление расположено под прямым углом к источнику света; более того, оно считается самым почетным местом в комнате — и здесь, и только здесь, висит картина. Не лакированный предмет, чтобы увидеть который, нужно пройти по квартире, склонив голову набок, чтобы получить выгодную точку обзора, а картину, которую можно увидеть в надлежащем свете из любой точки комнаты. В *токонома* обычно выставляется только одна картина, хотя, как мы видели, это углубление может быть достаточно широким, чтобы вместить две или три картины.

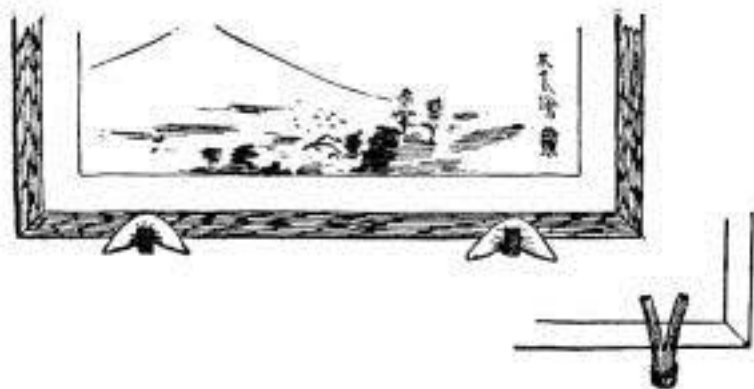

Рис. 298.—Картина в рамке с подставками.

Между *камои*, или перемычкой, и потолком есть пространство, скажем, в восемнадцать дюймов или больше, в зависимости от высоты комнаты; и иногда здесь можно увидеть

длинную узкую картину, обрамленную в узкую деревянную рамку или прикрепленную к плоской раме, которая скрыта бумагой или парчой, окаймляющей картину. Эта картина наклонена вперед под значительным углом и держится на двух железных крюках. Чтобы край рамы не поцарапался от утюга, принято подкладывать треугольные подушки из красного крепа. Железные крючки часто заменяют бамбуковой опорой, как показано на рисунке (рис. 298). Картинка может быть пейзажем или букетом цветов; но чаще всего она состоит из нескольких китайских иероглифов, воплощающих какую-то поэзию, моральное предписание или чувство, - и обычно иероглифы написаны каким-нибудь поэтом, ученым или другим выдающимся человеком. Квадратный деревянный столб, который проходит посередине перегородки между двумя углами комнаты, может быть украшен длинной, узкой и тонкой полосой кедр шириной со столб, на которой нарисована какая-либо картина. Эта полоска может быть не из дерева, а из шелка или парчи, как *какэ-моно*, с одним *кадзе-оби*, висящим посередине сверху. Дешевые могут быть из соломы, тростника или тонких полосок бамбука. Этот предмет из любого материала называется *хашира какуши*, что буквально означает “пост-шкура”. Если из дерева, то декорируются обе стороны; так что после того, как одна сторона некоторое время поработает, обнажается другая сторона. Древесина обычно изготавливается из темного кедра с равномерной зернистостью, и эскиз наносится непосредственно на древесину. На рис. 299 показаны обе стороны одной из этих полос.

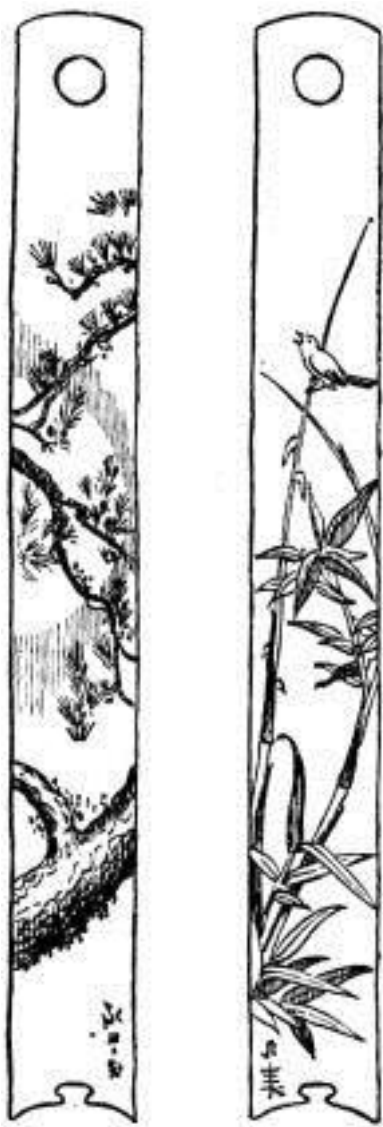

Рис. 299.—Хашира какуши.

Художник очень искусно обработал оформление этих предметов; и хотя наших художников могло бы беспокоить, какой предмет выбрать для картины на такой неудобной и ограниченной поверхности, японскому декоратору это не составит труда. Он просто берет вертикальный срез какого-нибудь хорошего предмета, как можно было бы мельком увидеть Природу через приоткрытую дверь, — а остальное предоставлено воображению. Эти предметы попадают на наши рынки, но яркие цвета, использованные в их оформлении, показывают, что в этой стране они были написаны для широких масс. Столб, на который вешается такая картина, а также *токо-башира*, также могут быть украшены подвесной подставкой для цветов, подобной уже описанной.

У японца может быть знаменитая коллекция картин, но они хранятся в его *куре*, за исключением той, что выставлена в *токонома*. Если у него есть вкус, он время от времени меняет картину в зависимости от времени года, характера своих гостей или для особых случаев. В одном доме, где я гостил несколько дней, картинка менялась каждый день. Картина может прослужить несколько недель или месяцев, когда ее аккуратно сворачивают в рулон, убирают в шелковую обертку и коробку и разворачивают другую. Таким образом, картинка никогда не становится однообразной. Вялая и безразличная манера, с которой американец часто рассматривает свои собственные картины, показывая их другу, указывает на то, что его картины так долго висели у него на стенах, что они больше не вызывают никакого внимания или восторга. Это правда, человек никогда не устает созерцать работы великих мастеров; но следует помнить, что не все картины являются шедеврами, и что при постоянном воздействии эффект картины серьезно ухудшается. То, как картины с нами развешаны по стенам — многие из них по необходимости при самом плохом освещении или вообще без света, когда окна занавешены тяжелыми шторами, — показывает, что главный интерес представляют их рельефные позолоченные рамы, которые бросаются в глаза при любом освещении. Принцип постоянной экспозиции, безусловно, неправильный; хорошая фотография доставляет тем больше удовольствия, если на ней не нужно постоянно смотреть человеку в лицо. Кому захочется созерцать жгучий тропический закат на полный желудок или морозящий северный туман на пустой? И все же это те переживания, которые мы часто вынуждены терпеть. Почему бы не переделать наши комнаты и не сделать эркер или нишу — альков с наилучшим возможным освещением, — в котором можно было бы должным образом повесить одну или две хорошие картины с подходящими дополнениями в виде нескольких цветов, керамики или бронзы? Мы ни в малейшей степени не изменяли внутреннее устройство нашего дома с тех пор, как он был самым экономичным образом спроектирован как убежище, в котором можно есть, спать и умереть, — прямоугольная конура с необходимыми отверстиями для света и необходимыми отверстиями для входа и выхода. В то же время его обитатели были пропитаны религией настолько строгой и мрачной, что обладание картиной долгое время рассматривалось как проявление мирского и тщеславия, если, конечно, сюжет не наводил на мысль об ином мире в виде видения шестиногих ангелов, или о временном пристанище в том мире в виде надгробной плиты и ив, или о немедленном отправлении туда в виде сцены у смертного одра.

У японцев все коллекции керамики и других безделушек, так же как и картины, бережно упаковываются в парчовые пакеты и коробки и убираются, чтобы их можно было распаковать только тогда, когда в дом придут благодарные друзья; и тогда хозяин наслаждается ими с не меньшим удовольствием. Помимо повышенного удовольствия, которое, несомненно, вызывает японский метод, человек избавлен от бесконечного количества огорчений и страданий, когда его неискушенный друг приходит в восторг из-за неподходящей вещи, или

ошибочно принимает редкую гравюру Данте за североамериканского дикаря, или испытывает трепет восторга от предмета, потому что случайно узнает, что его стоимость соответствует его годовому счету за продукты.

Нет ничего более поразительного в японской комнате, чем гармония и контрасты между цветами различных предметов и самой комнаты. Между картиной и парчой, из которой она сшита, и спокойным и приглушенным цветом *токономы*, в которой она повешена, всегда царит самая изысканная гармония, и это такой фон для восхитительных и полезных цветовых контрастов, когда брызги яркой цветущей сакуры оживляют спокойные тона этого почетного места! Общий тон комнаты идеально оттеняет самую простую цветочную композицию, спокойную картину, грубый предмет керамики или старинную бронзу; и в то же время дорогое и великолепное изделие из золотого лака сверкает, как драгоценный камень, в этом простом окружении, — и все же гармония не нарушается.

Интересным фактом является то, что усилия по созданию гармоничных и декоративных эффектов, предпринятые известными художниками и декораторами в этой стране и в Англии, были сильно проникнуты японским духом, и каждый достигнутый успех является подтверждением правильности японского вкуса. Обои стали более тихими и ненавязчивыми; достоинства простоты и сдержанности там, где им место, а также универсальность повсюду получают все более широкое признание.

В японском доме редко можно увидеть шкафы или приспособления для демонстрации безделушек, хотя иногда можно увидеть лакированную подставку с несколькими полками, на которой может быть выставлено множество предметов, состоящих из древней керамики, некоторых каменных орудий, окаменелостей, старых монет или нескольких истертых водой фрагментов камня, привезенных из Китая и установленных на подставках из темного дерева. Японцы — большие коллекционеры автографов, монет, парчи, изделий из металла и многих других предметов, но они редко выставляются напоказ. Что касается предметов в *токонома*, я видел в разных *токонома*, выставленных по-разному, натуральные фрагменты кварца, хрустальные сферы, любопытные камни, истертые водой, кораллы, старую бронзу, а также обычную вазу для цветов или курильницу для благовоний. Эти различные предметы обычно, но не всегда, устанавливаются на лакированную подставку. В *чигаи-дана* я также заметил подставку для мечей, лакированную шкатулку для письма, *маки-моно* и книги; и когда я имел наглость заглянуть в шкафы, я увидел там несколько коробок с керамикой, картинами и тому подобным, хотя, как уже отмечалось, такие вещи обычно хранятся в *куре*.

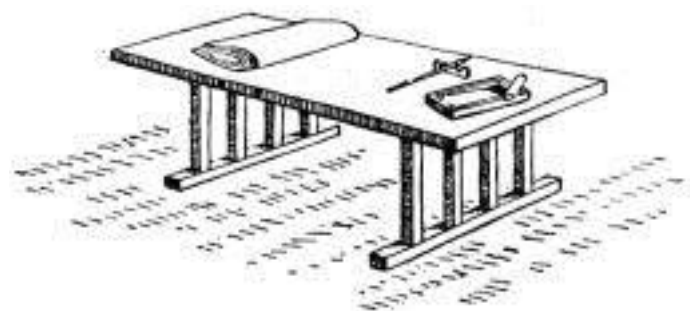

Рис. 300.—Письменный стол.

Помимо лакированных шкафов, в домах более высокого класса можно увидеть предмет мебели, состоящий из нескольких глубоких полок с закрытыми частями полок, образующих маленькие шкафчики. Такой шкаф используется для хранения писчей бумаги, туалетных принадлежностей, подносов для цветов и разных предметов для использования и украшения. Эти ящики часто покрыты красивым лаком.

Обычная форма письменного стола состоит из низкого табурета высотой не более фута, с простыми боковинами или ножками для опоры, иногда с неглубокими выдвижными ящиками; и это, пожалуй, единственный предмет мебели, который мог бы располагаться параллельно нашему столу. На иллюстрации (рис. 300) показан один из таких столов, на котором можно увидеть бумагу, чернильный камень, кисть и подставку для кисти.

В городах и крупных деревнях люди находятся в постоянном страхе перед пожарами. Почти каждый месяц им напоминают о нестабильности почвы, на которой они покоятся, подземные толчки и небольшие сотрясения, которые могут быть предвестниками разрушительных землетрясений, обычно сопровождающихся пожарами, бесконечно более разрушительными. Был сделан намек на маленькие переносные двигатели, которыми оборудованы дома. В городском доме можно заметить небольшую платформу или помост с перилами, установленный на коньке крыши (рис. 301); к этому помосту ведет лестница или пролет ступеней, и при тревоге о пожаре можно увидеть встревоженные лица, выглядывающие с этих наблюдательных пунктов в направлении горящих зданий. Обычно на платформе стоит огромное ведро или полубочка, наполненные водой, а рядом - щетка с длинной ручкой; она используется для разбрызгивания воды на места, которым угрожают искры и головешки, которые часто наполняют воздух во время сильных пожаров.

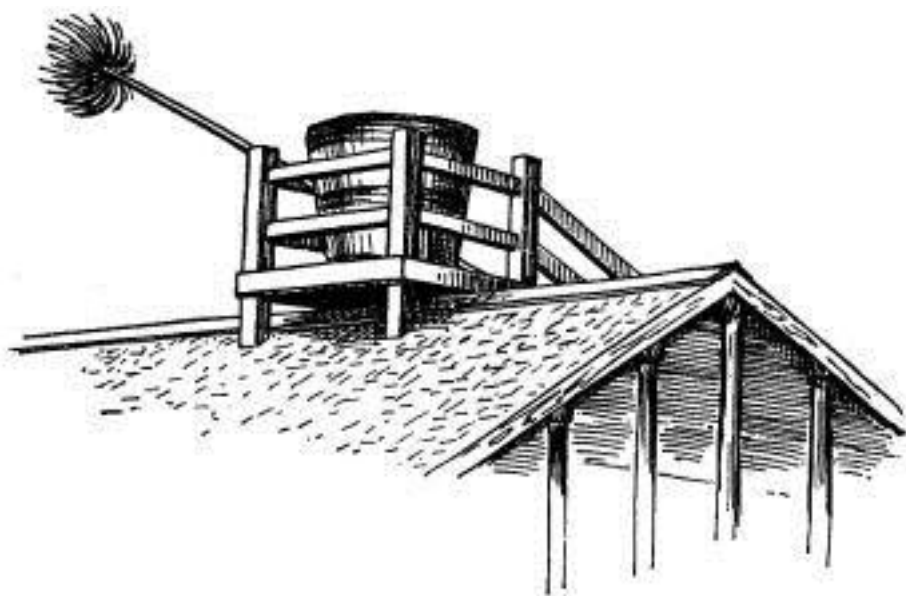

Рис. 301. Установка на крыше дома с ведром и щеткой.

Во время сильного ветра часто можно увидеть, как мелкие торговцы упаковывают свои товары в большие корзины и квадратные полотнища, чтобы перевязать их для транспортировки в случае пожара. В такие моменты окна и двери *куры* закрываются, а щели замазываются грязью, которая всегда под рукой либо под помостом у двери, либо в большом глиняном кувшине рядом с отверстиями. В частных домах также во время возможной опасности наиболее ценные предметы упаковывают в квадратную коробку, похожую на корзину, с прикрепленными к ней ремнями, чтобы ее можно было легко переносить на плечах (рис. 302).

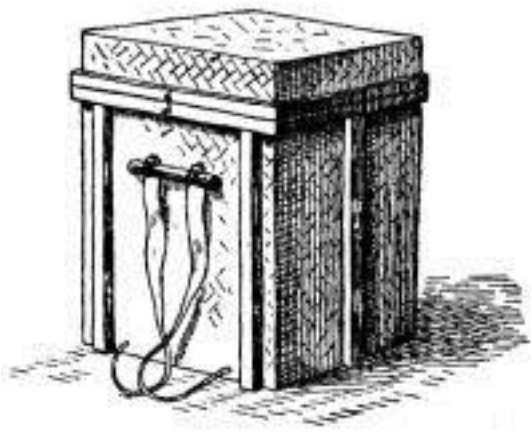

Рис. 302. Ящик для транспортировки предметов.

Завершая это описание японских домов и их окрестностей, я вынужден пожалеть, что ни время, ни силы, ни возможность не позволили мне сделать его более полным с помощью описания, сопровождаемого зарисовками, резиденций высших классов Японии.

Действительно, возникает вопрос, сохранилась ли какая-либо из старых резиденций дайме в том состоянии, в котором они были двадцать лет назад или до революции. Даже там, где сохранились здания, как, например, в замках Нагоя и Кумамото, можно увидеть занятых клерков и секретарш, сидящих в креслах и пишущих за столами в иностранном стиле; и хотя в некоторых случаях все еще сохранились красиво украшенные *фусума*, с искусно вырезанной *раммой* и потолками из богатого дерева, - как, несомненно, в замке Нагоя, а также во многих других, — появление лакированной мебели и ярких иностранных ковров в некоторых апартаментах внесло печальный диссонанс в былую гармонию этого места.

В Токио несколько бывших дайме построили дома в иностранном стиле, хотя им так или иначе обычно не хватает специфического комфорта наших домов. Почему японец должен строить дом в иностранном стиле, было для меня в некотором роде загадкой, пока я не увидел характер их домов и манеру, с которой иностранец в некоторых случаях, вероятно, будет вести себя, входя в японский дом. Если бы он не вошел туда в ботинках, его наверняка увидели бы расхаживающим в одних носках, время от времени ударяющимся головой о *камои*, или прожигаящим дыры в циновках в своих неуклюжих попытках подобрать угли из *хибачи*, которыми можно было бы прикурить сигару. Не имея возможности как следует сесть на коврики, он раскидывается по комнате в позах, по общему признанию, столь же грубых, как если бы японец в наших квартирах закинул ноги на стол. Если он не снимает ботинки, он, возможно, находит дорогу в сад, где бродит, оставляя следы на дорожках каблуками своих ботинок или шрамы на веранде, возможно, моет руки в *чодзу-бачи*, и вообще доставляет много неудобств заключенным.

Это была счастливая идея, когда те японцы, которые из-за своего выдающегося положения в делах страны были вынуждены развлекать "иностранного варвара", задумали соорудить клетку на иностранный манер, чтобы временно содержать зверинцы, которые они часто были вынуждены принимать. Если серьезно, то неэластичный характер большинства иностранцев и их неспособность адаптироваться к окружающей среде сделали возведение зданий в иностранном стиле для их развлечения не только удобством, но и абсолютной необходимостью. Следует признать, что особенно для деловой деятельности иностранный стиль оформления офисов и магазинов не только более удобен, но и, несомненно, превосходит его.

Бывший дайме Тикудзен, я полагаю, был одним из первых, кто построил дом в иностранном стиле в Токио, и это здание является хорошим типичным примером американского двухэтажного дома. Однако к этому дому пристроено крыло, содержащее несколько комнат в местном стиле. На рис. 123 (стр. 142) показана одна из таких комнат. Бывший дайме Хидзена также живет в чужом доме, а в Токио много домов, построенных японцами по иностранным планам.

В более ранней части этой работы был сделан намек на отсутствие тех архитектурных памятников, которые так характерны для европейских стран. О замках Дайми, которые представляют собой высокие и внушительные сооружения, уже упоминалось. Есть также крепости большой протяженности и прочности, в частности, крепость в Осаке, возведенная Хидэеси на возвышенности недалеко от города; и хотя деревянные конструкции, некогда венчавшие стены, были разрушены Иеясе в 1615 году, каменные зубчатые стены в том виде, в каком они стоят сегодня, следует рассматривать как одно из чудес инженерного мастерства, а колоссальные массы скал кажутся еще более колоссальными после знакомства с крошечными и ветхими жилищами страны. В стенах этой крепости находятся отдельные каменные блоки — также на большой высоте над уровнем окружающей местности — размером в некоторых случаях от тридцати до тридцати шести футов в длину и не менее пятнадцати футов в высоту. Эти огромные блоки были перевезены на большие расстояния с гор, за много миль от города.

Обращаем внимание на существование этих замечательных памятников как на свидетельство того, что японцы вполне компетентны в возведении подобных зданий, если национальный вкус склонял их к этому. Насколько я знаю, национальный порыв никогда не побуждал японцев увековечивать великие деяния в жизни нации установлением каменных памятников. Причина может заключаться в том, что отважная маленькая нация всегда успешно отражала вторжения; и особое качество их темперамента помешало им увековечить публично, либо памятниками, либо названиями улиц и мостов, память о победах, одержанных одной частью страны над другой.

Преподобный У. Э. Гриффис в интересной статье “Улицы и названия улиц Эдо”,²⁵ отмечая почти полное отсутствие названий великих побед или исторических полей сражений в названиях улиц и мостов в Токио, говорит: “Было бы неразумной политикой великого объединителя Японии Иэясе давать улицам в столице нации, окончательно объединившейся в мирный союз, любое название, которое было бы постоянным источником унижения, которое поддерживало бы горькие воспоминания или раздражало свежее испеченных граждан”. -зажившие раны. Аномальное отсутствие таких имен сразу доказывает прозорливость Иеясе и является еще одним свидетельством часто применяемой японцами политики обращения со своими врагами, то есть покорения их добротой и примирением”.

ГЛАВА VIII. ДРЕВНИЙ ДОМ.

Было бы чрезвычайно интересным направлением исследований проследить историю развития дома в Японии. Возможно, материал для такого исследования уже существует, но, к сожалению, мало кто из ученых достаточно сведущ, чтобы прочесть ранние японские записи. Благодаря трудам мистера Чемберлена, а также мистера Сатоу, мистера Астона, мистера Макклатчи и других сотрудников английской миссии в Японии,²⁶ студентов-этнологов получили возможность получить представление о характере раннего дома в этой стране.

Из переводов “Древних японских ритуалов”,²⁷ Эрнеста Сатоу, эсквайра; из “Кодзики”, или “Записей о древних делах”,²⁸ Бэзила Холла Чемберлена, эсквайра; и древнего японского классика,²⁹ У. Г. Астона, эсквайра, — мы получаем представление о японском доме таким, каким он был тысячу или более лет назад.

Г-н Сатоу утверждает, что древние японские ритуалы являются “старейшими образцами древней туземной японской литературы, дошедшими до наших дней, за исключением, возможно, лишь поэзии, содержащейся в “Кодзики” и “Нихонги”; ” а г-н Чемберлен говорит, что “Кодзики” - “самое раннее аутентичное связное литературное произведение той большей части человеческой расы, которую по-разному называют туранской, скифской и алтайской, и оно даже по крайней мере на столетие предшествует самым древним дошедшим до нас литературным произведениям неарийской Индии”.

Упоминания о структуре дома в “Кодзики”, хотя и краткие, наводят на размышления и, несомненно, возвращают нас к состоянию японского дома в седьмом и восьмом веках.

Мистер Сатоу в своем переводе “Ритуалов” говорит, что период, когда эта служба была впервые учреждена, определенно был до десятого века, а возможно, и раньше. Из этих записей он выясняет, что “дворец японского государя представлял собой деревянную хижину с вросшими в землю колоннами, а не возведенную на широких плоских камнях, как в современных зданиях. Весь каркас, состоящий из стоек, балок, стропил, дверных косяков и оконных рам, был связан веревками, сделанными путем скручивания длинных волокнистых стеблей вьющихся растений, таких как пуэрария Тунбергская (кузу) и глициния китайская (фудзи). Пол, должно быть, был низким, так что обитатели здания, сидя на корточках или лежа на своих циновках, подвергались тайным нападениям ядовитых змей, которые, вероятно, были гораздо более многочисленны в древнейшие века, когда страна по большей части была необработанной, чем в наши дни...Кажется, есть некоторые основания полагать, что *юка*, что здесь переводится как “пол”, первоначально была ничем иным, как лежанкой, которая тянулась по бокам хижины, а остальное пространство представляло собой просто земляной пол; и что размер лежанки постепенно увеличивался, пока она не заняла весь интерьер. Стропила выступали вверх за пределы конькового столба, пересекая друг друга, как это видно на крышах современных храмов Шин-тау, независимо от того, соответствовала ли их архитектура ранним традициям (в этом случае все стропила перекрещиваются таким образом), или были изменены в соответствии с более продвинутыми принципами строительства, и перекрещенные стропила сохранились только в качестве украшений на двух концах конька. Крыша была соломенной и, возможно, имела фронтоны на каждом конце с отверстиями для выхода дыма от дровяного костра, так что птицы, залетая внутрь и садясь на балки над головой, могли осквернить пищу или огонь, на котором она готовилась”.

Из “Кодзики” мы узнаем, что даже в те ранние времена жилище было достаточно дифференцированным, чтобы представлять формы, называемые храмами или дворцами, жилищами людей, складами и грубыми хижинами. О том, что храмы или дворцы были чем-то большим, чем грубые хижины, свидетельствуют упоминания о веранде, большой крыше,

прочных колоннах и высоких поперечных балках. Они были по меньшей мере в два этажа высотой, поскольку мы читаем о людях, смотревших с верхнего этажа. Крестьянам не разрешалось строить дом с приподнятым каркасом крыши, то есть с крышей, верхняя часть или конек которой были приподняты над собственно крышей и имели иную конструкцию. Это указывает на существование в то время различных видов крыш, или гребней. Каминные располагались посередине пола, а дымоотвод находился в двускатном конце крыши, защищенном решеткой, как в современных японских загородных домах. Столбы дома были заглублены глубоко в землю, а не, как в нынешнем доме, покоились на каменном фундаменте.

Намеки в “Кодзики”, где говорится: “и если ты поплывешь в лодке по той дороге, то увидишь дворец, построенный как рыба чешуя”, и снова: “злополучная команда была разбита, как черепица”, показывают существование черепицы в то время. Любопытная ссылка также делается на использование перьев бакланов для соломенной крыши. Там были парадные и задние двери, двери, которые нужно было поднимать, а также окна и проемы.

Упоминается, что из-за неловкости плотника дальний “плавник” большой крыши загнут в углу вниз, что, вероятно, указывает на широкие нависающие карнизы, углы которых легко можно было бы назвать “ребрами”. Внутри дома лежали циновки из осоки, кожи и шелка, а декоративные ширмы защищали спящих от сквозняков.³⁰ В замках были задние ворота, боковые калитки и другие ворота. По крайней мере, у некоторых из этих ворот была конструкция, похожая на крышу, как мы читаем в “Кодзики”: “Проходите под металлическими воротами; мы будем стоять, пока не прекратится дождь”.

Также упоминаются заборы. Отхожее место упоминается несколько раз как находящееся вдали от дома и расположенное над проточной водой, “отсюда, несомненно, и название *Каха*—я; то есть дом у реки”. Эта особенность особенно характерна для отхожих мест, от Сиам до Явы. Это предположение о ранних конечностях малайского народа встречается в древнем японском классическом труде, датированном десятым веком, озаглавленном *Моногатари*, или “Сказки о Японии”, переведенном мистером Чемберленом,³¹ в котором мы читаем: “Итак, в старину люди жили в домах, возведенных на платформах, построенных на реке Икута”. В “Кодзики” мы также читаем: “Они соорудили посреди реки Хи черный плетеный мост и почтительно предложили временный дворец для проживания”. Переводчик говорит, что значение этого отрывка таково: “Они построили в качестве временного жилища для принца дом на реке Хи (находится ли его фундамент на самом деле в воде или на острове, остается неопределенным), соединив его с материком мостом, сделанным из ветвей деревьев; переплетенных вместе и с оставленной на них корой (здесь значение слова *черный*).”

В “Кодзики” упоминается двухколесная лодка: может быть, это какой-то катамаран? Упоминается также употребление в пищу блюд из листьев: это заметная малайская особенность.

Эти различные утверждения — особенно те, которые касаются уборных и строительства домов над водой — являются важными указаниями на заметное южное родство японцев. Другие черты сходства с южанами прослеживаются в общей структуре дома.

Основные ссылки, которые были сделаны на “Кодзики”, приведены здесь для удобства читателя. Что касается истории происхождения этой древней летописи, методов перевода и

т.д., читатель может ознакомиться со Вступлением мистера Чемберлена, сопровождающим перевод.

И злополучный экипаж разлетелся вдребезги, как черепица (стр. 8).

Поэтому, когда она вышла из дворца, она открыла дверь и вышла ему навстречу (стр. 34).

Веду его в дом и зову в большую комнату на расстоянии восьми футов (стр. 73).

Укрепи колонны храма у подножия горы Ука, у самого нижнего подножия скалы, и сделай высокими поперечные балки до Равнины Высокого Неба (стр. 74).

Я отодвигаю дощатую дверь, которую закрывает служанка (стр. 76).

Под трепетанием орнаментированной ограды, под мягкостью теплых покрывал, под шорохом матерчатого покрывала (стр. 81).

Переводчик говорит, что “предполагается, что ”орнаментированная ограда” означает “занавеска вокруг спального места”.

Сажа на новой небесной решетке фронтона и т.д. (стр. 105).³²

Использование перьев бакланов для соломы (стр. 126).

Способ, которым я отправлю этот меч вниз, будет заключаться в том, чтобы пробить конек [крыши] склада Такакуражи и пробить его насквозь! (стр. 135)

В сырой хижине на тростниковой пустоши, расстелив слой за слоем циновки из осоки, мы спали вдвоем! (стр. 149).

Когда она собиралась войти в море, она расстелила восемь ковриков из осоки толщиной, восемь ковриков из кожи толщиной и восемь ковриков из шелка толщиной поверх волн (стр. 212).

Итак, когда вельможа Кучико повторял эту августейшую Песню [императрице], шел сильный дождь. Затем, когда он, не спасаясь от дождя, пришел и простерся ниц у парадной двери дворца, она, напротив, вышла через заднюю дверь; и когда он пришел и простерся ниц у задней двери дворца, она, напротив, вышла через парадную дверь (стр. 278).

Затем Небесный Владыка, направившись прямо к месту, где жила королева Медори, встал на пороге дворца (стр. 281).

Если бы я знал, что мне придется спать на

Мавр из Таджики, О! Я бы привел

Моя разделительная циновка. (стр. 288)

“Затем, взобравшись на вершину горы и окинув взглядом внутреннюю часть страны, [он увидел, что] там был построен дом с приподнятым каркасом крыши. Небесный Владыка послал спросить [об] этом доме, сказав: ‘Чья это крыша с приподнятым каркасом?’ Ответ был: ‘Это дом великого Повелителя Департамента Шики’. Тогда Небесный Владыка сказал: ‘Что? раб строит свой собственный дом в подражание величественной обители Небесного Владыки!’ — и немедленно послал людей сжечь дом” (стр. 311).

Вслед за этим вельможа Шиби запел, говоря:

Дальнейшее ребро крыши большого

Дворец накренился на углу.

Когда он спел таким образом и попросил закончить Песню, Его августейшество Будил санга, говоря:

Это из-за работы великого плотника

Неловкость из-за того, что он согнут в

Угловой. (стр. 330.)

Мистер Сатоу обнаружил, что в древних японских ритуалах стропила выступали вверх за коньковый выступ крыши, пересекая друг друга, как это видно на крышах современных храмов Шин-то. Любопытную особенность часто можно увидеть на двускатных концах крыш малайских домов близ Сингапура, состоящих из выступающих частей, пересекающихся друг друга на двух концах крыши; и они украшены странными изгибами (рис. 303). Остатки этих перекрещивающихся стропил видны в современном японском жилище; то есть, если рассматривать как таковые деревянные крестики, которые через определенные промежутки пересекают крышу, как показано на фиг. 45 (стр. 62) и 85 (стр. 98). Точно такая же особенность наблюдается на крышах домов вдоль реки, приближающейся к Сайгону, и на дороге, ведущей из Сайгона в Чолон в Анаме (рис. 304).

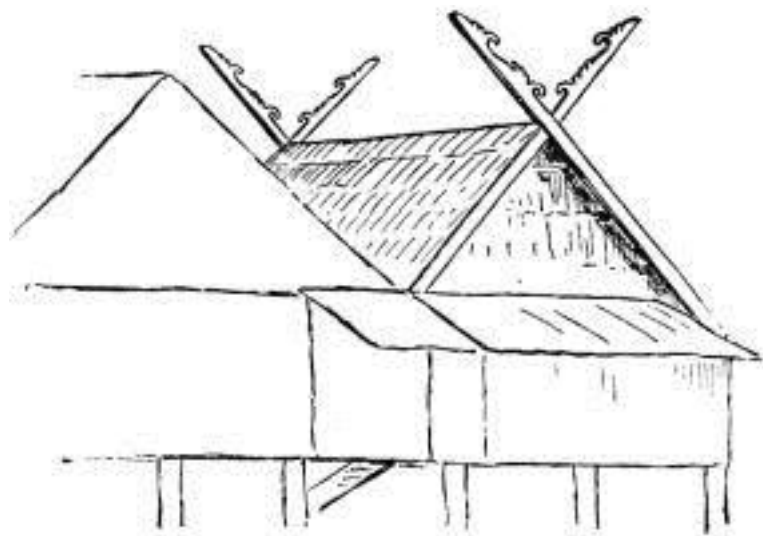

Рис. 303. Малайский дом недалеко от Сингапура.

Было принято считать, что *токонома*, или спальное место, в японском доме происходит от дома айно. Предположение о таком выводе, как мне кажется, не имеет под собой никаких оснований. В доме айно твердой основой является пол; иногда, но не всегда, вдоль камина, который находится в центре хижины, расстилают тростниковую циновку. Малейшее внимание к комфорту привело бы к тому, что айно соорудили бы платформу из досок, и такую платформу обычно можно найти рядом со стеной в хижине айно. Эта платформа служит не только спальным местом, но и для хранения коробок и предметов домашнего обихода, а также таких предметов, которые не были подвешены к стенам домов или к натянутым поперек столбам. Ни в коем случае я не видел приподнятой платформы, защищенной перегородкой, или платформы, используемой исключительно в качестве спального места.

Если бы можно было с уверенностью выдвинуть какую-либо гипотезу относительно происхождения *токонома*, или если бы внешнее сходство имело какой-либо вес в сходстве строения, можно было бы увидеть прототип этой черты в малайском доме. В малайских деревнях близ Сингапура можно увидеть не только слегка приподнятое место исключительно для кровати, но и выступающую сбоку от стены узкую перегородку, мало чем отличающуюся от той, которая отделяет *токоному* от соседнего углубления (рис. 305).

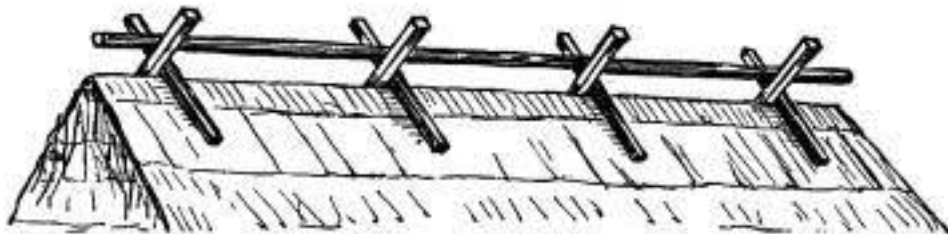

Рис. 304.—Гребень крыши в Чолоне, Аннам.

Независимо от того, имеют ли значение эти различные связи, отмеченные между японским домом и аналогичными элементами в малайском доме, они должны быть признаны при любой попытке проследить происхождение тех элементов в структуре дома, которые возникли за пределами Японии. Из всего, что мы можем собрать, относящегося к древнему дому японцев, кажется, что следует искать определенные важные сходства между южными народами Аннама, китайской провинции Кочинхина и особенно народами Малайского полуострова.

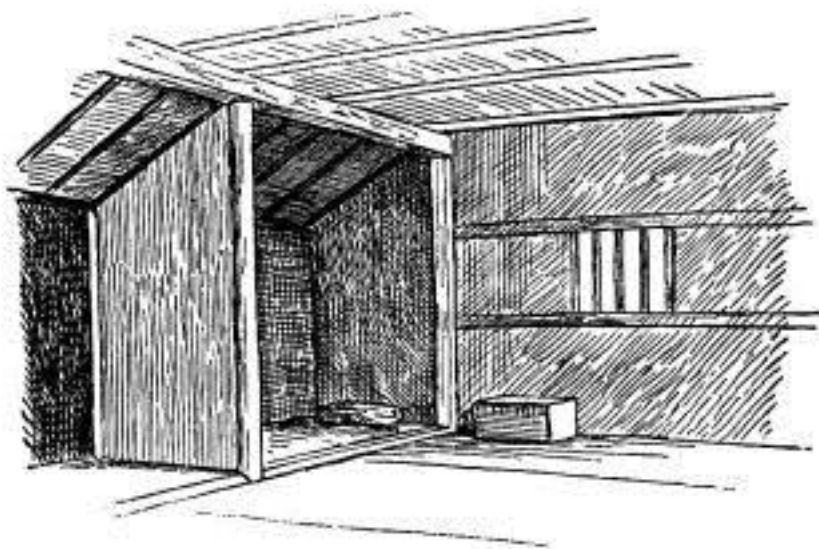

Рис. 305. Интерьер малайского дома, показывающий спальное место. Сингапур.

Эрнест Сатоу, эсквайр, в статье о храмах Син-то в Исэ,³³ которые, как говорит автор, “занимают первое место среди всех храмов Син-то в Японии по святости, хотя и не самые древние”, рассказывает о характере древнего дома. Он говорит:—

Японские антиквары рассказывают нам, что в давние времена, до изобретения плотничьих инструментов, жилища людей, населявших эти острова, были построены из молодых деревьев, покрытых корой, скрепленных веревками из тростника (*сугэ*,—Морской скирпус) или, возможно, из жестких побегов глицинии (*фудзу*), и покрытых травой, называемой *кая*. В современных зданиях стойки домов стоят на больших камнях, уложенных на поверхности

земли; но древним такая предосторожность против разрушения не приходила в голову, и они устанавливали стойки в ямах, вырытых в земле”.

План хижины был продолговатым, с четырьмя угловыми стойками и по одной в середине каждой из четырех сторон, причем те стороны, которые образовывали концы, были достаточно длинными, чтобы поддерживать коньковый столб. Другие деревья были прикреплены горизонтально от угла к углу - одно у земли, другое у вершины и одно на вершине, последние из которых образовывали то, что мы называем настенными плитами. Две большие стропила, верхние концы которых пересекали друг друга, были проложены от стеновых плит к верхушкам более высоких стоек. Коньковый столб упирался в развилку, образованную перекрещивающимися друг с другом верхними концами стропил. Затем вдоль каждого ската крыши были уложены горизонтальные столбы, одна пара которых была закреплена вплотную к внешнему углу развилки. Стропила представляли собой тонкие жерди или бамбук, перекинутые через коньковый шест и прикрепленные каждым концом к настенным плитам. Затем последовал процесс укладки соломенной крыши. Чтобы удержать это на своем месте, вдоль вершины, опирающейся на развилки, были уложены два дерева; и поперек этих двух деревьев на равных расстояниях были уложены короткие бревна, которые, будучи прикреплены к столбам во внешнем углу развилки веревками, пропущенными через соломенную крышу, прочно связали конек крыши.

“Стены и двери были сделаны из грубой циновки. Очевидно, что для обрезки деревьев до необходимой длины использовался какой-то инструмент; и для этой цели, вероятно, использовался заостренный камень. Такие каменные орудия были найдены врытыми в землю в различных частях Японии вместе с каменными наконечниками для стрел и дубинками. Образцы древнего стиля застройки еще можно увидеть в отдаленных частях страны — возможно, не столько в жилищах крестьян, сколько в сараях, возведенных для временного использования”.

“Архитектура храмов Шин-то происходит от первобытной хижины с большими или меньшими изменениями пропорционально влиянию буддизма в каждом конкретном случае. В домах самого чистого стиля сохранилась соломенная крыша; другие покрыты толстой черепицей, называемой *хивада-буки*, в то время как у других крыши покрыты черепицей и даже медью. Выступающие концы стропил, называемых *киджи*, были несколько удлинены и более или менее искусно вырезаны. В новом храме в Кудандзаке в Эдо они показаны в надлежащем положении, выступающими изнутри черепицы; но в большинстве случаев они просто состоят из двух кусков дерева в форме буквы X, которые опираются на конек крыши, как вьючное седло на спине лошади, если воспользоваться сравнением японского писателя. Бревна, которые удерживали два дерева, уложенных на гребне холма, на своем месте, приняли форму коротких цилиндрических бревен, сужающихся к каждому концу, которые иностранцы сравнивали с сигарами. На японском они называются *кацуо-ги*, из-за их сходства с кусочками сушеного бонито, продаваемого под названием *кацуо-буси*. Два дерева, уложенные вдоль крыши поверх соломенной крыши, представлены одной балкой, называемой *Мунаосае*, или ‘прижимающая кровля’. Настил заменил циновки, которыми изначально были закрыты стены здания, а вход закрыт парой складных дверей, поворачивающихся не на петлях, а на том, что, по-моему, технически называется ‘цоколями’. В первобытной хижине не было пола; но мы обнаруживаем, что в святилище есть деревянный пол, приподнятый на несколько футов над землей, что требует устройства своего рода балкона по всей окружности и лестничного пролета ко входу. В некоторых случаях трансформация завершается добавлением некоторого количества декоративных металлических изделий из латуни”.

Возвращаясь к несколько более поздним временам, мы находим очаровательное описание этого дома в старинном японском классическом труде³⁴ entitled *Tosa Nikki*, или "Дневник Тоса", переведенном У. Г. Астоном. Этот дневник был написан в середине десятого века и представляет собой запись придворного дворянина, жившего в Киото, но отсутствовавшего в своем доме пять или шесть лет в качестве префекта Тоса. Дневник представлял собой отчет о его путешествии домой, и первая запись в нем была сделана в четвертый год правления Шохэя, который, по нашим подсчетам, должен был быть в начале 935 года нашей эры, или почти тысячу лет назад. Во время его отсутствия дома до него дошла весть о смерти его маленькой девятилетней дочери; и он говорит: "К радостной мысли "Домой, в Киото!" примешивается горькое размышление о том, что есть тот, кто никогда не вернется".

Путешествие домой было в основном морским; и, наконец, войдя в реку Осака и потратив несколько дней на борьбу с сильным течением, он достигает Ямадзаки, откуда отправляется в Киото. Проезжая мимо, он выражает огромную радость, узнавая старые знакомые ориентиры. "Он упоминает, что детские игрушки и сладости в магазинах выглядят точно так же, как и тогда, когда он уезжал, и задается вопросом, найдет ли он такие же незначительные изменения в сердцах своих друзей. Он намеренно покинул Ямадзаки вечером, чтобы добраться до своего дома уже ночью ". Мистер Астон переводит свой рассказ о том, в каком состоянии он его нашел:

"Луна ярко светила, когда я добрался до своего дома и вошел в ворота, так что было хорошо видно, в каком он состоянии. Он был неопишимо обветшалым и разрушенным — даже хуже, чем мне рассказывали. Дом³⁵ человека, на попечение которого я его оставил, был в таком же полуразрушенном состоянии. Забор между двумя домами был сломан, так что оба казались одним целым, и он, по-видимому, выполнил свое поручение, заглянув внутрь через щели. И все же я при любой возможности снабжал его средствами для поддержания его в исправном состоянии. Однако сегодня вечером я не позволил сказать ему это сердитым тоном, но, несмотря на мою досаду, выразил ему признательность за доставленные хлопоты. В одном месте было что-то вроде пруда, где вода собиралась в ложбинке, рядом с которой росла ель. Он лишился половины своих ветвей и выглядел так, словно за пять или шесть лет моего отсутствия прошла тысяча лет. Вокруг него выросли молодые деревья, и все это место находилось в самом запущенном состоянии, так что все говорили, что на это жалко смотреть. Среди других печальных мыслей, спонтанно возникших в моей голове, было воспоминание — ах! как печально! — о той, кто родилась в этом доме, но не вернулась сюда вместе со мной. Мои попутчики весело болтали со своими детьми на руках, а я тем временем, все еще не в силах сдержать свое горе, про себя повторил эти строки тому, кто знал мое сердце".

В этом трогательном рассказе мы получаем представление о доме таким, каким он выглядел почти тысячу лет назад. Сломанный забор между домами; ворота, которые, вероятно, были заметным сооружением в то время, как и сегодня, в полуразрушенном состоянии; и запущенный сад с растущими молодыми деревьями, — все указывает на существование в те далекие времена черт, сходных с теми, что существуют сегодня.

История строительства домов в Японии, если она когда-нибудь будет раскрыта, вероятно, покажет медленный, но неуклонный прогресс от грубой хижины прошлого к любопытному и художественному дому наших дней — дому, столь же основательно являющемуся продуктом Японии, как китайский, корейский или малайский продукт этих соответствующих народов, и отличающемуся от всех ровно настолько, насколько они отличаются друг от друга. Некоторые особенности были привнесены из-за границы, но они были незначительными по сравнению с массовым подражанием иностранным стилям архитектуры нашими предками,

англичанами; и до тех пор, пока в течение нескольких лет мы не последовали примеру Англии в увековечении наследия, которое она нам оставила, в виде плохо имитируемой иностранной архитектуры, классической и иной. В результате мы разбросали по земле, среди нескольких общественных зданий хорошего вкуса, бесчисленное количество непропорциональных, уродливых и совершенно неподходящих зданий для общественного пользования. Если бы буйная фантазия деревенского архитектора воплотилась в дровяных сараях или одноэтажных зданиях, вред был бы незначительным; но стремление к претенциозной показухе, которая, по-видимому, характерна для среднего американца, привело к возведению этих архитектурных ужасов на самых видных местах, — и таким образом вкус публики испорчен.

Японцы, разрабатывая оригинальный тип дома, переняли удобную черепицу из Кореи и, вероятно, также экономичные поперечные каркасы и вертикальные стойки из Китая, а также элементы храмовой архитектуры для внешних украшений. Что касается их храмовой архитектуры, пришедшей с одной из их религий, у них хватило здравого смысла оставить ее сравнительно такой, какой она была им принесена. Действительно, храмы кажутся в совершенной гармонии со страной и ее народом. Что мы, однако, скажем о вкусе, проявленном англичанами, которые самым раболепным образом копировали иностранные архитектурные стили, совершенно не соответствующие их климату и народу! На пространстве английского квартала можно увидеть не только греческий, римский, итальянский и египетский, а также другие стили архитектуры, но и смелые попытки скрещивания некоторых из них; и в результате гибриды превратили современный английский город в самую неказистую мешанину зданий в христианском мире за пределами нашей страны.³⁶

ГЛАВА IX. СОСЕДНИЙ ДОМ.

Получив представление, и только небольшое, о древнем доме в Японии, может быть интересно кратко рассмотреть характер дома на соседних островах, входящих в состав Японской империи, а также дома в той стране, которая ближе всего к Японии (Корее), и из этой страны в прошлом было много как мирных, так и принудительных вторжений, — принудительных в том факте, что, когда Хидэеси вернулся из Кореи, почти триста лет назад, после своего великого вторжения в эту страну, он привез с собой в Японию колонии гончаров и других ремесленников. ремесленники.

Айно из Езо, естественно, требуют нашего внимания в первую очередь, потому что считается, что они были аборигенами собственно Японии и впоследствии были вытеснены японцами - вытеснение, аналогичное вытеснению наших североамериканских дикарей английскими колонистами. Являются ли айно автохтонными или нет, здесь обсуждаться не будет. То, что они являются дикой расой, не имеющей письменности, — расой, которая ранее населяла северную часть главного острова Японии и была постепенно вытеснена обратно в Езо, где они до сих пор живут разрозненными общинами, — это факты, которые не вызывают сомнений. Трудно определить, насколько дом айно сегодня соответствует древнему дому айно и сколько черт японского дома привито к нему.

Айно, которых я видел в долине Исикари, на западном побережье Едзо, и с юга Сираои на восточном побережье, все говорили по-японски, ели из лакированных мисок, пользовались палочками для еды, курили маленькие трубки, пили саке, и в их хижинах были лакированные шкатулки и другие удобства, в которые они могли складывать свою одежду, которая, вероятно, была подарена им в прошлые времена японцами и которые были семейными реликвиями. С другой стороны, они сохранили свой собственный язык, свои длинные, узкие землянки; пользовались маленьким луком, отравленными стрелами и имели собственный механизм спуска стрел; придерживались исконных форм культа и своих особых методов конструирования и были столь же упорны в соблюдении многих своих обычаев, как и наши западные племена индейцев. То, что они восприимчивы к изменениям, видно по присутствию юной айно в обычной школе в Токио, от которой я узнал несколько интересных фактов о стрельбе из лука.

Рис. 306.—Дом Айно, Езо.

Вкратце, дом айно, каким я его видел, состоит из грубого деревянного каркаса, поддерживающего соломенную крышу; стены сделаны из тростника и камыша, переплетенных более жесткими поперечинами. Внутри находится единственная комната размером с дом. В большинстве домов есть буква L, в которой находится дверной проем, который в некоторых случаях может быть перекрыт грубым крыльцом. Соломенная крыша сделана хорошо и довольно живописна, несколько отличаясь по форме от любой соломенной крыши у японцев, хотя в Ямато, как уже упоминалось, я видел особенности наклона крыши, очень похожие на те, что показаны на некоторых крышах айно.

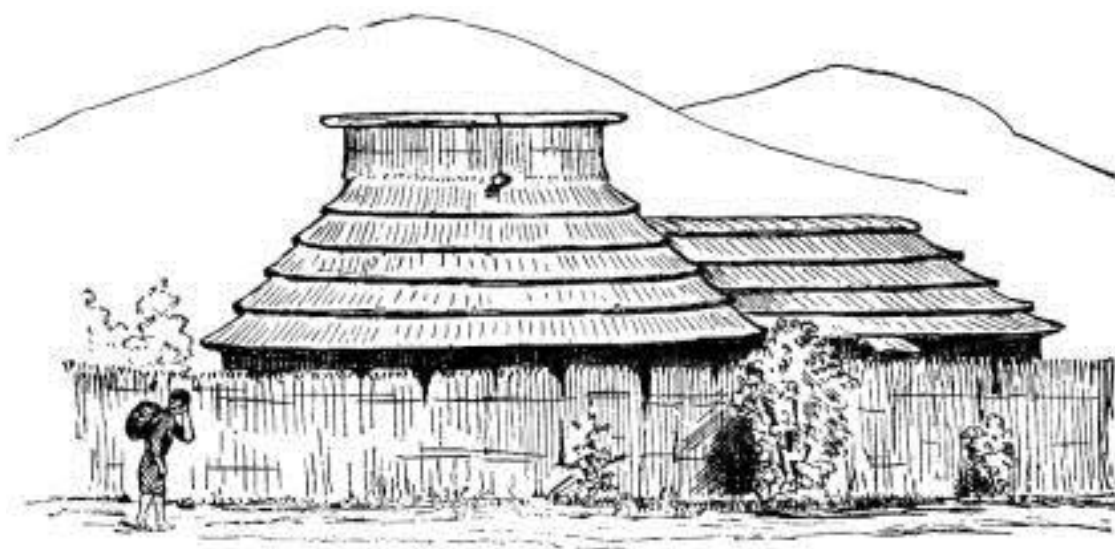

Рис. 307.—Дом Айно, Езо.

Входя в дом через низкую дверь, попадаешь в комнату, настолько темную, что в ней с трудом можно что-либо разглядеть. Обитатели зажигают рулоны бересты, чтобы можно было разглядеть интерьер; но всякая видимость опрятности и живописности, которую хижина представляла снаружи, исчезает, когда попадаешь внутрь. Под ногами твердый, влажный земляной пол; прямо над ними - почерневшие и покрытые сажей стропила. Шесты, горизонтально опирающиеся на эти стропила, одинаково жирные и почерневшие, а темноту наполняет грязный и сильный рыбный запах. Посреди пола, занимая значительное пространство, находится квадратная площадка — камин. По обеим ее сторонам расстелены циновки. Котелок висит над дымом, потому что, кажется, в нем почти нет огня; а сбоку стоит большая миска с остатками последнего ужина, состоящего, по-видимому, из рыбных костей - больших, болезненного вида костей, вид которых мгновенно портит аппетит. Дым, попадающий в единственное отверстие, кроме двери, — небольшое квадратное отверстие под низким карнизом, — пытается вырваться наружу через небольшое отверстие в углу крыши. С одной стороны комнаты слегка приподнятый дощатый пол, на котором разложены циновки, шкатулки с лаком, связки сеток и еще множество разных предметов. Со стропил и жердей свисают луки, колчаны со стрелами, японские кинжалы, прикрепленные к необычным деревянным табличкам, инкрустированным свинцом, ломтики рыбы и головы коньков на различных стадиях, но не разложения, как, казалось бы, следует из запахов, а сохранения от копчения. Повсюду грязь и блохи. И посреди темноты, дыма и убожества находятся заключенные — тихие, скромные и кроткие до последней степени. Рис. 306 и 307 дают представление о внешнем виде двух домов айно лучшего типа, но, возможно, не могут быть приняты за тип дома айно дальше к северу на острове.

Давайте теперь взглянем на дом коренных жителей островов Хатидзе, описанный мистером Дикинсом и мистером Сатоу.³⁷ Из их сообщения взят следующий отчет:—

“Как легко можно предположить, на острове нет ни магазинов, ни гостиниц, но хорошее жилье для путешественников можно найти в домах фермеров. По большей части это добротно построенные коттеджи из двух или трех комнат, с просторной кухней, построенные из древесины *Quercus cuspidata*, и с дощатыми стенами, тогда как на материке обычно оштукатуривают плетни. Крыша всегда соломенная, с очень высоким уклоном, что, как нам сказали, обусловлено чрезвычайной сыростью климата, из-за которой желательно, чтобы солома впитывалась в нее как можно меньшим количеством дождя. У многих более зажиточных фермеров есть второе здание, предназначенное для разведения шелкопрядов,

которое получило свое название (*кайко-я*) от цели, для которой оно предназначено. Есть также сараи для крупного рогатого скота, обычно состоящие из соломенной крыши, опирающейся на стены, сложенные из грубого камня. Наконец, в каждом вольере есть деревянный навес, приподнятый примерно на четыре фута от земли на прочных деревянных столбах, увенчанных широкими колпаками, чтобы мыши не могли проникнуть внутрь. Стиль напоминает склады, построенные айносцами и лошуанами”.

“Дом и принадлежащий ему огород обычно окружены каменной стеной или, скорее, насыпью из камней и земли, часто высотой в шесть футов, предназначенной для защиты зданий от сильных штормов, которые в определенное время года проносятся над островом и которые, как мы узнали, часто наносят серьезный ущерб рисовым полям из-за количества соленых брызг, которые они разносят на большое расстояние вглубь от берега”.

Из этого общего описания дома, которое, кстати, сопровождается очень интересным описанием физических особенностей острова, его геологии, ботаники, обычаев и диалекта людей, мы не получаем представления об особых особенностях дома, таких как камин или спальное место; есть ли в нем *седзи* или обычные окна, циновочный пол или какие—либо другие детали, которые сделали бы сравнение с японским домом ценным.

Поскольку м—р Сатоу обнаружил в языке жителей острова Хатидзе ряд слов, которые, по—видимому, являются пережитками архаичного японского языка, а также среди их обычаев любопытный, существовавший до самого недавнего времени обычай возводить дома для родов, - особенность, на которую ссылаются самые ранние записи о Японии, - подробное описание дома Хатидзе с зарисовками, возможно, приведет к некоторым интересным фактам.

Острова Лочу, или Риукиу, ныне известные как Окинава Сима, лежат почти на полпути между южной частью Японии и островом Формоза. Люди этой группы мало чем отличаются от японцев — в их языке, по словам г-на Сатоу и г-на Брантона, есть слова, которые кажутся устаревшими в Японии. Во многих обычаях присутствует любопытная примесь китайских и японских обычаев; и мистер Брантон видит в мосте Лучуан и других сооружениях определенное сходство с китайскими методами.

Следующий отрывок о доме Лучуанов взят из отчета о посещении этих островов Эрнестом Сатоу, эсквайром, опубликованного в первом томе “Трудов Азиатского общества Японии”:

“Дома лучуанов построены на японский манер, с полом, приподнятым на три-четыре фута от земли, и в основном только одноэтажные из-за преобладающих сильных ветров. Они покрыты черепицей китайского образца, очень прочной и толстой. Здания, в которых они хранят рис, построены из дерева и покрыты соломой. Они опираются на деревянные столбы высотой около пяти футов и напоминают зернохранилища айнос, хотя построены с гораздо большей тщательностью”.

Здесь приводится еще один отрывок, касающийся дома Лучуанов, Р. Х. Брантона, эсквайра, опубликованный в “Трудах Азиатского общества Японии”³⁸:

Улицы в городах имеют самый унылый вид. С каждой стороны от них идет глухая каменная стена высотой около десяти или двенадцати футов, с проемами в них тут и там, достаточно широкими, чтобы обеспечить доступ к домам, которые находятся позади. Каждый дом окружен стеной, и с улицы они производят впечатление скорее тюрем, чем обычных жилищ...

“Дома зажиточных классов расположены во дворе, который, как уже упоминалось, окружен стеной высотой в десять-двенадцать футов. Они похожи на обычные японские дома, с фальшполами, застеленными циновками, и раздвижными ширмами из бумаги. Они построены из дерева и не представляют особых отличий от японского стиля строительства. Крыши выложены черепицей, которая, однако, сильно отличается по форме от японской черепицы. Поверх стыка между двумя вогнутыми плитками укладывается выпуклая, и все они имеют полукруглое сечение. Черепица изготовлена в Nafa красного цвета; на вид она была хорошего качества. Дома беднейших слоев населения имеют очень примитивный характер. Крыша покрыта толстой соломой и поддерживается четырьмя угловыми стойками высотой около пяти футов. Стены состоят из листов своеобразной сетки из мелкого бамбука, между которыми проложена солома толщиной около шести дюймов. Это ограждает все стороны дома — с одной стороны оставлено пространство шириной около двух футов в качестве входа. В домах, которые можно было бы описать, нет полов, и там обычно поверх грязи постилают циновку, на которой лежат или сидят заключенные”.

Учитывая присутствие на протяжении стольких веков сильного китайского влияния, которое м-р Брантон видит в лучуанцах, довольно удивительно обнаружить в их жилищах так много черт японского дома. Действительно, мистер Брантон заходит так далеко, что утверждает, что дом в Лочуане не представляет особых отличий от японского стиля постройки; и поскольку он уделял особое внимание конструктивным особенностям японских зданий, мы должны полагать, что если бы различия существовали, они были бы им отмечены.

Мне кажется, что широкое распространение определенных идентичных черт в японском домостроении, от крайнего севера Японии до островов Лочоо, является чем-то примечательным. Вот народ, который веками жил почти независимой провинциальной жизнью, северные и южные провинции говорили на разных диалектах, даже характер людей различался, и все же от авомори на севере до самых южных районов Сацумы и даже дальше на юг, до Лоочу, использование *фусума*, *седзи*, циновок и тонких деревянных потолков кажется почти универсальным. Складские помещения, стоящие на четырех столбах, упоминаются в описании жителей островов Хатидзе, а также в описании жителей лошуан, как похожие на те, что были построены айнос; однако это сходство следует воспринимать не как указание на общность происхождения, а просто как результат необходимости. Ибо путешественники по Камчатке и дальше на запад говорят о складах того же типа; а дальше на юг их можно увидеть в Сингапуре и на Яве - фактически, в каждом провинциальном городке Новой Англии; и действительно, по всем Соединенным Штатам можно увидеть склады того же типа. Вероятно, по всему миру можно найти склады на четырех ножках, вплоть до перевернутого ящика или кастрюли на каждой ножке.

Благодаря любезности Персиваля Лоуэлла, эсквайра, я получил возможность ознакомиться с расширенными страницами его работы о Корее, озаглавленной “Страна утреннего спокойствия”; и из этого ценного труда автор позволил мне почерпнуть много интересных фактов, касающихся корейских жилищ. Дома одноэтажные; пролет из двух или трех ступенек ведет на узкую площадь или очень широкий подоконник, который опоясывает все здание. Количество квартир внутри ограничено только размерами здания; другими словами, под крышей есть только одна комната. Однако жилища более высокого класса состоят из групп таких зданий. Дом построен из дерева и опирается на каменный фундамент. Этот фундамент состоит из ряда соединительных камер, или дымоходов; а с одной стороны находится большой камин, или печь, в которой разводится огонь. Продукты сгорания циркулируют по этому лабиринту камер и выходят наружу не через дымоход, а через выпускное отверстие на противоположной стороне. Таким образом, обогревается помещение наверху. Существует

три различных типа этой основы, похожей на духовку. В лучшем варианте цельная каменная плита поддерживается рядом прочных каменных столбов; на этот каменный пол насыпан слой земли, а на этой земле расстелена промасленная бумага наподобие ковра. В другом варианте гряды из земли и мелких камней проходят по длине спереди назад; сверху такая же композиция сделана из камня, земли и промасленной бумаги. В третьем типе, представляющем еще более бедный класс, печь и дымоходы выдалбливаются только в земле. мистер Лоуэлл отмечает, что идея хороша, если бы только она сопровождалась надлежащей вентиляцией. К сожалению, говорит он, комната наверху ничем не лучше ящика, в котором обитатель медленно поджаривается. Другой недостаток заключается в невозможности согреть комнату сразу. Он говорит: “Комната даже не начинает нагреваться до тех пор, пока вы не пройдете через мучительный период ожидания. Затем требуется, кажется, целая вечность, чтобы достичь комфортной температуры, проходит эта короткая секунда счастья, прежде чем вы успеваете осознать, что она достигнута, и продолжает подниматься до неизвестных уровней поистине тревожным образом, неподвластным контролю”. Говорят, что этот любопытный и остроумный метод утепления домов был завезен из Китая около ста пятидесяти лет назад.

Дом высшего порядка - это просто каркас, крыша, поддерживаемая восемью или более столбами в зависимости от размера здания; и это вместе с фундаментом представляет собой единственную неподвижную конструкцию. Летом он имеет вид каркаса; однако зимой он кажется прочным и компактным, поскольку серия складных дверей - по паре между каждыми двумя стойками — полностью закрывает его. Они имеют красивую решетку, открываются наружу и крепятся изнутри с помощью крючка и ручки. Благодаря любопытному устройству эти двери можно снять с петель, оставив прикрепленными только верхние части, и прикрепить крючками к потолку. Такой дом и комната используются как банкетный зал и комната для общих развлечений. Его можно сравнить с нашей гостиной.

Жилые комнаты построены по совершенно иному плану. Вместо сплошных дверей боковые стороны состоят из постоянных стен и дверей. Стена деревянная, за исключением того, что в более бедном доме она сделана из глины. Говорит мистер Лоуэлл: “В этих зданиях у нас есть сложная система тройных доводчиков отверстий — разновидность трехслойных, только они предназначены для последовательного, а не одновременного использования. Внешняя - это вышеупомянутая складная дверь; две другие представляют собой пару пар раздвижных панелей, уцелевших в Корее от некогда распространенных раздвижных экранов, которые сегодня используются в Японии. Одна из пар обернута темно-зеленой бумагой и предназначена для ночного использования; другая имеет естественный желтоватый цвет промасленной бумаги и используется днем. Когда они не нужны, они скользят обратно в пазы внутри стены, откуда их снова вытаскивают с помощью лент, закрепленных примерно посередине внешнего края. Все ширмы такого рода, будь то в домах или паланкинах, в отличие от японских, снабжены этими приспособлениями для связывания двух половинок каждой пары вместе и, таким образом, облегчают регулировку”. Внутренняя отделка дома - промасленная бумага. “Бумага покрывает потолок, выравнивает стены, устилает пол. Когда вы сидите в своей комнате, ваш взгляд не падает ни на что, кроме бумаги; и тот самый свет, который позволяет вам вообще что-либо видеть, проникает сквозь тот же материал”.

Из этих кратких выдержек будет видно, насколько корейский дом отличается от японского. И это различие полностью подтверждается изучением фотографий, которые мистер Лоуэлл сделал в Корее и на которых, среди прочего, изображены низкие дома с каменными стенами, с квадратными проемами вместо окон, закрытыми рамами, обтянутыми бумагой, рамы подвешены сверху и открываются наружу, а крыши покрыты черепицей; также

любопытные соломенные крыши, склоны которых неровные и округлые, а их гребни причудливо завязаны узлами или плетенкой, отличающиеся во всех отношениях от многих форм соломенных крыш в Японии.

Китайский дом, каким я видел его в Шанхае и его пригородах, а также в Кантоне, а также выше по реке, отличается от японского дома не менее разительно, чем корейский. Здесь, по крайней мере в городах, можно увидеть добротные дома с кирпичными стенами, с кухонной плитой, встроенной в стену, и таким же постоянным дымоходом; черепичную крышу с черепичными выступами; огороженный внутренний дворик; каменные полы, по которым носится уличная обувь; дверные проемы с дверцами на петлях; оконные проемы, закрытые качающимися рамами, обтянутыми полупрозрачной оболочкой из плакуны или белой бумаги, последняя обычно в ветхом состоянии; а из мебели здесь есть столы, стулья, кровати, выдвижные ящики, детские стульчики, колыбели, табуретки для ног и тому подобное. Фермерские дома Китая в тех регионах, которые я посетил, были в равной степени непохожи на аналогичные дома в Японии.

Из этого поверхностного взгляда на характер дома на отдаленных островах Японской империи, а также на дома соседних стран, Кореи и Китая, я думаю, следует признать, что японский дом, как правило, является продуктом людей, в нем присутствуют только те черты, привнесенные из-за рубежа, на которые можно было бы обратить внимание, учитывая близость Китая и Кореи к Японии. Когда мы вспоминаем, что эти три великие цивилизации монголоидной расы расположены примерно в радиусе нескольких сотен миль и что они находились в более или менее тесном контакте с ранних исторических времен, мы не можем удивляться тому, что зачатки японского искусства и письменности были заимствованы с континента. Точно таким же образом наши предки, англичане, черпали со своего континента материал для своего языка, искусства, музыки, архитектуры и многих других важных факторов своей цивилизации; и если история говорит правду, их утонченность даже в языке и этикете была импортирована. Но хотя Япония, как и Англия, модифицировала и развила зародыши, привитые более великой и древней цивилизацией, она всегда сохраняла эластичность молодости и ухватила за блага нашей цивилизации, такие как пар, электричество и современные методы обучения и исследовательской работы, — и быстро использовала их. Это сильно отличается от метрополии, где усовершенствования и методы других наций получают лишь запоздалое признание.

Кажется, некоторым английским писателям доставляет особое удовольствие клеймить японцев как нацию подражателей и переписчиков. Судя по презрительной манере, с которой пренебрежительные высказывания подобного рода бросаются в лицо японцам, занятым своей героической работой по установлению надежных методов управления и образования, можно подумать, что в Англии возникли иероглифы, с помощью которых английский народ пишет, бумага, на которой он печатает, цифры, с помощью которых он ведет счет, компас, с помощью которого они ориентируются, порох, с помощью которого они поработают, религия, которой они поклоняются. Действительно, когда смотришь на длинный список стран, из которых Англия черпала вдохновение в таких искусствах, как музыка, живопись, скульптура, архитектура, книгопечатание, гравировка и множество других, со стороны уроженцев этой страны, безусловно, нехорошо насмехаться над японцами, называя их подражателями.

Было бы очевидным абсурдом предлагать в качестве модели для наших собственных домов такое сооружение, как японский дом. Не принимая во внимание тот факт, что он не приспособлен к суровости нашего климата или к привычкам нашего народа, его хрупкое и деликатное оснащение, если бы оно было принято нами, превратилось бы в кучу щепок за

неделю из-за грубых ударов, которые в него попали бы; а что касается демонстрации на наших общественных улицах изящного лабиринта резьбы, который часто можно увидеть на панелях и столбах в Японии, широко распространенный вандализм в нашей стране сделал бы тщетными все подобные попытки цивилизовать и усовершенствовать. К счастью, на этой земле, которую мы в нашем прежнем невежестве и предрассудках считали нецивилизованной, злобная форма *рода хото*, называемая “вандал”, неизвестна.

Полагая, что японцы проявляют бесконечно большую утонченность в своих методах украшения дома, чем мы, и убежденный, что их вкусы, как правило, художественные, я попытался подчеркнуть свои убеждения, противопоставив им наши обычные методы обустройства дома и внешних украшений. Поступая таким образом, я не имею в виду, что у нас в Америке нет интерьеров, демонстрирующих самую совершенную утонченность и вкус; или что в Японии, с другой стороны, можно не найти интерьеров, в которых отсутствует хороший вкус.

Я не ожидаю, что принесу много пользы, указывая таким образом на то, что я считаю лучшими методами, основанными на более утонченных стандартах. Я уверен, найдутся такие, кто одобрит; но толпа, которую привлекает безвкусный блеск и мишура, которая восхищением и покупкой делает возможными ужасы многого, что делается для обустройства дома и украшения, с характерной тупостью назовет язычеством и варварством все остальное, кроме них самих и их собственных обычаев.

Глоссарий.

В следующем списке японских слов, использованных в этой работе, дается возможность исправить ряд ошибок, которые вкрались в текст или, скорее, смело вошли в него. Автор не претендует на знание японского языка сверх того, что любой иностранец мог бы естественным образом приобрести, пробыв некоторое время среди людей. Насколько это было возможно, он следовал Японскому словарю Хепберн в отношении орфографии и определений, а также Карте Японии Брантона в отношении географических названий. На карте Брантона, как и на опубликованной Рейном, Сэтцу пишется с одной буквой “*т*”. Ради единообразия я придерживался этого написания в тексте, хотя оно противоречит лучшим авторитетным источникам. Можно добавить, что Ошиу и Тотоми следует печатать с длинным ударением над каждой буквой “*о*”.

Слова Самурай, Даймио, Киото, Токио и некоторые другие в настоящее время настолько часто встречаются в периодической литературе нашей страны, что эта форма написания этих слов была сохранена. С правилами произношения японских слов читатель может ознакомиться во Введении к Словарю Хепберна.

Агари-ба	Пол, на который нужно встать, выходя из ванны.
Аге-уен	Платформа, которую можно поднимать или опускать.

Дождевик Amado	. Наружные раздвижные двери, которыми дом закрывается на ночь.
И на	лампе.
Асагао	Разговорное название фарфорового писсуара из-за его сходства с цветком ипомеи.

Уборная Бенджо	. Место для бизнеса.
Бива	Лютня с четырьмя струнами.
Бийо-бу	Складная ширма.

Чайное заведение "Ча-докоро"	.
Ча-ирэ	Чайный кувшин; буквально "наливаемый чай".
Ча-но-ю	Чаепитие.
Чигай-дана	Полка, одна половина которой находится в плоскости, отличной от другой.
Чодзу-ба	Уборная; буквально "место для ручной воды".
Чодзу-бачи	Удобное место рядом с уборной для мытья рук.
Чу-нури	Средний слой штукатурки.

Дай-дзю-но	Поддон для хранения горящих древесных углей, используемый для приготовления хибачи.
Дайку	Плотник.
Даймио	феодал.
Додай	Фундамент-подоконник дома.
Додай-иши	Краеугольный камень.
До-ма	Земля-космос. Небольшой дворик без пола у входа в дом.

Фукуро-дана.	Шкаф; буквально "полка для сумок".
Ступенька для Фуми-иши	.
Фуру	Небольшая кулинарная печь, а также ванна.
Фуросаки бие-бу.	Двойная ширма, установленная перед фуру.
Фусума	Раздвижная ширма между комнатами.
Фу-тай	Ленты, которые свисают перед каке-моно; буквально "духовой оркестр".
Футон	Стеганое покрывало для кровати.

Гэ-дан	Нижняя ступенька.
Генка	На крыльце у подъезда какого-то дома.
Гэта	Деревянные сабо.
Гоэмон буро	Форма ванны.

Хабакари	Тайная.
Хаги	Своего рода пик.
Хашира	пост.
Хашира какуши	Длинная узкая картина, которую вешают на столб в комнате; буквально “пост-спрячь”.
Хибачи	Жаровня для хранения горячих углей для обогрева квартир.
Хибаси	Металлические щипцы.
Хикитэ	Утопленная защелка в сетке для перемещения ее вперед-назад.
Хи-но-ки	Порода сосны.
Хисаси	Небольшая крыша, выступающая над дверью или окном.
Хон-гавара	Настоящая черепица.

Ичи-йо-дана	Что-то вроде полки.
Igi-kawa.	Пространство между верандой и комнатой.
Иши-доро.	Каменный фонарь.

Дзи-букуро.	Шкаф.
Дзин-дай-суги	“Кедр эпохи Бога”.
Дзинрикиша	Двухколесное транспортное средство, запряженное мужчиной.
Джи-зай	Крюк, используемый для подвешивания горшков над огнем.
Дзедан	Верхняя ступенька. Фальшпол в доме.

Каго	паланкин.
Кайкуша	Название частной архитектурной школы.
Какэ-моно	Подвесная картина.
Каки	Забор.
Кухонная плита Kamado	.
Ками-дана	Полка в доме для святилища Шин-то.
Ками-но-ма	Комната повыше.
Камои	Перемычка.
Раздвижная ширма Кара-ками	между комнатами.
Кавараке	Неглазурованная глиняная посуда.

Кая	Разновидность травы, используемая для изготовления соломенной крыши.
Кайя	Москитная сетка.
Казари-куги	Гвозди с декоративной головкой.
Кадзе-оби	Ленты, которые свисают перед каке-моно; буквально “духовой оркестр”.
Кешо-но-ма	Туалетная комната.
Кейяки	Разновидность твердого дерева.
Ко-ка	Уборная; буквально “задняя рамка”.
Коши-бари	Разновидность бумаги, используемой для изготовления дадо.
Кугури-до	Маленькая, низкая дверца в воротах.
Кура	Огнестойкий склад.
Куро-модзи-гаки	Разновидность декоративного забора.
Ма-башира	Средняя стойка.
Мадо	Окно Мадо.
Ма-гаки	Забор из бамбука.
Магари-гане	Железный квадрат плотника.
Маки-моно	Картины, которые хранятся свернутыми, а не развешанными.
Маки-моно-дана	Полка для макияжа-моно.
Макура	подушка.
Мики-доккури	Бутылка для подношения вина богам.
Моти	Разновидность хлеба из клейкого риса.
Пн	Значок, или герб.
Mune	Гребень крыши.
Нака-цубо	Среднее пространство.
Нан-до.	Кладовая. Кладовая.
Neda-maruta	Поперечные балки для поддержки пола.
Недзуми-башира	Поперечная балка в конце здания; буквально “крысиный столб”.
Никай-бари	Горизонтальная балка для поддержки этажа второго этажа.
Норен	Занавес. Подвесная ширма.
Нуки	Палка, продетая через отверстия для скрепления вертикальных столбов.
Нури-йен	Веранда, незащищенная амадо.
Очи-йен	Низкая платформа.
Оши-ирэ	Шкаф; буквально “задвигать, засовывать”.
Отоси-какэ	Подвесная перегородка.

Рамма	Открыла декоративную работу над ширмами, которые образуют перегородки в доме.
Ро	Очаг в полу.
Ро-ка	коридор. Крытый проход.

Саке	Ферментированный ликер, сваренный из риса.
Самисэн	Гитара с тремя струнами.
Самисэн-цуги	Своеобразный засов для соединения древесины.
Самураи	Военного сословия имели привилегию носить два меча.
Саши-моно-я	Столяр-краснодеревщик.
Сецу-в	Тайной; буквально “снежная шкура”.
Сяку	Деревянная табличка, которую раньше носили дворяне в присутствии императора.
Сяку	Мера в десять дюймов. Японский фут.
Сичирин	Жаровня для приготовления пищи.
Шикии	Нижняя рифленая балка, в которую вставляется дверь или ширмы.
Шин-то	Примитивная религия Японии.
Шита-нури	Первый слой штукатурки.
Шодзи	Наружная дверная рама, обтянутая тонкой бумагой.
Содэ-гаки	Небольшая декоративная изгородь, примыкающая к дому.
Сударе	Навес из расщепленного бамбука или тростника.
Суги	кедр.
Суми-саши	Кисточка для разметки, сделанная из дерева.
Суми-цубо	Чернильница, используемая плотниками вместо меловой линейки.
Солнце	Одна десятая японского фута.
Суноко	Платформа из бамбука.
Табако-бон	Ящик или поднос, в котором хранятся принадлежности для костра и курения.
Тамари-но-ма	Прихожая.
Tansu	Бюро Тансу.
Таруки	Стропила крыши.
Татами	Коврик на полу.
Тен-дзе	потолок.
Те-секу	Ручной светильник.
То-букуро	Шкаф, в котором убраны наружные двери.
Токкури	Бутылка.
Токо	Этаж токономы.
Токо-башира	Столб, разделяющий два отсека или ниши в гостиной.

Токонома	Отсек или ниша, куда вешается картина.
Тори-и	Портал или сооружение из камня или дерева, возведенное перед храмом Шин-то.
Цубо	Площадью шесть квадратных футов.
Цуги-но-ма	Вторая комната.
Цуй-тейт	Ширма из одного листа, вставленного в рамку.
Цумэ-се.	Комната ожидания для прислуги.

Усукасуми-дана	Название полки; буквально “полка из тонкого тумана”,
Ува-нури	Последний слой штукатурки.

Ватар	Отрывок; буквально “переходить”.
Яне	Крыша.
Яне-сита	Балки для крыши.
Яшики	Участок земли, на котором стоит дом. Ограждение для резиденции даймио.
Эдо-гавара	Плитка Эдо.
Иена	Монета; равна одному доллару.
Иен-гава	Веранда.
Иен-рийо	заповедник.
Йен-засики	В конце гостиной.
Йо-ба	Уборная; буквально “место для бизнеса”.
Йоши	Разновидность тростника.
Йоши-до	Ширма, сделанная из йоши.
Ю-доно	Ванная комната.
Юка-шита	Балки, поддерживающие первый этаж.

Сноски

1.

Труды Азиатского общества Японии, том v., часть i. стр. 207.

2.

Здесь уместно отметить, что большую часть хороших и достоверных материалов о Японии можно найти в трудах Английского и немецкого азиатских обществ, издаваемых в Иокогаме; также на страницах японской “Мейл”, в ныне исчезнувшей токийской “Таймс” и в превосходнейшем, но ныне несуществующем журнале под названием “Хризантема”, тираж которого, испорченный богословским соком в его тканях, в конце концов полностью прекратил свое существование под мертвым грузом догматических листков.

Среди многих ценных статей, опубликованных в "Трудах Азиатского общества Японии", есть статья эсквайра Томаса Р. Х. Макклатчи "Феодалные особняки Эдо", том vii. часть iii. стр. 157, в которой приводится много важных фактов, касающихся класса зданий, который быстро исчезает и на который в настоящей работе был сделан лишь малейший намек. Читателя также отсылают к статье в той же публикации Джорджа Коули, эсквайра, озаглавленной "Некоторые замечания о конструкциях из кирпича и дерева и их относительной пригодности для Японии", том vi. часть ii. стр. 291; а также к статье Р. Х. Брантона, эсквайра, "Конструктивное искусство в Японии", том ii. стр. 64; том iii. часть ii. стр. 20.

Профессор Хаксли сказал в одной из своих лекций, что если бы все книги в мире были уничтожены, за исключением "Философских трудов", "можно с уверенностью сказать, что основы физической науки остались бы непоколебимыми и что огромный интеллектуальный прогресс последних двух столетий был бы в значительной степени, хотя и неполно, зарегистрирован". Подобным образом можно было бы почти сказать о японской "Почте", что если бы все книги, написанные иностранцами о Японии, были уничтожены, а сохранились только файлы японской "Почты", мы обладали бы практически всеми ценностями, которые были зарегистрированы иностранцами об этой стране. Этот журнал не только включает научные труды своего редактора, капитана Ф. Бринкли, а также огромную массу материалов от своих корреспондентов, но также опубликовал Труды Азиатского общества Японии заранее, чем публикации самого Общества.

3.

Еще один английский писатель говорит: "Неприятно жить в уродливых стенах; еще неприятнее жить в неустойчивых стенах; но быть вынужденным жить в многоквартирном доме, который одновременно и неустойчив, и уродлив, неприятно в десятикратной степени". Он считает, что настало время разработать законодательство для исправления этого зла, и говорит: "Раньше говорили, что дом англичанина - это его крепость; но в руках спекулирующего строителя и торговца рекламой мы можем быть благодарны, что он не часто становится его могилой".

4.

На рис. 12 изображен каркас обычного двухэтажного дома. Он скопирован с рисунка японского плотника, любезно предоставленного автору мистером Фукудзавой из Токио, с соответствующими исправлениями перспективы. Различные детали обозначены буквами, а размеры указаны в японских футах и дюймах. Японская ножка с точностью до доли дюйма такая же, как у нас, и разделена на десять частей, называемых *солнца*. В качестве каркаса обычно используется кедр или сосна. Угловые столбы, а также другие большие вертикальные столбы, называемые *хашира* (*H*), имеют квадратную форму и толщину в пять *солнц*; они зазубрены в пластину, на которую опираются. Эта тарелка называется *до-дай* (*D*); ее делают из кедра, а иногда и из каштана. *До-дай* имеет форму квадрата шести *солнц* и опирается непосредственно на ряд камней, которые называются *до-дай-иши* (*D, 1*). Между *хашира* расположены стойки поменьше, называемые *ма-башира* (*M*) (*хашира* заменено на *башира* для благозвучия); это два квадрата *солнца*. Через них проходят поперечины, называемые *нуки*; они имеют ширину в четыре *солнца* и толщину в одно *солнце*. К ним крепятся бамбуковые рейки, заменяющие планки. Горизонтальная балка, поддерживающая пол второго этажа, называется *никаибари* (*Hu*); она сделана из сосны толщиной по вертикали в один фут два *солнца* и шириной в шесть десятых *солнца*. Стропила крыши, называемые *яне-сита* (*Ya*), в этом каркасе имеют девять футов в длину, три *солнца* в ширину и восемь десятых *солнца* в толщину. Поперечные балки (*T*), исходящие от верхней пластины,

из которой опираются пружинные стойки для поддержки конькового столба, называются *таруки*. Первый этаж поддерживается столбами, которые опираются на камни, вмурованные в землю, а также балкой, называемой *юка-сита (Ю)*; она прикреплена к вертикальным балкам на высоте полутора или двух футов над *до-дай*. Балки верхнего этажа сделаны из сосны площадью в два квадратных дюйма; доски для настила имеют толщину в шесть десятых *солнца* и ширину в один фут. Балки нижнего этажа, называемые *неда-марута (Не)*, представляют собой грубые круглые палки диаметром в три *солнца*, обтесанные с противоположных сторон. Поверх них кладут сосновые доски толщиной в шесть десятых *солнца*.

5.

Прилагаемые эскизы проиллюстрируют различные этапы возведения потолка.

6.

Генерал Фрэнсис А. Уокер в своих Лекциях Лоуэлла о переписи населения Соединенных Штатов за 1880 год показывает, что плотники составляют самую многочисленную группу ремесленников, работающих для удовлетворения местных потребностей. Он показывает, что рост этого органа от десятилетия к десятилетию намного отстает от того, каким он должен был бы быть, если бы увеличивалось соотношение населения; и хотя этот факт может вызвать удивление, он показывает, что это связано с огромным увеличением количества материалов, изготавливаемых машинами, таких как двери, створки, жалюзи и т.д.; другими словами, с изготовлением тех деталей, которые в прежние времена обучали человека тонкой работе и точному столярному делу.

7.

Несомненно, что в Англии подмастерья отбывают свое время на работах более добросовестно, чем у нас; тем не менее, жалобы, которые появляются в английской прессе по поводу плохой и неряшливой работы, показывают существование аналогичного класса самозванцев, которые обманывают общественность, выдавая себя за то, кем они не являются. Сумасбродный Чарльз Рид в серии писем, адресованных “Пэлл Мэлл Газетт”, посвященных промахам строителей, следующим образом нападает на британских рабочих: “Когда меня видели в последний раз, я стоял на втором этаже того, что они называют домом, с провалом под ногами — некрашеными, не сшитыми досками; и провалом над моей головой — гнетущим, ослепляющим оштукатуренным потолком, покрытым неизбежными трещинами и пропитанным дымом от бензина, простоявшего всего три месяца”.

Что касается створчатых окон, он говорит: “Эта комната освещена тем, что можно определить как “ненаучное окно”. Здесь, в этой единой структуре, вы можете увидеть большинство интеллектуальных пороков, отличающих ненаучный ум. Научный путь — это всегда простой путь; так что здесь у вас усложнение за усложнением: одна половина окна должна подниматься, другая половина — опускаться. Создатель этого делает все возможное, чтобы бороться с законами Природы; он безумно борется с гравитацией, и поэтому он должен использовать шнуры, гири и блоки, а также строить ящики, чтобы прятать их внутри. Он отлично прячется. Его деревянные рамы перемещаются вверх и вниз по деревянным пазам, открываясь атмосферному воздействию. Каково следствие? Атмосфера становится влажной; деревянная рама заедает в деревянном ящике, а ненаучное окно заклинивает. Что, хо! Пошлите за *Проклятием семей*, британским рабочим! При разрыве одной из нитей (они всегда рвутся) пошлите за *Проклятием семей*, чтобы исправить ошибку ненаучного строителя”.

8.

Правительственное бюро под названием *Кайтакуси*, ныне, к счастью, исчезнувшее, основало в Едзо, где производились его работы, одну или две лесопилки; но работают ли они до сих пор, я не знаю.

9.

Сооружение из камня или дерева, мало чем отличающееся от голого каркаса ворот, возводимое перед святилищами и храмами.

10.

Этот набросок был сделан по фотографии, сделанной для этой работы, по предложению доктора У. С. Бигелоу, Персивалем Лоуэллом, эсквайром.

11.

Мы охарактеризовали как коньковую крышу ту часть, которая имеет усеченные концы, другими словами, форму фронтона, и которая подвергается специальной обработке. Демаркационная линия между длинной полосой соломенного покрытия собственно крыши и коньковой крышей очень четкая.

12.

Запах, который дома мы называем “японским”, исходит от деревянных ящиков, в которые упакованы японские товары.

13.

На плане (рис. 97) *P* - комната с восемью матами; *D* и *L* - комнаты с шестью матами; *S* - комната с четырьмя с половиной матами; *S*, *H*, и *St.* - комнаты с тремя матами; *S B*, и *F* - комнаты с двумя матами.

14.

Ниже приводится краткое объяснение названий комнат, приведенных на плане рис. 99: *Агари-ба* (*Агари*, “подниматься”; *ба*, “место”), Платформа или место, на которое можно встать, выходя из Ванны. *Ча-докоро*, Чайное место; *Гэ-дан*, нижняя ступенька; *о-дан*, верхняя ступенька; *Ири-кава*, пространство между верандой и комнатой; *Ками-но-ма*, Верхнее место или комната; *Цуги-но-ма*, Следующее место или комната; *Кешо-но-ма*, гардеробная (*Кешо*, — “украшение лица пудрой”). *Нан-до*, Кладовая; *Нака-цубо*, Среднее помещение, *Оши-ирэ*, Чулан (буквально “задвигать”, “засовывать”); *Ро-ка*, Коридор, Крытый ход; *Тамари*, Прихожая; *Цумэ-се*, комната ожидания для слуг; *Юдоно*, Ванная; *Йен-засики*, гостиная в конце; *Ватари*, - “для перехода”; *Суноко*, Бамбуковая полка или платформа.

15.

Смотрите главу viii. дополнительные соображения по этому вопросу.

16.

Корреспондент “Пэлл Мэлл Газетт”, протестуя против попытки навязать европейскую одежду тем людям, которые привыкли ходить без нее, говорит: “Во многих частях Индии существует глубокое подозрение в нерелигиозности одежды. Факира огорчает даже обычная одежда, на которой скромно настаивает правительство, и полностью одетый факир был бы обнаружен. Покойный священник Брахмо Чесуб Чандер Сен выразил убеждение, что Индия никогда не примет Христа в шляпе и сапогах. Миссионер должен помнить, что нравственность в одежде зависит от климата, и что если на Северо-Западе определенная степень прикрытия тела постепенно стала ассоциироваться с нравственностью и благочестием, то традиции

тропических стран, возможно, в равной степени связывали изысканную одежду скорее с чувственностью Соломона в его славе, чем с чистотой лилии, одетой Природой”.

17.

Рейн говорит: “Чистоплотность японца - одно из его самых похвальных качеств. Это видно по его телу, по его дому, по его мастерской, и не в меньшей степени по большой тщательности и образцовой точности, с которой он ухаживает за своими полями”.

18.

Из названия *токонома*, что означает “место для постели”, буквально “подстилка на полу”, предполагается, что в древние времена кровать была застелена или помещена в это углубление.

19.

В этой связи может быть интересно упомянуть различные названия, применяемые японцами к уборной, с вольным переводом того же самого, который дал мне г-н А. С. Михара: *Сэцу-ин*, “снежная шкура”; *Чодзу-ба*, “место для мытья рук” (*чодзу-бачи*, удобное место для мытья рук, всегда находящееся рядом с уборной); *бендзе* и *Йо-ба*, “место для бизнеса”; *Ко-ка*, “задняя рама”. *Хабакари* - очень распространенное название этого места; слово *Йен-рийо*, хотя и не применяется к этому месту, имеет то же значение, оно подразумевает сдержанность.

Эти слова с их значениями, безусловно, указывают на большую степень утонченности и деликатности в терминах, применяемых к уборной.

20.

Веранда обычной формы называется *йен*, или *йен-гава*. В Кишиу это называется просто *иен*, в то время как в Токио это называется *иен-гава*. Низкая платформа называется *очи-иен*; платформа, которую можно поднимать или опускать, называется *возрастной иен*. Когда платформа не имеет канавки для дождевых люков на внешнем краю, это называется *нури-йен*, что означает “мокрый”, поскольку дождь в данном случае проникает внутрь и смачивает веранду. Небольшая платформа из бамбука, которую можно использовать как полку для растений, называется *суноко*.

21.

Сооружение, похожее на ворота, которое можно увидеть перед всеми святынями и храмами.

22.

Эта легенда взята из произведения под названием “Тикусан Тейзоден”.

23.

Профессор Аткинсон, в Журнале Азиатского общества, том vi, часть i.; доктор Гиртс, там же, том vii. часть iii.

Доктор О. Коршельт внес чрезвычайно ценный вклад в Азиатское общество Японии в области водоснабжения Токио. С помощью японских студентов он провел множество анализов колодезной воды и воды из городского водоснабжения и показал, что, вопреки выводам профессора Аткинсона, колодцы на возвышенностях в целом намного чище, чем колодцы на низинах. Доктор Коршельт также обращает внимание на большое количество артезианских колодцев, вырытых в Токио с помощью бамбуковых труб, вбитых в землю. Обычная форма колодца опускается обычным способом на тридцать-сорок футов, а затем на дно опускаются бамбуковые трубки на большую глубину, от ста до двухсот футов и более. Он говорит о том, что некоторые из этих колодцев в Токио и пригородах переполнены. Недалеко

от Токио Дайгаку есть один колодец, который выходит из берегов; и это очень примечательное зрелище - видеть, как вода переливается через высокий бортик колодца и заливает землю поблизости. Он показывает, что чистую воду можно получить в большинстве районов Токио с помощью артезианских скважин; и к этому источнику водоснабжения город, в конечном счете, должен стремиться.

За дальнейшими подробностями по этому вопросу читателя отсылают к ценной статье доктора Коршельта в "Трудах Азиатского общества Японии", том xii. часть iii., стр. 143.

24.

Пирс-глаас, к счастью, неизвестен в Японии; маленький диск из полированного металла представляет собой зеркало, и его благоразумно хранят в шкатулке до тех пор, пока оно не понадобится!

25.

Труды Азиатского общества Японии, том i, стр. 20.

26.

Благодаря разумной государственной службе Англии ученые и дипломаты назначаются на эти должности на Востоке; и как естественный результат, все почести — политические, коммерческие и литературные — были, за немногими исключениями, завоеваны англичанами.

27.

Труды Азиатского общества Японии, том ix. часть ii. стр. 191.

28.

Там же, том x, Дополнение.

29.

Там же, том iii. часть ii. стр. 131.

30.

В Анаме я заметил, что спальни были обозначены подвесными матерчатыми перегородками, а также перегородками из циновки.

31.

Труды Азиатского общества Японии, том vi. часть i. стр. 109.

32.

Сатоу дает совершенно иную интерпретацию этого отрывка.

33.

Переводы Азиатского общества Японии, том ii. стр. 119.

34.

Труды Азиатского общества Японии, том iii. часть ii.

35.

В переводе мистера Астона это слово напечатано как "сердце", но, очевидно, это опечатка.

36.

Прискорбно размышлять о том, сколько чудовищных проектов было создано под общим названием готики, которые ни по духу, ни по букве не соответствуют характеру

средневекового искусства. В Лондоне эти необычайные проявления необразованного вкуса обычно проявляются в виде домов собраний, мюзик-холлов и подобных популярных курортных мест. Эффектные по своему общему эффекту и обычно перегруженные вычурным орнаментом, они, скорее всего, произведут впечатление на неосведомленное суждение, неспособное отличить то, что мистер Рескин назвал “Жертвенным светильником” — одним из великолепий древнего искусства, — от жажды изобилия, которая является проклятием современного дизайна.—*Советы Истлейка о вкусе в быту*, стр. 21.

37.

Заметки о посещении Хатидзе в 1878 году. Ф. В. Дикинс и Эрнест Сатоу. Труды Азиатского общества Японии, том vi. часть iii. стр. 435.

38.

Том iv. стр. 68.
